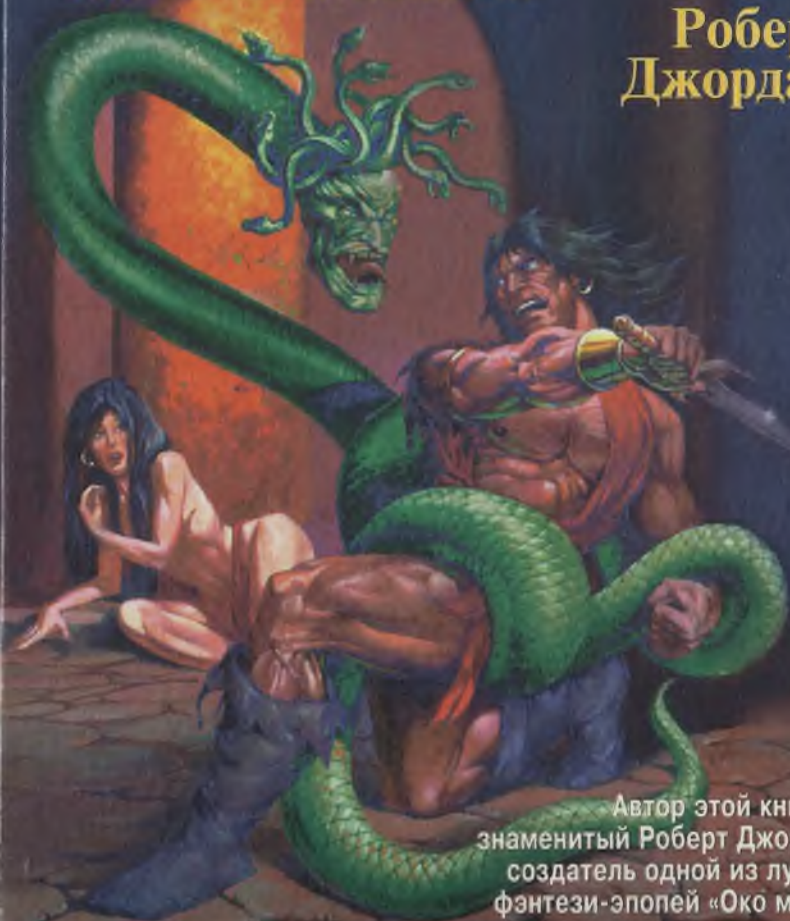

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА

Роберт
Джордан

Автор этой книги —
знаменитый Роберт Джордан,
создатель одной из лучших
фэнтези-эпопей «Око мира».

**Когда гремит оружие,
законы молчат.**

Цицерон

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА

Роберт
Джордан

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Д 42

Robert Jordan

Conan the Victorious. Copyright © 1984 by Conan Properties, Inc.
Conan the Defender. Copyright © 1982 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОНА

Джордан Р.
Д 42 Тень Властелина: Романы / Пер. с англ. — СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 512 с.
ISBN 5-7684-0108-3

В книгу вошли два лучших романа Роберта Джордана «Ловушка для демона» и «Тень Властелина», повествующих о невероятных приключениях могучего киммерийца.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0108-3

Пролог

Ночь в Вендии была необычно тихой, а воздух тяжелым и гнетущим. Даже легкий ветерок не освежал столицу Айдохья в ту ночь. Луна висела в небе, как громадный чудовищный желтый череп, и все те, кто решил взглянуть на нее, содрогались от ужаса и желали только одного — чтобы хоть одно облачко поскорее закрыло этот кошмар. В городе ходили слухи, будто подобная ночь, особенно ночь полнолуния, всегда является черным предзнаменованием чумы или войны, и в любом случае, несомненно, смерти.

Человек, который называл себя Найпал, не обращал внимания на подобные глупые разговоры. Наблюдая с высокого балкона большого дворца с алебастровыми шпилями и позолоченными куполами (дворец принадлежал ему, как царский подарок), он знал, что огромный диск луны не был ни дурным, ни добрым предзнаменованием, что бы ни болтали об этом глупые людишки. Звезды, вот что говорило в эту ночь о грядущих событиях и судьбах. Конфигурации звезд, остававшиеся темными в течение долгих месяцев, наконец стали ясными в эту ночь. Найпал коснулся своими длинными цепкими пальцами узкого золотого сундучка, который стоял перед ним. «Сегодня ночью, — подумал Найпал, — я соприкоснусь лицом к лицу со страшной опасностью, это будет момент, когда все мои планы могут превратиться в пыль. И все-таки не бывает победы без риска, и чем выше цель, тем более велика и опасность».

Найпал... Это имя не было его настоящим именем, так как в стране, славящейся своими интригами, те, кто шел по его стопам, были более скрытными, чем

кто бы то ни был. Он был слишком высок для вендийца, а люди этой страны считались высокими среди других народов, населяющих Восток. Рост этот особенно выделял Найпала и подчеркивал его значительность, которую он нарочно принижал, надевая халат мрачного цвета, вроде того темно-серого халата, который был на нем в эту минуту, в отличие от шелков цвета радуги или цветного сатина, которые предпочитали мужчины Вендии. Цвет тюрбана был цветом угля, головной убор был также скромен, не будучи украшен ни драгоценными камнями, ни плюмажем, подчеркивающим богатство и знатность владельца. Лицо Найпала было по-своему и страшным и красивым, одинаково спокойным и невозмутимым. Казалось, душа этого человека постоянно пребывала далеко от всех потрясений, горя, катастроф. Выпуклые, большие черные глаза говорили одновременно о мудрости и страсти. Однако он очень редко позволял людям видеть себя, поскольку таинственность всегда скрывает за собой власть и могущество, хотя многие знали, что тот, кто называет себя Найпалом, является придворным магом и чародеем при дворе царя Бандаркара, повелителя Вендии. Этот Найпал, как поговаривали в Айдохье, был большим мудрецом, и не только из-за своей долгой и преданной службы царю, начиная с того дня, когда бывший придворный маг странно исчез, но также и из-за того, что практически был лишен жажды власти и амбиций. В столице, где, как и везде в Вендии, каждый мужчина и женщина горели жаждой интриги и власти, отсутствие этих качеств было поистине ценным качеством, хотя и несколько странным. Но, с другой стороны, Найпал делал множество странных вещей. Было известно, например, что он раздавал большие суммы денег бедным, бродягам, бездомным детям. Этот факт служил предметом для пересудов и шуток придворных царя Бандаркара, втайне все они думали, что Найпал делал это, чтобы прикинуться добрым человеком. Но в действительности всякий раз, бросая бедным монетку, Найпал вспоминал, что сам вышел из этих улиц, вспоминал ночи, прове-

денные у деревьев и под мостами, когда он был слишком голоден, даже чтобы заснуть. Но открыть эту правду — значит показать собственную слабость, поэтому чародей предпочитал выслушивать циничные слухи и сплетни о своих поступках, так как самому себе он не позволял никакой слабости.

Еще раз взглянув на небо, Найпал ушел с балкона, крепко сжимая в руках узкий сундучок. Позолоченные светильники, искусно сделанные в виде птиц и цветов, освещали коридоры с высокими потолками. Мастерски сделанные вазы из фарфора и хрупкого хрусталя стояли на столиках из полированного черного дерева, украшенные резьбой слоновой кости. Толстые, мягкие, пушистые ковры покрывали полы дворца, красота, материя и краски делали их бесценными сокровищами, а любой гобелен, висящий на алебастровых стенах, мог быть обменян на дочь царя. На людях Найпал делал все, что мог, чтобы быть незаметным, но у себя дома он расслаблялся и погружался во все мыслимые и немыслимые удовольствия. Однако в эту долгожданную ночь его взор не коснулся даже бегло орнаментов дворца. Колдун не приказал слугам принести изысканного вина, позвать музыкантов или женщин. Найпал спустился все глубже в подвалы дворца и еще глубже, где были камеры, чьи стены мерцали таинственным голубым, как у жемчужин, светом. Эти камеры были созданы магией. Немногим из слуг было позволено появляться в этих глубоких подземных комнатах, а те, кто все же попадал туда, не могли рассказать о том, что они там делали и что видели, по той простой причине, что лишались языка. Никто во всей Вендии не знал о существовании этих камер. Большинство слуг колдуна не бывали там и поэтому сумели сохранить свои языки и из страха и самосохранения даже не смотрели в ту сторону. Когда же они заговаривали об этом, их голоса понижались до тихого шепота. Обычно так рассказывают, лежа в постелях, страшные истории.

Коридор, уходивший резко вниз, расширился, и перед глазами мага открылась большая квадратная

комната, примерно тридцать шагов в длину. Стены комнаты сияли мерцающим голубоватым светом, создавалось впечатление, что стены пробиты одним чудовищным ударом, так как не было никакого намека на швы или кладку. В середине камеры возвышался острокопечный у вершины купол, высотой в рост стоящего мужчины. Под куполом, в самом его центре, проходила сводчатая паутина из чистого серебра, почти невидимая у пола и занимающая большую часть комнаты. Серебряная нить была искусной работы, и от нее, так же как и от стен, исходило голубое мерцание, словно от падающих при свете луны снежинок. В девяти симметрично расположенных точках стояли треножники из золота с искусной резьбой и орнаментом. Каждый треножник был не выше колена Найпала и располагался так, что ножки как бы продолжали узор серебряной паутины. Воздух казался тяжелым от дьявольских сил и колдовства, царивших здесь, и чудилось, будто само зло висело в воздухе. Одна шестая часть одной из стен, была отделена толстой железной решеткой, с закрытой на засов дверь, сделанной из толстого железа. Рядом с решеткой и странным куполом стоял маленький стол из полированного красного дерева. На столе лежали все необходимые для сегодняшней ночи предметы. Они покоились на куске черного бархата, подобно драгоценностям, выставленным на продажу ювелиром. Однако самое почетное место на столе занимал маленький, искусной работы, длинный сундучок из черного дерева.

Положив позолоченный сундучок на шелковую подушку, перед которой стоял еще один золотой треножник, Найпал вернулся к столу. Рука чародея потянулась было к черному сундучку, но, поддаваясь внезапному импульсу, он взял в руки оправленное в рамку из слоновой кости зеркало. Найпал осторожно развернул тонкие, как паутина, шелковые ткани, в которые зеркало было завернуто. Они были мягче на ощупь, чем самая тонкая ночная рубашка. Наконец последний кусок материи был снят, и в руках мага оказалось хорошо отполированное серебряное зеркало... не пока-

зывающее на своей блестящей поверхности никакого отражения. Даже сама комната не отражалась в зеркале. Колдун кивнул головой. Он и не ожидал другого, но знал, что не должен позволять самоуверенности взять верх над необходимыми мерами предосторожности. Это зеркало было необычным не только из-за своих странных оптических свойств. Его можно было использовать для передачи донесений другому человеку на расстояние или следить за кем-то. Серебряная поверхность зеркала не показывала ни одного изображения, за исключением только тех, кто хотел или мог нарушить планы чародея. Однажды, вскоре после того, как Найпал стал придворным магом у царя Вендии, Маунит Имша, глава страшных *черных провидцев*, появился в зеркале. Найпал знал, что это было только любопытство могучего колдуна, не больше. Провидцы не чувствовали в Найпале большой для себя опасности. Глупцы. Тем хуже для них. Через день изображение исчезло, и никогда с тех пор ничто не появлялось в зеркале. Даже на секунду. Таково было совершенство его колдовства.

Удовлетворенный, Найпал снова покрыл зеркало куском материи и открыл сундук из черного дерева. Внутри лежало то, что только увеличило чувство удовлетворения. В полированном футляре из сандалового дерева находились десять камней, овальных, гладких и таких глубоких по цвету, что даже само черное дерево казалось менее темным по сравнению с ними. Девять камней были величиной с большой палец мужчины, а последний камень был раза в два больше остальных. Это были *корасани*. В течение многих веков люди гибли в безуспешных попытках найти их, пока, наконец, даже само их существование не стало легендой, сказками для детей. Десять лет потребовалось Найпалу, чтобы отыскать их, и это были поиски, насыщенные испытаниями и приключениями, которых хватило бы на десяток эпических сказаний, если бы они стали известны людям.

Наипал осторожно положил девять *корасани* меньшего размера на каждый из золотых треножников,

окружавших загадочный узор на полу. Десятый, самый крупный камень, маг поставил на треножник перед подушкой. Все было готово. Найпал сел, скрестив ноги, на подушку и начал нараспев читать заклинания, вызывая невидимые силы:

— *Э'лас злой-хим! Марааф савиндэй! Кора мар! Кора мар!*

Снова и снова он повторял слова заклинания, пока камень, лежавший перед ним в треножнике, не замерцал, как будто внутри него загорелось пламя. От камня не исходило никакого физически ощущаемого света, но он, казалось, был раскален, как в пламени костра. Внезапно с резким шипением, будто горячий металл был опущен в воду, узкие пучки пламени сорвались с яркого, «пылающего» камня, и каждый из этих пучков метнулся к одному из девяти кора-сани, окружающих серебряный узор. Так же внезапно, как и появились, пучки пламени угасли, теперь уже все десять камней пылали тем же яростным огнем. Снова раздался шипящий звук, и горящие камни были окружены полосками огня, в то время, как с каждого треножника сорвалась яркая лента, поднялась вверх и опустилась вниз. Внутри этой огненной клетки не было ни пола, ни купола, а только пятно темноты, уходящей в бесконечность.

Найпал замолчал, изучая результаты своих усилий, и вдруг закричал:

— *Масрок*, я вызываю тебя!

Внезапно в камере загудел ветер, словно все ветры мира сорвались с какой-то привязи. Громовые раскаты потрясли камеру, и внутри огромной клетки появилось чудовище, повисшее между куполом и полом. Это была какая-то жуткая восьмирукая тень, ростом в два раза больше самого высокого человека. Ее кожа была как отполированный обсидиан; единственной одеждой служило серебряное ожерелье, с которого свисали три человеческих черепа; тело было гладким, блестящим и бесполом. Две руки чудовища держали копья, униженные, в виде украшения, человеческими черепами, еще

две держали серебряные мечи, с которых лился странный дьявольский свет. Третья пара рук сжимала острые тонкие кинжалы, а четвертая также потрясала длинными копьями. От клинков, наконечников и лезвий исходил неестественный, потусторонний свет. Большие острые уши чудовища дергались на безволосой голове, а остро-раскосые красные глаза, казалось, пронзали своим светом Найпала. Очень осторожно создание коснулось одним из своих серебряных копий огненной клетки. Тысячи огненных вспышек гневно загудели, как разъяренные пчелы, и молнии пробежали по краям клетки, остановившись только тогда, когда демон отвел копы от прутьев.

— Почему ты все еще пытаешься спастись, Масрок? — требовательно спросил Найпал. — Ты не сможешь так легко нарушить нашу сделку. Только безжизненная материя может пересечь границы этой клетки, и даже ты не сможешь открыть ее изнутри. Что тебе, впрочем, хорошо известно.

— Если ты сделаешь глупую ошибку, о Человек, тогда уже не будет нужды в сделках. — Громовые слова прозвучали сквозь плотно сжатые зубы-клыки, которые, казалось, были созданы для того, чтобы разрывать плоть. Самоуверенность слышалась в голосе чудовища. — И все же я буду держаться нашей сделки.

— Вне всякого сомнения. Ты будешь это делать. Ты должен это делать, хотя бы из чувства благодарности. Разве я не освободил тебя из тюрьмы, в которой ты находился в течение столетий?

— Свобода, о Человек? Я оставляю эту тюрьму только тогда, когда ты вызываешь меня, и здесь я сижу в клетке, пока ты не отправляешь меня снова в ту же самую тюрьму. За это и за твои обещания я должен служить тебе? Я послал демонов унести прочь твоего бывшего господина, чтобы ты смог возвыситься и обрести жалкую власть придворного мага. Я закрывал глаза Черным Провидцам *имини*, чтобы они не обрушили свой гнев на твою голову. Я делаю то, что ты

требуешь от меня, о Человек, и ты еще осмеливаешься говорить мне о свободе?

— Продолжай повиноваться мне, — сказал холодно Найпал, — и ты получишь свою свободу окончательно. Откажешься...

Он открыл позолоченный сундучок и выхватил лежащий внутри серебряный кинжал, являющий собой близнеца тех кинжалов, которые были в руках у демона, даже сияние клинка было таким же. Чародей замахнулся им на демона.

— Когда мы заключали сделку, я потребовал от тебя в знак того, что она заключена, вот это. И ты дал мне это оружие, которое опасно даже легким прикосновением к человеческой плоти. Неужели ты думаешь, что с оружием демона в руках я не захочу узнать его секретов? Ты презираешь человеческие знания, Масрок, хотя тот, кто приковал тебя к твоей вечной тюрьме, тоже был человеком. Из старинных колдовских книг я вычитал упоминание об оружии, сотворенном демонами, об оружии из сверкающего серебра, которое не может промахнуться и поражает насмерть всех, в кого оно направлено. Даже демонов, Масрок! Даже тебя!

— Тогда порази меня им! — зарычало чудовище. — Я шел на бой вместе с богами и против богов, в то время когда человек только и мог, что залезть под камень, перевернуть его и съесть спящих там улиток. Бей же меня кинжалом!

Криво улынувшись, Найпал снова положил кинжал в сундучок.

— Ты мне не нужен мертвым, Масрок. Я просто хочу, чтобы ты знал: есть вещи и похуже того, что я могу сделать с тобой, кроме того, как просто оставить тебя в тюрьме. Даже для демона время в тюрьме лучше, чем смерть.

Рубиновые глаза чудовища с ненавистью уставились на колдуна.

— Что ты хочешь от меня на этот раз, о Человек? Есть пределы моим возможностям, пока я огражден твоей магией.

— Снять эти барьеры я не могу. — Найпал глубоко вздохнул; момент величайшей опасности был уже совсем рядом. — Ты был заключен навеки охранять гробницу царя Ориссы под затерянным городом *Махарастра*.

— Ты уже спрашивал меня об этом, о Человек, и я отвечу тебе опять — я не открою местоположения города. Я не предаю своего дела, даже если буду оставаться в тюрьме навеки.

— Я прекрасно знаю пределы твоей помощи мне. Слушай же мой приказ. Ты вернешься в свою гробницу, Масрок, и принесешь мне одного из воинов, погребенных с царем Ориссой. Принеси мне одного человека из его армии, охраняющей его покой.

На мгновение Найпал подумал, что демон согласится без всякого протеста, но ошибся. Масрок внезапно вскрикнул и закрутился волчком. Он крутился все быстрее, пока перед взором колдуна не появилось черное пятно, пронизанное блестками серебра. Это пятно не касалось прутьев клетки, оно жужжало, и молнии слетали с его огненных кромок. Комната вибрировала с пронизывающим тело визгом, и голубовато-белое сияние наполнило воздух. Спокойствие не покинуло Найпала, его лицо осталось невозмутимым, хотя пот градом стекал со лба. Маг хорошо знал, какие силы сдерживались этим барьером и какие силы он должен был употребить, чтобы заставить чудовище кричать и беситься. На мгновение огненная клетка была на грани того, чтобы разлететься на кусочки, и Масрок почти вырвался на свободу. Если бы это произошло, колдун умер бы в самых страшных мучениях, но еще большим мучением было бы для него крушение всех грандиозных планов. Так же внезапно, как и началось, буйство огня утихло. Масрок стоял неподвижно, как будто и впрямь был высечен из обсидиана; рубиново-красные глаза монстра пылали гневом.

— Ты просишь, чтобы я совершил предательство!

— Очень маленькое предательство, — сказал невозмутимо Найпал, собрав, однако, всю свою волю, чтобы сохранять спокойствие. — Мне не нужно знать

расположение гробницы. Только один-единственный воин из многих тысяч!

— Вырваться из пут после двух тысячелетий оков — это одно, но предать то, что я был обязан охранять, — это совсем другое!

— Я предлагаю взамен этого свободу, Масрок.

— Свобода, — было все, что сказал демон.

Найпал кивнул.

— Свобода после двух тысяч лет заключения.

— Две тысячи лет, о Человек? Вся человеческая жизнь — не более чем секунда мысли для меня. Что такое время для меня?

— Две тысячи лет, — повторил колдун.

В течение долгого времени демон и человек молчали.

— Гробницу охраняют еще три таких же демона, как и я, — произнес медленно Масрок. — Такие же, как я, мои двойники. Мы все были созданы из кружащегося куска Хаоса в момент, когда само Время было только что создано богами. Три таких же демона, как я. Это потребует времени, о Человек.

Найпал едва сумел скрыть свое возбуждение.

— Сделай это как можно скорее. И помни, что когда твоя служба будет закончена, ты получишь свою свободу. А теперь ступай, Масрок. Я приказываю тебе!

Еще раз раскаты грома сотрясли комнату, и огненная клетка опустела. Найпал вытер дрожащей рукой пот со лба, быстро смахнул соленые капли на халат, как бы отрицая их существование. Дело было закончено. Еще одна нить вплетена в ковер с необыкновенно сложным узором. Таких нитей было множество, возможно тысячи, многие из них были сделаны людьми, не имевшими ни малейшего понятия, что они сделали и для чего, но узор был в конце концов сплетен...

Легкая улыбка появилась на лице чародея. Когда узор будет окончательно сплетен, весь мир склонится перед Вендией и, сам того не осознавая, мир склонится перед ним, Найпалом.

Глава 1

На расстоянии город казался сделанным из драгоценных камней, слоновой кости и золота на фоне сапфирового моря, вполне оправдывая свое гордое имя — «Золотая Царица Вилайета». Однако более близкое знакомство с городом объясняло также, почему люди дали Султанапуру другое, менее изящное название — «Позолоченная Шлюха Вилайета». Защищенный широким и большим молом и волнорезами, залив был переполнен кораблями, которые давали Султанапуру все права называть себя Царицей, но на каждое торговое судно, нагруженное до самых краев шелками из Кхитая, на каждую галеру, которая везла пряную корицу, перец и ваниль из Вендии, приходился один, а то и два корабля из Корафа или Хоарезма, насквозь пропахших отчаянием и потом, и знакомым страшным клеймом работорговца.

Золотые купола-луковицы поднимались вверх над дворцами из бледного мрамора, алебастровые шпили, казалось, пронзали собой небесно-голубую высь, но улицы были кривыми и грязными, забитыми разношерстным сбродом, даже в самых богатых кварталах, так как Султанапур рос во все стороны, быстро и без всякого плана. Городу было много столетий, сколько?.. Этого никто не мог сказать... Не один раз уже за свою долгую историю город погибал, его золотые дворцы и гордые храмы давно уже забытых богов разрушались и рассыпались в прах и пыль. Однако с каждой новой смертью новые дворцы и новые храмы, посвященные новым богам, вырастали, как грибы после дождя, на руинах старых храмов, и точно так же, как грибы, они теснились вместе, так плотно, как только могли, оставляя лишь кривые узкие проходы между улицами. Город был пыльным, поскольку в этих краях дождь выпадал только раз в год, и это тоже имело свой отличительный запах. Без дождя, который мог бы омыть улицы, тяжелый запах годами висел в горячем, душном воздухе, какая-то странная

смесь из специй, пота, духов и навоза. Тысячи запахов сливались вместе, и уже невозможно было отличить один аромат от другого.

Запахи смешивались в жуткие миазмы, висевшие день и ночь над городом и ставшие такой же неотъемлемой его частью, как и любое его здание. На каждом углу в Султанапуре стояла баня; это были украшенные богатым орнаментом мраморные сооружения с бассейнами, покрытыми красивой мозаикой. В них прислуживали чернокожие рабыни и служанки, не прикрытые ничем, кроме своей блестящей кожи. Были бани и победнее, обычные деревянные дома, стоявшие позади таверн, где служанки могли поскрести спину клиенту за стоимость стакана дешевого вина. Но не запах, а постоянная удушающая жара сделала бани традицией. Сморщенный в гримасе нос, надушенные лицо и одежда были отличительными приметами чужеземца в Султанапуре, так как для тех, кто жил здесь, запах стал привычным и не столь уже неприятным, да у них и времени не было на то, чтобы его замечать. Здесь всегда было полно чужестранцев, так как Золотая Шлюха Вилайета привлекала людей особого сорта со всех концов мира. В прохладном, расположенном в усаженном фиговыми деревьями, отбрасывающими приятную тень, квартале можно было встретить чернокожего купца из Пунта, разговаривающего с кхитайцем с глазами миндальной формы и обсуждающего с ним качество вин из Зигнары, или бедного коринфийца, который разговаривал с увенчанным тюрбаном вендийцем о караванных путях, доставляющих слоновую кость в Иранистан. Улицы являли собой смешанный калейдоскоп разноцветных халатов и тюрбанов, из сотен городов разных стран, а на рынках и базарах можно было слышать языки и диалекты стольких стран и княжеств, что их невозможно было перечислить. В одних местах товары покупались и приобретались честно. В других товары были скушлены у пиратов, бороздящих море. Или же монеты переходили из рук в руки бандитов, грабящих караваны, либо доставались контрабандистам

с черного побережья. Но каким бы образом ни добывались товары, едва ли половина их проходила через царскую таможню Султанапура. Султанапур был царницей, гордившейся своим непостоянством царю...

Несмотря на то, что ростом он был намного выше и в плечах шире почти всех, кто проходил мимо, мускулистый молодой парень не привлекал к себе слишком большого внимания, шагая по переполненным улицам, по которым катились сотни запряженных буйволами телег, немилосердно скрипевших. «По крайней мере, они могли бы не пожалеть медяка на смазку», — подумал юноша. Почти все телеги спешили к порту.

Туника из белого полотна плотно облежала сильное тело; широкий длинный меч в простых потертых кожаных ножнах висел на поясе. Но ни меча, ни широких плеч парня явно не хватало для того, чтобы выделиться из толпы в Султанапуре. Большие мужчины, мужчины, которые ходили с мечами на поясе, всегда могли рассчитывать найти работу в городе, где никогда не было недостатка в товарах или жизнях, которые нужно было охранять.

Волосы густой черной шапкой спускались юноше на плечи; на лбу они были перехвачены тоненьким кожаным ремешком. Глаза юноши были такие же голубые, как цвет моря Вилайет, и жесткие, как агаты. И эти глаза привлекали пристальные взгляды тех немногих людей, которые обращали на парня внимание. Некоторые делали знак пальцами, чтобы отогнать дурной взгляд, когда голубоглазый гигант проходил мимо, но те, кто делал это, делал это осторожно и незаметно. Одно дело избежать проклятия этих странных голубых глаз, но рассердить их владельца было делом совсем иным, особенно когда было видно, что кожаные ленты на рукоятке меча были отшлифованы от долгого употребления, а походка и лицо показывали, что парень несколько не возражает против того,

чтобы еще раз-другой использовать свое оружие. Юноша видел тех, кто делал пальцами рожки при встрече, отгоняя злых духов, но не обращал внимания. Два месяца жизни в Султанапуре приучили его к таким людям, и он не сердился на них, а скорее игнорировал. Порой он пытался представить, что бы эти люди подумали, если бы вдруг очутились в его родных горах, в Киммерии, где глаза любого цвета, кроме серого и голубого, так же редки, как его собственные в этой южной стране — в Туране. И очень часто с тех пор, как он попал в этот город, он с грустью смотрел на голубое море Вилайет, которое дразнило своей влажностью сухой воздух, и вспоминал с тоской о пронизываемых ветрами снежных горных склонах своей родины. Он тосковал по Киммерии, но тоска его длилась не долго. До того, как судьба привела его в Туран, он был вором, однако понял, что золото, добываемое таким способом, имеет свойство растекаться между пальцами быстрее, чем вновь появляется. Он собирался когда-нибудь возвратиться в Киммерию, но с таким количеством золота, чтобы бросать его горстями, как воду. В Султанапуре он нашел старого друга и новое ремесло.

В каменной таверне, где на вывеске был грубо намаляван желтый серп луны, сидели несколько посетителей. Конан вошел внутрь, закрыв за собой тяжелую дверь, помешав уличному шуму ворваться в тихий сумрак таверны. В «Золотом Полумесяце» было прохладно, так как толстые етены таверны предохраняли так же хорошо посетителей от раскаленного солнца, как и от холода. Столы были хаотично, но на привычном расстоянии друг от друга расставлены на каменном полу, так что разговоры было бы нелегко подслушать чужому уху. Внутри царил полумрак, и не случайно, так как здесь был свой закон — тот, с кем разговаривал клиент, и о чем он говорил, было только его личным делом и ничьим иным. Посетителями таверны были, в основном, туранцы, представляющие собой довольно пестрое зрелище — от изношенной в лохмотья, когда-то белой

льняной туники, до дорогого шелка и бархата очень безвкусного желтого или ярко-красного цвета. Однако даже самые перьяшлывые на вид бродяги не имели недостатка в деньгах, ибо это подтверждалось количеством проституток, сидевших у мужчин на коленях или бродивших между столами, выставя напоказ прелести. Одежда девиц состояла из длинных полос очень тонкого, прозрачного и ярко окрашенного шелка.

Некоторые из посетителей кивали Конану или заговаривали с ним. Он знал их всех по имени — Юнио, Валаш, Эмилий, — они занимались тем же ремеслом, что и Конан. Однако киммериец просто отвечал на их приветствия, так как в этот день все эти люди его не интересовали. Конан взгляделся в полумрак таверны, выискивая одну интересующую его девушку. Он увидел ее в тот же момент, когда она увидела его.

— Конан! — взвизгнула она, и руки киммерийца тут же наполнились блестящей оливковой плотью. Узкая полоска красного шелка едва прикрывала круглые груди, и еще один кусок ткани, в два раза шире, закрывал округлые бедра. На поясе девушки был кушак из бархата с позолоченной бронзовой пряжкой. Черные волосы спускались волной на спину, прикрывая обнаженные ягодицы, а глаза были темными и матово-далекими, как дымчатое стекло.

— Я так хотела, чтобы ты пришел ко мне. Я так скучала без тебя.

— Скучала без меня? — рассмеялся Конан. — Таша, ведь с тех пор прошло всего четыре дня. Но чтобы ты больше не была одинокой...

Конан сунул руку в кожаный кошель, висевший на поясе, и вытащил чудесный голубой топаз, оправленный в филигранную оправу и висевший на изящной работы золотой цепочке. В течение нескольких минут Конан был занят поцелуями, которыми Таша осыпала его, пока киммериец застегивал цепочку с камнем у нее на шее. А поцелуй от Таши был определенно более весомым, чем ночь в объятиях

некоторых женщин. Приподняв голубой камень, который покоился сейчас между ее грудей, девушка снова с восхищением взглянула на драгоценность, а потом лукаво посмотрела на Конана сквозь густые ресницы.

— Тебе, должно быть, очень повезло с рыбной ловлей, — улыбнулась она.

Конан усмехнулся:

— Нам, рыбакам, нужно работать очень упорно, зарабатывая себе на жизнь, забрасывая невод в воду и вытаскивая его с добычей. К счастью, цена на рыбу сейчас очень высока.

Сопровождаемый взрывами смеха тех, кто слышал его слова, Конан повел Ташу к пустому столику.

Все, кто посещал «Золотой Полумесец», называли себя рыбаками, и вполне возможно, что некоторые из них изредка ловили рыбу, под настроение. Но большинство получали свой «улов» ночью, на пустынном побережье, где не было таможенников и стражников царя Илдиза, которые могли проверить, была ли на прибывающих кораблях рыба или же на берег выгружались рулоны шелка и бочки с вином. Говорили, что если все так называемые «рыбаки» действительно доставили бы рыбу на рынок, то город был бы завален до самых высоких башен свежей рыбой, а Вилайет был бы опустошен и навеки бы лишился своих подводных обитателей.

В конце комнаты Конан плюхнулся на скамью и посадил Ташу себе на колено. Девушка-служанка с масляными глазками тут же появилась рядом со столом, одетая чуть скромнее, чем девки, хотя ее одежда была из хлопка, а не из шелка. Но служанка была так же доступна, как и другие женщины, для тех, кто не мог или не хотел платить более дорогую цену за девушек из таверны. Улыбка, которой она одарила широкоплечего киммерийца, явственно говорила, что она не задумываясь заняла бы место Таши.

— Вина, — сказал Конан и наблюдал, как покачивались округлые бедра, когда служанка пошла к бочонку, чтобы нацедить кружку вина.

— Ты пришел, чтобы увидеть меня или ее? — спросила едко Таша. — Или именно поэтому ты не пришел ко мне вчера? Может, ты утешал толстобедрую служанку, а?

— Я не думаю, что ее бедра такие уж толстые, — мягко сказал Конан.

И едва успел схватить рукой за запястье Таши, прежде чем девушка успела отвесить пощечину. Таша извернулась на колене киммерийца, как бы собираясь встать, и Конан крепче сжал руку на ее поясе.

— Кто сидит сейчас у меня на колене? — спросил Конан. — По-моему, вполне понятно, кого именно я хочу.

— Возможно, — все еще надув губы, ответила девушка, но перестала вырываться.

Конан осторожно высвободил ее руку. Он знал о горячем, вспыльчивом характере Таши и раньше. Она вполне могла выцарапать глаза своими острыми ногтями. Но страстью, которой она загоралась в эти гневные вспышки, она могла наполнить и другие, более приятные минуты, и поэтому Конан любил встречаться с ней.

Служанка вернулась с глиняным кувшинчиком вина и двумя выдавшими виды, помаятыми оловянными кружками. На этот раз Таша наблюдала за тем, как она удаляется, с мрачным взором, в котором было что-то недоброе. Насколько Конан разбирался в женщинах, что бы они ни говорили, они предпочитали мужчин, которых нельзя было легко одолеть. Однако сейчас киммериец решил слегка успокоить штормовые воды.

— Послушай, — сказал он. — Мы не вернулись в Султанапур до раннего утра, так как ветер резко переменял направление. Мне потребовалось всего несколько часов, чтобы добыть эту побрякушку для тебя. Если хочешь, я могу разыскать Ордо, который подтвердит это.

— Он солжет для тебя, если захочет.

Она взяла кружку, которую Конан налил для нее, но вместо того, чтобы отпить вина, прикусила нижнюю губу и сказала:

— Он искал тебя. Ордо искал тебя, я хочу сказать. Я забыла сказать об этом раньше. Он хотел увидеть тебя немедленно. Что-то насчет большого улова «рыбы», кажется.

Конан подавил улыбку. Это была почти незамаскированная попытка, чтобы он ушел, как дурень, попавший на ее маленькую хитрость. Покидая свой корабль, одноглазый контрабандист говорил о своих намерениях встретиться тайно с женой одного купца, чей муж был в это время в *акифе*. Однако у киммерийца не было никакой нужды делиться с Ташей этой информацией.

— Ордо может подождать.

— Но...

— Ты, Таша, самая желанная, ценней всех шелков и драгоценностей. Я останусь здесь. С тобой.

Она бросила на Конана косой взгляд и вдруг с нежностью спросила:

— Ты так любишь меня? — Она прижалась к Конану гибким телом и легко укусила его в ухо, прошептала: — Мне очень нравится твой подарок, Конан. Очень.

Шум улицы снова ворвался в таверну, означая, что внутрь зашел еще один посетитель. Широко раскрыв глаза от страха и побледнев, Таша скорчилась, пытаясь использовать Конана как щит. Даже для «Золотого Полумесяца» в таверне вдруг стало необычно тихо. Слишком тихо. Киммериец посмотрел на открытую дверь. В полумраке он мог едва различить фигуру человека, очень высокого для туранца. Судя по тени, отбрасываемой вошедшим, было очевидно одно. На голове явственно поблескивал высокий, остроконечный шлем городского стражника. Человек медленно шел по затихшей таверне, поворачивая голову направо и налево, как бы выискивая глазами кого-то. Его правая рука лежала на рукоятке кривой сабли. Никто из людей, сидящих за столами, не пытался встретиться с вновь вошедшим взглядом, но он, похоже, и не интересовался ими. Это, как понял Конан, был офицер, узколицый мужчина, довольно высокий для туранца, с маленькими усиками и небольшой бородкой,

подстриженной клинышком и завощенной у острия. Пальцы офицера перестали барабанить по рукоятке сабли, когда он повернул лицо к столу, где сидел Конан со своей подругой.

— А-а, Таша, — сказал офицер мягко. — Разве ты забыла, что я обещал прийти к тебе сегодня?

Таша низко опустила глаза и ответила почти шепотом:

— Простите меня, капитан Мурад. Вы видите, что я с клиентом. Я не могу... Я... Простите.

— Поищи себе другую женщину, — зарычал Конан.

Лицо офицера окаменело, но он не отрывал глаз от Таши.

— Я не разговаривал с тобой... рыбак, — буркнул он. — Таша, я не хочу снова причинять тебе боль, но ты должна научиться повиноваться.

Конан фыркнул с издевкой:

— Только дураку нужен страх, чтобы обращаться с женщинами. Если ты предпочитаешь скулящих собак, найди себе сучку, которую сможешь бить.

Лицо стражника побелело так, что бледность была видна даже на его смуглом лице. Он быстро схватил за руку Ташу, вырвав девушку из объятий киммерийца.

— Убирайся отсюда, ублюдок, вонючий пес, прежде чем я...

Его угроза осталась незаконченной, когда Конан вскочил на ноги с громким рычанием. Глаза узколицего стражника расширились от изумления, будто он ожидал, что получит девушку без боя. Его рука дернулась к рукояти сабли, но Конан был быстрее в движениях и опередил на долю секунды. Но рука киммерийца метнулась не к мечу. Убийство стражника считалось дурным делом для контрабандистов, если только в этом не было абсолютной необходимости, и даже тогда все старались этого избежать. Солдаты, которым давали несколько золотых и которые в этом случае закрывали глаза на происходящее, могли превратиться в тигров, защищая законы царя, когда один из их товарищей погибал. Кулак киммерийца со страшной силой ударил

офицера в подбородок, прежде чем лезвие туранской сабли выскочило из ножен. Офицер опрокинулся на спину и упал, ударившись головой о край стола. Его шлем, звеня, покатился по каменному полу, сам же туранец остался лежать неподвижно, как мешок с тряпьем. Хозяин таверны, толстый кофиец с маленькими золотыми кольцами в мочке уха, наклонился, чтобы взглянуть на поверженного. Он нервно вытер свои толстые руки об испачканный фартук и выпрямился.

— Ты испортил мне, как минимум, десять прибыльных дней, северянин. Это *если* мне повезет. Во имя Митры! Ты убил этого надушенного щеголя! Его шейные позвонки сломаны!

Прежде чем кто-нибудь смог что-то сказать или двинуться с места, дверь с шумом раскрылась и еще двое стражников быстро вошли внутрь. Они шли по таверне с теми презрительными усмешками, как будто были в бараках, заполненных рекрутами-крестьянами. Непривычная тишина таверны нарушалась только шорохом одежды и торопливым топотом ног покидавших таверну и старавшихся скрыться людей. Конан тихо выругался сквозь зубы. Он все еще стоял, сжимая кулаки, перед телом этого чертова придурка-офицера. Если бы Конан двинулся с места, это движение только привлекло бы внимание к нему. Что касается бегства, то у Конана не было ни малейшего желания получить удар мечом в спину. Легким кивком Конан дал понять Таше, чтобы она уходила. Девушка быстро подчинилась, и у Конана в душе что-то дрогнуло, когда он увидел это.

— Мы ищем капитана Мурада! — заорал в полной тишине один из стражников. Сломанный нос придавал его лицу сходство с буянами из кабака. Второй дернул за ус, с подозрением посмотрев вокруг. Кофиец попытался спрятаться в густую тень, но солдат со сломанным носом пронзил его взглядом.

— Эй, ты, трактирщик! Видимо, вшивые жулики и контрабандисты проглотили языки. Где капитан Мурад? Я знаю, что он вошел сюда.

Рот кофийца беззвучно открылся, и он еще более нервно потер руки о фартук.

— Отвечай же, скотина, или мы тебеотрежем твой глупый язык. Если капитан нашел себе девку, он все равно должен услышать донесение, которое я ему доставил, без малейшего промедления. Говори, или я сделаю из твоей шкуры сапоги для парада!

Внезапно усаый солдат схватил говорившего за рукав куртки.

— Это Мурад, Тавик! — воскликнул он, указав рукой на тело капитана.

Взгляды стражников с неподвижной фигуры капитана переместились на Конана. Лица солдат стали жесткими. Киммериец спокойно ждал, даже не дрогнув от этих яростных взглядов. То, что случится, — случится; и будь, что будет.

— Это твоя работа, великан? — спросил холодно Тавик. — Ты получишь бастинаду* за то, что поднял руку на офицера Городской стражи. Абдул, разбуди капитана.

Они слишком долго бездельничали и отдыхали под защитой своей власти и презрительного отношения к контрабандистам, подумал Конан. Тавик обнажил кривую саблю, но держал ее небрежно, опустив лезвие вниз, как бы не веря тому, что кто-то сможет заставить его использовать это оружие. Другой солдат даже не дотронулся до сабли. Абдул склонился над телом капитана Мурада, взял его за руку и выдохнул, напрягшись всем телом:

— Он мертв. — А потом закричал: — Он мертв, Тавик!

Конан бросил скамью, на которой только что сидел, в Абдула, тот пытался встать на ноги и вынуть саблю из ножен. В этот момент его усаый приятель попытался также избежать падения, в то время как лезвие меча Конана уже метнулось к врагу. Услышав крик

* Бастинада — наказание палками, иногда человеку приходилось до 100 ударов.

товарища, Тавик высоко поднял саблю, чтобы рубануть киммерийца сверху, что очень хорошо сработало бы, если его противник был бы безоружен.

Но сейчас он жестоко заплатил за свою ошибку, когда меч Конана метнулся к его животу, прочертив быструю дугу. С диким криком Тавик выронил оружие, схватившись за живот в безуспешных попытках удержать вывалившиеся кишки. Застонав, он рухнул на каменный пол. Конан едва успел отпрыгнуть назад, уклонившись от страшного удара Абдула сбоку. Сила удара, рассчитанного на то, чтобы поразить врага, заставила Абдула пошатнуться, и его тулвар* ушел в сторону. Темные глаза стражника наполнились ужасом за секунду до того, как клинок киммерийца пронзил его горло и вышел наружу с обратной стороны шеи. Конан выдернул свой меч из падающего трупа, Тавик дернулся в агонии в последний раз и затих. Киммериец мрачно вытер меч о тунику Абдула и снова сунул его в ножны. Большой зал таверны был теперь наполовину пуст, и все больше и больше людей исчезало в дверях, ведущих в маленькие улочки позади здания. Ни один мужчина или девка, находящиеся в таверне, не хотели, чтобы их обвинили в том, что они были в «Золотом Полумесяце» в день, когда там были убиты три солдата Городской Стражи. Кофиец-трактирщик слегка приоткрыл дверь на улицу и закрыл ее со стоном.

— Стражники, — пробормотал он. — Не меньше десятка. Они будут здесь через несколько минут, чтобы узнать, что задержало этих двух. Как я объясню им, что случилось в моей таверне? Что я им теперь скажу?

Его рука жадно схватила золотой, который Конан бросил ему. Трактирщик был настолько расстроен, что даже забыл надкусить монету, проверив ее на зуб, прежде чем она исчезла под его фартуком.

— Скажи им, Бонарик, — сказал Конан, — о торговцах рабами из Кофара. Мол, они убили в пьяной

драке капитана, а потом убили и его стражников. Дюжина торговцев рабами. Их было слишком много, чтобы их можно было остановить.

Бонарик с сомнением покачал головой:

— Они могут поверить в это. Возможно.

Теперь в таверне оставались только они одни. Даже Таша куда-то исчезла. «И не сказала при этом ни единого слова», — с горечью подумал Конан. В течение нескольких минут весь день оказался испорченным насмарку. Ну что ж, по крайней мере, не нужно будет волноваться о том, что за ним будут гнаться, как собаки за оленем, городские стражники. Не будут гнаться... если только они поверят истории кофийца, за которую Конан заплатил золотой.

— Не забудь, Бонарик, — сказал киммериец. — Дюжина торговцев рабами из Кофара.

Он подождал, пока трактирщик утвердительно кивнет, и вышел черным ходом на боковую улочку.

Глава 2

Конан быстрыми шагами шел от «Золотого Полумесяца», пробираясь по густой паутине улочек и переулков, многие из улиц были чуть шире его плечей и пропахли мочой и отбросами; эти улицы пересекали весь район около таверны. Конан планировал провести весь день в объятиях Таши, но об этом можно было сегодня забыть. Он поскользнулся на чем-то скользком и чуть было не свалился на землю. Конан выругался. Даже если бы он и нашел сегодня снова девку, то вряд ли бы ему захотелось провести время с женщиной, которая приняла бы подарок, а потом убежала (даже не поцеловав его на прощание), только потому, что случилась маленькая неприятность. Ну что ж, были и другие женщины, и они тоже годились для того, чтобы весело провести с ними время. Даже после того, как он купил топаз для Таши и бросил золотой Бонарику, его кошелек отнюдь не опустел. «Рыба»,

* Тулвар — кривая восточная сабля.

которая была разгружена прошлой ночью на уединенном песчаном берегу моря, была кхитайским шелком и знаменитыми бакральскими кружевами из Вендии, а цены, уплаченные за них, были весьма щедрыми. Конан мог потратить немного денег и на самого себя. Он шел прямо в сердце большого, раскинувшегося у моря города, и находился теперь далеко от портового квартала, хотя все части Султанапура так или иначе имели торговые центры купцов и ремесленников. Здесь не встречались уже быки, тянущие телеги, но узкие улицы были заполнены людским морем. Лавка кузнеца-медника и облупившийся дом бедняка стояли на расстоянии руки от богатого здания зажиточного купца, а таверна и винная лавка соседствовали с храмом. Покупатели, продавцы, монахи и верующие составляли густую толпу. Богатые дамы, закутавшие свои лица кружевными вуалями и сопровождаемые слугами, которые несли их покупки, сталкивались в толпе с подмастерьями, тащившими на спинах рулоны материй или ковры. Грязные мальчишки с жадными пальцами срезали кошельки толстых богатых купцов и покупателей в бархатных туниках и с еще более жадными глазами. На маленькой площади жонглер подбрасывал и ловил в воздухе шесть горящих факелов, одновременно выкрикивая ругательства в адрес проституток, чьи одежды составляли только пояса из звенящих монет. Девки прогуливались в толпе в поисках покупателей, и зеваки останавливались, глаза на них.

На каждом перекрестке продавцы фруктов предлагали свои товары: гранаты, апельсины и фиги, некоторые несли подносы, держали их на ремешке, привязанном на шее, другие продавали фрукты из плетеных корзин, висевших на спинах ослов. Время от времени ослы и мулы протяжно кричали, добавляя свой рев к общему шуму в толпе. Гуси и куры в деревянных клетках голосили, а свиньи жалобно хрюкали, привязанные за заднюю ногу к столбикам. Продавцы и разносчики вопили во все горло, что такая

цена их разорит, а потом снова сбавляли ее. Конан бросил медную монету продавцу фиг и набрал их целую ладонь. Конан ел фиги, время от времени поглядывая по сторонам, останавливаясь и делая изредка покупку. У кузнеца, обрабатывающего раскаленную добела полоску металла, в покрытой полосатой материей палатке, Конан купил прямой кинжал и ножны и заткнул их за пояс. Красивое ожерелье из янтарных бус было аккуратно уложено в кошель-сумку, с мыслью о том, что они смогут украсить шею другой красивой девки, а не Таши. Если только, конечно, Таша не сумеет по-настоящему извиниться за то, что так быстро оставила его в таверне.

Узкая, укрытая в тени лавка встала на пути киммерийца. В ней сидел хитрого вида тощий торговец с ловкими манерами и масляной улыбкой. Конан сторговал у него красивый мягкий плащ из тончайшей шерсти, не потому что было холодно, холода вообще в диковину в Султанапуре, а чтобы защититься от палящего солнца. Конан давно уже искал такой плащ, но большинство мужчин в Султанапуре носили на голове тюрбаны, и плащей с капюшонами здесь практически не продавали, не говоря уже о том, что было нелегко найти плащ, который подходил бы Конану по размеру — его плечи были куда более широкими, чем у большинства покупателей. Мужчина в рваных лохмотьях пробежал мимо Конана, неся на плечах большой глиняный кувшин, завернутый во влажные тряпки. Длинный ковшик на ручке болтался у основания кувшина, привязанный веревкой, а бронзовые кружки, соединенные цепочкой, звенели, ударяясь друг о друга, их было не меньше десятка. Вид водоноса пробудил в Конане сильную жажду, тем более после того, как он съел так много сладких фиг. В таком жарком и сухом городе, каким был Султанапур, за воду платили деньги так же, как и за вино. Конан поманил водоноса к себе и прислонился к стене, пока тот ставил кувшин с водой на землю. Для туранца кув-

шин был достаточно близко, чтобы он мог стоять и пить воду, но Конану необходимо было наклониться или сесть. Конан положил медяк в сухую костлявую руку водonoса и взял кружку, наполненную водой. Она, конечно, была не такой холодной, как из горного потока в Киммерии, подумал Конан, вода в горах свежая и чистая от оттаявшего снега и льда весной. Но эти мысли были хуже, чем просто бесполезными, так как, казалось, только еще больше иссушали тело человека. Конан набросил на лицо капюшон, чтобы создать хоть немного тени. Пока он пил воду, обрывки разговора доносились до него сквозь шум улицы. Киммериец все еще думал о Таше; девушка занимала все его мысли, но обрывки фраз острый слух Конана фиксировал независимо от этого.

— ...Сорок монет за кувшин — это уж чересчур...

— ...По крайней мере десять убитых, говорят, и один генерал...

— ...Я слышал, что это был принц...

— ...Если мой муж узнает, Махмуд, тогда...

— ...Интриги Вендии...

— ...В то время, как *вазам* Вендии разговаривает в Аграпуре о мире...

— ...Так я соблазнил его дочь, чтобы сравнить сделку...

— ...Убийца был гигантом из северных стран...

Конан замер, поднеся бронзовую кружку ко рту. Он медленно поднял лицо и посмотрел прямо в глаза продавцу воды. Человек, уставившись тупо на стену, где стоял, прислонившись, киммериец, казалось, только ожидал возвращения кружки, но пот бисеринками выступил на его смуглом лбу. Он переступил с ноги на ногу, как если бы собирался уйти отсюда как можно скорее.

— Ты что слышал, водonoс?

Оборванец-разносчик подпрыгнул от неожиданности, чуть не уронив свой кувшин.

— Господин? Я... Я ничего не слышал. — Нервный смех прервал его слова. — В городе всегда бродят

слухи, господин. Всегда бродят слухи, но я слушаю только свою собственную болтовню.

Конан положил серебряную монету в мозолистую руку продавца.

— Что ты слышал только что, минуту назад? — Он спрашивал водonoса мягким тоном. — О северянине.

— Господин, я продаю только воду и ничего больше.

Конан продолжал просто смотреть на него, но продавец моргнул и глотнул воздух, как будто Конан зарычал.

— Господин, говорят... говорят, что несколько солдат убито, городских стражников и, возможно, генерал или даже принц. Говорят, что вендийцы наняли убийцу для этого и что это был один из торговцев рабами...

— Да?

Водonoс снова проглотил воздух, и его кадык дрогнул.

— Господин, говорят, что один из убийц был... м-м...гигантом. Северянином.

Конан кивнул. Эта история явно уходила корнями в события в «Золотом Полумесяце». И если уже столько из этих событий стало известно в городе, то сколько еще наболтают люди? Возможно, его имя? Конан не слишком беспокоился о том, как быстро распространяются слухи. Контрабандисты обычно не выдавали друг друга, но, возможно, один из тех, кто был в таверне в это утро, попался и его хорошенько допросили стражники. Возможно, Бонарик не счел золотую монету достаточной ценой за ложь в лицо разъяренным солдатам, увидевшим лежащие в луже крови трупы своих товарищей. В настоящий момент у Конана и без этого голова шла кругом от проблем — он должен был избежать пленения в городе, где выделялся, как верблюд в женской половине дома. Глаза киммерийца внимательно ощупывали улицу. Возможность спастись пока еще не исчезла. По крайней мере, не было видно стражников. Пока еще не было... Конан осушил кружку одним глотком, но задержал ее на минуту.

— Хорошая вещь — продавать воду, — сказал он. — Воду и ничего больше. Людям, которые продают воду, никогда не надо смотреть назад, через плечо, из страха, что там кто-то может оказаться.

— Я все понял, господин, — широко раскрыл рот от страха водонос. — Я продаю воду и ничего больше. Ничего больше, господин.

Конан кивнул и повесил кружку на место. Водонос поднял кувшин с водой, взвалил на спину так быстро, что вода перелилась через край, и поспешил в гудящую, кричащую толпу. Еще до того, как он исчез в толпе, Конан забыл об оборванном водоносе. Скорее всего будет за его поимку и вознаграждение, такое же раздутое, как и количество стражников, которых он убил, и водонос рано или поздно попытается получить хотя бы часть его, но если повезет, он ничего не скажет, по крайней мере в течение часа. Но говоря по правде, киммериец согласился бы даже, чтобы водонос промолчал в течение десяти минут. Опустив капюшон еще ниже на лицо, Конан быстро пошел по улице, ища торговца, который был ему сейчас нужен. Тут были продавцы бронзовых чаш, кувшинов, плетеных корзин, туник, сандалий, позолоченных ювелирных изделий из меди, серебра и бронзы, но это все было не то, что Конан искал. Однако он заметил подмастерьев, тащивших... ага, вот! Лавка торговца коврами, наполненная всевозможных цветов и размеров коврами со всех частей мира. Ковры лежали грудками на полу или были развешаны по стенам. Когда Конан вошел внутрь, толстый купец поспешил к вошедшему в лавку покупателю, потирая руки от предстоящей сделки и изобразив на лице профессионально-вежливую приветственную улыбку.

— А-а, добро пожаловать, господин. Здесь вы можете найти самые лучшие ковры во всем Султанапуре. Да нет, что я говорю, во всем Туране! Ковры, которые вполне могут украсить дворец самого царя Илдиша, да благословит каждый его день Митра. У меня есть ковры из Иранистана, из...

— Вот этот, — оборвал его Конан, указав на ковер, который лежал в толстом футляре из ивовый плетенки, толще, чем человеческая голова. Конан был осторожен. Вид голубых глаз северянина мог сейчас принести куда большую опасность, чем пальцы рожками, ограждающие от дурного глаза.

— О да, господин, вы и впрямь настоящий ценитель. Даже не развернув ковер, вы сумели выбрать самый лучший в моей лавке. За какую-то жалкую сумму в один золотой...

На этот раз челюсть торговца коврами буквально отвисла, так как Конан тут же сунул в руки купца золотой. После этой покупки у Конана осталось совсем немного денег в кошельке, но у него не было времени для того, чтобы торговаться, хотя уже одно это поразило торговца как громом. Губы торговца дрогнули, когда он наконец пришел в себя.

— А-а, господин. Разумеется. Я позову слуг, чтобы они доставили в ваш дом покупку. Двух, должно быть, будет достаточно. Это сильные парни.

— В этом нет необходимости, — сказал Конан. Он быстро воткнул меч и пояс внутрь ковра. — Я сам его понесу.

— Но ведь этот ковер слишком тяжел для одного...

Купец замолк, пораженный, когда Конан легко взвалил свернутый в рулон ковер на левое плечо, а потом привычно передвинул его в более удобное место. Толстый ковер на плече давал возможность идти, согнув спину и опустив голову, и потому Конан не выглядел таким высоким. Если по-прежнему закрывать лицо капюшоном, то можно сойти за одного из сотен носильщиков и слуг, которые доставляли ковры в мастерские ткачей и лавки купцов. Конан заметил обалделого купца, широко раскрывшего рот от изумления и глядящего на него, не в силах произнести ни слова.

— Пари, — пояснил Конан, и так как ему было бы трудно объяснить условия такого пари, он поспешил уйти из лавки. Выходя, он все еще чувствовал уставив-

шийся в спину взгляд торговца. Как только киммериец вышел на узенькую улочку, его охватило жгучее желание идти как можно быстрее, но он подавил его и заставил себя идти медленнее. Очень немногие слуги и подмастерья в Султанапуре передвигались быстрее, чем легкой трусцой, за исключением тех случаев, когда за ними смотрели пристальные глаза хозяина. Конан стиснул зубы и сравнял свою скорость с настоящими слугами и носильщиками, попадавшими на пути. Но даже и в этом случае он нетерпеливо использовал свой ковер, чтобы пробиться через поток людей. Большинство из них уходило с дороги, в редких случаях только бормоча сквозь зубы ругательство. Рычание из-под капюшона отвечало тем, кто выкрикивал вслед свои проклятия и грозил кулаком или же хватал Конана за рукав. Взглянув на рослого варвара поближе, каждый из них решал, что им нужно срочно куда-то бежать. Беглые взгляды, которые Конан бросал из-под капюшона, говорили ему, что он прошел уже больше половины пути до порта. Шум на улице вдруг принял несколько другой оттенок и сразу же привлек внимание киммерийца, заставив насторожиться. Связанные на продажу свиньи и стреноженные овцы все еще протяжно блеяли и хрюкали, кудахтанье кур в клетках по-прежнему наполняло улицу. Но женщина, громко торговавшаяся с купцом из-под шали из вендийских кружев, остановилась, затем повернулась спиной к толпе и продолжала торговаться, но уже гораздо тише, чем раньше. Уличный разносчик, продававший иголки, ножницы и разноцветные ленты, оборвал свой призывный крик и отступил ко входу в переулок, прежде чем снова начать зазывать посетителей. Другие останавливались или отпатывались назад, прерывая сделки и бросая вокруг нервные взгляды. Однако явно не Конан привел их в это испуганное состояние. В этом киммериец был абсолютно уверен. Что-то происходило за его спиной, но он не мог обернуться и посмотреть. Конан внимательно прислушался, пытаясь уловить, что же такое произошло там, позади, что остановило привычную уже ко всему суматоху и гул базара.

Да, теперь он уловил кое-что. Среди шороха и стука множества сандалий и сапог Конан услышал характерную солдатскую поступь, вслед за которой разливалась грозная тишина. Киммериец передвинул правую руку к коврику, как бы пытаясь сбалансировать его. Рука его коснулась рукояти меча, лежавшего на расстоянии пальца внутри рулона.

— Говорю тебе, Гамиль, — раздался позади Конана грубый голос, — этот болван-здоровяк всего лишь носильщик. Слуга ткача. Давай не будем тратить на него зря время.

Собеседник солдата ответил тоном, который был мягче и в котором слышалась насмешка:

— А я говорю, что он будет достаточно высок, если встанет прямо. Это вполне может оказаться тот великан варвар, которого наняли вендийцы. Неужели ты забыл о вознаграждении, Алсан? Неужели ты забыл о тысяче золотых?

— Гамиль, я все-таки не думаю, что...

— Эй ты! — крикнул Гамиль. — Эй ты, дубина! Стой и повернись к нам лицом!

Конан остановился как вкопанный. «Тысяча золотых, — подумал он. — Капитан Мурад, конечно же, не может стоять так дорого». Но эти люди утверждали, что гигант варвар соответствовал описанию того, за которого должна быть уплачена эта сумма. Конан не мог даже помыслить, что это мог быть кто-то другой. Что-то произошло в Султанапуре, что-то, о чем Конан не имел ни малейшего представления, но, похоже, событие это имело, тем не менее, к Конану самое прямое отношение.

Киммериец медленно повернулся, установив толстый ковер между собой и стражниками, не пытаясь на этот раз отбросить людей со своего пути, размахивая ковром, как он это делал раньше. Солдаты приблизились, явно удовлетворенные тем, что здоровяк повиновался им. Конан находился теперь слева от солдат, когда они поравнялись с ним. Грубая рука схватила Конана за локоть.

— Эй ты, — сказал резкий голос. — Дай-ка нам взглянуть на твое лицо.

Конан дал возможность своей руке крутануться чуть дальше. Затем, вырвав из ковра внезапным, быстрым движением длинный меч, он уронил свою ношу на солдата, все еще сжимающего локоть Конана. Киммериец успел услышать, как солдат с маленькими усиками с диким криком упал. Раздался хруст сломанной ноги. Взгляд Конана сосредоточился на двадцати стражниках, заполнивших улицу и бегущих вдогонку за своими товарищами. На какую-то долю секунды все вокруг замерло; Конан первый рванулся с места. Он отбросил в сторону корзинки и клетки из прутьев, в которых сидели кудахтающие куры, и они полетели напрямик в солдат. Куры вывалились из сломанных клеток, дико кудахта. Разносчики товаров и покупатели, крича так же отчаянно, как и птицы, бросились бежать во все стороны, некоторые даже пытались проскочить сквозь ряды солдат, которые, в свою очередь, били их древками копий, чтобы люди не путались под ногами. Свины дико визжали, а овцы прыгали и дергались, пытались оборвать свои пути.

Конан вырвал меч из ножен, когда стражник выскочил из этого хаоса и суматохи, и, ударив человека, стоявшего на пути, рукояткой своего тулвара, атаковал киммерийца. Уклонившись влево, Конан нанес ответный удар. Туранец громко застонал и широко раскрыл от боли рот, когда меч Конана пришелся ему в середину живота. Солдат перегнулся пополам. Прежде чем враг рухнул на землю, Конан вырвал лезвие из тела и одним взмахом перерубил веревки, связывающие ближайших овец. Спасаясь от блестящего меча, животные, дико блея, метнулись к приближающимся солдатам. Стражники, громко крича, пытались прогнать обезумевших животных с дороги. Крики купцов и торговцев, молящих о том, чтобы их не трогали, наполняли улицу сумасшедшим шумом и суматохой. Еще двое солдат пробились сквозь эту сумятицу... только для того, чтобы быть опрокинутыми стадом овец.

Конан больше не выжидал. Он побежал вперед, швырнув назад еще две клетки с курами. На первом же перекрестке Конан повернул направо, потом — налево. Ошеломленные лица провожали глазами его бегство. Однако Конан знал, что выиграл пока всего несколько секунд. Большинство из тех, кто видел его, отрицали бы все на свете, когда их спросят об этом городские стражники, так как это было обычным делом в Султанапуре, но несколько человек обязательно заговорят. И их будет более чем достаточно, чтобы дать возможность солдатам следовать за киммерийцем. Перед ним скрипела запряженная буйволами двухколесная телега, высоко нагруженная перевязанными связками соломы. Телега прошла дальше, повернув налево. Еще одна высокая телега следовала за ней, рядом шел погонщик, подхлестывая время от времени быка плетью. Затем проскрипела еще одна. Конан быстро наклонился над столиком, где разложил свои горшки и кувшины горшечник. Перед лицом ошеломленного ремесленника он спокойно протянул руку с мечом и вытер окровавленное лезвие о желтый навес гончара. Быстро вдев меч в ножны, Конан снова пристегнул оружие к поясу, сделав это, правда, на бегу. На следующем же перекрестке Конан оглянулся. Гончар, уставившись ему вслед и указывая рукой, остановился и перестал кричать, когда увидел грозный взгляд Конана. Этот человек безусловно заговорит даже прежде, чем его спросят стражники. Это конечно был риск, и киммериец хорошо это понимал, но если бы все рухнуло, Конану не стало бы хуже, чем прежде.

«Все будет как нужно, все работает», — сказал Конан самому себе. У него было то же чувство, какое бывало и прежде, когда кубики катились прямо на него и явно с крупными номерами. Уверенный, что гончар указал рукой в нужном направлении, Конан повернул туда, откуда только что вырулили телеги.

Сбегая вниз по улице, он внезапно выдохнул воздух; Конан даже не заметил, что задержал дыхание. Чувство уверенности было куда более сильным, чем при игре в

кости. Еще одна запряженная буйволом телега прогромыхла по улице. Прислонившись к стене, чтобы дать возможность телеге пройти мимо, Конан перешел на другую сторону, как только подвода отошла подальше. Поравнявшись в одну линию с буйволом, Конан встал справа от медленно идущего животного и наклонился. Гончар указал, в каком направлении побежал варвар, в то время как сейчас киммериец шел совершенно в противоположную сторону. Он выиграл еще несколько секунд, но этих мгновений было достаточно, чтоб в добавление к другим они смогли бы купить жизнь человека.

Как только телега пересекла перекресток, где стояла лавка гончара, Конан поспешил вперед. Ему нужно было скорее добраться до порта и там, в суматохе и хаосе доков, портовых складов и таверн, он мог бы легко найти безопасное пристанище среди друзей-контрабандистов. Ему также нужно было узнать, почему за его голову было обещано вознаграждение в тысячу золотых монет. Первое дело было более неотложным, хотя и не таким легким, как могло показаться на первый взгляд. Конан был далек от того, чтобы стать неузнаваемым, к тому же белый плащ явно способствовал поимке человека, за голову которого обещано вознаграждение. Однако без капюшона голубые глаза варвара дали бы след, по которому было бы так же легко следовать, как по следу рыси на снегу в горах Киммерии. Вопрос только был в том, как обменять один плащ на другой, одновременно не давая возможности никому разглядеть ледяную голубизну глаз. Конан высматривал плащ, который можно было купить или украсть, но видел несколько плащей с капюшонами, и ни один из них не был достаточно большим, иначе киммериец выглядел бы нелепым и его легко можно было бы заметить. Не было смысла привлекать лишнее внимание любопытных глаз, нарядившись как клоун. Наоборот, надо стараться избежать их — и любой ценой.

Как можно быстрее, но со всей осторожностью, останавливаясь на каждом перекрестке, чтобы посмот-

реть, нет ли поблизости стражников, Конан постепенно продвигался к порту. Или, правильнее было сказать, он пытался это сделать. Три раза Конан вынужден был повернуть в сторону при виде городской стражи, а один раз едва успел юркнуть в лавку, торгующую дешевой бижутерией, прежде чем два взвода стражников прошли мимо. Конан сообразил, что идет к северу, то есть параллельно портовому кварталу. Копья стражников, высоко возвышаясь над толпой, снова заставили киммерийца свернуть на боковую улицу, битком забитую народом.

«Снова я ушел в сторону от порта», — подумал Конан и выругался от злости и отчаяния, когда громкие голоса, требующие, чтобы им расчистили дорогу, подсказали, что солдаты двигаются теперь по той же самой улице. Они явно не заметили беглеца, но это не могло долго продолжаться, особенно когда Конан стоял на голову выше самого высокого мужчины. Он ускорил шаги и почти сразу же снова замедлил их. Около взвода солдат со сверкающими наконечниками копий, отражавшихся в ярких лучах солнца, вошло в ту же улицу, на этот раз с противоположной стороны. Конан не стал терять время на проклятия. Узкая боковая улочка, резко пахнущая мочой и испражнениями, была единственным спасением. Юркнув в нее, киммериец сообразил, что уже был здесь прежде, вместе с Ордо, в первые дни своей работы с шайкой одноглазого контрабандиста. Ступени улицы, сделанные из коричневого, выщербленного кирпича, вели вниз по улочке, становившейся все уже и уже. Они привели Конана к лотку уличного торговца фруктами. Конан перепрыгивал через две ступени одновременно. Склонившийся над лотком человек, в халате цвета верблюжьей шерсти, подскочил от неожиданности, когда киммериец ворвался без стука через толстую деревянную дверь.

Маленькая комната была практически лишена мебели; исключением служил маленький диван у стены и комод с целой кучей выдвижных полок. Кроме них на голом деревянном полу стоял маленький стол, скобочившийся на сломанную ножку, и одинокий стул,

стоявший рядом. Несколько старых халатов висели на кольшках, вбитых в стену. Все в комнате казалось старым и дряхлым, и сгорбленный человек вполне подходил к своему жилищу. Редкие седые волосы и оливковая кожа, высохшая от старости, сморщенная, как часто сворачиваемый пергамент, делали старика таким, что казалось, будто его возраст приближается к сотне лет, не меньше. Его руки были, как кривые когти, когда они сжимали пергамент, а горящие как огонь глаза, в складках обвисшей кожи, были единственной частью его, которая показывала признаки жизни.

— Прошу прощения, — быстро проговорил Конан. Он напряг память, пытаясь вспомнить имя старика. — Я не хотел войти так внезапно, Гурран. (Это было имя старого человека.) Я рыбаку вместе с Ордо.

Гурран хмыкнул и склонился задумчиво над пергаментом, которыми был завален его скособоченный стол.

— Ордо, а? Его суставы снова болят? Ему надо сменить ремесло. Море не совсем то, что нужно его костям. Или, может быть, ты пришел для того, чтобы купить что-нибудь самому себе? Наверное, любовный напиток?

— Нет.

Конан все еще прислушивался к разговору солдат на улице. Только когда они ушли, он рискнул снова заговорить, предварительно высунув нос наружу.

— Что мне действительно по-настоящему нужно, — пробормотал Конан, — это найти способ сделаться невидимым, пока я не доберусь до порта.

Старик все еще оставался склоненным над столом, но его голова дернулась по направлению к молодому варвару.

— Я составляю травы и настойки и иногда читаю судьбу по звездам, — сказал он сухо. — Тебе нужен колдун. Почему бы тебе не попробовать любовную настойку? Обещаю тебе, что любая женщина испепелит тебя страстью в твоих объятиях всю ночь. Разумеется, вполне возможно, что такому красивому молодому парню, как ты, такой напиток и не нужен.

Конан рассеянно покачал головой. Стражники, вошедшие в узкую улицу с обоих концов, встретились и стали разговаривать друг с другом.

— Вендийский заговор, — услышал Конан слова одного из них.

— Чтоб их сестры были проданы на рынке за медный грош, — пробормотал Конан по-вендийски.

— Катар! — хмыкнул Гурран. Старик резко склонился и сел на колени, ища упавший пергамент. — Мои старые пальцы не удерживают вещи, как когда-то. На каком языке ты говорил?

— По-вендийски, — ответил Конан, отрываясь мыслями от солдат. — Я немного знаю этот язык, так как мы покупаем много рыбы у вендийцев.

Большинство контрабандистов могли довольно легко говорить на трех-четырех языках, а цепкая память и хороший слух помогли киммерийцу хорошо говорить по-вендийски, как, впрочем, и на других языках.

— Что ты знаешь о Вендии? — спросил Конан.

— Вендия? Откуда мне знать о Вендии? Спроси меня лучше о травах. Я знаю кое-что о травах.

— Говорят, что ты покупаешь травы и семена из очень далеких стран. Конечно же, ты покупал некоторые травы и из Вендии.

— У всех растений есть полезные свойства, но люди, которые их приносят ко мне, очень редко знают эти свойства. Я должен попытаться вытянуть эту информацию из них, спрашивая о стране, где растут эти травы и семена, чтобы найти одно-два полезных для меня свойства. Я покупаю иногда некоторые безделушки из Вендии, и мне говорили, что это земля, полная интриг, опасная для неосторожного человека, для того, кто слишком легко верит обещаниям мужчин и лести женщин. А почему ты хочешь узнать о Вендии?

— На улицах говорят о принце, который был убит в Султанапуре, или, возможно, генерале, и что вендийцы наняли убийцу для этого.

— А-а, понимаю. Я не был в городе весь день. — Гурран сухо усмехнулся. — Вряд ли это может быть правдой, так как все знают, что *вазам* Вендии, главный советник царя Бандаркара, находится в Агруппуре, пытаюсь заключить мирный договор, а многие представители знати при дворе царя Турана находятся в настоящую минуту в Айдохье. И все же помни об интригах. Кто может знать наверняка? Ты все еще не сказал мне, почему ты так интересуешься этим?

Конан поколебался. Старик поставлял информацию и травы половине контрабандистов Султанапура. И то, что так много людей продолжало доверять ему, говорило в его пользу.

— Слухи ходят, что убийца был северянином, и городские стражники, кажется, думают, будто это я.

Старик с пергаментной кожей сунул руки в рукава своего халата и пристально посмотрел на Конана, склонив голову.

— Так ли это? Ты брал золото у вендийцев?

— Нет, не брал, — ответил Конан. — Я также не убивал принца или генерала.

Было очевидно, что ни один из тех людей, с которыми Конан столкнулся в этот злосчастный день, не являлся ни принцем, ни генералом.

— Ну хорошо, — сказал Гурран. Его губы неохотно сжались. Затем он вздохнул и снял пыльный темно-синий халат со стены. — Держи. Эта одежда поможет тебе стать менее подозрительным, чем тот плащ, в который ты сейчас одет.

Удивленный, Конан тем не менее обменял свой плащ на халат Гуррана. Несмотря на пыль и то, что он был изрядно помят, провисев, вероятно, не один год на колышке, темно-синий халат был сделан из хорошей ткани и, по всей видимости, почти не надевался. Он был чуть-чуть тесноват киммерийцу в плечах, но явно был сделан для мужчины крупнее Гуррана.

— Возраст уменьшает и сушит человека, — сказал гербариус*, как будто прочитав мысли Конана. Конан кивнул:

— Благодарю тебя, я запомню это.

Пока киммериец говорил с гербариусом, голоса солдат затихли. Конан слегка приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. Узкая улица была переполнена народом, но стражники уже ушли.

— Прощай, Гурран. И еще раз прими мою благодарность.

Не дожидаясь ответа старика, Конан выскользнул за порог, спустился вниз по широким ступеням лестницы и растворился в толпе.

«Портовый квартал, — подумал Конан. — Как только я достигну его, у меня будет время поразмыслить и о других вещах».

Глава 3

Патрули стражников продолжали раздражать юного туранца. Юноша шел из портового квартала в другой район, который был ему больше по вкусу. Этот район был заселен в основном бродягами, проститутками и ворами, срезающими чужие кошельки. Юноша ловко избегал встречи с солдатами, а обитатели квартала не обращали на него большого внимания. Мать юноши была из Коринфа, и молодой человек унаследовал от нее черты, которые нельзя было назвать ни коринфийскими, ни туранскими, он был, скорее, просто темноглазым и очень красивым. Сейчас юноша был чисто выбрит и вполне мог сойти за коренного жителя как минимум дюжины стран, что он и проделывал уже не раз и не два. Он был чуть выше среднего роста с не очень внушительной на вид грубоватой комплекцией, что часто сбивало с толку и обманывало людей, недооценивающих его силу. Несколько раз это качество спасало ему жизнь. Его

* Гербариус — специалист по травам и растениям.

одежда была довольно пестрой: покрытый заплатами коринфийский кафтан (который когда-то был красного цвета), широкие заморанские штаны из белой хлопковой ткани и изрядно поношенные иранистанские сапоги. Только тулвар на боку и тюрбан были из Турана.

Прошло уже четыре года с тех пор, как юноша покинул свою страну, и теперь, когда он всего на неделю вернулся на родину, ему приходится петлять, как зайцу, избегая встречи с городской стражей. Не в первый раз (с тех пор, как он оставил отчий дом, когда ему едва стукнуло девятнадцать лет) юноша пожалел о своем решении не идти по пути отца, став, как и он, купцом, торгующим пряностями. Однако, как всегда, сожаление длилось до той минуты, когда он напомнил себе, как скучна и непривлекательна жизнь торговца пряностями, хотя в последнее время он все чаще вспоминал о ней.

Свернув на маленькую улицу, юноша остановился, чтобы посмотреть, не следит ли кто-нибудь за ним. Одинокая шлюха бросила было ему призывную улыбку, но, посмотрев на поношенную одежду юноши, передумала и пошла дальше. Остальные люди в толпе проходили, даже не удостоив юношу взглядом. Он обогнул дурно пахнущую улочку, не переставая внимательно смотреть по сторонам, пока не почувствовал крепкую, толстую деревянную дверь под своими пальцами. Удовлетворенный тем, что прошел сюда незамеченным, молодой человек наклонился и вошел в темное помещение. Внезапно нож у горла остановил юношу, и он быстро проговорил:

— Меня зовут Джелал. Я пришел с Запада.

Одно лишнее слово, и кузнец использует свой острый нож по назначению, не говоря уже о двух других людях, которые скорей всего находились в крошечной темноте комнаты. Кресало ударило по кремню, зажглась лампа, пахнувшая прогорклым маслом. Кто-то поднес лампу к лицу юноши. Он увидел: позади стоят два человека и каждый держит острый, как бритва, нож. Даже человек с лампой, у которого под правым глазом виднелся толстый полукруглый шрам, сжимал в руке

длинный кинжал. Человек со шрамом отступил в сторону и мотнул головой к двери, ведущей в глубь дома.

— Проходи, — сказал он.

Только тогда нож у горла опустился. Джелал не сказал ни слова. Это была уже не первая подобная встреча и даже не двадцатая. Он вошел во вторую дверь. Комната без окон, в которую Джелал вошел, была именно такой, какую он ожидал встретить в этом районе города. Ее стены были сделаны из грубых глиняных кирпичей, пол был просто утоптаным грунтом, а стол в комнате был сбит из плохо отесанных досок и со сломанной ножкой. Единственное, что было трудно ожидать в таком бедном месте, так это толстые дорогие восковые свечи, горящие на столе, чистая полотняная скатерть и хрустальный кувшин с вином, стоявший рядом с двумя бокалами из чистого золота. Человека, который сидел за столом, Джелал также не ожидал увидеть в подобном месте. Простой темный плащ, по виду и покрою неприметный, однако по качеству своему слишком добротный для этого района Султанапура, закрывал одежды сидящего за столом. Узкое с тонким носом лицо, с усами и маленькой бородкой, изящно и аккуратно подстриженной и заощенной внизу в острый клинышек, казалось, больше подходило ко двору, чем к району бродяг и нищих. Человек заговорил, как только Джелал вошел в комнату.

— Как хорошо, что ты пришел именно сегодня, Джелал. Каждый раз, выходя в город, я рискую, что меня увидят и опознают. Ты установил необходимые контакты? — Он махнул пухлой рукой с тяжелым золотым перстнем-печаткой на указательном пальце в сторону хрустального графина. — Сегодня очень жаркий день. Выпей немного вина.

— Я наладил необходимые контакты и связь, — осторожно ответил Джелал, — но...

— Отлично, мой мальчик. Я знал, что ты сумеешь это сделать даже в такое короткое время. Четыре года в Коринфии, Кофе и Хауране ты работал под маской

торговца или разносчика товаров, легального и не совсем легального, и никогда не был схваченным, даже находясь под подозрением. Ты, пожалуй, самый лучший человек из всех людей, которые когда-либо были у меня. Но боюсь, что твое задание в Султанапуре несколько изменится.

Джелал подался вперед.

— Мой повелитель, я хочу попросить вас, чтобы меня определили к скаутам в Ильбара.

Князь Халид, человек, который контролировал всю шпионскую сеть царя Илдиза, повелителя Турана, устал с изумлением на него.

— Пусть меня поразит Митра, но почему?..

— Мой повелитель, вы сказали, что меня не подозревали ни разу за четыре года, и это правда. Но это было правдой не только потому, что я играл эту роль, а и потому, что я и был купцом, разносчиком, как требовалось в ту минуту, проводя большинство своего времени, покупая и продавая товары, разговаривая о рынках и ценах. Мой господин, я стал солдатом частично из-за того, что хотел избежать судьбы торговца, как мой отец. Я был неплохим солдатом, и я хотел бы служить Турану и Царю там, где я смогу это делать лучше всего, когда я буду снова солдатом в горах Ильбара.

Начальник шпионов забарабанил пальцами по столу.

— Мой мальчик, ты был выбран именно по тем причинам, которые ты перечислил. Твоя служба проходила в южных горах, так что ни один из чужеземцев с запада не смог бы узнать тебя, если он видел тебя раньше, когда ты служил солдатом. Твоя юность, проведенная в доме купца, не только подготовила тебя к этому занятию и сумела научить тебя абсолютно естественно играть эту роль и довести ее до совершенства, но также, так как купцу необходимо отделять факты от слухов, чтобы найти нужный рынок и хорошую цену, мы хотели убедиться, что ты смог бы сделать с другими видами слухов и дать нам ценные донесения и факты.

Что ты и делал, и весьма успешно. Ты лучше всего служишь Турану именно там, где сейчас находишься.

— Но, мой господин...

— Хватит об этом, Джелал. У нас мало времени. Что ты знаешь о событиях, происшедших в Султанапуре сегодня?

Джелал вздохнул.

— Я слышал много сплетен, — начал он медленно, — которые говорят практически обо всем, за исключением вторжения врагов. Соединив вместе самые вероятные и правдоподобные слухи, я могу сказать, что князь Турег Амал был убит сегодня утром. Кроме этого, я должен добавить, что самые настойчивые слухи говорят о том, что в этом деле замешан северный варвар. Но так как это не было тем заданием, из-за которого я прибыл в Султанапур, боюсь, что я пропустил сплетню мимо ушей.

— Мимо ушей? Ты ответил на один из двух вопросов правильно. — Пожилой мужчина одобрительно кивнул головой. — Ты и вправду самый лучший и опытный из моих людей. Я не знаю, где родился слух о северянине. Возможно, кто-то видел такого человека на улице.

— Но стражники, мой господин. Они ищут...

— Да-да. Слухи дошли даже до них, и я не пошевелил пальцем, чтобы изменить ситуацию. Пусть подлинные виновники думают, что они улизнули и теперь в безопасности. Это уже не первый раз, когда солдаты посланы ловить свои собственные тени, да и не последний. Пусть несколько невинных чужеземцев (если любого из них действительно можно назвать невинным) будут допрошены или даже убиты. Вполне скромная цена, если это поможет нам захватить истинных виновников преступления врасплох. Верь мне, когда я скажу тебе, что трон Турана ставится на карту в этом случае.

Джелал неуверенно кивнул. Он отлично знал по собственному опыту, как холоден и практичен мог быть этот человек с мягкими манерами и гладкой

речью, даже когда ставки были намного меньше, чем трон Турана.

— А князь, мой господин? Вы сказали, что я был наполовину прав.

— Турет Амал, — вздохнул Халид, — пьяница, мот, бабник — и Высший Адмирал Турана — был убит этим утром отравленной булавкой, воткнутой ему в шею. И убит он был не северным варваром, как утверждают слухи, а женщиной. Судя по рапортам, это был вендийский убийца.

— Убийца, асассин? — спросил Джелал. — Мой господин, всем было хорошо известно, как любил князь хорошеньких женщин. Не могло ли случиться так, что он был убит пьяной девкой и чем-то в этом роде?

— Как бы мне ни хотелось в это поверить, но, увы, это было не так. Слуг из дворца Турега Амала хорошо допросили, и выяснилось следующее. Вендийская женщина была доставлена во дворец утром, предположительно, это был подарок от богатого купца из Вендии, желающего получить дополнительную защиту для своих товаров на судах в Вилайте. Через час после этого князь был убит, слуга, охраняющий его зенанну, усыплен, а женщина бесследно исчезла из усиленно охраняемого дворца.

— Это, безусловно, похоже на работу наемного убийцы, — согласился Джелал, — но...

— Все выглядит гораздо хуже, — оборвал его Халид. — Командир отряда телохранителей князя, некий капитан Мурад, был также убит этим утром, вместе с двумя его солдатами, явно в пьяной драке в таверне. Мне очень не нравятся такие совпадения. Возможно, они и не связаны друг с другом. Но вполне вероятно, что эти люди были убраны, чтобы слухи о женщине не пошли дальше... или же чтобы женщина могла легче спастись. И если люди Высшего Адмирала были подкуплены золотом, чтобы помочь в его убийстве... ну что ж, такой скандал может причинить больше вреда, чем убийство старого дурака.

— Возможно, так и было, мой господин, так как другой повод не имеет большого смысла. Я так понимаю, что *вазам* Вендии сейчас находится в Аграпуре и ведет переговоры о мире с царем Илдизом. Конечно же, царь Вендии не будет планировать убийство, в то время как его главный советник находится в нашей столице, у нас в руках, так сказать. И если он сделал это, то почему жертвой стал Высший Адмирал? Смерть царя может привести к катастрофе и беспорядку, в то время как смерть князя вызовет только ненависть к Вендии.

— Смерть царя от рук вендийского асассина может также привести к войне с Вендией, — сухо сказал Халид, — в то время как гибель Турега Амала... — Он пожал плечами. — Я не знаю всех причин, мой мальчик, но вендийцы сосут интригу с молоком матери и не делают ничего без необходимости, без причины, как правило, подлой. Что же касается *вазама*, то Карим Сингх отплыл вчера из Аграпура. А договор... Я относился к нему с подозрением и раньше, а теперь — в особенности. Меньше чем пять лет назад они почти начали войну с нами из-за своих притязаний на Секандерам. Теперь же, без всякого сопротивления, *вазам* подписывает договор, в котором этот город даже не упоминается. И то, что в договоре есть несколько пунктов, явно выгодных Турану, тоже. Я подумал было, что они хотят пустить нам пыль в глаза и умиротворить, готовясь к какому-то удару. Теперь же я просто не знаю, что и думать.

Он начал накручивать кончик бороды на указательный палец, что было самым явным знаком внутреннего смущения, которое он когда-либо показывал. С явной неохотой Джелал почувствовал, что эта головоломка захватила и его, как это уже часто было и прежде. Желание вернуться к солдатской жизни не исчезло, но он оттолкнул его на задний план. На некоторое время.

— Что я должен делать, мой повелитель? — спросил он наконец. — Вендийский асассин-убийца, скорее всего, уже покинул пределы города.

— Это правда, — ответил начальник шпионов, и его голос стал жестким и суровым. — Но мне нужны ответы, и я их должен получить. Сам царь зависит от них и от меня, который должен будет доставить ему эти ответы. Что собирается сейчас делать Вендия? Должны ли мы ожидать войны? Смерть капитана Мурада может дать нам ответы на некоторые вопросы. Используй контакты и связи с бандитами и контрабандистами в Султанапуре. Найди цепочку, ведущую к ответам, которые мне нужны, с самого начала — и проследи за тем, что в действительности произошло. До самой Вендии — если это необходимо. Но только добудь мне ответы — это главное.

— Я сделаю это, мой господин, — пообещал Джедал. Но самому себе он пообещал, что выполнит эту работу в последний раз. Возвратится ли он к скаутам Ильбара или нет, но после этой последней головоломки он уже больше никогда не будет шпионом.

Глава 4

Несмотря на плащ, который ему дал Гурран, Конан держался ближе к стенам узких, кишевших народом улиц, на самом краю бесконечного потока людей. Конечно, темно-синий плащ не привлекал внимания стражников, ищущих плащ из белого полотна, капюшон прятал лицо и эти проклятые голубые глаза от посторонних взглядов, но сами размеры могучей фигуры и рост киммерийца было почти невозможно не заметить. Очень немногие люди в Султанапуре могли сравняться с ним в росте и обхвате плеч, и разумеется, ни один из них не был в толпе, заполнявшей улицы города в этот день. Высокий киммериец выделялся, как ремайрийский жеребец среди мулов. Несколько раз после того, как он покинул комнату гербарнуса, Конан вынужден был повернуть в сторону, чтобы избежать патрулей, завидев блестевшие на солнце наконечники копий, которые как бы предупреждали о приближении

опасности, но кажется, на этот раз Конану повезло. Его продвижение к заливу было уверенным, хотя Конан и шел зигзагами. Высокие арбы, запряженные буйволами, снова стали попадаться так же часто, как и пешеходы. Вскоре перед ним выросли длинные тени от каменных портовых складов, высоких белых башен городских складов, где хранилось зерно. Мужчины с мозолистыми руками, в куртках, покрытых пятнами пота, грузчики и носильщики превосходили своей численностью, пожалуй, всех, кроме моряков, которых легко было узнать по качающейся походке и телосложению. Почти половина всех женщин порта были проститутками в узких юбках из звенящих монет и тонкого шелка, в то время как остальные женщины ловили на себе жадные взгляды воров, срезающих кошельки. Цепкие, ловкие руки воров были также всегда готовы стянуть с телег рулон шелка или кружев.

В порту тоже были люди, которые знали Конана в лицо.

— Хочешь развлечься, крепкий парень? — проворковала грудастая девка с волосами, взбитыми высокой прической, и с бронзовыми подвесками в ушах.

Она придвинулась ближе и прижалась почти обнаженной грудью к локтю киммерийца, наклонившись одновременно к уху и зашептав:

— Ты глупец, городская стража уже допрашивала трех грузчиков только из-за их высокого роста. И они также опрашивают чужеземцев, так что ты идешь на двойной риск. А теперь обними меня за пояс рукой, и мы пойдем в мою комнату. Я смогу спрятать тебя у себя, пока все не утихнет. И я попрошу тебя заплатить всего лишь... а-а, Митра, я вообще ничего не возьму с тебя.

Конан невольно улыбнулся:

— Это очень щедрое предложение, Зара. Но я должен найти Ордо.

— Я не видела его, Конан. Тебе лучше не рисковать, занимаясь его поисками. Пойдем со мной.

— В другой раз, — сказал Конан, и девка взвизгнула, когда он ущипнул ее за пухлые ягодицы.

Через несколько минут моряк в покрытой пятнами смолы тунике и бородатый сторож склада повторили предупреждение Зары. Тонкая, худенькая девушка с лицом девственницы и невинными глазами (и маленьким кривым и острым ножом вора, которым она небрежно поигрывала) эхом повторила предложение и предупреждение Зары об опасности. Но никто, увы, не знал, где можно найти Ордо.

Конан согласился было на предложение худенькой девицы. Время истекало, и он знал, что долго так не продержится. Он должен был найти Ордо как можно быстрее, иначе ему придет конец. Невысокий сухощавый человек, согнувшийся под тяжестью полотна, которое он тащил на своих плечах, внезапно попался на глаза киммерийцу. Конан схватил за локоть тощего человечка и выдернул его из потока людей.

— Что ты делаешь? — прошептал сквозь зубы пленник, выдавив деревянную улыбку. Его провалившиеся глаза метались испуганно над острым, вздернутым носом, напоминая в этот момент мышь, которая хочет улизнуть в дырку в стене. — Во имя Митры, киммериец! Я стянул кое-что в двадцати шагах отсюда, и через секунду они увидят, что товар исчез. Отпусти меня!

— Я ищу Ордо, Тарек, — сказал мягко Конан.

— Ордо? Я думаю, что он в складе Кафара.

Тарек чуть не упал, когда Конан освободил его, затем дернул своим плечом в легкой угрозе.

— Ты не должен так хватать людей, киммериец. Это может быть очень опасным делом. И разве ты не знаешь, что Городская Стража...

— Ищет высокого чужеземца, — закончил за него Конан. — Да, я знаю это.

Крик раздался с того места, откуда пришел Тарек, и маленький человечек быстро метнулся в сторону, как мышь, на которую он был так похож. Конан пошел в другую сторону, вскоре пройдя мимо лотка, где разносчик соли в невероятного размера халате, казалось, плясал вместе со своими помощниками, когда они прыгали вокруг, пытаясь увильнуть от работы, в то время

как хозяин пощипывал свою бороду, пихал их ногами и кричал, что боги были просто немилостивы к нему, что послали снова к нему слепых неуклюжих слуг и воров к тому же. Пока продавец соли прыгал и выкрикивал ругательства, две девушки, каждой из которых было не больше шестнадцати лет, подхватили один из мешков и исчезли, незамеченные, в толпе. Еще два раза Конан был вынужден повернуть в сторону, чтобы избежать патруля городских стражников, но склад Кафара был недалеко, и Конан быстро добрался до него. Склад не был одним из тех длинных, каменных сооружений, принадлежавших купцам. Неприметное старое двухэтажное здание, покрытое белой осыпающейся глиной, наверное, когда-то было таверной или магазином лавочника. Теперь же оно служило своеобразным складом. Складом контрабандистов. Золото, услужливо сунутое в нужные руки, держало стражников в стороне от него, по крайней мере, на время. Однако, когда взятки не срабатывали, потому что высокое начальство города решало, что пора показать хороший пример, наказав с десятков самых рьяных контрабандистов, или, что было более вероятным, кто-то решил, что вознаграждение за конфискованную контрабанду перевешивало взятку, это не останавливало ни на мгновение контрабандистов Султанапура. Десятки таких «складов» были разбросаны в районе порта, и если бы Кафар был «прикрыт» властями, то на смену выросли бы, как грибы, два новых склада.

Треснувшая деревянная дверь с улицы вела в комнату без окон, освещенную факелами из камыша, вставленными в грубые железные треножники. Два факела давно потухли, но, похоже, никто этого не заметил. Небольшая группа людей, одетых в пеструю одежду из дюжины стран, сидели на корточках у стены, собравшись в кружок, и играли в кости. Другие сидели на бочках с вином у стола, сделанного из широких, грубо отесанных досок, и о чем-то шептались, попивая из глиняных кружек вино. Кофиец в полосато-красной тунике сидел в одиночестве на трехноглом стуле рядом с дверью,

ведущей к черному ходу, меланхолично втыкая свой кинжал в толстые доски шершавого пола. Воздух в помещении был горячим и тяжело спертым, не только потому, что в нем чадили факелы, но и из-за того, что по крайней мере половина из двадцати находящихся в зале людей вряд ли дотрагивались до свежей воды, а большинство считало, что мыло — это только хороший (вроде духов) подарок для женщины, а не та вещь, которую надо использовать по назначению. Только кофиец посмотрел на дверь, увидев входившего Конана.

— Разве ты не знаешь?.. — начал он.

— Я все знаю, Кафар, — сказал коротко Конан. — Ордо здесь?

Кофиец мотнул головой к двери позади него.

— В подвале, — сказал он, и лезвие ножа вновь воткнулось в доску пола.

Это был обычай для таких складов — располагать добро и товары каждого контрабандиста в отдельной комнате, так как ни один из них не доверял тем, кто не принадлежал к его шайке, вплоть до того, что они не знали даже, какого сорта «рыба» была у него и куда он ее доставлял. Обитые железом толстые двери были закрыты тяжелыми и крепкими металлическими засовами-брусками. Двери длинными рядами располагались в коридоре в задней части здания. В конце коридора, сразу за широкой дверью, ведущей в переулочек позади склада, были вырублены каменные ступени.

Едва киммериец ступил на лестницу, Ордо открыл настежь дверь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, ты пропадал? — заорал одноглазый контрабандист. — И что, во имя Митры, ты натворил?

Ордо был почти таким же высоким и крупным, как Конан, хотя его мышцы уже заплывли жирком и годы избороздили морщинами суровое лицо. Большие золотые подвески-кольца свисали из мочек его ушей, кривой длинный шрам шел от черной толстой повязки на глазнице до густой черной бороды. Шрам оттягивал левую часть рта в вечной усмешке.

— Я передал кое-что Таше, и последнее, что я услышал... Ну ладно, давай, скорее спускайся сюда, пока стражники не сцапали тебя прямо у меня на глазах. Если эта проклятая подлая девка не сказала тебе о том, что ты мне был нужен, я сдеру с нее шкуру.

Конан уныло усмехнулся. Так значит Таша все-таки говорила правду. Если бы Конан не решил, что она лжет из ревности, он ушел бы из «Золотого Полумесяца» еще до того, как капитан появился в таверне, и городская стража не рыскала бы сейчас по городу, разыскивая киммерийца, и голова его не была бы оценена в тысячу золотых... Ну что ж, это был уже далеко не первый случай, когда Конан попадал в беду из-за того, что неверно истолковал мысли женщины. Но в любом случае, мужчина, который причиняет боль женщине, чтобы запугать ее и затащить в постель, вполне заслуживает того, чтобы быть убитым.

— Это была не ее вина, Ордо, — сказал Конан, проходя мимо одноглазого приятеля в подвал и закрывая за собой дверь. — У меня были небольшие неприятности с... — Конан оборвал речь на полуслове при виде незнакомца, стоящего в комнате.

Это был высокий, худощавый человек в тюрбане. Незнакомец стоял возле маленьких деревянных сундучков, похожих на выложенные жестью сундуки, в которых отправлялся чай. Они располагались на земляном полу подвала у пыльной каменной стены. Подвал, как и все комнаты склада, освещался камышовыми факелами.

— Кто это? — требовательно спросил Конан.

— Его зовут Хасан, — нетерпеливо ответил одноглазый контрабандист. — Наш новый «рыболов». Так! А теперь ответь мне, есть ли хоть доля правды в этих слухах, киммериец? Мне наплевать, если ты убил Турега Амала. Смерть этого старого дурака — небольшая потеря для мира. Но если ты это сделал, тебе надо поскорее убираться из Султанапура, а возможно, и из Турана. Если ты никого не убил, тебе лучше всего уйти в подполье и сидеть тихо, как мышь, пока они не поймут настоящего убийцу.

— Высший Адмирал? — воскликнул Конан. — Я слышал, что убитый был генералом, хотя, подожди, кто-то даже говорил, что он был князем. Ордо, подумай сам, зачем мне убивать Высшего Адмирала Турана?

Долговязый мужчина внезапно заговорил:

— Слухи говорят о том, что убийцу наняли. За достаточное количество золота, я полагаю, человек может убить кого угодно.

Лицо Конана окаменело.

— Кажется, ты называешь меня лжецом, — сказал он ледяным и страшным голосом.

— Спокойно, киммериец, — сказал Ордо и добавил незнакомцу: — Ты что, хочешь быстрой смерти, Хасан? Предложи этому человеку монету за убийство, и ты можешь назвать себя счастливым, если отделаешься только переломанными костями. Если он говорит, что никого не убивал, значит так оно и есть.

— Я бы этого не сказал, — произнес неловко Конан. — Там был капитан стражи и двое или трое стражников. — Он пронзил яростным взглядом человека в тюрбане, издавшего горлом какой-то звук. — У тебя есть какие-нибудь замечания и об этом тоже?

— Эй вы, драчливые петухи, пригладьте-ка свои перья, — резко бросил Ордо. — Нам нужно погрузить на корабль новый груз «рыбы». Человек, который хочет получить его, требует немедленной доставки, и меньше всего мне нужно кровопролитие или драка в его присутствии. Он найдет других доставщиков, если увидит, что мы перебедем друг друга прежде, чем доставим на место его сундуки. — Его бородатое лицо дернулось, как голова разозленного медведя. — Мне нужна вся моя команда, если мы собираемся доставить эти проклятые ящики к устью реки Зарпаш вовремя. А двое из тех, кто мне так сейчас нужен, вцепились друг другу в глотки, как грузчики с помутившимися от вина башками.

— Ты сказал мне, что мы не отправимся снова в плавание как минимум три-четыре дня, — сказал Конан, подойдя к ящикам, чтобы осмотреть их. Хасан настороженно отодвинулся с его пути, но Конана ин-

тересовал не он, а искусно сделанные сундучки. — Команда разбросана по тавернам и борделям, — продолжал киммериец. — И забавляется с девками, а место их мозгов заняли винные пары, и уже прошло четыре часа. Я мог бы уже спокойно плыть под всеми парусами и наслаждаться путешествием, но если мы найдем все двадцать человек к ночи, время будет упущено, чтоб меня поразил Эрлик.

— Мы должны отчалить до наступления темноты, — сказал Ордо. — Нам заплатят больше золота, чем по уговору, если мы придем быстрее, но меньше, если будем идти медленнее.

Украшенный шрамом контрабандист отодвинул Хасана еще дальше от себя своим грозным взглядом, затем подошел совсем близко к киммерийцу и понизил голос.

— Я не сомневаюсь в твоих словах, Конан, но тебя ли ищут стражники? Возможно, из-за этого капитана?

Конан пожал плечами, но не остановился и продолжал рассматривать сундучки.

— Я не знаю, — ответил он только для ушей Ордо. — Слухи ничего не говорят о Мураде, и мое имя не упоминается.

Самый большой сундучок был в длину не более локтя мужчины. Их края были из простого дерева и хорошо отполированы, а плотно подогнанный замок на каждом из них удерживался свинцовой печатью-пломбой с изображением птицы, которую Конан никогда не видел прежде.

— На улице говорили о Туре Амале. И все же где-то просочился слух о том, что случилось в «Золотом Полумесяце», иначе в эту историю не замешался бы гигант северянин.

Он взвесил на руке один из сундучков, пытаясь определить его тяжесть. К его удивлению, он был настолько легкий, как будто его содержимое состояло из пуха.

— Люди из северных стран не такие частые гости в Султанапуре, чтобы стать предметом подобных сплетен.

— Да, — согласился с его логикой одноглазый контрабандист. — И еще говорят, что, когда два слуха встречаются, они обмениваются словами. И еще известно то, что слухи меняются во время своего путешествия от рта к уху.

— Ты уже начинаешь сыпать афоризмами? Наверное, стареешь, а, Ордо? — усмехнулся Конан. — Я не знаю, как и почему все это случилось, но уверен, что беда будет сидеть у меня на плечах, пока все это не прояснится.

— Я не настолько стар, чтобы не суметь проломить тебе башку! — заорал Ордо. — И был ли хоть один день, когда беда не сидела у тебя на плечах, киммериец?

Конан не обратил внимания на этот колкий вопрос. Он давно уже решил, что человек может жить вольной жизнью и избегать неприятностей в одно и то же время.

— Что находится в этих ящиках? — спросил Конан.

— Пряности, — донесся до него ответ от двери в подвал.

Рука киммерийца опустилась на рукоять меча. Вошедший в подвал незнакомец был одет в темно-серый плащ с капюшоном невероятных размеров. Как только незнакомец вошел внутрь помещения и закрыл за собой дверь, он тут же отбросил капюшон, открыв узкое смуглое лицо, закрытое тюрбаном, который был в два раза больше, чем это было принято в Туране. Тюрбан украшали белые перья цапли, удерживаемые серебряной застежкой с большим опалом. Пальцы незнакомца унизывали золотые кольца с аметистами и сапфирами.

— Вендиец! — вырвалось у Хасана.

Ордо одним движением руки заставил его замолчать.

— Я боялся, что ты уже не придешь, Патил.

— Не приду? — Тон вендийца был недоуменным, но потом он тонко улыбнулся. — А-а. Ты боялся, что я был вовлечен в события, о которых говорят на ули-

цах. Нет-нет, могу заверить тебя, что я не имел никакого отношения к весьма печальной вести о смерти Высшего Адмирала. Такие дела не для меня. Я всего лишь бедный торговец, который должен избежать уплаты таможенных пошлин вашему царю Илдизу, моему царю Бан-даркару и получить свою скромную прибыль.

— Разумеется, Патил, — ответил Ордо. — И ты пришел к нужному человеку, если желаешь, чтобы таможенники Илдиза не отобрали ни одной твоей монеты. Остальная часть моей команды уже готовит корабль к отплытию и быстрому походу. Конан, иди, проверь корабль и убедись, что все в полном порядке и готово к плаванию. — Он наполовину повернулся спиной к вендийцу, сделав несколько быстрых отчаянных движений, которые могли видеть только Конан и Хасан. — Мы должны быть готовы к отплытию, и очень скоро.

Конан отлично знал, что означали эти жесты. Он пошел было наверх, чтобы перехватить всех из команды Ордо, которые, качаясь от избытка вина, уже вваливались на склад. Пятеро или шестеро из них были членами команды Ордо, и это уже само по себе вряд ли смогло бы убедить Патила, что они сумеют быстро выполнить обещание Ордо. Однако Конан вернулся обратно. Он снова взвесил в руке ящик.

— Пряности? — спросил он. — Шафран, перец и другие пряности, которые я могу назвать, приходят через Вилайет с Востока. Но какие пряности могут прийти с Запада?

— Редкие пряности с островов Западного Моря, — без запинки ответил Патил. — Они считаются редким деликатесом в моей стране.

Конан кивнул:

— Ну разумеется. И все же, несмотря на это, я никогда не слышал о том, что эти пряности везут контрабандой. А ты, Ордо, ты слышал что-нибудь о них?

Бородатый мужчина с сомнением покачал головой; тревога о том, что Конан может разрушить его сделку с вендийским купцом, пробежала по его лицу. Лицо же Патила не дрогнуло, он лишь облизнул свои губы

кончиком языка. Конан бросил сундучок на землю, и вендиец вздрогнул, когда деревянный ящик ударился об утрамбованную землю.

— Открой его, — сказал Конан. — Я хочу взглянуть на то, что мы должны будем везти через Вилайет.

Патил издал стон протеста, обращенный к Ордо.

— Это не было частью договора. Кафар сказал мне, что из всех контрабандистов вы самые надежные, иначе я уже нашел бы кого-нибудь еще. Я предлагаю довольно много золота вам за то, чтобы вы доставили мои ящики и меня к устью реки Зарпаш, а не для того, чтобы вы задавали вопросы и ставили мне требования.

— Он действительно обещал нам много золота, — сказал медленно Ордо.

— Достаточно... чтобы перевезти листья канды*? — спросил киммериец. — Или красный лотос**? Ты видел изрядное количество безумцев, которые предпочитают свои трубки с дымящимся лотосом вину, женщинам и даже еде. Сколько золота нужно, чтобы перевезти такое?

Тяжело дыша, Ордо почесал свою бороду и скорчил гримасу.

— Ну ладно. Открой эти сундуки, Патил. Мне наплевать, что в них находится, если только это не листья канды или красный лотос.

— Я не могу этого сделать! — воскликнул вендиец. Пот градом покатился по его лицу. — Мой повелитель будет разгневан. Я требую, чтобы...

— Твой повелитель? — оборвал его резко Хасан. — У купцов не бывает повелителей, вендиец! Или ты не тот, за кого себя выдаешь?

Лицо Конана стало жестким.

— Откройте ящики.

Глаза Патила забегали, как у затравленного зверя. Внезапно он метнулся к двери. Конан прыгнул к нему,

* Листья канды — марихуана.

** «Красный лотос» — наркотик, опиум на Ближнем Востоке, в Азии и Индии.

успев схватить его за широкий плащ, и смуглый вендиец извернулся назад, ударив киммерийца кулаком в лицо. Крошечный блеск железа предупредил Конана, и он отскочил назад, чтобы избежать удара. Лезвие ножа, сделанное в виде листа, слегка задело щеку Конана, чуть пониже левого глаза. Нога Конана с силой ударила по груди негодея, тот пошатнулся и опрокинулся на грязный пол. На мгновение он освободился от железной хватки Конана. Патил вскочил на ноги и бросился к двери и, открыв ее, побежал со всех ног прочь. Он наткнулся сразу же на трех людей, которые поддерживали друг друга, пока шли, или, вернее сказать, спотыкались. Все четверо рухнули кучей на пол. Придя в себя, Конан вздернул за шиворот пошатывающихся пьяниц из кучи людей на полу, отпихнув их в сторону, увидев, что они были из отряда Ордо. Вендиец был в самом низу и лежал без движения. Его большой тюрбан был скособочен, а потом вообще свалился с головы, когда киммериец перевернул торговца на спину. Все случилось так, как и опасался Конан. Темные глаза Патила остекленело уставились на киммерийца, перекошенные от боли, а зубы оскалились в застывшей усмешке. Кулак несостоявшегося убийцы был прижат к сердцу. У Конана не было ни малейшего сомнения, что нож с пружинистым лезвием был достаточно длинным, чтобы дойти до сердца. Конан коснулся рукой своей щеки. Пальцы испачкала кровь, но порез был не больше чем царапиной. Это было просто везение, подумал Конан, что этот человек не ткнул его сразу же кинжалом. Конан никогда бы не заметил маленького кинжала, пока клинок не вонзился бы в его собственное сердце.

— Это не та развязка, на которую ты рассчитывал, а? — сказал он зло мертвецу. — Но я все же хотел бы, чтобы ты был в живых, чтобы кое-что у тебя спросить.

Подождал Ордо, чтобы схватить вендийца за его длинный, широкий халат и оттащить в сторону.

— Давай, киммериец, уберем это подальше от глаз тех, кто ходит вверх и вниз по лестнице. Нет никакого

смысла усложнять вещи, особенно мне не понравилось бы, чтобы кто-нибудь подумал, что я убил этого дурня из-за его товара. Такие вещи могут разрушить все мое ремесло и доверие.

Они вдвоем стащили тело в подвал и захлопнули окованную железом дверь. Трое контрабандистов, которые случайно остановили бегство вендийца, лежали у стены, и двое из них уставились туманным взором на труп, когда его сбросили к их ногам.

— Он еще п-пьянее, чем мы, — пробормотал иранистанец, на голове которого была грязная, засаленная повязка.

— Он не пьян, — ответил другой, сидевший у стены рядом с ним. Это был немедиец, который был бы очень недурен собой, если бы ему не отрезали нос за какую-то кражу в прошлом. — Он мертвый.

Третий человек храпел, не обращая внимания на окружающих, и его храп напоминал рвущееся полотно паруса.

— Эй вы оба, заткнитесь! — зарычал Ордо.

Конан снова коснулся своей щеки. Кровь уже стала подсыхать. Конана больше интересовал сундучок, который минуту назад он уронил на пол. Конан сел на корточки и склонился над сундучком, внимательно осмотрев свинцовые печати-пломбы. Птица, выдавленная на печатке из серого металла, была совершенно незнакома. Вероятно, работа вендийцев. И печать, похоже, была выдавлена не там, где надо. Наверное, она была просто средством для того, чтобы ящики плотно закрывались, или же служила знаком, который говорил владельцу, что ящики кто-то вскрывал. Конану уже доводилось видеть, как в подобные печати прятали скрытые пружины, приводящие в действие покрытые ядом иглы, которые поражали тех, кто не знал, как правильно открыть сундук с тайным содержимым. Обычно такие сундуки не попадались в вещах и товарах, перевозимых контрабандистами, но с другой стороны, эти ящики явно не были обычной «рыбой».

— Я рискну, — пробормотал Конан. Его сердце стучало, как удары кузнечного молота, когда он просунул лезвие кинжала под одну из печатей.

— Подожди, дурень, — начал было Ордо, но Конан уже разрезал быстрым движением мягкий свинец.

— В один прекрасный день твоя удача изменит тебе, — выдохнул одноглазый.

Не ответив ему, Конан быстро сломал остальные печати. Он приподнял кинжалом крышку первого ящика. Оба контрабандиста недоуменно уставились на содержимое сундучка. Он до самого верха был заполнен маленькими сухими листьями.

— Пряности? — с сомнением в голосе спросил Ордо.

Конан осторожно поворошил листья кончиком кинжала и взял горсть листьев в ладонь. Они легко крошились и ломались в руке, но от них не исходило никакого аромата.

— Человек не пытается убить другого, чтобы утаить пряности, — сказал Конан. — Посмотрим, что находится в остальных ящиках.

Он наполовину поднялся с колен, покачнулся и снова осел на пол. Сердце все так же тяжело стучало в его груди. Конан снова коснулся пореза на лице — он чувствовал, как будто кусок дубленой кожи лежал между его пальцами и щекой.

— Этот кинжал... — язык еле ворочался, произнося слова. — Что-то на нем было...

Кровь отлила от лица Ордо.

— Яд, — выдохнул он. — Не сдавайся, киммериец! Ты должен бороться с действием яда! Если твои глаза закроются, ты уже никогда не сможешь их снова открыть!

Конан снова попытался подняться, чтобы посмотреть на другие ящики, и опять чуть не упал. Ордо подхватил его за плечи и помог сесть на пол, облокотившись на стену.

— Сундуки, — сказал Конан. — Если я умираю, то я хочу знать, за что.

— Пусть Митра проклянет эти дьявольские сундуки, на что они нам? — рявкнул Ордо. — И ты не умираешь! Во всяком случае, ты не умрешь, если сюда придет Гурран.

— Я бегу за ним, — сказал Хасан, но замер под пронзительно-гневным взором Ордо.

— И как ты, интересно, это сделаешь, если никогда прежде не видел этого человека? Пританис! — Ордо быстро пошел по подвалу и рукой, которая по размерам могла сравниться с хорошим молотом, вздернул на ноги немедийца. Другая его рука хлестнула несколько раз немедийца по лицу. — Приди в себя, Пританис! Ты слышишь меня? Ты слышишь меня, чтоб тебя забрал Эрлик, или я разобью твою дурацкую башку!

— Я слышу, — простонал немедиец. — Во имя всех богов, не бей меня по голове. Она и так разламывается на части от боли.

— Тогда слушай меня внимательно, если не хочешь, чтобы башка окончательно треснула, — зарычал Ордо, но перестал хлестать Пританиса по щекам. — Иди к Гуррану и приведи его сюда. Скажи ему, что это яд, и скажи ему, что он получит сотню золотых монет, если доберется сюда вовремя. Ты понял, что я сказал тебе, вшивое порождение верблюда?

— Я понял, — сказал немедиец неуверенно и пошатываясь пошел к двери, чуть не упав от встряски, которую ему дал Ордо.

— Тогда беги, будь ты проклят! Если ты не сделаешь все, как надо, я распорю тебе брюхо и повешу тебя на твоих же собственных кишках! А ты куда побежал? — добавил одноглазый, когда Хасан попытался было пойти вслед за Пританисом.

— За ним, — ответил Хасан. — Он так пьян, что без хорошего глотка вина не сможет запомнить, что должен делать, и ему нужен кто-то, кто поможет добрести до цели.

— Он запомнит, — проворчал Ордо, — потому что знает: я сделаю так, как ему обещал. Вплоть до последнего слова. Если ты хочешь сделать что-то, то

набрось-ка плащ на тело Патила, так что нам не надо будет смотреть на него.

— У тебя нет ста золотых, Ордо, — сказал Конан.

— Тогда ты заплатишь ему, — ответил контрабандист. — А если ты умрешь на моих руках, я продам твой труп за такую же цену.

Конан засмеялся, но смех быстро оборвался, так как киммериец закашлялся и стал задыхаться. Он чувствовал себя таким же слабым, как ребенок. Даже если другие поставили бы его ноги, он знал, что сможет только просто стоять на ногах, но не больше. Страх и отчаяние в голосе его друга не коснулись, однако, сердца варвара. Он должен был получить ответ на происшедшее, и ответ этот лежал в сундучках у стены. Или, по крайней мере, ключ к ответу. Вопрос был простым, и в то же время поиски ответа удержали бы Конана в живых еще на некоторое время, так как он пока не мог позволить себе умереть. Он не умрет, не узнав всей правды.

Глава 5

Один за другим в подвал Кафара спускались люди из команды Ордо. Большинство из них шли, пошатываясь, пьяные, как и первые трое. Огорченное и рассерженное выражение, а также отвращение появились на их лицах, когда они узнали, что случилось. Но не смерть вендийца, и даже не покушение на жизнь Конана, а скорее средство покушения привело их в такое раздражение. Они были привычны к честному открытому клинку и даже могли понять удар ножа в спину, но яд... яд был чем-то совсем иным, против чего человек не мог себя защитить. Кружки, меняющие свой цвет, когда в них наливали отравленное вино, были миром колдунов и миром князей, которые не могли себе позволить платить колдунам. Испуганные лица контрабандистов мало волновали Конана, но те прощальные взгляды, которые они бросали ему, раздражали киммерийца не на шутку.

— Я еще не мертв, — пробормотал он, задыхаясь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, Гурран? — заорал Ордо.

Как будто отвечая на его слова, обитая железом дверь настезь распахнулась и Пританис ввел Гуррана в подвал, держа его железной хваткой за костлявую руку. Немедиец с отрезанным носом, казалось, уже изрядно протрезвел, и трудно было сказать, отчего именно это случилось — от того, что он тащил за собой Гуррана, или же от угроз Ордо.

Ремешок из кожи пересекал тяжело вздымавшуюся грудь гербариуса и поддерживал маленький деревянный ящичек на боку старика. Резко освободив свою руку, он заковылял по комнате, зло ворча на качающихся пьяниц, все еще храпящего иранистанца и покрытую плащом неподвижную фигуру — труп вендийца.

— И из-за этого меня тащили по улицам города, как козла на рынок? — вырвалось у него сквозь пыхтенье. Он снова тяжело задышал. — Чтобы лечить людей, которые были достаточно глупы, чтобы пить испорченное вино?

— Зараженное вино на лезвии ножа, — сумел пробормотать Конан. Он подался вперед, его голова закружилась. — Ты уже сегодня помог мне, Гурран. Сможешь ли ты снова это сделать?

Старик оттолкнул в сторону Ордо и наклонился, чтобы взглянуть в глаза киммерийца.

— Возможно, еще есть время, — пробормотал он, а потом более твердым голосом сказал: — Есть ли у тебя отравленное лезвие? Я хочу взглянуть на него.

Хасан поднял плащ с убитого и выдернул нож из груди трупа. Он обтер нож плащом вендийца, прежде чем отдать его Гуррану. Гербариус пристально посмотрел на страшное оружие, удерживая его своими тонкими, высохшими пальцами. Маленькая рукоять из слоновой кости была вырезана так, чтобы нож было удобно держать в ладони, а лезвие могло проходить между пальцами.

— Оружие асассина-убийцы из Вендии, — сказал он. — Или, во всяком случае, это оружие, вид которого совпадает с тем, что я слышал.

Конан задержал взгляд на пергаментно-высохшем лице старого человека.

— Ну? — сказал он.

Вместо того, чтобы ответить, Гурран поднес нож к лицу и слегка понюхал. Нахмурившись, он намочил палец слюной и коснулся им лезвия. С еще большей осторожностью, чем раньше, он поднес палец к губам. Он тут же быстро сплюнул, вытерев палец об одежду.

— Делай же что-нибудь! — потребовал Ордо.

— Яды — это то, с чем я редко имею дело, — сказал спокойно Гурран. Он открыл деревянный ящичек, который висел у него на боку, и взял маленький пакетик с каким-то порошком и каменную чашку. — Но возможно, я смогу в этом случае что-нибудь сделать.

Он вынул из ящичка бронзовую ступку величиной не больше, чем половина ладони, и пестик.

— Дай мне бокал вина — и быстро.

Ордо махнул рукой Пританису, который поспешил выполнить приказ. Гербариус начал работать, мешая и толча в ступке крошки различных порошков и перемешивая их пестиком. Пританис вернулся с грубым керамическим бокалом, наполненным до краев дешевым вином. Гурран взял бокал и вылил вино в чашку с порошками, быстро размешав содержимое указательным пальцем.

— Вот, — сказал старик, поднеся вино ко рту Конана. — Пей.

Конан взглянул на то, что ему предложили. Несколько кусочков сухих листьев плавали на поверхности вина, вперемишку с крошками разноцветных порошков.

— Это избавит меня от яда?

Гурран взглянул ему прямо в лицо.

— На то время, которое тебе потребуется, чтобы дойти до доков и вернуться назад. Ты будешь в состоянии выйти из этой комнаты или умереть.

— Если он умрет... — начал Ордо угрожающе, но Конан оборвал его.

— Если я умру, это не будет виной Гуррана, верно?

— Пей, — сказал старик, — а то это будет твоей собственной виной.

Конан выпил содержимое чашки. С первым же глотком гримаса отвращения исказила лицо киммерийца, и с каждым новым глотком гримаса становилась все ужаснее. Когда старик отвел чашку от его рта, Конан широко открыл рот, судорожно хватая воздух.

— Кром! Эта штука на вкус такая, будто в ней купался верблюд!

Несколько контрабандистов, из тех, кто был потрезвее, весело рассмеялись.

Гурран хмыкнул:

— Тебе хочется сладенького на язык или все-таки одолеть действие яда? — Взгляд гербариуса упал на открытый сундучок. Лицо старика еще больше сморщилось. Он взял несколько листьев, растер их в ладони костлявыми, тонкими пальцами.

— Ты знаешь, что это за листья? — спросил Конан. Он не был уверен в том, действительно ли ему было легче дышать или это было только игрой воображения. — Человек, который полоснул меня ножом, сказал, что это прыности.

— Прыности? — рассеянно сказал Гурран. — Нет, я не думаю, что это прыности. Хотя, с другой стороны, — добавил он, раскрыв ладони и бросив горсть листьев назад в ящик, — я не знаю всех на свете растений. Мне бы хотелось взглянуть и на другие ящики. Если в них также есть растения, которые неизвестны мне, возможно, я возьму некоторые из них как оплату за лечение.

— Можешь смотреть и брать сколько тебе хочется, — сказал с пылом Ордо. — Пританис, помоги ему открыть остальные ящики. — Немедиец и гербариус подошли к стоявшим рядами ящикам, и Ордо понизил голос до шепота, заговорив Конану на ухо:

— Если он возьмет в уплату листья и травы вместо сотни золотых, то я так скажу: нам это вполне подходит.

Конан глубоко вздохнул; ему действительно стало легче дышать.

— Помоги мне встать на ноги, Ордо, — попросил он. — Гурран сказал, что я должен ходить или умереть. Клянусь костями Митры, я намереваюсь ходить.

Они оба пристально взглянули друг на друга, затем одноглазый мужчина наклонился. Конан попытался встать, прислонившись рукой к стене, чтобы восстановить равновесие. Однако то, что он прислонился к стене, не слишком ему помогло. Конан сделал первый неверный шаг. Кости, казалось, были готовы согнуться, как мягкие ветви деревьев, но киммериец заставил себя продвинуть ногу вперед.

— Для этого уже все давно кончено, — прозвучал громко голос Пританиса, который стоял рядом с ящиками с кинжалом в руках. На трех из них уже были сорваны пломбы-печати.

— В них находятся те же самые листья. — Гурран снова покрыл лицо мертвеца широким плащом. — Мне было любопытно узнать, какой тип людей использует отравленное лезвие. Но я полагаю, что новые травы и растения более интересны, чем мертвецы. Так в остальных сундучках — тоже листья, говоришь?

Конан сделал еще один шаг и еще один. Слабость все еще пробегала волнами по его телу, но он чувствовал себя немного сильнее, и одно это уже было хорошим знаком. Ордо стоял рядом, глядя на него, как озабоченный медведь.

— С тобой все в порядке, киммериец?

— Да, пожалуй, — сказал ему Конан и вдруг засмеялся. — Несколько минут назад я бы даже согласился прожить столько, сколько мне нужно было бы, чтобы узнать, из-за чего все это случилось. Теперь же я начинаю думать, что в конце концов проживу несколько дольше.

— Это тело слишком хрупкое, — сказал вдруг Гурран. — Слишком старое!

Он наклонился и, встав на колени, взгляделся в один из сундучков. Все двадцать сундуков были раскрыты, и

содержимое некоторых из них было вынуто. В них было еще больше сухих листьев, точно таких же, как и в первом сундучке, а также красного цвета кристаллы, судя по порошку над ними, но они почти разрушились под тяжестью своего собственного веса, и плотно стянутые ремешком, кожаные мешки, некоторые из которых Пританис распорол кинжалом, и содержимое их, очень похожее на соль, но только кроваво-красного цвета, высыпалось на пол. В двух ящиках находились бутылки и пробирки с зеленым раствором; стеклянные сосуды с неизвестной жидкостью были хорошо упакованы в плотняные мешочки, проложенные гусиным пухом.

— Что тебя беспокоит? — спросил Конан. — Я могу ходить, как ты и обещал мне, и я прослежу за тем, чтобы ты получил золото, которое обещал тебе Ордо.

Одноглазый контрабандист выдавил приглушенный звук огорчения и протеста.

— Золото! — презрительно фыркнул Гурран.

— Если не золото, то что же тогда? — спросил его Конан. — Если эти растворы, листья и порошки в ящиках тебе нужны, бери их, кроме маленькой порции для меня. Мне кажется, что нам теперь уже не нужно доставлять их к реке Зарпаш, но я все же хочу узнать, почему человек пытался убить меня, чтобы эту траву никто не увидел. Маленькая порция листьев и всего остального поможет мне узнать это.

— Да, — медленно сказал гербариус, — ты хотел бы это узнать, не так ли? — Он поколебался, прежде чем продолжать. — Я не знаю, как даже сказать тебе об этом. Если бы мое снадобье было нужным лекарством... в том, что я хочу тебе сказать, вообще не было бы нужды. Я надеялся найти что-нибудь в этих сундуках или, что более вероятно, на теле вендийца. Человек, который носит при себе отравленное оружие, скорее всего имеет и противоядие, на случай, если случайно ранит себя.

— Но зачем нам нужно противоядие? — требовательно спросил Ордо. — Ведь ты уже остановил действие яда.

Гурран снова выдержал паузу, посмотрев в свою очередь очень внимательно на Ордо и Конана.

— То снадобье, которое я тебе дал, чужеземец, только приглушило действие яда на некоторое время.

— Но я чувствую себя совсем неплохо, только вот голова немного болит, — сказал Конан. — Через час я положу на лопатки любого человека в Султанапуре.

— И ты будешь чувствовать себя так же хорошо в течение одного-двух дней, а потом яд снова начнет действовать. Настоящее исцеление требует трав, которые можно найти только в Вендии.

— Вендия? — воскликнул Ордо. — Черный Эрлик!

Конан сделал движение рукой, чтобы Гурран продолжал, и старик продолжил свою речь:

— Тебе надо отправиться в Вендию, северянин, а я должен идти с тобой и давать тебе ежедневную порцию лекарства, чтобы ты остался в живых. Это путешествие не слишком улыбается мне, так как старое тело не предназначено для таких походов. Но ты, однако, сможешь найти ответы, которые так жаждешь получить, в Вендии.

— Может быть, я и получу ответы на свои вопросы, — сказал Конан. — Это не первый раз, когда моя жизнь будет измеряться днями.

— Но... Вендия, — запротестовал Ордо. — Конан, они не любят людей с этой стороны Вилайета. Если ты, с твоими дьявольски-голубыми глазами, кажешься странным здесь, то как ты думаешь, с какими рожами они будут глазеть на тебя там? Мы потеряем свои головы, проклятье Эрлика, и нам повезет, если перед этим нас не исхлещут до крови плетями. Гурран, ты уверен, что этих трав нельзя найти в Туране?

— Если он не отправится в Вендию, — сказал Гурран, — он умрет.

— Все в порядке, мой друг, — сказал Конан одноглазому человеку. — Я найду там противоядие и ответы на все вопросы, мучающие меня. Почему эти ящики стоили того, чтобы за них убить человека? Патил был

вендийцем, и я не могу предположить, чтобы они предназначались куда-то еще. Кроме того, я знаю, что все равно должен покинуть Султанапур на некоторое время, если только не собираюсь прятаться в городе, до тех пор, пока городская стража не найдет убийцу Турега Амала.

— Сундуки, — внезапно сказал Хасан. — Их все еще можно доставить к устью Зарпаша. Кем бы ни был тот, кто должен встретить Патила, этот человек не знает, что Патил мертв. Он будет ожидать его там, и у него, я думаю, есть ответы на наши вопросы. У него даже может оказаться противоядие.

— Это лучше, чем Вендия, — сказал быстро Ордо. — Во всяком случае, это гораздо ближе. Не надо будет ехать на край земли, если в этом нет нужды.

— Ну что ж, нам это не повредит, если мы попробуем, — согласился Конан. — Это будет легким путешествием для твоих старых костей, Гурран.

Старик уклончиво пожал плечами.

— Если у друзей Патила не найдется того, что тебе нужно, — добавил Ордо, — тогда подумаем и о Вендии.

— Эй-эй, подождите-ка! — Пританис с разгневанным лицом быстро подошел к ним. Остальные контрабандисты пьяно слушали их, но немедиец был единственным более-менее трезвым, чтобы по-настоящему понимать, о чем тут говорили. — Доставить сундучки к устью Зарпаша, вы говорите. А каким образом мы найдем людей, которые нам нужны? Устье Зарпаша очень широко, дюны и холмы могут скрыть целую армию на обоих берегах.

— Прежде чем согласиться перевезти товары Патила, — сказал Ордо, — я узнал у него о сигналах, которые будут нам даны людьми на берегу и о тех сигналах, которые мы должны дать в ответ.

— Но какая нам прибыль во всем этом? — настаивал Пританис. — Вендиец не заплатил нам. Неужели вы думаете, что его приятели заплатят нам, когда мы появимся без него? Я так скажу — забудем об этих сундуках и поищем другой улов «рыбы», который наполнит золотом наши кошельки.

— Ах ты, трусливый, глупый пес. — Голос Ордо был глухим и казался еще более опасным от этого. — Конан является одним из нас, и мы должны держаться вместе. Как много в тебе гнили, а? Неужели ты выбросишь товары за борт при одном виде царской морской биремы или бросишь наших раненых на съедение царским стражам?

— Можешь не называть меня трусом, — злобно буркнул немедиец. — Я не раз уже рисковал головой, которую могли бы насадить на пику над Воротами Чужеземцев, как тебе это хорошо известно. Если киммериец хочет идти, отпусти его, пускай идет. Но не спрашивай, чтобы и все остальные из нашей команды пошли бы вслед, чтобы подразнить топор палача только из-за удовольствия поездки.

Кривой шрам Ордо на его левой щеке стал мертвенно бледным, когда он приготовился обрушить на голову Пританиса свой гнев, но Конан заговорил первым.

— Я не прошу тебя идти в поход из-за одного удовольствия поездки, Пританис, и даже из-за того, чтобы наслаждаться моим обществом. Но ответь мне на такой вопрос: ты говоришь, что тебе нужно золото, так?

— Как и любому человеку, — осторожно сказал Пританис.

— Эти сундуки стоят золота для людей, ожидающих их у Зарпаша. Это должны быть вендийцы, если Патил является их проводником. Ты уже видел других вендийцев, людей с золотыми кольцами на каждом пальце и драгоценностями на своих тюрбанах. Ты когда-нибудь видел вендийца, у которого бы не было кошелька, набитого золотом?

Глаза Пританиса расширились, когда он внезапно понял, что Конан говорил эти слова не только для него.

— Но...

Великан-киммериец продолжал свою ловкую импровизацию как лавина, которая катится на беспомощного крестьянина:

— Вендийцы, ожидающие сундуки у Зарпаша, имеют при себе много золота, и оно причитается нам,

если мы доставим в условленное место сундуки. Ну, а ежели они не заплатят... — Он по-волчьи ухмыльнулся и коснулся рукояти своего широкого длинного меча. — В таком случае они будут не первыми, кто откажется заплатить за свою «рыбу». Мы и раньше не давали никому возможности улизнуть от оплаты, не дадим сделать это и вендийцам.

Пританис выглядел так, словно он собирался спорить и дальше, но один из контрабандистов пьяно крикнул:

— Да! Перережем им глотки и заберем все их добро себе!

— Вендийское золото для всех нас! — крикнул другой. Остальные выкрикивали слова одобрения или со смехом вторили приятелям. Немедиец с обрезанным носом оскалился и, замолчав, мрачно отошел в угол.

— У тебя все еще есть дар заставлять людей следовать за тобой, — сказал Ордо тихо, обращаясь к Конану, — но на этот раз лучше всего было расколоть башку Пританису и покончить с ним. Он еще доставит нам неприятностей, прежде чем заработает нож в брюхо, а у нас и так достаточно неприятностей. Митра, этот старик будет метать харч на каждой волне. Он выглядит не более счастливым от перспективы короткого путешествия, чем от путешествия в Вендию.

И в самом деле, Гурран сидел, прислонившись к сундукам, уставившись мрачно в пустоту.

— Я сам посчитаюсь с Пританисом, если это будет нужно, — ответил Конан. — А что касается Гуррана, то он несомненно сумеет сделать какую-нибудь настойку для своего желудка. Беда сейчас заключается в том, где найти побольше людей.

Корабль Ордо мог отправиться в поход и с меньшим количеством людей, с теми, кто сейчас находился в подвале, но ветры не всегда были благоприятными и попутными, а для того чтобы грести против течения и волн, требовалась как минимум вдвое большая команда. Киммериец оглядел людей, многие из которых лежали, распластавшись на полу, и добавил:

— Не говоря уже о том, что надо отрезвить эту шайку, чтобы они смогли ходить, не падая через каждые пять минут на пол, споткнувшись о собственные сапоги.

— Соленое вино, — сказал мрачно Ордо.

Конан вздрогнул и скорчил гримасу; у него был личный опыт от метода одноглазого человека, которым тот выгонял винные пары из пьяных.

— И тебе нельзя рисковать появляться на улицах днем, — продолжал Ордо. — Я оставлю пока этот сброд, чтобы ты последил за ними, пока я не соберу остальную часть команды в тавернах. Пританис! Нам впереди предстоит много работы!

Конан бросил беглый взгляд на пьяных контрабандистов и снова сделал гримасу.

— Хасан, скажи Кафару, что нам нужно десять кувшинчиков вина. И большой мешок соли. Следующие полчаса будут отнюдь не из приятных.

Глава 6

Портовые причалы становились тихими, как только наступали сумерки, заселенные только теньями, превращающимися большие бочки с вином, рулоны материи и кольца канатов и веревок в страшные тени. Рваные клочья облаков закрывали далекую темную луну. Морской ветер, дующий вдоль побережья, был таким же холодным, каким жарким был в течение дня, и стражники, нанятые Купеческой Гильдией, плотнее кутались в свои шерстяные плащи и искали укрытия внутри портовых складов с бутылкой согревающего вина.

Никто не видел, как люди работали на узком, около шестнадцати шагов в длину, судне с одиночной мачтой и парусом, установленным в центре корабля. Судно было привязано к доку, который угрожающе и тревожно покачивался и скрипел при каждом шаге людей, ступающих по его грубо обструганным доскам. Хотя с другой стороны, если вдуматься, док скрипел вне зависимости от того, ступали на него или нет.

Все корабли, пришвартованные здесь, имели на борту сети, но всяма от немногих исходил запах рыбы, да и то не сильный. Настоящие рыбаки продавали небольшие порции своего улова контрабандистам, чтобы от корабля тянуло рыбой, и это было не случайно. Таможенные сборщики царя Илдиза конфисковали бы корабль, который не пахнет рыбой, прежде чем даже решили бы осмотреть его.

Конан стоял на скрипящем доке, одетый в темно-синий плащ, который на него накинул Гурран, чтобы киммериец слился с ночью. Конан был единственным, если конечно не считать Ордо, кто знал, что одноглазый контрабандист назвал корабль «Карела» — именем женщины, которую он не видел почти пять лет, но которую продолжал безуспешно искать. Конан тоже знал ее и понимал одержимость контрабандиста.

В то время как остальные загружали корабль провиантом и снастями, киммериец внимательно наблюдал за одиночным сторожем, зарабатывающим себе на жизнь этой работой, или же, скорее всего, выписывающим случайный патруль таможенников Царя. Легкая головная боль в середине лба была единственным напоминанием о яде.

— Настойка старого дурня сработала неплохо, — сказал Конан, когда Ордо прыгнул на док с корабля. — Я мог бы подумать, что яд исчез совершенно.

— Ему можно было сработать лучше, — хмыкнул его старый друг. — Ты пообещал ему сто золотых, когда старик уже согласился взять травы вместо денег.

— Моя жизнь стоит ста золотых — по крайней мере для меня, — сухо сказал Конан.

Приглушенные ругательства и мягкий звук упавшего на палубу тела донесся с корабля.

— Ордо, ты действительно набрал всех слепых идиотов, каких только мог найти, для этого похода?

— Мы можем только мечтать о том, чтобы у нас было вдвое больше сабель, прежде чем дело будет закончено. А если подумать о том, что половина моих людей утонула в кувшине вина, я должен был брать

то, что было под руками. Или ты предпочитаешь выждать еще один день? Я слышал, что городской стражник изрубил в лапшу одного альбиноса, в сумерках по ошибке приняв его за северянина. Они прочесывают город, обыскивая каждую таверну и бордель в Султанпуре.

— На это им потребуется не меньше ста лет, — засмеялся Конан.

Легкое воркование донеслось до ушей киммерийца, и он устался в изумлении на плетеную клетку с голубями, которую подняли на борт, после чего последовала еще одна клетка с курами и три козы.

— Один из наших посоветовал это сделать, — сказал Ордо, — и я подумал, что это неплохая мысль. Мне уже надоело выбирать между сушеным и соленым мясом, когда мы находимся в открытом море.

— Если только они не принадлежат к команде, Ордо.

— Козлы не лучше некоторых чужеземцев, известных мне н... — Бородатый человек оборвал свою фразу, когда огонек света вспыхнул на корабле. — Во имя Девяти Адов Зандру!..

Конан не терял время на ругательства. Прыгнув на палубу, он вырвал горящую глиняную лампу из рук высокого, тощего туранца и выбросил ее за борт. Туранец гневно уставился на Конана.

— Как же я должен видеть, куда класть вещи в такой темноте?

Конан не знал этого человека, судя по всему, это был один из новичков-рекрутов Ордо. Он был одет в серые шаровары, тюрбан и кожаную жилетку — постоянную одежду обитателей порта.

— Как тебя зовут? — спросил киммериец.

— Меня зовут Шамил. А ты кто такой?

— Шамил, — сказал Конан. — Я буду считать, что ты слишком глуп, чтобы понять, что горящую лампу могут также увидеть далеко отсюда те, кому это совершенно ни к чему. — Его голос стал жестче. — Я даже не подумаю о том, что ты мог быть шпионом,

работающим на таможенников, пытаюсь привлечь их внимание. Но если ты сделаешь это опять, я заставлю тебя съесть эту лампу.

Ордо появился позади него, пробуя острие своего кинжала на толстом ногте.

— А после этого я перережу тебе глотку. Тебе все понятно?

Худой туранец настороженно кивнул.

— Слепые скоты, Ордо, — сказал Конан и повернулся, чтобы уйти, прежде чем его друг успел заговорить. Веселье киммерийца, охватившее его до этого, поутихло. Такие люди, как Шамил, могли вполне потерять голову еще до того, как вообще увидят Зарпанш. И кто знает, как много таких людей было среди новичков? Даже если они не погибли бы по глупости, вроде того, чтобы использовать горящую лампу там, где необходима была невидимость и полная темнота, многим ли из них Конан мог доверять, когда дело дойдет до боя на другом берегу Вилайета?

Бормоча что-то про себя и спотыкаясь, вниз по темной палубе сошел Гурран и сунул оловянную кружку в руки Конана.

— Выпей это. Я не могу быть уверенным в эффекте, который даст морское путешествие. Лучше всего перестраховаться, приняв двойную дозу, и быть в безопасности.

Конан глубоко вздохнул и, зажав пальцами ноздри, осушил кружку одним глотком.

— Эта штука больше не напоминает по вкусу верблюда, — сказал он с гримасой.

— Ингредиенты немного другие, — ответил ему гербариус.

— Теперь это питье похоже на то, что в него всего лишь верблюда окунули. — Конан бросил пустую кружку Гуррану, когда Ордо присоединился к ним.

— Ящики лежат в трюме, — сказал он тихо, — и мы готовы, как всегда, хоть сейчас выступай. Прими руль, киммериец, пока я расставлю людей у весла.

— Пригляди за ними, чтобы они не вышибли друг у друга мозги, — сказал Конан, но Ордо уже исчез в темноте, шепотом отдавая команды.

Киммериец передвигался быстро и ловко, хмурясь при стуке весел, когда их укладывали в уключины. Когда судно стало выходить из залива, Конан всем своим весом навалился на руль, направляя корабль к полюсе открытой воды. Слова Ордо, командующего тихо «раз-два», «раз-два», чтобы гребцы налегали на весла в такт, донесли до Конана сквозь скрип снастей и плеск воды. Фосфоресценция освещала воду при каждом плеске весел и на волне, разрезаемой носом корабля. Около двадцати кораблей всех размеров стояли в это время на якоре в заливе; галеры и купеческие широкобортные корабли из каждого порта Вилайета. Конан вел судно зигзагообразным курсом, огибая стороной эти корабли. Военные царские биремы стояли в северной части порта, но несколько часовых, нанятых купцами, обязательно будут здесь, следя по сторонам, чтобы ничего не случилось. Никто, однако, не собирался поднимать тревоги, если, конечно, корабль контрабандистов не подошел бы слишком близко. Часовых нанимали, чтобы охранять корабли от воров и пиратов, некоторые из которых были достаточно дерзкими, чтобы входить в порт Султанапура или даже Аграпура, а не для того, чтобы привлекать ненужное внимание к кораблям, чьи капитаны часто везли товары, не указанные в таможенной декларации.

Прибрежный ветер нес не только запахи города, но и вонь самого залива. Аромат специй, пряностей, запах пота от галер работяг смешивался с запахом воды. Отходы и испражнения выбрасывались прямо за борт, когда корабль был в море или порту, и залив Султанапура давно уже превратился в сточную канаву. Наконец судно прошло мимо последнего из стоящих на якоре кораблей, но вместо того, чтобы расслабиться, Конан напрягся и пробормотал проклятие.

— Ордо! — хрипло позвал он. — Ордо, погляди на мол!

Длинный каменный мол-волнолом защищал залив от резких, порывистых, внезапных штормов на Вилайте. Шторм мог бросить такие обычно спокойные волны на корабли и разбить суда о причалы. Две широкие барки для перевозки овец закрывали проход в открытое море, оставляя свободной лишь узкую полосу воды. На каждой стороне барки стояла высокая гранитная башня. Башни не были еще видны из-за сгустившейся темноты, и обычно в них размещалась стража только в случае войны. Но зато было хорошо видно, что свет от факелов просачивался сквозь бойницы для лучников. Ударив со злости кулаком по колену, Ордо медленно пошел по палубе, уставившись на полосу света. На мгновение свет факелов стал менее отдаленным и приближался теперь с каждой минутой. Ордо спокойно заговорил, когда рядом был только Конан и никто другой не мог его услышать:

— Это, должно быть, из-за этого проклятого Митрой убийства адмирала, киммериец. Но если они поставили на башни стражу...

— Цепи? — спросил Конан, и бородатый человек мрачно кивнул.

Цепи были еще одной предосторожностью во время войны, как и стража на башнях. Цепи были сделаны из массивных железных звеньев и были способны удерживать, не разорвавшись, самый сильный удар тарана самой большой триремы. Их могли растянуть почти над самой поверхностью воды, чтобы надежно закрыть вход в порт даже самым маленьким судам, вроде того, на котором плыли контрабандисты. Конан медленно заговорил:

— Нет никакой причины ставить на башню стражу, если только цепи не подняты. Ночью они не слишком-то полезны. Но войны нет, только убийство. — Конан кивнул самому себе. — Ордо, цепи поставлены не для того чтобы удерживать корабли от проникновения внутрь порта, а для того чтобы удерживать их *внутри*.

— Удерживать их внутри?

— Попытайся удержать убийцу Высшего Адмирала, — нетерпеливо сказал киммериец. — Здесь нет городских ворот, которые нужно закрывать и охранять. Только цепи.

— Ну, а если ты прав, то что это нам дает? — хмыкнул кисло Ордо. — Цепи или ворота, мы заперты здесь, как зайцы в клетке.

— Во время войны в каждой башне сидит не меньше сотни солдат. Но сейчас... Они не ожидают атаки, Ордо. И сколько людей нужно, чтобы наблюдать за цепью? Столько же, сколько и для охраны ворот?

Ордо свистнул беззвучно сквозь зубы.

— Это игра, киммериец, — сказал он наконец. — Ты предлагаешь смертельно опасную игру.

— У меня нет другого выбора. Кубики брошены, так или иначе, а моя жизнь уже поставлена на кон и оценена.

— Да, это верно. Но разрази меня гром, если все это мне нравится. Нам надо попробовать ту башню, которая стоит ближе к берегу. Иначе придется иметь дело с тремя десятками стражников, прежде чем дело будет сделано.

— Нет, не ты, — сказал Конан. — Если мы пойдем вдвоем, как ты думаешь, долго ли нас будет ждать корабль? Новые люди в команде не пойдут против старых, а старые тоже не слишком-то рвутся в это путешествие.

— Они все знают, что я достану хоть из-под земли любого, кто бросит меня и мой корабль, — проворчал Ордо. — Последую за ним на край света, если это будет нужно, и разорву ему глотку голыми руками. — Однако одноглазый взял руль из рук киммерийца. — Тебе нужны помощники. Ты не можешь идти на это дело в одиночку.

Конан подошел к мачте и встал на середине палубы, где лежал свернутый парус. Скорость гребцов, которая стала сбивчивой без команды Ордо, замедлилась еще больше. Даже в темноте Конан чувствовал, что вся команда пристально смотрит на него.

— Беда, случившаяся в городе, причинила нам большую неприятность, — сказал Конан спокойно. — Сторожевые цепи подняты. Я собираюсь опустить одну из них и дать нашему кораблю возможность выйти из порта. Если это не удастся, то мы дошли до этого места впустую. У нас есть ящики с пряностями, или во всяком случае, мне сказали, что это пряности, которые нужны только вендийцам, и вендийцы оставят при себе свое золото, если мы не доставим им эти ящики.

Он выдержал паузу и ждал. Золото всегда хорошо звучало в конце речи, отпечатываясь, как от удара каленым железом, в мозгах слушающих. К удивлению Конана, Хасан поднял свое весло и молча встал. Гурран зашевелился и еще плотнее закутался в плащ. Больше никто не сдвинулся с места. Конан внимательно посмотрел на две темные линии гребцов — люди неловко зашевелились на скамьях. Убедить их было бы очень нелегким делом. Явные трусы недолго числились в рядах Берегового Братства, но те, кто слишком рвался в бой, также не задерживались в контрабандистах. Ну что ж, вполне можно начать с самых крепких орешков.

— Ты, Пританис?

Немедиец с обрезанным носом оскалил белые зубы — это могло быть и усмешкой, и рычанием.

— Ты хочешь идти в этот поход, северянин? Тогда ты и опусти цепь. А я... я предпочел бы быть сейчас на берегу с доброй кружкой пива в руке и девкой, сидящей у меня на колене.

— Куда более безопасное место, это верно, — сказал сухо Конан, и в рядах гребцов раздался тихий смех. Пританис сердито сжал руками весло. Шамил, вытащив весло почти что рядом с Конаном, не сделал движения, чтобы подняться, но в воздухе, казалось, колыхалось ожидание, и десятки глаз смотрели на него; Конан чувствовал это даже в почти абсолютной темноте.

— Ну, а что скажешь ты, зажигающий лампы? — спросил киммериец.

— Я просто ожидал, чтобы ты спросил меня, — тихо ответил худой туранец. Его весло заскрипело в уключине, когда он положил его в сторону. Внезапно сразу двое встали в середине ряда. Конан узнал их — это были те, кто был в отряде Ордо еще до того, как Конан прибыл в Султанапур.

— Я не хочу, чтоб ты подумал, будто только зеленые новички идут с тобой, — сказал один из них, кофит по имени Балис. Толстые старые шрамы покрывали его голову — в прошлом кто-то не очень умело отрезал ему уши за какую-то провинность. Другой контрабандист, худой, с провалившимися щеками шемит, который называл себя Энам, ничего не сказал, а просто вытащил свой тулвар и проверил острие лезвия.

— Глупцы, — фыркнул Пританис, но он сказал эти слова очень тихо.

Конан махнул рукой, подав сигнал Ордо. Он почти не видел его в темноте, и капитан казался серым сгустком, стоящим на борту корабля. Судно повернуло к молу. Послышался шорох волн, ударяющихся о гранитную стену, неожиданно выросшую из темной воды. Стена была высотой больше, чем человеческий рост, выше, чем палуба корабля. Даже новички знали достаточно о кораблях, чтобы понять, что им нужно делать. Они тихо взмахивали веслами. Затем те, кто греб на той стороне, где находился мол, подняли вверх весла, чтобы держать судно на небольшом расстоянии от камней. Высокий киммериец не терял времени на слова. Встав на фальшборт, он высоко прыгнул, ухватился за верхнюю часть стены мола и, подтянувшись на руках, сел на грубую гранитную поверхность. Кряхтенье и приглушенные ругательства подсказали ему, что друзья также перепрыгнули на стену, карабкаясь наверх. У них более чем достаточно пространства для движения, так как стена была около двадцати шагов в ширину.

— Нам нужно их убить? — спросил глухо Хасан.

— Возможно, в этом не будет необходимости, — ответил Конан. — Пошли.

Квадратная каменная башня занимала весь последний кусок мола, уходящий клином в воду, за исключением узкой каменной дорожки для часовых вокруг нее. Острая, увенчанная зубцами и бойницами вершина уходила вверх на расстоянии двадцати метров, и только тяжелая, крепкая гранитная дверь вела внутрь башни у ее подножия.

В бойницах для лучников на втором этаже горел желтоватый свет факелов, больше свет не шел ниоткуда. Жестом приказав остальным уйти в тень у основания башни, Конан вытащил из ножен кинжал и плотно прижался к каменной стене у двери. Осторожно прикинув расстояние, он бросил кинжал на камни, примерно в двух шагах от себя. На мгновение он подумал, что звон металла не проник внутрь башни. Но через несколько секунд послышался лязг засова и дверь широко распахнулась. Струя света упала на полосу камней, и стражник без шлема высунул голову наружу. Конан затаил дыхание, но кинжал, лежащий на краю полосы света, привлек внимание туранца. Он нахмурился и вышел наружу. Конан метнулся к нему с быстротой и ловкостью атакующего сокола. Одной рукой он сжал рот стражника. Другой схватил его за пояс для меча и поднял вверх, после чего бросил солдата вниз. Раздался громкий плеск и жалобные крики: «Помогите! Помогите!»

— Этот дурень свалился в воду! — крикнул кто-то внутри башни, и стук сапог донесся до Конана и его товарищей. Четверо стражников поспешили на помощь своему неудачливому приятелю. На их головах также не было шлемов; в руке одного из них была деревянная кружка — было очевидно, что никто из них не ожидал опасности. Они резко остановились, когда увидели, что перед ними стоит молодой гигант, их руки метнулись к рукояткам сабель, но было уже слишком поздно. Кулак Конана расплющил ближайший нос, и пока этот человек падал, обрушил сильный, как удар молота, «крюк» в челюсть другого. Двое стражников упали один на другого. Остальные, как заметил

Конан, тоже свалились очень быстро, и никто не обнажил оружие.

— Бросьте их оружие в воду, — приказал киммериец, поднимая свой кинжал, — и свяжите солдат.

Крики о помощи донеслись до него с поверхности воды, на этот раз они были более громкими и отчаянными.

— Потом сделайте веревку из их туник и поясов и вытащите этого болвана из воды, прежде чем он разбудит и поднимет на ноги весь город.

С мечом в руке Конан осторожно вошел в башню. Самый нижний этаж башни был одной большой комнатой, освещенной факелами, с каменными ступенями лестницы, ведущими вверх. Почти все помещение было заполнено массивным, громадным воротом, соединенным со сложным устройством из огромных бронзовых шестерен, на которых блестела свежая смазка — жир. Длинная металлическая «рука» шла от самой маленькой шестерни до бронзового колеса, которое было привинчено к стене. Толстая железная цепь была уложена рядами на ворот и барабан. Металл на каждом звене цепи был толщиной в руку взрослого мужчины, и на нем не было и пятнышка ржавчины. Говорили, что давным-давно, много веков назад, один из туранских царей, приказавший сделать эту цепь, предложил столько рубинов, сколько он будет весить сам, тому кузнецу, который сможет сработать такую цепь из железа, чтобы она не ржавела вечно. Говорили также, что царь честно заплатил этими рубинами кузнецу, включая вес рук и языка, которые он отрубил кузнецу, чтобы секрет цепи не смог перейти к другим. От ворота цепь шла в узкое круглое отверстие в каменном полу. Конан игнорировал его, сконцентрировав свое внимание на том, как ослабить цепь. Похоже, что только один бронзовый клин удержал шестерни на месте.

— Конан, сзади!

Услышав предупреждающий крик, Конан резко повернулся, и меч сверкнул в его руке. Покатившись по лестнице, мертвый стражник тяжело рухнул прямо под

ноги киммерийцу. Кинжал торчал у него в груди, вошедший по самую рукоятку, заряженный арбалет лежал рядом.

— Он целился тебе в спину, — сказал Хасан, стоя у двери.

— Я — твой должник теперь и когда-нибудь отплачу тем же, — проговорил Конан, сунув меч в ножны.

Конан быстро освободил клин и, отбросив его в сторону, налег всем телом на бронзовую перекладину. Но это было все равно, что пытаться сдвинуть с места скалу. Судя по длине перекладины-рычага, для того чтобы сдвинуть ворот с места, нужно было как минимум пять человек. Мышцы киммерийца вздулись буграми от напряжения, и перекладина сдвинулась с места, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Но сам ворот двигался гораздо медленнее, и громадные звенья цепи звякали в отверстия в каменном полу. Конан напряг все свои силы, чтобы ворот стал двигаться быстрее. Внезапно за его спиной появился Хасан и налег на рычаг, добавив больше силы и энергии, чем предполагало его сухое, худощавое тело. Балис просунул голову внутрь помещения.

— Цепь уже опустилась под воду, насколько я могу видеть, киммериец. И еще. На дальней стороне канала какое-то движение и шум. Они, должно быть, услышали крики тонущего стражника.

Конан неохотно отпустил рычаг. Очень скоро сюда будет отправлена лодка с солдатами, чтобы узнать, что случилось, и хотя на ней вряд ли будет много людей, задача Конана и Ордо была в том, чтобы спастись, а не вступать в бой.

— У нашего судна небольшая осадка, — сказал он. — Я думаю, что оно пройдет без труда.

Когда трое людей поспешили выбежать из башни, Шамил и Энам подняли на ноги пятого стражника, связали его и заткнули ему рот кляпом из его собственной, мокрой от вынужденного купания туники, после чего положили его в ряд с четырьмя его това-

рищами, все еще лежащими без сознания. После этого они молча последовали за Конаном по узкой дорожке у подножия башни. Единственный глаз Ордо (как хорошо было известно Конану) был острее, чем оба глаза Балиса. И кроме того, здоровяк Ордо не стал бы терять драгоценных секунд. Прежде чем они дошли до края стены волнолома, мягкий, тихий скрип весел и плеск воды послышались рядом с ними. Корабль появился перед ними в тот момент, когда они стояли у стены.

— Прыгайте! — скомандовал Конан.

Подождав только несколько секунд, чтобы убедиться, что каждый из его людей благополучно приземлился на палубе, киммериец быстро прыгнул вслед за ними. Он приземлился на корточки, пружинисто, как кошка, и все-таки покачнулся и вынужден был ухватиться за мачту, чтобы не упасть на палубу. Голова закружилась, как если бы корабль швыряло во время шторма. Конан стиснул зубы, пытаясь одолеть головокружение. Гурран вышел из темноты и внимательно посмотрел на киммерийца.

— Слишком много движений может снова вызвать действие яда, — сказал он. — Тебе надо отдохнуть, так как есть пределы тому, сколько лекарства я могу дать тебе в один день.

— Я найду того подлеца, кто мне ответит за все это, — сказал Конан сквозь стиснутые зубы. — Даже если у него нет противоядия, я найду эту мразь — и убью.

С кормы донеслась хрипая команда Ордо:

— Гребите! Чтоб вас поглотил Эрлик, гребите!

Гребцы налегли на весла, и узкий, стройный корабль поплыл прочь от Султанапура, как водомерка, бегущая по черной воде.

Разъяренный Найпал с рычанием поднялся на своей большой круглой постели, уставившись неподвижно в темноту. Лунный свет струился в комнату

сквозь легкие прозрачные шелковые занавески, закрывавшие узорчатые арочные окна, и бросал вокруг неясные, расплывчатые тени. Две женщины, делившие с Найпалом постель (одна — вендийка, другая — кхитайнка, обе они изящно сложенные, в данный момент — обнаженные), съжились и отпрянули в сторону, прижавшись к шелковым занавесям. Эти две девушки-наложницы были любимцами из *пардаханы** Найпала. Они были опытные, горячи и страстны и всегда были готовы доставить своему господину удовольствие, но сейчас он даже не посмотрел на них. Кончиками пальцев Найпал осторожно стал массировать виски, стараясь припомнить, что же разбудило его. На шее Найпала, на узкой золотой цепи висел большой черный опал. Колдун никогда не вынимал его, так как опал был единственным средством, через которое Масрок мог показать свою покорность или попросить о том, чтобы его вызвали. Однако сейчас темный и холодный камень спокойно висел на цепочке, слегка покалывая кожу. Это был только сон, решил Найпал. Сон, предвещающий... Знамение? Это чувствовалось, как если бы это было какое-то предупреждение...

Предупреждение!

— Проклятье Катар! — выругался колдун, и женщины еще дальше отшатнулись от него. Если позвать слуг, это займет слишком много времени. Найпал кое-как слез с кровати, все еще не обращая внимания на всхлипывающих, испуганных женщин. У них было много чудесных талантов, но только не в эту минуту, только не сейчас... Найпал быстро запахнул халат, то, что он уже не делал много лет, предпочитая, чтобы слуги выполняли это за него. Узкий позолоченный сундучок стоял на столе, инкрустированный лазурью, нефритом и бирюзой. Колдун потянулся к нему немного неуверенно, ведь ему сейчас нет нужды вызывать Масрока, нет нужды угрожать ему; затем он повернулся и

* Пардахана (вендийск.) — гарем.

побежал, оставив сундучок на столе. Отчаянные мысли крутились у него в голове в эту минуту. Какая опасность может ему сейчас угрожать? Масрок закрыл глаза Темным Провидцам Имши. Зайл Бал, бывший придворный маг и единственный человек, которого Найпал по-настоящему боялся, был уже мертв и унесен демонами. И если Бандаркар, подозревая его в темных намерениях, вызвал других магов, чтобы противостоять ему, то он, Найпал, также имел своих людей, стоящих близко к трону, людей, о которых Царь ничего не знал. Колдун знал даже, какую женщину выбрал Бандаркар, прежде чем она достигла царских покоев. Что же это могло быть? Что?

Темнота помещения с высоким куполом глубоко внизу, под дворцом, смягчалась неземным, потусторонним мерцанием, исходящим от серебряной паутины узора на полу. Найпал метнулся к столу, где лежали колдовские принадлежности — хрустальные флаконы, пробирки и реторты, от которых исходило жуткое сияние, и другие, которые были как бы сгустком абсолютной темноты. Его пальцы прямо-таки чесались, желая коснуться сундука из черного дерева, так как в нем лежала сила *Корасани*, однако колдун взял себя в руки и приподнял вместо этого крышку богато украшенной резьбой и орнаментом коробки из слоновой кости. Дрожащими руками Найпал отбросил в сторону шелковую материю. Воздух вырвался из груди колдуна, как предсмертное хрипение. Смутное изображение дрожало на полированной поверхности, уже не такой блестящей и гладкой, как всегда. Отражение являло собой небольшое судно на покрытом ночной завесой море, корабль с одинокой мачтой, продвигающийся вперед ритмичными ударами равномерно поднимающихся и опускающихся весел.

Странные приспособления из хрусталя и кости задрожали, когда колдун ударил кулаком по столу. Как и предполагается, зеркало показало ему источник опасности, но и у него были свои пределы. Где же опасность? С какого моря она шла?

Моря были на юге, и далеко на востоке лежал Безбрежный океан, который, по словам некоторых людей, оканчивался только у края мира. На Западе находился Вилайет, а еще дальше — громадное Западное Море. М-да... По крайней мере, провидцев Имши было легче узнать в зеркале. Найпал закрипел зубами, потом стиснул их, зная, что иначе они просто раскрошатся от гнева. Как густое облако чернил, ужас проник во все поры души. Колдун всегда считал себя выше этого, но теперь понял, что годы, проведенные с зеркалом, так долго стоявшим на страже, размягчили его. Он интриговал, планировал заговоры и действовал без всякого страха, думая, что победил страх, потому что пустота зеркала говорила о том, что планам ничего не угрожает. И сейчас, сейчас он увидел этот проклятый корабль! Маленькая, крошечная точка на воде, во имя всех богов! С колоссальным усилием Найпал заставил свое лицо снова принять обычное, внешне спокойное выражение. Он напомнил себе, что паника ничего не дает. Хуже, чем ничего, так как она подавляла всякое действие. У него есть агенты во многих местах и средства связаться с ними быстрее, чем полет орла. Его глаза отметили про себя, какой это был корабль, и он хорошо запомнил его форму. Пальцы колдуна теперь едва заметно дрожали, двигаясь вдоль странных колдовских предметов на столе. Откуда бы ни пришло это судно, к какому бы берегу оно ни пристало, там будут люди и сразу же опознают его. И задолго до того, как они достигнут цели, опасность будет залита водой, как огонь во время пожара.

Глава 7

Конан стоял на палубе, широко расставив ноги и правой рукой опираясь на мачту, чтобы удержать равновесие. Он пристально вглядывался в темноту, которая была восточным берегом Вилайета. Корабль подошел так близко к побережью, как это позволяла его осадка.

Недалеко к западу лежали острова. Самой «приятной» вещью, которую говорили о них люди, были слова — логово пиратов. Говорили о них и еще кое-что, правда, эти слова уже произносили в темных углах и шепотом. Но что бы ни обитало там, никто не хотел привлекать к себе излишнего внимания.

Киммериец ел из общего котла, как и все. Он спал у кормы, рядом с двумя оставшимися козами и плетеной клеткой с голубями. Куры последовали вслед за первой козой — в желудки контрабандистов.

Большинство команды растянулось на палубе, используя вместо подушек грязную ветошь или мотки веревок и канатов. Облака заслонили луну, и только изредка ее легкий луч прорезал темноту. Треугольный парус был надут сильным ветром, и плеск воды за бортом как бы отвечал резкому храпу людей.

«Но с другой стороны, — подумал Конан, — мало кто из команды рвался поскорее высадиться на берег в поисках людей, которым принадлежали сундучки».

Хотя глаза киммерийца и были острыми, он не мог уловить очертаний берега. И, что еще хуже, нигде не было видно сигналов, о которых говорил Ордо.

— Они должны быть там, — пробормотал Конан самому себе.

— Но будет ли у них противоядие? — спросил Гурран, передавая Конану бокал с лекарством, ставший уже привычным каждодневным ритуалом для киммерийца. Конан старался не смотреть на мутную жидкость в помятом оловянном бокале. Ему не слишком-то улыбалось смотреть на питье, уже здорово осточертевшее.

— Оно будет у них, иначе... — Задержав свое дыхание, Конан осушил бокал одним глотком, пытаясь сделать так, чтобы пойло попало прямо в глотку, не опалив своим жутким огнем язык.

— Ну, а если нет? — настаивал старик. — Похоже, что на берегу никого нет.

Гримаса киммерийца, только что хлебнувшего снадобье, превратилась в улыбку.

— Они там, я знаю. — Он указал на три лучика света, которые только что вспыхнули в полной темноте на побережье южного изгиба устья реки. — И у них *будет* это противоядие.

Гербариус заковылял вслед за Конаном, когда тот двинулся вниз по палубе. Ордо склонился позади большого открытого дубового, окованного железом сундука, который был привязан к мачте.

— Я увидел огни, — пробормотал он, когда киммериец подошел к нему. — Теперь нам надо убедиться в том, что они те, кто нам нужен.

Он очень быстро соорудил какой-то странный аппарат, состоящий из трех покрытых колпаками бронзовых ламп, привязанных к длинному шесту. На шесте было также несколько крюков, на которые можно было повесить еще парочку ламп, если в этом возникла бы необходимость. Как только лампы были зажжены, Ордо высоко поднял свой шест. Те из команды, кто уже проснулся, встали, чтобы посмотреть, что он делает. Метод Ордо был, кстати, не таким уж необычным и часто использовался контрабандистами. На берегу центральный из трех огней исчез, как будто кто-то его внезапно затушил. Три раза бородатый контрабандист поднял и опустил шест с лампами. Оставшиеся огоньки на берегу потухли, и Ордо, облегченно крикнув, окончательно опустил шест и потушил все лампы. Лампы едва успели потухнуть, как он уже громко орал:

— Поднимайтесь, ленивые псы! На ноги, порождения вшивого верблюда! Пусть Эрлик заберет ваши подлые души, вставайте же!

Судно превратилось в муравьиную кучу, по мере того как люди поднимались спросонья, некоторые были подняты ударом сапога одноглазого бородача. Конан подошел быстрыми шагами к рулю и увидел Шамила, который уже поворачивал его.

Конан жестом показал новичку, чтобы тот отошел, и встал на его место. Нижняя часть паруса висела достаточно высоко, и киммериец мог видеть впереди береговую линию.

— Что случилось? — требовательно спросил Гурран. — Сигналы были правильными? Мы высаживаемся на берег или нет?

— Это вопрос доверия, — объяснил Конан, не оборачиваясь и глядя на берег. — Люди на берегу видят корабль, но тот ли это контрабандист, которого они ждут? Сигналами мы обменялись, но не местом высадки. Если корабль таможенников, солдат или пиратов высадится там, где горели сигнальные огни, то они обнаружат только одного человека, да и то только в том случае, если он разиня или медлительный глупец.

Еще один тонкий луч света появился на берегу, отделенный от остальных почти на полкилометра.

— И если бы мы не дали им в ответ правильного сигнала, — продолжал киммериец, — они не показали бы нам, где можно высадиться на берегу.

Гурран внимательно смотрел на суматоху, поднимающуюся среди контрабандистов. Некоторые из них ошпыльвали тулвары и кинжалы в ножнах. Другие развязывали свои мешки, чтобы проверить тетиву луков и острия стрел.

— И ты доверяешь им ровно настолько, насколько они доверяют тебе, — сказал он.

— Даже меньше, — усмехнулся Конан. — Если те, кто находится на берегу, не вырвали пытками тайну сигналов у людей, которых мы действительно должны были здесь встретить, то они все равно вполне могут захотеть получить то, что у нас есть для них, — без оплаты.

— Я не имел ни малейшего понятия о том, что это могло быть таким опасным делом. — Голос гербариуса был очень тихим, почти неслышным.

— Тот, кто живет, не рискуя и не подвергаясь опасности, вообще не живет, — заметил Конан, вспомнив старую киммерийскую пословицу. — Ты что, думал, что наше путешествие до Вендии будет легким, как при помощи колдовства? Я не вижу другого пути, чтобы добраться сюда, не подвергаясь при этом опасности.

Гурран ничего ему не ответил на эти слова, и Конан переключил свое внимание на дела более неотложные. Ветер быстро нес корабль к ожидающему их свету факела или лампы, но высадка на ночное побережье была сделана иначе. Блоки и тросы закрипели, длинный парус был опущен и уложен на палубу. Несколько канатов было обмотано вокруг паруса, бьющегося на палубе под порывами ветра и задерживающего движения матросов. Контрабандисты двинулись к скамьям гребцов. Скрип и стук весел в уключинах, медленный, тихий плеск, когда весла погружались в черную воду. И совершенно дико в эту минуту прозвучало воркование голубей в клетке, которых взяли с собой. Конан резко повернул руль, и корабль контрабандистов повернуло к берегу, прямо к указывающим на место высадки огонькам лампы. Судно стало подбрасывать на волнах прибой, которые были сильнее у берега. До Конана донесся легкий шум волн, ударяющихся слева и справа о скалы. Он не сомневался, что впереди их ожидает безопасный песчаный берег. Даже таможенники всегда хотели, чтобы груз контрабандистов был в целости и сохранности, так как часть его была вознаграждением. Однако все, что случится после того, как корабль достигнет берега, всегда связано с опасностью и риском. Песок зашуршал под килем корабля, и без всякого приказа гребцы несколькими взмахами отвели судно чуть дальше от берега. Если они слишком плотно причалят к берегу, это вполне может быть смертью для них. С носовой части раздался плеск. Это Ордо бросил в воду каменный якорь. Он поможет удержать судно против прибойной волны, но веревка могла быть перерезана в любой момент. Когда судно дрожа коснулось песчаного дна, Конан встал рядом с другом у носа корабля. Огонек света, который указывал им путь на берег, исчез. Скорее всего, его закрыли высокие дюны и деревья, растущие на берегу. Внезапно странный звук, как если бы камень ударился о металл, донесся с берега. Прямо перед удивленными матросами вспыхнуло пламя,

большое пламя, которое загорелось примерно в тридцати шагах от воды. Одинокая фигура мужчины стояла у костра. Он широко развел руки, показывая, что у него нет оружия. Его лицо не освещал свет костра, но тюрбан на голове был большим, как и те, что носили вендийцы.

— Ну что ж, мы ничего не узнаем, если будем только смотреть, — сказал Конан и спрыгнул за борт. Он почти по пояс окунулся в воду. Тут же Конана окатило водопадом брызг, когда рядом плюхнулся Ордо. Бородатый контрабандист схватил Конана за локоть.

— Дай мне вести разговор, киммериец. Ты никогда не умел красиво и правильно врать, за исключением, пожалуй, женщин. Правда может нам сослужить вернее здесь, но ее надо использовать правильно.

Конан кивнул, и они двинулись к песчаному берегу вместе. Ожидающий их незнакомец был действительно вендийцем, со смуглой кожей и узким, тонким носом. Большой сапфир и плюмаж из белых перьев украшали его тюрбан, и кольца с драгоценными камнями блестели на каждом пальце обеих рук. Богатая одежда из украшенного орнаментом и золотым шитьем шелка дополняла богатый вид незнакомца, хотя на ногах, как бы в контраст одежде и драгоценностям, были надеты обычные, очень поношенные сапоги для верховой езды. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз скользнул по Конану, Ордо и перешел на корабль.

— Где Патил? — спросил незнакомец с жестким акцентом гирканца. Интонация его голоса была ровной, бесцветной и неузнаваемой; казалось, что он спрашивает о погоде или ценах на хлеб.

— Патил покинул Султанапур еще до нашего отплытия, — ответил Ордо, — и сделал это другим путем. Он, конечно, не сообщил нам свой маршрут, как ты, должно быть, понимаешь.

— Он должен был прийти с вами.

Ордо пожал плечами:

— Высший Адмирал Турана убит, и говорят, что это убийство — дело рук вендийца. Улицы в Султана-

пуре, скорее всего, не очень безопасны сейчас для ваших соотечественников.

Это было правдой, подумал Конан. Каждое слово было правдой, но сказано оно было, как заметил Ордо, *правильно* и в нужный момент. Вендиец слегка нахмурился, и морщинка прорезала его бровь. Он медленно кивнул.

— Ну хорошо. Ты можешь называть меня господин Сах-Ба.

— А ты можешь величать меня царь Илдиз, если тебе нужны имена, — фыркнул Ордо.

Лицо вендийца окаменело.

— Разумеется. У тебя есть с собой... товары, Илдиз?

— А у тебя есть золото? Патил говорил о большом мешке золота.

— Золото здесь, на месте, — нетерпеливо сказал Сах-Ба. — Так как же насчет сундуков, о царь Турана?

Ордо поднял высоко над головой правую руку, и от корабля отошла маленькая шлюпка с ящиками.

— Пусть твои люди пешими идут за ним, — предупредил он, — и не больше, чем четыре человека одновременно. И я хочу видеть золото, прежде чем вы заберете ящики.

Шестеро контрабандистов появились в круге света, отбрасываемого костром. У всех шестерых в руках были наготове луки, стрелы были наложены на тетиву. Вендиец невозмутимо посмотрел на них, затем поклонился Ордо, и на губах его появилась сухая усмешка.

— Ну что ж, пусть будет так, как тебе угодно.

Отступив от огня, он исчез в темноте ночи.

— Я ему не доверяю, — сказал Конан, как только вендиец ушел.

— Почему? — спросил Ордо.

— Он принял сказку о Патице слишком легко. Разве ты на его месте не задал бы по меньшей мере несколько вопросов?

Одноглазый покачал головой.

— Возможно, — сказал он. — Смотри в оба, и мы еще сумеем выбраться из этого переплета с целой шкурой, что бы ни случилось.

В мокрой одежде Гурран пыхтя шел по песчаному берегу.

— Такого рода путешествие очень неудобно, — пробормотал он, протягивая свои костлявые руки к костру. — Ты говорил с этим вендийцем о противоядии, киммериец?

— Еще нет.

— И не нужно. Послушай меня, — продолжал он, увидев, что Конан раскрыл было рот, чтобы возразить. — Они могут нервничать, увидев такого силача, как ты, да еще с мечом на боку. Каким образом ты сможешь спросить их об этом, а? Знаешь, у меня есть одна идея. — К удивлению Конана, он вынул кинжал Патила из своего длинного рукава. — Я «купил» оружие у Патила, но он сказал, что у него нет противоядия. Если бы ты сам рассказал такую историю, они решили бы, что ты снял кинжал с его трупа. Если же расскажу я, они скорее поверят в то, что я переспал с одной из **их дочерей**, чем в то, что эти старые руки убили человека. — Он быстро спрятал в рукав кинжал, когда Сах-Ба снова вошел в круг света.

Два человека, по одежде и движениям — явно слуги, следовали за вендийцем. Эти были в тюрбанах из бледно-серого хлопка, у них не было ни колец, ни драгоценностей. Один из них нес свернутое в рулон темное шерстяное одеяло, которое он расстелил в кружке света перед костром по жесту Сах-Ба. Второй слуга нес кожаный мешок. Он наклонил мешок над одеялом. Каскад золотых монет обрушился вниз, подпрыгивая и звеня, пока целых сто золотых сверкающих кружочков не легли горкой на ковре. Конан уставился на них в изумлении. Это было, конечно, далеко не в первый раз, когда он видел такое большое количество золота сразу, но он никогда еще не видел, чтобы его предлагали с такой легкостью. Даже если эти сундуки были наполнены шафраном, они не стоили бы столько.

— Что в этих сундуках? — спросил Конан.

Улыбка тронула губы вендийца:

— Пряности.

Напряженный момент был прерван Ордо, который наклонился над кучей золота и проверил на выбор пять или шесть монет. Он внимательно осмотрел их и, попробовав на зуб, бросил обратно на одеяло.

— Я также возьму и мешок, — сказал он и крикнул через плечо: — Принесите сундуки!

Появилось с десятков контрабандистов, каждый из них нес один из маленьких сундучков. Ордо махнул рукой, и они положили свой груз на другой стороне у костра, после чего побежали обратно к кораблю. Не говоря ни слова, Сах-Ба поспешил к сундукам; слуги следовали за ним по пятам, и еще двое людей бежали по берегу, чтобы присоединиться к нему. Конан также увидел там и Гуррана, но он не мог сказать наверняка, говорил ли старик с кем-нибудь. Встав на колени, Ордо бросал кучки монет в кожаный мешок, делая это как можно скорее. Внезапно гневный крик послышался от группы людей, стоявших вокруг сундуков. Контрабандисты, которые уже подходили к ним с остальными сундуками, замерли на месте. Рука Конана скользнула по рукоятке меча, когда Сах-Ба ворвался в освещенный круг.

— Печати! — завыв вендиец. — Они были сломаны и снова соединены!

Рука Ордо дернулась, как будто он собирался бросить последние монеты и потянуться за оружием.

— Патил сделал это в тот день, когда ушел в обратный путь, — сказал он быстро. — Я не знаю, почему он это сделал. Проверь сундуки, и ты увидишь, что мы ничего не взяли.

Кулаки вендийца сжимались и разжимались, а взгляд кипел бессильной яростью.

— Хорошо, — наконец резко бросил он. — Хорошо. Но я проверю *каждый* сундук лично. — Его пальцы еще конвульсивно дрожали, когда он быстро отошел в сторону.

— Ты был прав, киммериец, — сказал Ордо. — Он не должен был так легко примириться с этим.

— Я рад, что ты согласился, — сказал сухо Конан. — А теперь вот что — ты не считаешь, что этот огонь делает нас такой мишенью, в какую может попасть и ребенок?

— Да, я тоже об этом подумал. — Одноглазый резко затянул завязки мешка и привязал его к поясу. — Давай вернемся со всеми на борт корабля — и как можно скорее.

Сах-Ба уже исчез, заметил Конан, так же, как и первые десять сундуков. Люди в тюрбанах настороженно ожидали остальные сундуки. Это были десять сундуков, а не четыре, как было оговорено, но киммериец не собирался сейчас спорить из-за этого.

Гурран был среди вендийцев, разговаривал и махал руками. Конан надеялся, что гербариус нашел то, что им было нужно. Но для наблюдений у него не было слишком много времени. С нарочитым спокойствием Конан подошел к контрабандистам, которые поджидали недалеко от корабля. Позади них некоторые из лучников уже наполовину натянули свои луки, хотя все еще держали оружие, опустив его вниз.

— Что это был за крик? — требовательно спросил Пританис.

— Неприятность... — ответил Конан. — Но я не думаю, что они атакуют прежде, чем получат свои сундуки и доставят их в безопасное место. Разумеется, если только они не решат, что мы что-то затеваем. Поэтому возьмите сундуки, а потом идите к кораблю как можно скорее, но не бегите. И захватите с собой Гуррана.

— Ты пойдешь на судно сейчас, а? — ядовито усмехнулся Пританис. Волна тревоги пробежала по контрабандистам, стоящим рядом. Конан с усилием подавил гнев и сказал невозмутимо:

— Я останусь здесь, пока вы не вернетесь, как если бы мы доверяем вендийцам как братьям, Они уже терпят терпение, Пританис. Разве ты не хочешь получить шанс покинуть этот берег без схватки?

Немедиец все еще колебался, но другой матрос пробежал мимо него, затем еще один и еще. Бросив злобный взгляд на гиганта киммерийца, Пританис присоединился к остальным. Обхватив руками сундук, Конан пытался создать впечатление безмятежного человека, одновременно пристально глядя вокруг, ожидая атаки, которая, как он чувствовал, последует очень скоро. Отряд контрабандистов встретил стоящих в смятении вендийцев, сундуки поменяли владельцев, перешли из рук в руки, и обе группы разошлись в противоположных направлениях. У контрабандистов был куда более короткий путь до корабля. Как раз в эту минуту один из вендийцев оглянулся назад, сказав что-то своим войнам, и они бросились враспынную, неловко придерживая свою ношу.

— Бегите! — крикнул Конан контрабандистам, и в этот момент они повиновались ему без споров; двое из них помогали бежать Гуррану. Ритмичный топот донесся до Конана, когда он уже вынимал меч из ножен. Киммериец подавил желание выругаться, крикнув вместо этого своим людям:

— Берегитесь всадников!

У лучников едва хватило времени, чтобы поднять луки, прежде чем с десятков всадников в тюрбанах, шлемах, кольчугах и с опущенными тяжелыми копьями галопом вынеслись из-за дюн. Тетивы луков хлестнули по кожаным перчаткам лучников, и пятеро врагов свалились с седел. Остальные, один из которых был ранен, резко дернули свои поводья и умчались в темноту. У вендийцев были также и свои лучники, но их мишенями были не люди. Горящие стрелы, освещая все вокруг, неслись к кораблю. Одни с шипением падали в море, другие впились в деревянный борт судна. У Конана не было времени тревожиться о корабле или о чем бы то ни было другом. Двое всадников галопом выскочили из темноты, низко пригнувшись в седлах, и казалось, что они скачут плечом к плечу, как бы соревнуясь друг с другом — кто первый сумеет насадить киммерийца на копье. Зарывав, Конан прыгнул в сторону, ускользнув от копий с длинными железными наконечниками.

Двое всадников попытались одновременно взять Конана в кольцо, но он вырвался из него, подскочив сбоку к одному из нападавших. Меч ударил по металлической бляхе на позолоченной кольчуге и, скользнув вниз, впился между кольчужными звеньями. Одновременно с тем, как лезвие пробило ребра и сердце всадника, Конан уже пытался вскочить на лошадь, бросая мертвое тело воина и самого себя против второго противника. Глаза второго вендийца выпучились от изумления под шлемом, прикрывающим голову и лицо; он швырнул на землю копье и схватился было за тулвар. Конан обхватил его одной рукой, одновременно пытаясь вытащить свой меч из тела мертвеца, и двое лошадей, соединенных тремя звеньями — телами, рухнули в дикой пляске на песок. В одно и то же мгновение лезвие меча Конана и тулвара вендийца освободились. В темных глазах врага появился страх, вендиец отчаянно схватился за саблю и нанес рубящий удар. Конан увернулся, а затем, изловчившись, погрузил меч в смуглую шею противника, как если бы он закалял кинжал в крови врага.

Схватка с вендийцами-всадниками отнесла Конана довольно далеко от места, где началось сражение. Когда киммериец оглянулся назад, то, что он увидел, не было приятным зрелищем. Тела людей усеивали песчаный берег, и нельзя было точно сказать, сколько трупов принадлежали контрабандистам, а сколько — врагам. Кроме того, Конан не видел ни одного конника или стоящего пешим человека. Хуже всего, однако, было то, что корма корабля уже пылала.

Конан увидел, что мужчина с ведром воды отражался силуэтом на фоне языков пламени. Как только Конан заметил его, человек бросил ведро, схватился за борт обеими руками и рухнул в огонь.

«Это не Ордо», — подумал Конан.

Одноглазый был слишком умным человеком, чтобы делать подобные вещи, когда вокруг шныряют вражеские лучники. Конан вдруг понял, что огонь на корабле также дал значительно больше света на

песчаном берегу, чем было до этого. Киммериец не был так же хорошо освещен пожаром, как человек на судне, но и он не мог считать себя полностью защищенным ночной темнотой от вендийских лучников. Всегда лучше быть охотником, чем дичью. Похоже, что и враги не остались на том месте, где находился сейчас Конан. Согнувшись почти пополам, он побежал к дюнам... и бросился лицом в песок на крутом склоне, чтобы его не обнаружили, когда почти два десятка всадников появились перед ним.

«На этот раз, — подумал он горько, — мне попалось несколько больше врагов, чем я надеялся увидеть».

Он было подумал о том, чтобы незаметно отползти в сторону, когда вдруг услышал разговор вендийцев.

— Все ли сундуки погружены на выючных животных? — требовательно спросил хриплый, жесткий голос.

— Да.

— А где Сах-Ба?

— Мертв. Он хотел захватить одноглазого живым, чтобы узнать, что тот скажет под пыткой горячим железом. Но контрабандист утопил его в волнах прибой и спасся.

Конан улыбнулся этим фразам.

— Ну и пес с ним, туда ему и дорога, — сказал жесткий голос. — Я говорил с самого начала, что мы должны были броситься на них, как только сундуки появились у них в руках. Сах-Ба всегда все усложнял, чтоб его душу съела Катар. Я думаю, что он начал верить в то, что он действительно повелитель, со всеми своими секретами, заговорами и интригами.

— Это уже не имеет значения. Сах-Ба мертв, и скоро мы переловим всех этих змей.

— Ты предлагаешь нам ждать *так* долго? — спросил жесткий голос. — Как ты думаешь, как долго будет нас ждать караван?

— Но Сах-Ба сказал, что мы должны убить их, всех до одного. И кроме того, у них осталось золото.

— Ты думаешь, что приказы мертвеца и сотня золотых стоят усилий и времени? — усмехнулся человек с жестким голосом. — Подумай вместо этого о том, какой прием нам окажут, если эти сундуки не достигнут Айдохьи в целости и сохранности. А тогда нам лучше присоединиться к Сах-Ба.

Гробовое молчание было ответом на эти слова. Конан почувствовал согласие, которое исходило от тех, кто слушал этот разговор. Как бы подчеркивая, что дальнейшие слова лишни, вендийцы дернули за узду своих лошадей, повернув в обратную сторону, и поскакали галопом назад. Через несколько секунд Конан услышал, как другие всадники присоединились к ним и они все поскакали на юг. В том, что услышал от вендийцев киммериец, было много нового, и это нужно было серьезно обдумать. Во-первых, эти проклятые сундуки, казалось, были очень важными по своему значению каждый раз, когда кто-то говорил о них. Но в эту минуту, решил Конан, у него были куда более неотложные дела, о которых нужно было позаботиться. Половина корабля уже пылала к тому времени, когда Конан достиг берега. В свете огня Ордо и еще трое контрабандистов были отчетливо видны, они отчаянно бросали воду из ведер и бадей в пламя. С таким же отчаянием они смотрели на берег.

— Вендийцы ушли! — крикнул Конан. Схватившись за канат, он прыгнул на палубу. Языки пламени уже лизали парус.

— Чтoб Эрлик испепелил тебя! — завыл одноглазый. — Это мой корабль!

Одна из коз была мертва — стрела пронзила ей горло. У нас будет не слишком много еды, подумал Конан и бросил козу на берег. Вторая коза, живая, последовала за первой, чуть не свалившись на голову Ордо.

— Мой корабль! — простонал он. — Карела!

— У тебя будет другой корабль. — Конан опустил клетку с живыми голубями и встретил глазами гневный

взгляд Ордо. — У тебя будет другой корабль, мой друг, но с этим уже все кончено.

Ордо со стоном взял плетеную сетку.

— Уходи с корабля, киммериец, иначе и ты сгоришь.

Но вместо этого Конан начал хватать все, что еще не горело, — связки канатов и веревок, бурдюки с водой, мешки с личными вещами — и бросать их на берег. Они очутились в чужой стране, что означало, скорее всего, враждебную землю, и любой провиант и вещи, которые у них были, могли быть получены из горящего корабля. Жар становился нестерпимым, когда пламя подходило совсем близко. Смола из пазов корабля растопилась и стала гореть, наполняя воздух удушливым черным дымом. Только когда уже стало невозможно еще что-нибудь спасти, Конан оставил пылающий корабль, прыгнув на берег. Разбрызгивая воду, он сел на колени, отчаянно кашляя. Через некоторое время он вдруг понял, что рядом стоит Гурран. Сухие, пергаментные руки гербариуса сжимали кожаную сумку с длинным ремешком.

— Я очень сожалею, — сказал Гурран, — что ни у кого из вендийцев не оказалось противоядия, которое тебе нужно. Хотя, так как они явно собирались убить нас, вполне возможно, что они лгали. В любом случае, я проверю и обыщу их тела. На всякий случай. Но я могу заверить тебя, что у меня есть все, что надо, чтобы держать тебя в живых до того момента, когда мы достигнем Вендии.

Конан пробежал глазами по берегу. Мертвые и раненные люди усеивали песок. Горстка контрабандистов неуверенно выходила из темноты. Позади, как громадный костер, пылал корабль.

— До того момента, когда мы достигнем Вендии, — сказал Конан мрачно.

Пока последние языки пламени потухали на останках корабля контрабандистов, Джелал тихонько отошел в дюны, держа под мышкой сумку из грубой шерс-

тяной материи. Остальные были слишком утомлены, чтобы заметить его, да и кроме того, он сделал это очень быстро и ловко. Он нашел на ощупь поваленные деревья и кусты, разбросанные в низких песчаных холмах и маленькой ложбине, хорошо укрытой от пляжа, развел небольшой костер. Кремень и кресало снова вернулись в его сумку, а вместо них в его руке оказались маленькая, плотно закупоренная бронзовая чернильница, короткое, остро очиненное гусиное перо и тонкие полосы пергамента.

Так быстро, как это было возможно, без того, чтобы не порвать пергамент, Джелал стал писать: «Мой господин, кажется, я случайно попал на след. Если бы я думал, что это не так, то это было бы слишком большим совпадением во всех случившихся событиях. Пока у меня нет еще ответов, а только больше новых вопросов. Как вы и опасались, следы ведут в Вендию, и я последую туда, чтобы окончательно разрешить все вопросы».

Что-то зашуршало в темноте, и Джелал быстро бросил горсть песка на крошечный костер, потушив его и погрузив все вокруг в темноту. Легкий запах дыма и горящего дерева в воздухе легко было спутать с запахом обугленных останков корабля. На мгновение Джелал затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что было вокруг. Сейчас у него не было никакой нужды рисковать. Подписав письмо на ощупь, он снова сложил письменные принадлежности в мешок и скатал в тонкую трубочку клочок пергамента. Затем вытащил из шерстяной сумки голубя. Это была просто удача — взять с собой голубей на корабль, и еще большей удачей было то, что их всех еще не успели съесть. Он быстро привязал пергаментную трубочку к ноге голубя и подбросил его в воздух. Птица захлопала крыльями, набирая высоту, и исчезла, неся первое донесение к господину Халиду в Султанапур. Джелал знал, что это донесение говорило об очень немногом. Но если те события и вещи, которые он пока видел, прояснились бы более отчетливо, он поклялся, что

проследит за тем, чтобы Конан и Ордо были возвращены в Туран и их головы украсили бы пики у Ворот Чужеземцев.

Глава 8

Вниз, к югу, течение Зарпаша становилось серым, медленным и унылым, так как тяжелые свинцовые облака заслоняли солнце и пропускали только несколько лучей, которые почти не оживляли безжизненную местность. Притаившись, сидя на корточках, Конан наблюдал, как *бхалканийский* жеребец щипал редкие кустики жесткой травы возле маленького дубка. Конан прикидывал в уме, насколько спокойна лошадь и можно ли сделать новую попытку. Высокое седло черного жеребца было украшено серебряными пластинками, и ленты из красного шелка свисали с уздечки. Очень осторожно и медленно киммериец выпрямился. Лошадь насторожилась, повела ушами, но продолжала щипать траву, не придав большого значения шуму. Песок захрустел под ногами Конана, когда он стал медленно приближаться к коню. Его рука коснулась поводьев... и жеребец, казалось, взорвался. Конана подбросило в воздух от диких прыжков коня, но киммериец не выпустил из рук уздечки. Он извернулся, как кошка, и прыгнул коню на спину, схватив правой рукой гриву животного. Жеребец склонил голову, и добавочный вес человека пригнул его колени. Снова поднявшись на ноги, лошадь яростно стала трясти головой. Дико ржа и храпя, животное прыгнуло в воздух, пытаясь сбросить седока, но Конан вцепился яростно и крепко. Он знал, что должен это делать, так как рано или поздно животное начнет устывать.

Прыжки вскоре стали короче, да и на дыбы лошадь поднималась через гораздо большие промежутки времени. Внезапно жеребец замер, раздувая ноздри и тяжело дыша, бока его ходили ходуном. Животное еще не по-

корилося до конца, и Конан это знал. Конь уставился на Конана горящими глазами, и в этих глазах горела сила воли и непокорность. Вопрос был не в том, решил жеребец или нет подчиниться седоку. Конан не доверял коню ни на секунду и не отпускал поводья, зная, что видимость спокойствия вполне могла быть уловкой. С невероятной осторожностью киммериец прыгнул коню на спину, а потом уселся в седле. Жеребец только вздрогнул и переступил ногами, когда Конан взял в руки уздцы, украшенные красными лентами. Конан наконец позволил себе расслабиться и погладить шелковистую, выгнутую дугой шею и мягко направил коня легкой рысью по направлению к берегу моря.

Обгорелые шпангоуты корабля, омываемые пенистым прибоем, торчали как громадные ребра какого-то неведомого животного. Легкий дымок еще поднимался над остовом судна, напоминая о страшной ночной атаке. Примерно в трехстах шагах к северу черные вороны описывали круги над дюнами. Видимо, вороны намеревались оспаривать добычу у больших грифов, которые уже спускались к телам, лежащим неподвижно на песчаном берегу. Никто из контрабандистов не собирался копать могилы для убитых вендийцев, после того как были выкопаны три могилы для своих товарищей. Ситуация на песчаном пляже изменилась с тех пор, как Конан ушел искать лошадь. Тогда контрабандисты сидели вокруг костра, где на вертеле жарилась последняя из убитых стрелами коз. Теперь же люди стояли тремя отделенными друг от друга группами. Семеро уцелевших, тех, кто еще раньше плавал с Ордо, образовали первую группу, сгрудившись вместе и что-то шепча друг другу. Те же, кто присоединился к Ордо в ночь, когда корабль покинул Султанапур, образовали вторую группу. Все они выглядели усталыми, а их лица были покрыты сажей, у многих белели свежие повязки на ранах. Третья группа состояла из Ордо и Гуррана. Они стояли у восьми вендийских лошадей, которых контрабандисты ловили все утро. Ордо зло смотрел на новичков и

старых испытанных товарищей без различия, в то время как по выражению лица гербариуса можно было подумать, что все, что ему было нужно, это теплая мягкая постель.

Когда Конан соскочил с седла и подошел к Ордо, Пританис выскочил из круга ветеранов.

— Девять лошадей, — провозгласил немедиец. Его голос был громким и повелительным, но направлен был только к его шести приятелям. — Девять лошадей на всю ораву!

Новички недовольно зашевелились, так как цифры явно говорили о том, как решил считать Пританис. Если их оставили вне счета, то рядом можно было поймать еще других лошадей.

— Что случилось с твоей ногой? — мягко спросил Конан.

Ордо фыркнул:

— Он попытался схватить лошадь, и она наступила на него. Лошадь после этого усакала.

— Посмотрите на нас! — кричал Пританис, резко повернувшись и бросив злобный взгляд на Конана и Ордо. — Мы пришли сюда за золотом, как вы нас и уговаривали, и вот мы стоим здесь, наш корабль — гряда пепла, трое из наших людей мертвы, и между нами и Султанапуром находится Вилайет.

— Мы пришли за золотом, и оно есть у нас! — громко кричал в ответ Ордо. Он хлопнул по туго набитому мешку, привязанному к поясу; тяжелый мешок оттянул кожаный пояс ниже бедра. — Что касается мертвых, то человек, который присоединяется к Береговому Братству, ожидает не большей опасности, чем стать *настоящим* рыбаком. Или ты уже забыл другие случаи, когда мы хоронили наших товарищей?

Немедиец, казалось, был слегка растерян, поскольку золото все еще было у них. Ему теперь было бы намного труднее противостоять и спорить с Ордо, чтобы поднять против него людей, так как золото было у одноглазого, а это само по себе было веским доводом.

Губы немедийца дрожали, и Пританис гневно огляделся по сторонам, пока его глаза не остановились на Гурране.

— Это старик во всем виноват! — злобно закричал Пританис. — Я видел его среди вендийцев, он разговаривал с ними. Что он такого сказал, чтобы поднять их против нас?

— Глупец! — сплюнул Гурран, и холод, отразившийся на его костлявом худом лице, был ошеломляющим. — С какой стати мне нужно было натравлять их на вас? Меч может разрубить мою голову так же хорошо, как и твою, а мое желание жить так же велико, как и твое. Ты глупец, немедиец, и ты напыщенно декламируешь свою глупость, потому что обвинять других за свои беды куда легче, чем найти решение, как их исправить.

Все стоявшие вокруг уставились в изумлении на эту вспышку, и Пританис был поражен больше всех. Побледневший от гнева, немедиец протянул свою когтистую руку к тщедушному старику, который с презрением взирает на него. Конан обнажил меч, никоим образом не угрожая, а только держа оружие в руках. Рука Пританиса остановилась, не коснувшись коричневого халата Гуррана.

— Если ты хочешь что-то сказать, тогда говори, — сказал спокойно Конан. — Но только попробуй коснуться Гуррана, и я отрублю твою дурную башку.

Немедиец резко отдернул руку и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Громче, — приказал Конан. — Пусть все услышат.

Пританис глубоко вздохнул:

— Каким образом девять лошадей смогут перевезти двадцать человек в Султанапур?

— Они не смогут это сделать, — ответил Конан. — Одна лошадь направляется в Вендию со мной, а другая — для Гуррана.

— По лошади для каждого из вас, в то время как мы... — Немедиец отступил на шаг назад, когда Конан поднял свой меч.

— Если ты так хочешь этих коней, — мрачно проговорил Конан, — тогда попробуй их сперва получить. Что касается меня, то мне они действительно очень нужны.

Рука Пританиса очень медленно скользнула к рукояти сабли, но глаза метнулись в сторону, как бы желая найти поддержку у тех, кто был позади него, но не желая быть настолько очевидным в своих мыслях и действиях, чтобы смотреть через плечо.

— В Вендию пойдут четыре лошади, — быстро бросил Ордо. — По меньшей мере четыре. Я поеду на одной из них, и нам нужна еще одна для припасов. Любой, кто пойдет с нами, тоже получит лошадь, так как наш путь куда более дальний и трудный. Те лошади, что останутся, перейдут к тем, кто хочет вернуться в Султанапур. Я дам каждому человеку его долю вендийского золота, прежде чем мы расстанемся. Это должно помочь вам купить лошадей, которые необходимы, прежде чем вы достигнете Хоарезма...

— Хоарезм! — воскликнул Пританис.

— ...возможно раньше, — продолжал Ордо, как если бы никто не прерывал его. — На больших дорогах можно встретить караваны из Колкианских гор.

Немедиец, казалось, собирался спорить и дальше, но Балис подошел к ним, оттолкнув плечом Пританиса.

— Это вполне честно, Ордо, — сказал безликий контрабандист. — Я говорю так и за других. По крайней мере от лица тех, кто был с тобой и раньше. Это только Пританис всегда кричит, жалуется и затевает свару. Что касается Энама и меня, то мы решили, что пойдём с тобой.

— Да, — согласился суровый и мрачный шемит. Его голос вполне подходил к его внешности. — Пританис может идти один, если он хочет, и пусть забирает свое скуление и жалобы вместе с собой. Он может идти прямо в Девять Адов Зандру, мне на него наплевать.

Другая группа, в которой были новички, давно уже гудела и шепталась между собой все это время. Теперь же Хасан зарычал своим приятелям «Хватит!» и отодвинулся от них.

— Я тоже хочу пойти с тобой, — сказал он Ордо. — Скорее всего у меня не будет второго шанса увидеть Вендию.

Шамил следовал за ним почти по пятам, стоя у него за спиной.

— И я тоже хотел бы увидеть Вендию. Я присоединился к тебе из-за золота и жажды приключений, а похоже, что ни то ни другое не ожидает нас по пути в Султанапур. Что касается Вендии... ну что ж, мы слышали, что даже у бродяг там есть золотые кольца. Возможно, — добавил он со смехом, — кое-что из этого золота прилипнет к моим рукам.

Что касается остальных новичков, то их, похоже, не слишком привлекало богатство Вендии, и когда до них дошло, что только одна лошадь останется для тех, кто возвращается назад, они упали духом и погрузились в мрачное молчание, осев на песок, как полупустые мешки. Опытные, испытанные ветераны-контрабандисты уже видели перед своими глазами их стоптанные сапоги и сандалии, когда им предстоит долгая дорога вокруг Вилайета. Пританис, казалось, был ошеломлен таким внезапным поворотом событий. Он зло смотрел по сторонам, глядя на людей вокруг, на сгоревший корабль, на лошадей и наконец тяжело вздохнул:

— Ну хорошо. Тогда и я пойду с тобой, Ордо.

Конан открыл было рот, чтобы отказать ему, но Ордо вмешался и опередил его:

— Ну что ж, я только могу приветствовать это, Пританис. Ты неплохо действуешь в опасной обстановке. Остальные пусть разделяют припасы. Чем раньше мы выступим в путь, тем быстрее мы достигнем своей цели. Ты пойдешь со мной, киммериец. Нам нужно составить какой-то план действий.

Конан позволил ему оторвать себя от остальных, но как только они отошли на достаточное расстояние, киммериец заговорил:

— Ты был прав, говоря о Пританисе еще в Султанапуре. Я должен был уже тогда разбить ему голову или перерезать горло. Все, что он хочет, — это забрать

последнюю лошадь для собственной задницы, вместо того чтоб отдать скакуна. И возможно, также стянуть остаток золота.

— Я не сомневаюсь в том, что ты говоришь истинную правду, — ответил Ордо. — По крайней мере, что касается лошади. Но поверь мне, хотя у меня только один глаз. Пока ты и Пританис смотрели друг на друга, я наблюдал за новичками.

— Какое они имеют отношение к немедийцу? Сомневаюсь, что они доверяют ему больше, чем я ему.

— Даже меньше, без сомнения. Но они не слишком уверены в том, что хотят отправиться в путь пешком. И тут не потребуется большой искры, чтобы зажечь пламя. Скажем, если ты и Пританис решите зарубить друг друга, половина из них тут же бросится за лошадьми. И тогда, вместо того чтобы отправиться в Вендию, мы станем убивать друг друга на этом проклятом Митрой берегу.

Конан мрачно кивнул:

— Ты видишь гораздо больше своим единственным глазом, чем многие — двумя, мой друг. Карела могла бы гордиться тобой.

Бородач почесал нос и фыркнул:

— Возможно. Пошли. Они будут ждать свое золото и, вероятно, думать, что должны получить в два раза больше.

Золото — три монеты, положенные в мозолистую ладонь каждого человека, не вызвало никаких споров, хотя несколько человек бросили острые взгляды на кожаный мешок, который был привязан к поясу Ордо рядом с мечом. Судя по тому, что мешок уже не так оттягивал пояс, было ясно, что Ордо поделился со всеми честно, отдав большинство из содержимого мешка. Однако разделение припасов вызвало куда большую неразбериху. Конан был удивлен, как много шума может возникнуть из-за сушеного яблока, испорченного жарой и соленой водой, или мотка веревки, которую в настоящий момент явно нельзя было использовать. В конце концов бурдюки с водой, одеяла и прочее бы-

ли распределены пропорционально количеству людей. Оставшаяся живая коза и то мясо, что осталось от поджаренной козы, убитой стрелой, перешли к тем, кто тешил вернуться в Султанапур и должен был идти пешком. Клетка с голубями была приторочена к запасной лошади, вместе с торбой зерна.

— Лучше дать зерно лошадям, — проворчал Конан, — и питаться тем, что мы сможем поймать.

Он повесил кожаные стремяна на серую в яблоках лошадь, которую поймал в этот день, и наклонился, чтобы подтянуть подпругу.

Две группы теперь уже разделились окончательно. Те, кто собирался идти в Вендию, проверяли своих лошадей, в то время как люди, возвращающиеся в Султанапур, упаковали в вещевые мешки их долю провизии и вещей, шепчась неуверенно о чем-то друг с другом.

— Милосердие Митры, киммериец, — сказал Ордо. — Иногда бывают минуты, когда я думаю, что ты делаешь все, что можешь, чтобы избежать даже минимального комфорта и удобств. Я думаю как о высшем благе об ощипанном голубе, поджаренном на костре сегодня вечером.

Конан хмыкнул:

— Если мы будем меньше обращать внимание на наши животы и больше на то, чтобы побыстрее скакать, тогда мы сможем нагнать этот караван к наступлению ночи. Вендийцы говорили, что он не слишком далеко отсюда.

— Это, — сказал Гурран, неловко взяв в обе руки поводья и направив свою лошадь вперед, — был бы неплохой способ добраться до Вендии. Мы могли бы путешествовать в безопасности и комфорте.

Как бы сообразив, что он вторгся в чужой разговор, Гурран виновато улыбнулся и снова ушел вперед.

— Этот старик, — пробормотал Ордо, — начинает испытывать мое терпение и действует мне на нервы. Вендийцы перебили моих людей, мое судно сгорело, и несмотря на все это, для него, кажется, ничего не имеет значения, кроме того, чтобы достичь Вендии.

— Его эгоизм меня мало волнует, — сказал Конан, — хотя я был бы очень рад, если бы смог обходиться без его лекарств.

Одноглазый почесал бороду.

— А знаешь, наверно, лучше всего было бы просто забыть об этом караване. Если люди, с которыми мы сражались прошлой ночью, вернулись, чтобы присоединиться к нему, это наверняка принесет нам беду. Мы будем чужеземцами для них, а они уже стали спутниками каравана.

— Да, наверное, это так, — ответил Конан. — Но ты прекрасно знаешь, что одного противоядия недостаточно для меня. Меня пытались убить из-за каких-то сундуков, которые явно стоят больше, чем их содержимое. Я хочу узнать, *почему* это сделали, и ответ на это связан с этими сундуками.

— Будь поосторожнее, Конан. Ты не многого достигнешь, если тебя насадят на вендийское копьё.

— Мы пытались быть осторожными вчера ночью. С этого момента пусть они поостерегутся меня.

Конан прыгнул в седло и ухватился за высокую луку седла, когда внезапно голова у него закружилась. Он мрачно заставил себя выпрямиться.

— Пусть теперь они поостерегутся меня, — повторил киммериец и ударил сапогами в бока бхалканийского жеребца, направив его вперед.

Глава 9

Песчаные дюны вскоре уступили место степи с жесткой редкой травой и низкими безлюдными холмами. Небольшие кусты с колючками и островки чертополоха усеивали местность, на востоке можно было разглядеть высокие деревья, растущие вдоль берегов Зарпаша. На юге виднелись серые вершины Колкианских гор, длинной темной цепью очерчивающие горизонт. Солнце быстро поднималось на небосклоне — пылающий золотой шар в безоблачном небе,

который нес испепеляющий зной, иссушающий, вытягивающий влагу из людей и почвы. В течение всего дня Конан вел отряд, не замедляя шага, той скоростью, какую могли выдержать лошади до наступления темноты. И он собирался идти такой скоростью, если это было бы необходимо, сколь угодно долго, несмотря на жару. Цепкие, острые глаза киммерийца легко подмечали следы, оставленные вендийцами и их вьючными мулами. Караванщики не сделали ни малейшей попытки скрыть их. Человек с грубым, жестким голосом, видимо, беспокоился только о скорости, а не маловероятной возможности того, что кто-то пойдет по следу каравана.

Энам и Шамил оказались очень умелыми лучниками, делая быстрые вылазки по пути следования отряда и охотясь на животных. Очень скоро с десятков длинных коричневых зайцев свисало с их седел. Киммериец не обращал внимания на предложения остановиться в полдень и изжарить зайцев. Он еще терпел остановки, чтобы напоить лошадей из сложенных пригоршней рук, но, как только он затыкал затычку бурдюка с водой, отряд снова двигался в путь. Как всегда, они шли к югу, немного отклоняясь к востоку, чтобы далеко не уйти от Зарпаша. Они шли и шли по следам двадцати всадников и нескольких вьючных мулов.

Солнце уже передвинулось к западу, окрасив горы в золотые и пурпурные тона, а Конан безостановочно вел отряд вперед. Небо стало быстро темнеть, и легкое мерцание звездочки появилось в сгущающихся сумерках. Пританис был теперь не одним, кто что-то бормотал. Ордо и даже Гурран присоединились к нему.

— Мы не достигнем Вендии, если будем ехать, пока не свалимся мертвыми с седел, — проронил старый гербариус. Он зашевелился в седле и нахмурился. — И тебе, Конан, это тоже не принесет пользы, если мои мышцы одеревенеют и мои кости будут так болеть, что я не смогу смешивать порошок, который сохраняет твою жизнь.

— Послушай его, киммериец, — сказал Ордо. — Мы не можем проделать все путешествие за один день.

— Неужели один день похода так утомил тебя? — засмеялся Конан. — Тебя, который когда-то был грозой и бичом заморанских степей?

— Я привык к палубе больше, чем к седлу, — уныло признался одноглазый. — Но пусть Эрлик испепелит всех нас, даже ты не сможешь увидеть следы, которые по твоим уверениям ты видишь. Я верю, что ты многое замечаешь своими проклятыми северными глазами, но только не сейчас.

— Мне совсем не нужно видеть следы, — ответил Конан, — когда я могу видеть вот это. — Он указал рукой вперед. Маленькие огоньки света едва виднелись в сгущающейся темноте. — Или ты стал уже так стар, что больше не можешь отличить звезды от походных костров?

Ордо уставился на них, подергав себя за бороду, и наконец хмыкнул:

— Лига*, может, чуть больше. Сейчас уже почти совсем стемнело. Стражники каравана не очень обрадуются незнакомцам, приближающимся из темноты.

— По крайней мере я буду уверен в том, что это тот караван, который нам нужен, — ответил Конан.

— Из-за тебя мы все погибнем, — громко проворчал Пританис. — Я говорил это с самого начала. Это дурацкая затея, и мы все погибнем.

Конан игнорировал его слова, однако замедлил бег своего коня до легкой трусцы, когда отряд стал подходить ближе к кострам. Костры были разбросаны как огни маленького города. Конан видел в своей жизни немало городов, занимающих куда более меньшее пространство. У такого большого каравана должна быть большая охрана. Конан начал петь; правда, не совсем в лад, пьяную песню из таверны в Султанапуре, которая говорила о невероятных приключениях девки и еще более невероятных обстоятельствах, сопутствующих этому.

* Лига — мера длины, около 4 километров.

— Во имя Митры, что ты делаешь?.. — зарычал недоуменно Ордо.

— Пой, — сказал Конан, останавливаясь. — Люди с дурными намерениями не станут заявлять о себе за пол-лиги от каравана. Ты ведь не хочешь, чтобы часовой пустил тебе в лоб стрелу только потому, что ты внезапно появился перед ним из ночи, верно? Пой.

Конан снова начал петь, и через несколько секунд все остальные тоже нестройным хором присоединились к голосу киммерийца, за исключением Гуррана, который с явным неодобрением фыркнул при сальных словечках кабацкой песни. Непристойная песня звенела в темноте ночи, когда вдруг около двадцати всадников, звеня кольчугами, выскочили из темноты и окружили отряд Конана, нацелив луки и копья. На большинстве солдат были туранские одежды, хотя и очень пестрые. Конан заметил коринфийскую нагрудную бляху и шлемы из других стран. Он прервал пение и скрестил руки на луке седла. Остальные члены отряда также замерли на полуслове.

— Интересная песня, — зарычал один из копеешников, — но кто вы, во имя Девяти Адов Зандру, и почему поете здесь?

Это был высокий человек, черты его лица были скрыты за высоким заморанским шлемом с носовой накладкой. Но по крайней мере, его голос не был тем жестким, грубым голосом, который уже однажды слышал Конан.

— Путешественники, — ответил Конан, — идущие в Вендию. Если вы также идете в этом направлении, возможно, вам понадобятся несколько лишних мечей.

Высокий копеешник засмеялся:

— У нас есть больше мечей, чем нужно, незнакомец. Несколько дней назад сам Карим Сингх, *вазам* Вендии, присоединился к этому каравану с пятьюстами всадников вендийской кавалерии, посланной эскортировать его на побережье Вилайета.

— Довольно много солдат, — сказал Конан, — когда вы находитесь так близко от Турана. Я думал, что они остались за Секандерамом.

— Я скажу об этом Илдизу, когда встречу с ним в следующий раз, — сухо ответил копейщик. Несколько солдат засмеялись, однако оружие не опустили.

— У вас есть другие вновь прибывшие в караване? — спросил Конан.

— Странный вопрос. Ты ищешь кого-нибудь?

Конан покачал головой, будто не заметив звона кольчуг на внезапно напрягшихся воинах. На длинных и часто очень опасных дорогах между городами, где действовало только одно право — право сильного, караваны всегда защищали себя от чужаков, независимо от того, что бы они ни говорили и каких богов ни поминали.

— Я хочу добраться до Вендии, — пояснил Конан. — Но если в караване есть и другие, прибывшие недавно, возможно, им нужны охранники. Может быть, некоторые из ваших купцов чувствуют себя не совсем уютно из-за присутствия пятиста вооруженных вендийцев. У солдат всегда были свои собственные идеи о том, какие нужно собирать налоги.

Копейщик выдохнул воздух, что говорило о том, что эта идея не была новой для него. Караваны платили один налог таможенникам и еще один — солдатам, которые, казалось бы, должны охранять их.

— Восемь мечей, — пробормотал он, покачивая головой. — Сорок человек и три группы купцов в этом караване, незнакомец, включая семерых, которые присоединились к нам с того момента, как мы обогнули южную оконечность Вилайета. И всегда есть такие, не примите это за оскорбление, которые хотят предпринять путешествие в одиночку, пока не увидят голые дюны у Зарпаша перед собой и не поймут, что впереди лежат Гимелеи, до которых надо еще дойти. И тогда они рвутся присоединиться к первому же появившемуся каравану, если, конечно, повезет и караван действительно появится. Я передам кому надо о вашем присутствии, но вы должны понять, что я не могу позволить вам приблизиться к каравану ночью. Как мне называть тебя, незнакомец?

— Скажи им, что меня зовут Патил, — ответил Конан. Ордо тихо застонал, стиснув зубы.

— Меня зовут Торио, — сказал копейщик, — капитан и командир охранников каравана. Запомни, Патил: держи своих людей подальше от каравана до первых лучей солнца. — Резко подняв свое копье, он повернул своего коня и повел стражников галопом к караванным огням.

— Ну что ж, это место не хуже любого другого, — заметил Конан, соскочив с коня. — Балис, поищи что-нибудь, что может гореть, и тогда мы сможем сделать себе неплохой ужин из подстреленных зайцев. Жаль, что нам совсем не удалось спасти вина из корабля.

— Он сошел с ума, — объявил Пританис, глядя в черное ночное небо. — Он дал им имя, которое бросит на нас людей с мечами в руках, а теперь мечтает о вине и жареном зайце.

— Хотя мне очень неприятно соглашаться с Пританисом, — проворчал Ордо, — но на этот раз он прав. Если ты решил дать чужое имя, а не свое (хотя, клянусь костями Митры, я не могу понять почему), мог бы по крайней мере выбрать другое имя?

— Киммериец умен, — засмеялся Балис. — Когда ты охотишься на крыс, ты насаживаешь приманку из сыра. Это тот сыр, который вендийские крысы не могут не учуять.

Конан кивнул:

— Он прав, Ордо. В этом караване не меньше тысячи человек. Теперь же мне не нужно будет искать людей, которые мне нужны. Они сами будут нас искать.

— А если они найдут тебя с кинжалом в спине? Или с пятьюдесятью воинами, обрушившимися на нас ночью? — Одноглазый в раздражении выбросил вверх руки.

— Ты все еще не понимаешь, — отвечал Конан. — Они захотят узнать, кто я такой и что я здесь делаю, особенно, когда я использую имя Патила. Подумай, сколько им пришлось претерпеть бед, чтобы об этих сундуках никто не проникнул. Что я знаю об этом и кто мне об этом сказал? Если я буду мертв, они ничего не узнают.

— Ты становишься таким же темным и непонятным, как стигийцы, — пробормотал сквозь зубы Ордо.

— Что касается меня, — сказал Гурран, неуклюже слезая с коня, — то мне в этот момент наплевать, даже если сами львиные Гвардейцы Бандаркара обрушатся на нас. — Он поскреб рукой спину и кряхтя растянулся. — После того как я поем немного жареной зайчатины, я почувствую себя иначе, но только не сейчас.

— Ну? — сказал Конан, пристально посмотрев на остальных. — Даже если первый человек, с которым заговорит Торрио, будет тем, кого я ищу, у вас все еще есть время, чтобы уйти, прежде чем они придут сюда.

Один за другим контрабандисты слезали с коней. Пританис был последним, кто это сделал, и он все еще что-то бормотал. К тому времени, когда кони были расседланы и их накормили, Балис уже зажег весело потрескивающий костер, а Шамил и Энам уже сдирали шкурки и разделявали зайцев. Вода, как обнаружил Конан, пошла очень недурно с жареными зайцами, когда ничего другого не было под рукой. Огонь костра уже угасал, чисто обглоданные кости были отброшены в сторону, и молчание сменило разговор, который продолжался, пока путники ели. Конан предложил первым встать на караул, по похожему, что ни у кого не было желания завернуться в одеяло. Один за другим все, кроме Конана и Гуррана, вынули бутылочки с маслом, точильные камни и принялись точить лезвия сабель. Каждый делал вид, что это не имеет никакого отношения к возможной атаке, однако каждый повернулся спиной к догорающему костру, работая над оружием, подправляя зазубрины, затачивая лезвия сабель и кинжалов. Сидеть спиной к свету было удобней — глазам не пришлось бы снова привыкать к темноте.

Гурран возился со своим кожаным мешком и наконец сунул уже слишком знакомый оловянный бокал в руки киммерийца. Гримаса от предстоящего гадкого питья перекосила лицо Конана, когда он взял бокал в руки. Пока он пытался сосредоточиться, чтобы одним

глотком осушить пойло, в темноте прозвучал стук копыт. Конан вскочил на ноги, пролив немного дьявольски отвратительного напитка, и его правая рука легла на рукоять меча.

— Я думал, что ты был уверен, будто атаки не будет, — сказал Ордо, тоже держа меч наготове.

Каждый человек у костра уже стоял на ногах, даже Гурран, который поворачивал голову во все стороны, как бы ища место, где можно было бы спрятаться.

— Если бы я был всегда прав, — сказал Конан, — я был бы самым богатым человеком в Заморре, вместо того чтобы болтаться здесь.

Кто-то (Конан не разобрал, кто именно) печально вздохнул.

Семь лошадей остановились метров за сто от костра, и трое всадников, спрыгнув с седел, двинулись вперед. Двое из них остановились на самом краю светового круга, в то время как третий подошел прямо к огню. Темные глаза, слегка раскосые, внимательно смотрели на контрабандистов.

— Я надеюсь, что ваши мечи направлены не на меня, — сказал человек мелодичным голосом на очень чистом гирканском языке.

Человек прятал свои руки в длинных, широких рукавах светло-голубой бархатной туники, украшенной на груди серебряным шитьем-орнаментом и вышитым золотом изображением цапли. На бритой голове была круглая шапочка из красного шелка, увенчанная золотой пуговицей.

— Я всего лишь бедный купец из Кхитая и не причиню никому вреда.

— Клинки предназначены не для вас, — сказал Конан и жестом приказал опустить оружие. — Просто человек должен всегда быть настороже, когда незнакомцы появляются ночью.

— Мудрая предосторожность, — согласился кхитаец. — Меня зовут Канг-Хоу, и я ищу того, кто называет себя Патилом.

— Меня зовут Патил, — сказал Конан.

Торговец приподнял тонкую бровь:

— Странное имя для *ченг-ли*. О, прошу прощения. Это только означает человека с бледной кожей, человека из стран, лежащих далеко на Западе. Такие люди считаются мифическими в моей стране.

— Я не похож на миф, — фыркнул Конан. — И это имя подходит мне.

— Как вам угодно, — мягко сказал Канг-Хоу.

Конан не заметил, чтобы кхитаец дал какой-нибудь сигнал, но две другие фигуры пошли вперед.

— Мои племянницы, — сказал купец. — Чин-Коу и Кай-Ше. Они везде и всегда сопровождают меня, заботясь о стареющем человеке, ум которого уже не так остер, каким был раньше.

Конан поймал себя на том, что, раскрыв рот, пылится на двух самых утонченных, самых прекрасных женщин, которых он когда-либо видел. У них были маленькие овальные лица, и их деликатные черты напоминали изящные фигурки из слоновой кости, вырезанные искусным резчиком, который хотел показать красоту восточных женщин. Ни одна из девушек не была похожа на своего дядю, чему Конан был очень рад и благодарен. Чин-Коу, с раскосыми миндалевидными коричневыми глазами и застенчивой улыбкой, напоминала цветок, вырезанный из старой слоновой кости. Темные глаза Кай-Ше были тоже опущены, но она наблюдала за всем происходящим с хитринкой сквозь свои густые ресницы. Ее кожа была как покрытое атласом сандаловое дерево.

«По-моему, я не единственный, кто поражен красотой этих женщин», — подумал Конан. Балис и Энам, казалось, уже мысленно раздевали их, освобождая от шелковых халатов, в то время как При-танис чуть ли не пускал слюну от вожделения. Хасан и Шамил просто вытаращили зенки, как будто их оглушили чем-то по голове. Даже у Ордо появился блеск в глазах, который говорил о мысли, что неплохо бы отделить одну или обеих девушек от ком-

пании их дядюшки. И как всегда, один Гурран остался невозмутимым.

— Мы рады видеть вас здесь, — громко сказал киммериец. — Вас и обеих ваших племянниц. Тот, кто обидит *любого* из вас, нанесет тем самым оскорбление и мне.

Это дошло до всех, отметил Конан с удовлетворением. Погасло несколько горящих огоньков, судя по кислым взглядам, которые Конан увидел на лицах.

— Ваше гостеприимство оказывает мне большую честь, — сказал купец, отвесив небольшой поклон.

Конан отвесил ответный поклон и пробормотал ругательство, когда еще больше лекарства пролилось ему на руку. Осушив бокал одним длинным глотком, он бросил его Гуррану, чуть не попав гербариусу в голову.

— Какая гадость, — сказал киммериец и сплюнул.

— Люди сомневаются в действенности лекарства, если у него нет неприятного вкуса, — сказал Гурран, и Канг-Хоу повернул свое бесстрастное лицо к гербариусу.

— Это старая кхитайская пословица. Ты бывал когда-то в нашей земле?

Гурран отрицательно покачал головой:

— Нет. Я слышал ее от одного человека, который учил меня свойствам различных растений и трав. Возможно, он побывал там, хотя никогда об этом и не говорил. Ты знаешь что-нибудь о травах? Я всегда интересуюсь травами и растениями, неизвестными мне, и о том, как их можно использовать.

— К сожалению, нет, — ответил купец. — А сейчас, Патил, если мне будет позволено, я хотел бы поговорить о деле.

— Говорите о том, что вам нужно, — сказал Конан, когда понял, что купец ожидал его разрешения.

— Благодарю вас. Я всего-навсего бедный торговец, продаю то, что есть под рукой. В этом походе у меня товары из разных стран — бархат из Коринфии, ковры из Иранистана и гобелены из Турана. Я присоединился

к каравану всего два дня назад и не сделал бы этого, если бы в этом не было необходимости. Капитан корабля, который доставил меня через Вилайет сюда, жулик по имени Валаш, обещал мне десять человек охранников. Однако после того, как он доставил меня, моих выючных животных и товары на берег, он отказался соблюдать наш договор. Мои племянницы и я сам вынуждены были ехать на десятках верблюдов и с помощью всего троих слуг, которые, как я опасаясь, не слишком большая защита от бандитов.

— Я знаю Валаша, — сказал Ордо, сплюнув при этом имени. — Это удача самого Ханнумана, что он не перерезал тебе горло и не продал твои товары и твоих племянниц в Хоарезме.

— Он даже не пытался этого сделать, — сказал кхитаец. — Я не знал, что вы были моряками.

— Мы все в прошлом занимались разнообразными вещами, — вставил Конан. — В настоящий момент мы — люди с мечами, которых можно нанять как охранников, если нам будет предложено достаточно денег за службу.

Канг-Хоу наклонил голову, как бы обдумывая эти слова.

— Я думаю, — сказал он, — что две серебряные монеты на каждого будет вполне достаточно. И золотой — каждому из вас, если я и мои товары достигнут Айдохьи в целости и сохранности.

Конан обменялся взглядом с Ордо и сказал:

— Договорились.

— Отлично. До того момента, пока вы не будете готовы ехать с караваном, я обойдусь теми стражниками, которых мне милостиво одолжат. Нам пора идти, племянницы.

Как только кхитайцы ушли, Балис тихо засмеялся:

— Золотой и две серебряные монеты за путешествие, которое мы сделали бы и бесплатно. У кхитайца, должно быть, царская казна в кармане, чтобы так платить. Удача светит тебе, киммериец. Эй, Пританис, сотри со своего лица это кислое выражение.

— Это, — объявил Хасан, — была самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

— Кай-Ше? — с ревностью в голосе спросил Шамил.

— Нет, другая. Чин-Коу.

— Это как раз то, что мне надо, — ворчал Ордо, сворачивая одеяла, — чтобы эти двое потеряли головы из-за кхитайских племянниц. Ты, киммериец, конечно, понимаешь, что он лгал нам, а? Если только не существует двух людей, которых зовут Валаш и которые являются капитанами судна на Вилайете. Он никогда бы не сумел сгрузить этих двух девок с судна так легко, как он это утверждает.

— Да, я знаю, — сказал Конан. — Однако я не слышал, что отказал ему из-за этого.

Одноглазый пробормотал что-то себе под нос.

— Что, Ордо?

— Я сказал, что по крайней мере на этот раз ты не впутал нас в дело с колдунами и магией. У тебя есть дурная привычка раздражать колдунов.

Повесив на плечо свое седло, Конан засмеялся:

— На этот раз я не подойду к колдуну даже на расстояние лиги.

Глава 10

Музыка цитр, флейт и тамбурина негромко играла в зале, украшенном алебастровыми колоннами; музыканты были скрыты за кружевными узорчатыми шпалерами, сделанными из слоновой кости. Золотые лампы, свешивающиеся на серебряных цепях сводчатого потолка, бросали отблеск на оливковую кожу шести гибких, изящных танцовщиц. На девушках не было никакой одежды, если не считать звенящих золотых колокольчиков, которые висели у них на щиколотках и вуали на лице. В руках у всех девушек были маленькие кастаньеты и крошечные бронзовые тарелки, издававшие тонкий мелодичный звон. Запах розового

масла и благовоний стоял в зале. Другие девушки, такие же красивые, как и танцовщицы, и подобным же образом одетые, изящно и неслышно передвигались по зале, предлагая серебряные блюда со сладостями, фигами, засахаренными фруктами и другими деликатесами Найпалу, который небрежно развалился на подушках из покрытого золотым шитьем шелка. Еще две девушки держали над ним опахало из перьев страуса, освежая легким ветерком. Чародей лениво взял с блюда фигу и небрежно глотнул из золотого бокала ширакманское вино. Он почти не обращал внимания в эту минуту на женщин, так как его мысли были очень далеко отсюда. У изголовья ложа Найпала склонился круглолицый с мягкой кожей мужчина в ярко-красной тунике из шелка и золотого цвета тюрбане с голубыми полосами. Его одежда казалась безвкусной и кричащей по сравнению с серыми и черными тканями одежды колдуна. Он также не обращал внимания на женщин, докладывая мягким, бархатистым голосом о том, как были исполнены приказания и желания его господина.

— Тысяча *пайсов* были переданы от вашего имени, мой господин, нищим, просящим милостыню в Айдохье. Дополнительно еще одна тысяча *пайсов* была...

Найпал устался в бокал с изысканным вином таким же небрежным взглядом, с каким он слушал голос евнуха. Пять мучительных дней прошло, и пять раз он заходил в потайную комнату. Два раза он даже коснулся рукой резного ларца из слоновой кости. Но каждый раз он убеждал себя в том, что лучше подождать, и каждый раз выдумывал новую причину. Но боль в груди говорила о том, что он отлично знал истинную причину своего колебания. Открыть ларец, увидеть зеркало внутри и, возможно, увидеть в нем опасность для всех его планов, — это больше, чем он мог вытерпеть. Страх, с которым чародей боролся в эту сумасшедшую ночь, вернулся тысячекратно усиленным, чтобы парализовать его. В самом дальнем уголке мозга что-то тихо прошептало: *обожди*. Подожди еще немного, и тогда, конечно же, зеркало снова

станет чистым, а опасность будет устранена руками подручных. Найпал знал, что этот шепот был фальшивым, но заставил себя слушать его. Слушать и ждать.

Чтобы отвлечься от сомнений и самобичевания, чародей попытался слушать евнуха. Толстяк теперь уже щептал о событиях сегодняшнего дня в Айдохье — таких, какие, как он считал, могут быть интересны господину.

— ...И найдя любимую жену в объятиях двоих любовников, каждый из которых был конюхом из его собственной конюшни, Джхарим Кар зарубил мужчин, а жену отстегал плетью. Он также приказал казнить трех слуг, которые были свидетелями этого события, но слухи уже побежали по городу, и над ним уже смеются на базарах, господин. В полночь Шабал Амир был убит в пригороде Айдохьи, говорят, что это сделали бандиты, но две его жены...

Вздохнув, Найпал как бы отключил свой слух, пропуская мимо ушей болтовню слуги. В другое время то, что случилось с Джхаримом Каром, было бы приятно послушать, но это не слишком важное событие. Целая ниточка хитрых манипуляций, чтобы расставить эту ловушку, безумие женщины и мужа, чтобы обнаружить эту глупость, давало в результате то, что человек, который собирал когда-то вокруг себя знать, был теперь предметом насмешек. Человек не мог быть одновременно вождем и мишенью для острот. Не то чтобы Найпал ненавидел Джхарима Кара. Просто этот князь притягивал слишком много других на свою сторону, создавая некое подобие острова спокойствия в бушующем море изменчивой преданности и интриг. Колдун просто не мог этого допустить. Большие интриги и беспорядки были необходимой частью его планов. Бандаркар, разумеется, хорошо защищал себя от своего же чародея; цари, которые доверяли слишком многим, не слишком долго правили, а этот царь сжигал даже ножницы для ногтей, как только заканчивал стрижку. Но Бандаркар все равно умрет, пусть и не

теми необычными путями, которых опасался. А без его крепкой руки беспорядки легко превратятся в хаос, и вот тогда Найпал сможет установить *свою* власть. Разумеется, он не будет царствовать сам, о нет, он не настолько глуп. Он будет дергать за ниточки, и царь, которого он посадит на трон, даже не узнает, что пляшет под чужую дудку.

Погруженный в мечты о будущем, Найпал чуть не подскочил от неожиданности. Теплая пульсация застучала под сердцем. Еще не вполне веря этому, он судорожно схватился за черный опал, висевший у него на груди под одеждой. Сквозь шелковую материю драгоценный камень стучал снова и снова, перекрывая удары сердца. Масрок подает ему сигнал!

— Замолчи! — заорал Найпал, бросив золотой бокал в голову евнуха, чтобы подкрепить свои слова. — Беги за Ашоком, — приказал чародей. — Скажи ему, чтобы он был готов сейчас же. Сейчас же!

— Бегу и повинуюсь, господин. — Евнух стал отступать на коленях, ударяя головой о пол.

— Тогда беги, чтоб тебя взяла Катар! — закричал Найпал. — Или ты узнаешь, что от мужчины может быть взято больше, чем ты уже потерял!

Бормоча извинения, евнух поднялся на ноги, все еще кланяясь, и убежал. Гневный взор Найпала скользнул по обнаженным телам танцовщиц и решетке из слоновой кости, скрывающей музыкантов. По его команде все замерли, едва осмеливаясь даже дышать.

— Играйте! — зарычал он. — Танцуйте! Иначе вас всех отхлестают за нерадивость!

Музыка зазвучала вновь, танцовщицы, отчаянно извивались, пытаясь угодить своему господину, но Найпал уже забыл о них и махнул рукой служанкам, чтобы они уходили. Удары сердца, казалось, совпадали с пульсацией опала в руке. Его мысли были без остатка заняты этим камнем; это был знак того, что Масрок вызывает его, но чародей не знал, что это значит. Ашок, главный слуга среди тех, кого лишили в свое время языка, быстро приготовит тай-

ную подземную комнату глубоко под подвалом. Колдун держал своих слуг, прислуживающих ему в серых комнатах в подземелье, в таком страхе, что, если надо, они буквально побегут, пока не упадут замертво, чтобы повиноваться самому малейшему желанию колдуна, не говоря уже о команде. Однако в эту минуту приказания не были выполнены достаточно быстро, чтобы удовлетворить его. Нетерпение бурлило в нем, как поверхность гейзера перед всплеском. Не в состоянии больше выждать, Найпал вскочил на ноги и выбежал из комнаты. Позади него музыканты и танцовщицы продолжали тяжело трудиться, опасаясь остановиться без повелительного приказа.

Сначала Найпал зашел в свою спальню, захватив золотой ларец с кинжалом демона. Масрок должен был его видеть; это было бы просто напоминанием, что демон тоже может погибнуть. Когда колдун добрался до комнаты с серым куполом, находящейся глубоко под дворцом, то удовлетворенно кивнул, причем сделал это так машинально, что даже не заметил этого движения. Большая, плотно сплетенная корзина была поставлена на своем месте, около рабочего стола. Бронзовый гонг с колотушкой свисал с рамы из тикового дерева и был поставлен рядом с узорной и толстой металлической решеткой, вделанной в стену. Найпал остановился у решетки от двери, которая была частью железной клетки и вела к круглой глубокой яме, освещенной только тусклыми факелами, горящими на подставках, вделанных высоко в стене. На покрытом песком дне круглой ямы стояли два десятка мечей различных стилей.

Ради небольшой пробы Найпал использовал огни *корасани*, чтобы выжечь яму в почве, стены комнаты и коридора, соединяющиеся за ней. Это был единственный опыт, однако самый необходимый, так как колдун должен был проверить истинность старинных рукописей, в которых писалось о подобных вещах. Он не сомневался, что манускрипты говорили неправду, но никто, даже сам Найпал, не знал пределов этой правды,

а ему нужно было знать абсолютно точно эти пределы. Но должна быть сделана еще масса других вещей...

Черный опал все еще пульсировал у чародея на груди. Стараясь не поддаваться горячему желанию поспешить, Найпал принял более действенные меры предосторожности, чем он когда-либо предпринимал прежде, даже когда устанавливал девять *корасани* на золотых треножниках. Найпал положил перед треножником подушки, уселся на них, и снова старинные заклинания огласили воздух, отражаясь от мерцающих стен:

— *Э'лас элойхим! Марааф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

И снова вспыхнули огненные полосы клетки. Камни пылали, будто охваченные и заключенные в плен солнца, маленькая тропинка перед ними была открыта в миры и измерения, недоступные и неизвестные обычному смертному.

— Масрок! — крикнул Найпал. — Я вызываю тебя!

Ветры, идущие из бесконечности, снова закружились в бешеном вихре. Гром потряс комнату, и громадный обсидиановый демон появился в огненной клетке, кружась в воздухе и не касаясь ногами пола. Рядом с ним появилась другая фигура, фигура человека в доспехах из толстой кожи и в украшенном острым шпилем шлеме, каких не было в Вендии вот уже более тысячи лет. Два меча, невероятно древних: один — длинный и прямой, другой — короткий и с кривым, изогнутым лезвием — висели у человека в доспехах с каждого бока. Найпал почти засмеялся от радости. Удача! Он не сообразил, что громко произнес эти слова, и демон услышал их и ответил тоном, похожим на раскаты грома:

— Ты называешь это удачей, о Человек? Я называю это предательством! Предательством, нагроможденным на другое предательство!

— Но конечно же это маленькая измена, — ответил Найпал. — И свобода будет твоим окончательным вознаграждением!

Дрожь прошла по телу демона, его восемь рук дрожали так, что колдун испугался — демон бросит в него одно из своих копий или даже попытается пробиться сквозь огненный барьер. Найпал положил нервно свою ладонь на золотой ларец.

— Ты говоришь о том, чего не ведаешь, о Человек! Маленькая измена? Чтобы выполнить твою просьбу, я был вынужден убить одного из моих собратьев! В первый раз с тех пор, как появилось само Время, один из Сивани убит. И он погиб от моей руки!

— Ты боишься мести остальных двух демонов? Но они, конечно же, не знают об этом, иначе ты не был бы здесь.

— Сколько пройдет времени, пока они наконец не обнаружат случившееся, о Человек?

— Не бойся, — сказал чародей. — Я найду способ защитить тебя.

И прежде чем демон успел заговорить снова, Найпал закричал:

— Уходи, Масрок! Я приказываю тебе!

Демон издал оглушающий рев и исчез. Только старый воин висел в воздухе внутри клетки. Только теперь Найпал позволил себе засмеяться. Демонами, похоже, можно было повелевать так же легко, как и людьми. Чародей быстро стал опускать колдовской барьер, это было иногда задачей более трудной, чем воздвигнуть его. Наконец дело было закончено, и Найпал поспешил осмотреть фигуру, которая теперь стояла в самом центре серебряной паутины. Дыхание не поднимало грудь старого воина, и свет не оживлял его темные неподвижные глаза, однако смуглая кожа, казалось, горела живым огнем и жизнью. Удивленный этим, Найпал коснулся рукой щеки воина и хмыкнул. Несмотря на то, что он казался живым, гибким существом на первый взгляд, прикосновение к нему было похоже на то, как если бы колдун коснулся кожи, плотно натянутой на дерево.

— Сейчас, — прошептал самому себе Найпал.

Из сотен бутылочек, пробирок и реторт, которые стояли на его рабочем столе, он выбрал пять, налив точно отмеренное количество жидкости и порошков в ступку, сделанную из черепа девушки-девушницы, убитой ее матерью. Четыре компонента из пяти были настолько редки, что Найпал жалел использовать их, даже когда ему нужно было ничтожное количество этих ингредиентов. Используя кость матери-детоубийцы, которая была отшлифована и служила пестиком, он истолок и размешал компоненты, пока не получилась густая черная паста. Колдун заколебался, прежде чем повернуться к большой плетеной корзине. Затем, придя в себя, он разорвал ремни, закрывающие крышку. Жалость поднялась было в нем, когда он увидел лежащего в ней съездившегося, испуганного оборванного мальчика. Он был связан, а рот его заткнут клеем. Мальчик оцепенел от страха. Найпал заставил себя встряхнуться и, подавив все эмоции, поднял мальчика из корзины. Ребенок задрожал, когда колдун положил его перед неподвижной фигурой воина. Найпал почти физически чувствовал глаза мальчика, смотревшие на него с ужасом, но пытался не обращать на это внимания. Теперь уже в спешке, как бы желая поскорее со всем покончить, Найпал взял в руки страшное зелье в ступке. Окунув палец левой руки в черную пасту, он начертил символ на лбу связанного мальчика, затем точно такой же символ — на лбу воина. Остатки пасты он аккуратно счистил с пальца куском материи. Воин, ребенок и самый большой из *корасани* лежали в одной прямой линии. Найпал опустился на подушки и стал читать заклинания, которые он еще никогда не произносил:

— *Мон-драал ун'тар, мараан во'ндар!*

Слова произносились очень тихо и мягко, но стены комнаты звенели от их резонанса. Три раза Найпал повторил напевное заклинание, и после третьего раза лучи света, холодные и бледные, как снег в горах, метнулись от черного камня. Один из лучей ударил в темный символ на лбу мертвого воина, другой кос-

нулся лба ребенка. Найпал продолжал произносить заклинание снова и снова. Третий ледяной пучок света метнулся в существо, соединив теперь оба символа в одном прямом потоке света. Мальчик выгнулся дугой и застонал, не в силах отвернуть голову от острого яркого луча этого колдовского треугольника. Найпал громко выкрикивал слова заклинания, чтобы заглушить стоны ребенка.

Стон зазвенел на секунду долгой нотой и прервался, как струна лиры, натянутой слишком сильно. Внезапно наступила полная тишина, лучи света полностью исчезли. Найпал глубоко вздохнул. Дело было закончено. Поднявшись на ноги, он приблизился к безжизненному телу ребенка. Его глаза смотрели только на это маленькое тело.

— Тебя освободили от жизни, полной страданий, голода и боли, — сказал колдун. — Твоя душа ушла в другую, более чистую сферу. Только жизнь взята у тебя. Так должно было случиться, мне нужна была юная жизнь, еще не окончательно сформировавшаяся. — Он выдержал паузу и добавил: — Я использовал бы для этой цели детей богачей и знати, если бы я только мог.

Это будут похоронные костры, достойные повелителя, решил Найпал. Но сейчас эти костры откроет этот никому не известный сирота. Очень медленно взор чародея перешел на покрытого кожаными доспехами воина. По-прежнему его грудь оставалась неподвижной и с губ не срывалось дыхание. Был ли огонь в его глазах?

— Ты слышишь меня? — требовательно спросил Найпал.

Воин ничего не ответил.

— Сделай шаг вперед!

Воин покорно сделал один шаг и снова замер, неподвижный, как статуя.

— Ах да, конечно, — задумчиво пробормотал Найпал. — У тебя нет своей собственной воли. Ты подчиняешься мне, тому, кто тебе вновь дал жизнь, и только

мне, пока я не прикажу тебе склониться перед другим. Отлично. Именно так и говорилось в рукописях. Пока все сходится. Следуй за мной!

Соблюдая все то же расстояние и дистанцию между собой и колдуном, воин повиновался. Найпал открыл дверь из тяжелых железных прутьев и поманил его рукой. Воин прошел внутрь, и колдун снова закрыл на замок и засов крепкую дверь. Хорошо, подумал Найпал, что можно было давать команды не только голосом, но и жестами. Письмена очень туманно изъяснялись на этот счет. Гулкий звук зазвенел в зале, когда Найпал ударил в гонг обмотанной веревками колотушкой. В яме железная толстая дверь резко открылась. Осторожно передвигаясь, в яме появились двадцать человек, которые тут же посмотрели на Найпала и неподвижную фигуру перед ними. Дверь позади них внезапно бесшумно закрылась. Увидев кучу мечей, сваленных на песке, они только на секунду заколебались, прежде чем броситься к оружию. Отряд был таким же пестрым, как и оружие, которое люди схватили. Они были одеты в одежды, варьирующиеся от грязных лохмотьев до потрепанных шелковых халатов, возможно, принадлежащих когда-то богачу или князю. Но выбраны эти люди была не наобум; если бы это было так, проверка не была бы абсолютно верной и окончательной. В этой большой широкой яме были бандиты, бродяги, воры, дезертиры из царской армии, каждый из которых был знаком с определенным видом сабли или меча. Им была обещана свобода и пятьдесят золотых... всем, кто останется в живых. Найпал подумал, что он, вполне возможно, выполнит свое обещание.

— Убей их, — приказал колдун.

Еще до того, как слова сорвались с его губ, шесть бандитов бросились, дико воя, на воина, размахивая своими саблями и мечами. Покрытый кожаными доспехами воин, с лицом, на котором не дрогнула ни одна черточка, как будто это была каменная маска, вытащил из ножен свои старинные мечи и встал в боевую пози-

цию, подготовившись к атаке врагов. Шестеро негодяев атаковали его в безумной ярости, подогреваемой обещанием свободы; воин же сражался с молниеносной и точно отмеренной быстротой. Когда воин сделал наконец несколько шагов вперед, к остальным бандитам, шесть трупов лежали перед ним, а отрубленная голова одного из них катилась по направлению к его товарищам, в ужасе смотревшим на воина. Два дезертира быстро и несколько неуверенно пытались организовать оставшихся в живых в два ряда, как если бы они были пехотинцами на поле боя. Воин не ускорил и не замедлил свое приближение. Два ряда стоявших в отчаянии людей напряглись, ожидая его приближения. Но в двух шагах от строя воин внезапно высоко подпрыгнул вправо, атаковав их. Бандиты Найпала, которых он собрал отовсюду, думали, что они создали пехотный строй, но у них не было щитов для защиты. Двое упали, обливаясь кровью, и задержались в предсмертной агонии, прежде чем строй бандитов сумел повернуться, выполняя выкрики-команды дезертиров. Воин, однако, не стал ждать. Пока ряды перестраивались, он прыгнул влево и ударил с левого фланга. Неуверенный, слабый порядок дрогнул, и строй бандитов рассыпался в вихре звенящей стали, льющейся крови, диких криков и стонов умирающих. Каждый теперь сражался поодиночке, сам по себе, и каждый умирал, когда сверкающее лезвие меча воина пронзало его. Когда фигура в кожаных доспехах перерезала горло последнего дергающегося несчастного, Найпал глубоко и удовлетворенно вздохнул. Двадцать трупов лежали на залитом кровью песке, а вновь оживший воин стоял без малейшей царапины. Вообще-то, если говорить по правде, в его кожаных доспехах были пробоины и порезы, а на его лице были видны следы от удара саблей, разрубившей ему щеку, но ни одна капля крови не упала на камни. Воин молча двигался между телами, желая убедиться, что каждый из них был действительно мертв, и казалось, что сталь мечей и сабель вообще не коснулась его тела. Повернувшись спиной к этой страшной бойне, колдун прислонился к железной решетке и засмеялся,

пока не стал сипеть и задыхаться. Все, о чем говорили старые письмена, оказалось правдой. Раны бойца заживут очень быстро. Ничто не могло убить воина, которого Найпал оживил. Больше двух тысяч лет назад завоеватель по имени Орисса захватил около двадцати небольших княжеств и городов-государств и создал из них царство Вендию, а сам стал ее первым царем. И когда царь Орисса умер, его армия в двадцать тысяч воинов была убита и похоронена в склепе вместе с ним, чтобы быть царскими телохранителями и после его смерти. Их тела были сохранены так хорошо, что хотя они уже и не были живыми, они также и не были мертвыми, как это случалось с обычными людьми. Если соблюдать правильные заклинания и ритуал, армия, которая не умирала, снова могла выступить в поход. Все, что нужно было Найпалу, — это найти затерянную в веках гробницу.

— И это, — засмеялся Найпал громко и издевательски, — почти сделано, не так ли, Масрок, мой преданный слуга?

Удача всего предприятия так наполнила его гордостью и счастьем, что парализующий страх, который терзал его все эти дни, был смыт радостной волной. Конечно же, с тех пор уже прошло достаточно времени. В каких бы водах ни очутился корабль (если он был достаточно близко, чтобы угрожать Найпалу, когда колдун был так близко к своей цели), он должен был уже причалить к берегу. И если это случилось, конечно же любая опасность, которая угрожала чародею этим судном, уже была ликвидирована его подручными. Найпал не мог себе позволить других мыслей, только не сейчас, когда сегодня он одержал уже столько побед. Уверенной рукой он поднял резную крышку ларца из слоновой кости и отбросил мягкую шелковую материю. Черная поверхность зеркала была украшена десятками ярких точек света. Найпалу потребовалось только одно мгновение, чтобы сообразить, что то, что он увидел, было огромное количество походных костров, наблюдаемое с большой высоты. Если крошечная группа

людей испугала его прежде, то на этот раз он увидел целую армию. Несколько дней страха «вознаградили» его за эти мучения еще большим страхом. Была ли опасность корабля устранена этими огоньками, или же, наоборот, огоньки стали опасностью, «слившись» с кораблем? Была ли это новая угроза, которая превзошла старую? Долго-долго в эту ночь дикий гневный вой Найпала звучал в высоком купольном зале.

Глава 11

Когда первые бледные лучи рассвета показались на горизонте, Конан уже встал и оседлал своего жеребца. Гулкие удары топора, рубящего дрова, донеслись до него с берега Зарпаша, примерно в половине лиги отсюда. Конан взглянул в том направлении, где берег реки зарос большими, высокими деревьями. Он покачал головой, взглянув на верблюдов кхитайского торговца, которые делились водой с лошадьми контрабандистов. По мнению киммерийца, верблюды были очень грязными животными в своих привычках и запахе, и к тому же им нельзя было доверять. Конан в любом случае предпочел бы вместо верблюдов лошадей или даже мулов.

— Вонючая скотина, — проворчал Ордо, ударив верблюда по боку, чтобы он отошел в сторону. Закашлявшись от облака пыли, которую поднял верблюд, одноглазый отошел к своему коню. — И грязный тоже.

— Ты видел товары, которые они везут с собой? — спросил его тихо Конан.

— Я не видел никаких сундуков, если это то, что ты имеешь в виду. Но мы будем пересекать реку этим утром, знаешь?

— Обрати внимание, Ордо. Его товары — всего лишь ковры, и бархат, и гобелены, как сказал кхитаец. Но их стоимость немала, Ордо. — Киммериец был в юности вором, и его цепкие глаза все еще могли ментально оценить почти все, что стоило того, чтобы

его украсть. — Это в основном третьесортного качества товары, возможно, второго сорта. Я даже не посчитал бы их стоящими того, чтобы доставить даже до Аренджуна, не говоря уже о Вендии.

— Расстояние и редкость товара увеличивают его стоимость, — сказал Канг-Хоу, приблизившись бесшумно на своих подбитых шелком туфлях. Его руки были спрятаны в рукавах бледно-голубой бархатной туники, на этот раз эта туника была украшена воробьями в полете. — Совершенно ясно, что ты не купец, Патил. Иранистанский ковер, который едва дает прибыль в Туране, даст в Вендии цену в пятьдесят раз большую. Ты думаешь, что самые лучшие вендийские ковры идут в Туран? Эти ковры украшают полы дворцов вендийской знати, и в то же время гораздо большую цену платят за второсортный ковер из Аграпура, чем за лучшего качества ковер в Айдохье.

— Я не купец, — согласился Конан, отступив со своим бхалканийским жеребцом от линии пикета, — да и не желаю им быть. И в то же время я так же стремлюсь попасть в Вендию, как и вы. Если вы извините меня, Канг-Хоу, мне нужно проверить, когда караван выступает в путь. И что еще я могу узнать о нем, — добавил он для ушей Ордо.

Конан медленно ехал по лагерю. Хотя киммериец действительно спешил вперед, он также хотел осмотреться вокруг, чтобы, возможно, снова встретить те сундуки, которые были использованы для транспортировки чая. В действительности караван был разбит не на один, а на три лагеря» стоящих рядом, и они были даже больше, чем предполагал Конан. Сорок три купца со своими слугами, конюхами, помощниками и стражниками составляли почти тысячу человек каравана. Среди них были вендийцы и кхитайцы, заморанцы и туранцы, кофиты и иранистанцы. Люди спешили свернуть и разобрать палатки, нагружая тюки, плетеные корзины и рулоны материи на верблюдов и выюнных мулов под пристальным наблюдением богато одетых купцов, которые также смотрели и друг за другом с неослабевающим

подозрением, думая о том, что его сосед купил по дешевке товары или что он собирается продать его на тех же рынках. Конан также получил свою долю внимательных подозрительных взглядов, и не один купец нервно позвал своих охранников, когда высокий киммериец проезжал мимо. У вендийской знати, сопровождающей *вазама* в Аграпур, был свой собственный лагерь, настолько пестрый и странный, что даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что тут было бесполезно искать сундуки со «специями». Первой мыслью Конана было то, что он натолкнулся на бродячую ярмарку, так как больше чем пятьсот человек окружали разноцветные, полосатые павильоны, сворачиваемые теперь украшенными тюрбанами слугами. И здесь тоже можно было встретить людей из многих земель и стран, но на этот раз это были особого рода путешественники. Здесь были жонглеры, бросающие в воздух горящие факелы и кегли, и акробаты, балансирующие на вершине длинного песта. Медведь танцевал под звуки флейты, зквилибристы и гимнасты сгибались и разгибались, как будто их тела были сделаны из резины, музыканты играли на своих лютнях, унтарях и арфах. Несколько людей в длинных богатых одеждах и с густыми длинными бородами бродили по карнавальная, пестрой толпе, как если бы она для них не существовала. Они шли группами по двое и трое. Двое из них, выкрикивающие в лицо друг другу оскорбления и готовые уже вцепиться соседу в глотку, не сумели осуществить это милое намерение — сильный, обнаженный до пояса и намазанный на буграх мышц маслом борец удерживал их от драки.

Третий лагерь был уже свернут и начал медленно идти к реке, где дровосеки уже рубили деревья для плотов, чтобы пересечь на них реку, но Конан в любом случае не собирался даже приближаться к ним. Не то чтобы он не мог подумать, будто сундуки оказались в багаже Карима Сингха, *вазама* Вендии, но пятьсот суровых, вооруженных до зубов вендийских кавалеристов стояли на пути, и с ними лучше было не шутить.

Их крепкие кольчуги и шлемы с тюрбанами, с которых также свисала кольчуга, закрывающая лицо и шею, были похожи на те, что были у вендийцев, атаковавших контрабандистов на берегу Зарпаша. Эти люди явно осознавали, как глубоко они находятся на спорной территории. Они ехали на своих лошадях, как гибкие настороженные пантеры, готовые прыгнуть при каждом звуке, а их длинные острые копыта угрожающе опускались на каждого, кто приближался к ним на расстояние ста шагов.

Внезапно что-то свистнуло у самого лица Конана, настолько близко, что киммериец почувствовал дуновение ветра. «Стрела арбалета», — тут же отреагировал Конан. Он инстинктивно пригнулся так низко в своем седле, как позволяла ему высокая лука седла, и ударил каблуками сапог в бока черного жеребца. Конь бросился как бешеный и быстро ушел вперед, опередив убийцу, стрелявшего в Конана. Конан скорее почувствовал, чем увидел, как другие стрелы проносились рядом, и один раз его седло сильно трянуло от вшившейся в него стрелы. Когда наконец река стала уже совсем близко, киммериец поднял голову и посмотрел назад. В лагере, который постепенно сворачивали и готовили к походу, все выглядело по-прежнему. Конан не заметил ни одного арбалетчика, никто даже не смотрел в его направлении. Соскочив с коня, Конан внимательно осмотрел своего жеребца. Животное не было ранено и даже не испугалось, готовое снова скакать куда угодно, но в самой верхушке луки седла торчала стрела толщиной в палец. По спине Конана пробежал холодок. Еще на волосок выше — и стрела бы впилась ему в спину. Ну что ж, по крайней мере у него теперь не было ни малейших сомнений, что сундуки были в караване.

— Эй ты! — раздался крик со стороны реки. — Ты, Патил!

Конан глянул в направлении голоса и увидел Торио, командира отряда стражников каравана, который скакал к нему. Конан быстрым движением вырвал стрелу

из седла и бросил ее на землю, после чего сел в седло и подъехал к стражнику, который тут же заговорил:

— Дважды в год, в течение десяти лет, я путешествую из Аграпура в Айдохью и обратно и каждый раз вижу что-то новое. Теперь же это «что-то» — такая необычная вещь, с которой я еще никогда раньше не встречался.

— И что же за странная вещь?

— Его Высочество, Карим Сингх, *вазам* Вендии, Советник Слона желает тебя видеть, Патил. Я не хочу оскорбить тебя, но ты явно не принадлежишь к знати, а Карим Сингх очень редко принимает у себя тех, кто стоит ниже него. Почему же он вдруг пожелал увидеть тебя, о котором он, скорее всего, никогда прежде и не слышал?

— Советник Слона? — спросил Конан, частично потому, что у него не было толкового ответа на это, а частично из-за того, что это название удивило его. Он уже слышал об этих больших серых животных, чьи бивни так ценились в Туране, и очень надеялся увидеть хотя бы одного из них во время своего путешествия.

— Один из титулов царя Вендии — Слон, — ответил Торио. — Я думаю, это не более глупо, чем то, что Илдиза называют Золотым Орлом или любым другим именем, которые так любят давать себе цари.

— И где же находится этот Советник Слона?

— Он уже перебрался на другой берег реки, и я придержал бы свой язык, находясь рядом с ним, если бы не хотел потерять его. Вон его павильон. — Торио указал рукой на большой шатер из золотистого шелка, расположенный на другом берегу и окруженный сотней вендийских копеечников, которые наставили свои копыта, охраняя его. — Ему наплевать на то, что мы должны ждать своей очереди потому, что ему вдруг захотелось поговорить с тобой, но *его* отряд и знать в его посольстве должны быть первыми на марше. Карим Сингх плюет на жалких червей у себя под ногами и не собирается дышать пылью от каравана. — Командир стражников выдержал паузу, нахмурившись

своим мыслям и бросая время от времени внимательные взгляды на Конана. — Мое положение очень нелегкое, Патил. Я отвечаю за безопасность всех в караване, но не должен никого обидеть. Тех, кто несет всякую чушь, и тех, кто хочет получить преимущества и льготы. Далеко не всегда опасность приходит снаружи, от кайгаров или зуагиров. Человек может заработать немного серебра, и хотя сумма эта будет не так велика, как может быть предложена другим, зато только молчание о том, что сказано и кому, требуется в этом случае, а не полная преданность. Ты понял, что я тебе сказал?

— Нет, — честно ответил Конан, и стражник напрягся, как будто его ударили по лицу.

— Ну что ж, ладно, Патил. Играй в свою игру в одиночку, если тебе это угодно, но помни, что только очень могущественные люди могут, играя в одиночку, выжить.

Резко дернув за поводья, Торио поскакал в сторону. Этот человек принадлежал к вендийской знати и жонглерам, подумал Конан. Он молил языком непонятную чепуху и обиделся, когда его не поняли. На берегу реки, где росла большая роща деревьев, Конан увидел вспотевших, возбужденных людей, что-то кричавших и ругавшихся. С громким треском еще одно толстое дерево рухнуло на землю, и дровосеки подскочили со своими топорами обрубить ветки и сучья, чтобы бревно можно было подкатить к большому, наполовину законченному плоту, стоявшему у самого берега. Отряд вендийских копеечников вел лошадей на другой плот, который был примерно пятнадцать метров в длину, в то время как третий плот-паром уже был на середине реки, постепенно продвигаясь к другому берегу, вдоль двух толстых, длинных канатов, которые колыхались, дрожа на медленном течении Зарпаша. Еще один тяжелый канат был протянут с берега на берег для плота, который не был пока закончен. Веревки, соединенные с плотами, двигал один «двигатель» — их с каждого

берега тянули на плечах оборванные рабы — по сорок человек на каждый плот.

Вендийские кавалеристы уставились на Конана, их черные глаза почти не мигали и были лишены всякого выражения, когда киммериец вместе со всадниками погружился на плот. Это были высокие люди, но Конан был на полголовы выше самого высокого из них. Некоторые при виде киммерийца пытались встать более прямо. Единственным звуком на плоту был стук копыт, когда лошади переминались с ноги на ногу. Конан чувствовал напряжение солдат. Любой из них принял бы прямой взгляд как вызов, а то, что он явно не обращал на них внимания, могло сойти за оскорбление. Так как Конан не собирался лезть в драку до того, как пересечет реку, киммериец сделал вид, что проверяет седельную подпругу. Плот дрожал и уходил то влево, то вправо, по мере того как веревки натягивались и он медленно шел вперед, слегка сползая вниз по течению. Только тогда Конан обнаружил, что кто-то внимательно рассматривает что-то на берегу. Далеко от воды Торио ехал медленно на лошади, вглядываясь в песок. Взглянув на то, что он выбросил, Конан понял, в чем дело. Он смотрел на офицера стражников, пока плот не коснулся дальнего берега.

Глава 12

С близкого расстояния громадный шатер из золотого шелка производил весьма внушительное впечатление. Его поддерживало двадцать больших кольев, вбитых в землю. Внутри шатра вполне могли разместиться около ста вендийских копеечников, да и их лошади тоже.

Круг всадников-копеечников расступился перед Конаном, явно без всякой команды. Когда киммериец въехал внутрь круга, тот снова сомкнулся позади него. Конан мог только пожелать, чтобы эти длинные копы не напоминали ему железные прутья клетки. Слуги в тюрбанах поснешили встретить киммерийца. Один из

них взял за поводья жеребца, в то время как другой придержал стремя. У входа в шатер стоял еще один слуга с влажными, прохладными полотенцами на серебряном подносе, которые он предложил Конану, чтобы тот мог обтереть руки и лицо. Еще один слуга встал на колени и попытался опрыскать благовониями Конану ноги.

— Ну хватит! — зарычал Конан, отбросив в сторону смятое полотенце. — Где ваш господин?

Толстый мужчина появился у входа. На его голове был дорогой тюрбан из золотого и зеленого шелка, украшенный рубином и страусовыми перьями. Его туника была синего цвета и расшита золотыми нитями, а шелковые туфли были с загнутыми острыми носками. Конан подумал было, что это и есть сам *вазам*, но человек вдруг низко поклонился и сказал:

— Прошу следовать за мной, господин.

Внутри шатра было большое помещение, созданное из занавесей, сделанных из шелка и золотых нитей, а пол покрывали роскошные вендийские ковры, достойные украшать и дворец царя. Воздух был пропитан густым запахом благовоний. Невидимые музыканты начали играть на лютнях и цитрах, как только Конан вошел в шатер, и пять женщин, так сильно покрытых вуалями и закутанных в шелк, что Конан видел только их темные глаза, принялись танцевать. Облокотившись на целый ворох разноцветных подушек, высокий мужчина с узким оливковым лицом полулежал, лениво поглядывая по сторонам. На голове его был большой тюрбан из фиолетового шелка. Так же, как и у слуг, тюрбан увенчивал белоснежный плюмаж перьев, но тюрбан был также украшен большими жемчужинами и алмазами. На его шее висела тяжелая золотая цепь с громадными, с голубинное яйцо, изумрудами, а каждый палец украшал перстень с рубинами и сапфирами. Его глубоко посаженные глаза были темными, и они были крепче и жестче, чем любой из алмазов и рубинов, которые он носил.

— Вы Карим Сингх? — спросил Конан.

— Я. — В глубоком голосе мужчины прозвучала нотка шока, но он сказал: — Ты не употребляешь правильной формы приветствия, и это странно. Однако это даже забавляет меня. Ты можешь продолжать. Ты тот, кто называет себя Патилом. Это имя, привычное в моей стране, и оно кажется странным для того, кто явно прибыл из далеких стран.

— Есть много стран, — сказал Конаи, — и много имен. Имя Патил вполне мне подходит.

Вазам улыбнулся, как если бы киммериец сказал что-то очень умное.

— Садись. Каждый должен терпеть неудобства путешествия, но вино, по крайней мере, смягчает их.

Усевшись по-турецки на подушках, Конан не обратил внимания на предложенные ему маринованные яйца куропаток и сладости: засахаренные орешки и халву, предложенные ему слугами, которые, казалось, появлялись и исчезали по волшебству, так тихо они это делали. Конан взял с подноса бокал из тяжелого золота, оправленный в широкое кольцо из аметистов. Вино пахло духами и напоминало на вкус мед.

— Слухи быстро распространяются здесь, — продолжал Карим Сингх. — Я вскоре услышал о тебе, бледнокожий великан с глазами, как у... Эти глаза приводят всех в большое смущение. — Однако в голосе *вазамы* не прозвучало и нотки этого смущения. — Я знаю довольно много о западном мире, хотя он закрыт от глаз многих моих соотечественников и это загадочная земля для них. Прежде чем отправиться в Аграпур, чтобы заключить договор с царем Илдизом, я изучил многое из того, что было написано о ней. А когда я побывал там, я внимательно слушал. Я знаю кое-что о бледнокожих варварах северных стран, о том, что они отважные, страшные воины, беспощадные к врагам. Такие люди могут быть очень полезны.

Впервые за время этого путешествия Конан почувствовал, что он находится на понятной ему территории, но ему эта тема отнюдь не нравилась.

— Я поступил на службу до того, как попаду в Айдохью, — сказал он. — После этого у меня нет определенных планов.

— Ах да. Кхитаец. Он, конечно, шпион.

Конан чуть не поперхнулся вином.

— Купец?

— В Вендии всех чужеземцев считают шпионами. Так безопаснее. — Внимательный, напряженный взгляд Карима Сингха заставил киммерийца думать, что, возможно, он и его считает шпионом. — Однако шпиону рознь. Например, шпион, который наблюдает за шпионом. Далеко не все в нашей стране с теплом думают о Вендии и держат змею в своем сердце. Меня, например, может очень заинтересовать следующее — с кем разговаривает в Вендии кхитаец и что именно он говорит. Это может заинтересовать меня настолько, что я заплачу золотом.

— Я не шпион, — сказал резко и сурово Конан. — Ни для кого на свете.

Лицо его собеседника на секунду дрогнуло, после чего *вазам* довольно улыбнулся:

— Отлично, Патил. Редко можно довериться человеку, который продается первому же покупателю.

В его голосе был покровительственный тон, который сделал глаза Конана холодными как лед. Он подумал было, что ему надо объясниться, но решил, что этот человек не понял бы саму идею чести и честности, даже если бы ее бросили ему прямо в лицо. Пока он пытался найти выход из этого положения и сменить тему разговора, взгляд киммерийца упал на танцовщиц, и его челюсть отвисла. Темные шали и вуали все еще покрывали лица пяти девушек — до самых глаз, но остальные их шелковые одеяния уже усеивали ковры под их ногами. Все их одежды, без остатка. Гибкие, нежные формы оливковых тел мелькали в танце по залу, подпрыгивая как газели и делая шпагат в воздухе, или извиваясь, словно их кости были подвижными, как у змей.

— А-а, тебе нравятся мои игрушки? — спросил Карим Сингх. — Это мои трофеи, как и полагается.

Некоторые могущественные властители давно уже сопротивлялись мне. Но вскоре каждый из них обнаружил, что он был не столь уже могущественным, как думал, и что даже для властелина жизнь имеет свою цену. Например, любимая дочь. Каждый из этих владык положил свою плату к моим стопам. Они очень милы, ты не находишь?

— Очень милы, — хрипло согласился Конан. Он пытался заговорить более мягким, ровным голосом, чтобы не выдать свою неискренность и наивность. — И я не сомневаюсь, что их лица будут такими же красивыми, когда последняя вуаль упадет с них.

Карим Сингх моментально напрягся.

— Я забываю, что ты — чужеземец. Эти женщины принадлежат моему *пардхана*. Для них снять покрывающую лицо вуаль перед любым человеком, за исключением меня, является большим позором, да и для меня тоже.

Подумав о безупречных гибких телах, извивающихся в танце перед ним, Конан кивнул.

— Понимаю, — сказал киммериец медленно. Но он совсем ничего не понимал. Это была другая страна и другие обычаи, но этот обычай, похоже, напоминал сумасшествие. Глубоко вздохнув, он отложил в сторону бокал и поднялся на ноги. — Мне пора идти. Канг-Хоу скоро будет переправляться на другой берег.

— Да, конечно. И когда ты доберешься до Айдохьи и уже не будешь служить ему, я пошлю за тобой. Люди, которые преданы господину, всегда нужны, так как безжалостный воин обычно не сдерживает себя цивилизованными цепями.

На это Конан даже не знал, что ответить. Он дернул головой, надеясь, что этот жест может сойти за поклон, и быстро вышел из шатра. У входа в шатер толстый человек с белым плюмажем на тюрбане ожидал его с серебряным подносом в руках.

— Подарок от моего повелителя, — сказал он, поклонившись. На подносе лежал красный кошелек из

мягкой замши. Он был мягким и тяжелым, таким, что Конан мог почувствовать монеты внутри. Но киммериец не открыл его, чтобы пересчитать их или посмотреть, было ли это золото или серебро.

— Поблагодари своего господина за щедрость, — сказал он и внезапно бросил кошелек в руки ошеломленного слуги. — Подарок от меня. Раздели деньги среди слуг.

Он почувствовал глаза толстого слуги за своей спиной, когда шел к своей лошади, — двое слуг все еще стояли у коня; один удерживал уздечку, другой — стремя, пока киммериец взбирался в седло. Но ему было на это наплевать.

Если Карим Сингх будет оскорблен поступком киммерийца, то так тому и быть. Конану уже по горло хватило общения с Его Высочеством, Советником Слона, или как там его называют. Кольцо из копий снова открылось, и Конан поскакал по направлению к реке. Ругающиеся погонщики верблюдов использовали длинные шесты, чтобы перевести своих тяжело нагруженных животных на плот, который плотно удерживали у берега рабы.

Все три плота были уже готовы. Один из них, на котором стояла вендийская знать, находился уже на середине реки, а последний, нагруженный верблюдами и торговцами, шел в десятке метров от него. Две группы людей — купцы на одном плоту и знать со своими странными карнавальными слугами на другом — говорили о том, что переправа началась вскоре после того, как Конан достиг этого берега. Дальний, противоположный берег был переполнен стоящими в ожидании людьми. Киммериец не видел Канг-Хоу и других. Если он пересек бы реку в обратном направлении, у него были равные шансы, чтобы встретиться с купцом на середине реки.

Конан натянул поводья и подъехал к месту, откуда можно было бы видеть все три места высадки плотов. Пока черный жеребец стоял, обмахивая себя по бокам хвостом, отгоняя мух и переступая копытами, дрожа

от нетерпения, чтобы пуститься вскачь, вендийский всадник подъехал и встал позади него. Шелк и бархат вендийского костюма говорили о том, что всадник был офицером, а украшенные драгоценными камнями ножны сабли и позолота на шлеме с тюрбаном показывали, что он не просто офицер, но и принадлежит к знати. Презрительная усмешка была на его лице, а его глаза были подернуты дымкой жестокости. Всадник не говорил, а только пронзал великана киммерийца взглядом в злом молчании. Он уже пытался избежать стычки сегодня утром, напомнил себе Конан. Он легко мог сделать это снова. В конце концов, офицер только смотрел на него. Просто смотрел. Наклонившись, Конан тоже внимательно смотрел, но только не на этого дурня офицера, а на медленно приближающиеся плоты. Вендиец был один, поэтому его присутствие не имело ничего общего с отдаленным слуге кошельком *вазама*. По жизненному опыту Конан знал, что такие люди, как *вазам*, не отвечают на оскорбления подобными мелочами. Но, с другой стороны, это начинало казаться киммерийцу уже не такой уж и мелочью. Челюсти Конана плотно сжались от напряжения.

— Ты — человек, которого зовут Патил, — пролаял неожиданно вендиец. — Ты не из Вендии.

— Я хорошо знаю, кто я и откуда, — зарычал Конан. — А кто *ты* такой и откуда явился?

— Меня зовут князь Кандар, и я начальник телохранителей *вазама* Вендии. А ты следи за своим языком, если не хочешь потерять его!

— Я уже слышал сегодня эту угрозу, — сказал сурово Конан, — но мой язык все еще при мне, и я не отдам его так легко.

— Дерзкие и хвастливые слова, — ядовито усмехнулся Кандар, — для чужеземца с глазами *пан-кора*.

— С глазами... кого?

— *Пан-кор*. Порождение женщины и демона. Даже самые отъявленные невежды среди моих людей верят, что это может принести неудачу, несчастье и дурное

предвестие всем, кого такой взгляд коснется. Они уже убили бы тебя, если бы я разрешил им это.

В глазах вендийца мелькнуло какое-то движение. Самые отчаянные невежды из его отряда? Конан улыбнулся и подался вперед.

— Как я уже сказал, я хорошо знаю, кто я и откуда.

Кандар отшатнулся и вздрогнул, а его лошадь сделала шаг влево, но он быстро пришел в себя, и его лицо снова стало каменным. Он дернул за поводья, и его лошадь успокоилась.

— Вендия — опасное место для чужеземца, кто бы он ни был и откуда бы ни появился. Чужеземцу, который не ждет опасаться того, что может ждать его за следующим поворотом или что может прийти в темноте ночи, лучше всего поискать защищающую его руку и иметь патрона-защитника в высоких кругах.

— И что требуется для того, чтобы найти такую руку и патрона? — спросил сухо Конан.

— Например, определенного рода информация, отрывки из некоторых разговоров и бесед, переданная этому патрону.

— Я сказал уже Кариму Сингху, — ответил Конан, отчеканивая каждое слово, — и я скажу тебе то же самое, что я не буду шпионить за Канг-Хоу.

— Кхитаец? О чем ты говоришь? *Вазам* интересуется им? Ба! Какое мне дело до купцов?

Конан почувствовал, что замешательство его собеседника перешло к нему, как болезнь.

— Если не Канг-Хоу, то кто же, во имя Девяти Адов Зандру?..

Внезапно сумасшедшая мысль озарила его как фантелом.

— Карим Сингх?

— А-аа, — сказал Кандар, став внезапно самой вежливостью. — Это было бы весьма приятно.

— Я могу в это поверить, — пробормотал Конан, хотя в действительности он с трудом верил услышанному. — Я начинаю верить в то, что вы, вендийцы, дейст-

вительно могли подписать договор с Иллизом в один день и убить Высшего Адмирала Турана на другой.

Мягкость, которая так внезапно овладела вендийцем, так же внезапно была смыта гримасой ярости, перекосившей его лицо. Он схватил руку Конана железной хваткой воина, владевшего мечом, и его зубы оскалились в рычании волка.

— Кто это говорит? Кто говорит эту ложь?

— Все в Султанапуре, — ответил негромко Конан. — Я полагаю, что все в Туране говорят это. А теперь отпусти мою руку, или, клянусь Кромом, я отрублю твою лапу.

Позади Кандара плот, нагруженный знатью, уже достиг берега, и люди быстро спрыгивали на полосу песка. Две вендийские женщины, сидящие боком на лошадях, проехали мимо Конана и князя. Одна из них была одета просто и покрыта вуалью, так что можно было видеть только ее глаза. Другая, чья лошадь шла впереди, была покрыта большим красным шелковым шарфом, закрывающим ее густые волосы цвета крыла ворона. В ее локоны были вплетены жемчужины, а на лице не было вуали. Цепочки и кулоны с камнями украшали шею, на руках женщина носила золотые браслеты с изумрудами, на пальцах сверкали кольца с сапфирами и рубинами. Когда Кандар, гневно взглянув на Конана, открыл рот, чтобы что-то сказать, женщина без вуали заговорила низким музыкальным голосом:

— Как приятно увидеть тебя, Кандар. Я думала, что ты избегал меня в последнее время.

Вендийский князь внезапно напрягся. Мгновение его глаза все еще жестко смотрели на Конана, после чего он резко сказал:

— Мы еще поговорим, варвар, ты и я.

Даже не взглянув на женщин, Кандар ударил свою лошадь шпорами и, пустив ее в галоп, поскакал к павильону *вазама*, который уже начали сворачивать слуги. Конан не слишком огорчился, увидев, что *вазам* ушел, особенно когда вместо него появилось такое чудесное создание, как эта украшенная драгоценностями

женщина. Ее кожа была темно-смуглой и гладкой, а темные глубокие глаза были настоящими озерами, в которых любой мужчина мог легко «утонуть», причем с большой охотой. И эти темные влажные глаза изучали киммерийца с таким же интересом, с каким он наблюдал за владелицей этих глаз. Она улыбнулась, и Конан тоже ответил ей улыбкой.

— Кажется, что этот Кандар не очень-то любит вас, — сказал он. — Я думаю, что мне понравится любой, кто не нравится ему.

Смех женщины был таким же мелодичным, как и ее голос.

— Совсем наоборот, я чересчур нравлюсь Кандару. — Она увидела замешательство киммерийца и снова засмеялась. — Он хочет меня для своей *пардханы*. Однажды он зашел так далеко, что попытался меня даже похитить.

— Когда я хочу женщину, я не скачу в сторону, даже не взглянув на нее. — Конан смотрел в эту минуту на нее, так что она могла понять, что он говорил о Кандаре.

— У него есть на это причина. Моя служанка, Алина... — Незнакомка небрежно махнула рукой в сторону покрытой вуалью женщины. — Его сестра.

— Его сестра! — воскликнул Конан, и женщина снова засмеялась. Покрытая вуалью девушка безмолвно зашевелилась в седле.

— А-а, понимаю, ты удивляешься, что сестра знатного человека может быть рабыней. Дело в том, что Алина была замешана в деле со шпионами и ее ожидал топор палача, но я выкупила ее жизнь. Затем я дала бал у себя во дворце, на который был приглашен и Кандар. Он собирался снова грубо давить на меня, мужлан! Но когда он увидел Алину среди моих танцовщиц, он почему-то бросился бежать из моего дворца. Видишь, как легко можно избавиться от этого надоедливое дурня?

Конан уставился на это красивое смеющееся лицо, которое казалось таким открытым и даже невинным, и

только то, что он услышал и увидел в это утро, заставило его поверить ее словам.

— Вы, вендийцы, похоже, любите наносить удары по своим врагам через других. Неужели ни один из вас никогда не встречается лицом к лицу с противником?

Ее смех напоминал звенящие колокольчики.

— Вы, с Запада, так прямолинейны, Патил. Ах, эти Туранцы! Они думают о себе как о хитрых и искусственных в интриге. Они совсем как дети, простодушны и наивны.

Конан моргнул при этих словах. Простодушны? Туранцы? Затем что-то еще из того, что она сказала, кольнуло его.

— Ты знаешь, как меня зовут.

— Я знаю, что ты тот, кто называет себя Патилом. Человек должен быть абсолютно глухим, чтобы не слышать о таком чужеземце, как ты, который называет себя вендийским именем. Ты меня заинтересовал.

Ее пристальный взгляд был как нежное прикосновение руки, скользнувшей по широким плечам и груди киммерийца, до его бедер и пояса. Очень многие женщины смотрели на него похожим взглядом, и иногда ему это даже нравилось. Но сейчас Конан чувствовал себя, как жеребец в конюшне, выставленный на продажу.

— И ты тоже хочешь, чтобы я шпионил за кем-то? — спросил он резко.

— Как я уже сказала прежде, — улыбнулась она. — Прямолинейный. И непосредственный, как дитя.

— Я не ребенок, женщина, — прорычал он. — И мне не нужны ваши вендийская хитрость и коварство. Знаешь ли ты, почему так много придворных царя Бандаркара сопровождали *вазами* в Туран? Это была не только его свита, как, кажется, думали туранцы. Я нашла в Туране хороших жонглеров и акробатов, которые делают свои трюки иначе и которые очень придутся ко двору в моем дворце в Айдохье. Я также привезла оттуда танцующего медведя и несколько ученых мужей. Хотя я должна заметить, что философов

Турана нельзя сравнить по учености с их коллегами из Кхитая.

— Неужели никто из вас никогда не говорит прямо? Какое отношение имеют все эти вещи ко мне?

— В Вендии, — сказала незнакомка, — наслаждение жизнью — это сама жизнь. Так мы живем. Люди при дворе устраивают охоты и пиры, хотя последние очень часто превращаются просто в пьяные дебоши. Но в любом случае ни то ни другое не подобает для женщины знатного происхождения. Однако на каждое решение, принятое мужчинами верхом на лошади на охоте за дикими кабанами, приходится два решения, которые он сделал во дворце знатной женщины. Ты можешь спросить, каким образом обычные, даже знатные женщины могут соперничать с принцами и князьями? Мы собираем вокруг себя философов, мыслителей, ученых, самых лучших музыкантов, самых талантливых поэтов, самых лучших актеров и ремесленников, которые делают свои чудесные вещи из металла или камня. Все новые пьесы тут же играют в наших дворцах, и у нас всегда можно найти странных, необычных путешественников из далеких, загадочных стран. Не мешает и то, что наши служанки и рабыни выбраны за их красоту, хотя, в отличие от мужчин, мы требуем аккуратности в обращении с ними.

Лицо Конана мрачнело все больше и больше по мере того, как он слушал ее. Теперь же он взорвался:

— Так вот какой у тебя интерес ко мне? Я должен стать твоим танцующим медведем, пляшущим под дудку?

— Я не думаю, что женщины при дворе царя считают тебя танцующим медведем, — сказала она, — хотя ты почти такой же большой, как и медведь. — Внезапно она посмотрела на Конана сквозь свои густые ресницы, и кончик ее языка коснулся полных губ. — Я также не хотела бы видеть тебя на доске, где медведь стоит, — добавила она гортанным голосом.

— Ко... Патил! — донесся крик, и Конан увидел, что Ордо направил свою лошадь вверх по реке.

— Я должен идти, — грубовато сказал киммериец женщине, и она кивнула, как бы говоря, что ее вполне удовлетворяет его манера говорить.

— Приходи ко мне сегодня ночью, о великан, который зовет себя Патилом. Мой интерес к тебе еще не пропал. — Улыбка смахнула жадный взгляд соблазнительницы, и ее лицо снова приняло невинное выражение. — Ты не спросил моего имени. Меня зовут леди Виндра. — И взмахом своего украшенного золотом хлыста она направила лошадь вперед. Женщина с вуалью последовала следом за ней.

Позади Ордо слуги Канг-Хоу уже вели на берег верблюдов торговца, которых сопровождали вооруженные контрабандисты. Одно из горбатых животных уже прыгнуло на берег, в то время как Хасан и Шамил с явным желанием и возбуждением помогали Чин-Коу и Кай-Ше садиться в покрытые навесом *каджавы* — своеобразные сиденья, укрепленные на боках верблюдов.

— Красивая девка, — заметил Ордо, уставившись вслед удаляющейся Виндре. — И неплохо сидит в седле. — Он осмотрелся вокруг, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь поблизости, после чего понизил голос. — Ты нашел эти сундуки?

Конан отрицательно покачал головой.

— Но они здесь, я знаю это. Кто-то пытался сегодня убить меня.

— Это всегда недурной способ, чтобы начать очередной день, — сказал сухо Ордо. — Узнал ли ты вообще хоть что-нибудь?

— Трое людей пытались нанять меня как шпиона, и эта «красивая девка» хотела добавить меня к своей коллекции диких животных.

— Я никогда не понимал твоего юмора, киммериец.

— Я также узнал, что мои глаза являются порождением демона, и помимо этого понял, что Вендия — это сумасшедший дом.

Одноглазый хмыкнул, когда сел в седло лошади.

— Первое я уже говорил тебе сам — и не один раз. Что касается второго, это известно всем. Похоже, что мы наконец начали двигаться.

Отряд и свита *вазама* (Конан вспомнил, как Торио сказал, что они должны быть первыми на марше) растянулись в длинную линию по направлению к юго-востоку; вендийские копейщики, разделенные на две колонны, охраняли свиту слева и справа. Сам Карим Сингх сидел в богато украшенных носилках из золота и черного дерева, которые несли четыре лошади. Арочный навес из блестящего белого шелка раскинулся над паланкином, и длинные прозрачные полотна из золотистого туранского газа драпировали его края. Кандар скакал позади носилок, низко наклонившись к человеку внутри и что-то горячо говоря ему.

— Если они пытались убить тебя, — продолжал Ордо, — то по крайней мере, ты расшвелел их.

— Да, пожалуй, ты прав, — сказал Конан. Он оторвал свой взор от носилок *вазама*. — Нам пора присоединиться к Канг-Хоу и остальным, Ордо. Впереди еще много часов похода.

Глава 13

Ночь и глубины земли были необходимы для некоторых вещей. Некоторые вещи просто не могли вытеснить света дня или открыть себя светлomu голубому небу. Как уже часто случалось в последнее время, ночь застала Найпала в комнате с серым куполом, глубоко под дворцом. Сам воздух в этом зале пах колдовством, слабый сладковатый запах тления, смешивавшийся с непонятным, неопределенным, но явным дьявольским запахом *зла*.

Этот запах пропитал все вокруг и мог свести с ума. Но чародей старался не вспоминать о том, что случилось в этом зале в прошлый раз, да и не хотел об этом даже думать. Он взглянул на ожившего воина, который стоял неподвижно, как камень, у блестящей,

мерцающей стены, на том самом месте, где Найпал приказал ему встать в прошлую ночь. Глаза колдуна метнулись к рабочему столу, пробежав мельком по ларцу из резной слоновой кости. Там, в хрустальных флаконах, находились пять необходимых ингредиентов для передачи жизни, и у него теперь были все составные части.

В гробнице царя Ориссы под затерянным городом Махарастра стояли двадцать тысяч бессмертных воинов. Неумирающая, всепобеждающая армия. И он может дать жизнь примерно двадцати из них. С диким рычанием Найпал принялся ходить взад и вперед по комнате. Старые колдуны, которые подготовили гробницу Ориссы, в точности выполнили приказ царя, чтобы создать его вечных телохранителей в полном соответствии с его инструкциями. Но эти маги и специалисты по изготовлению мумий боялись, что применение для этих телохранителей может быть ужасным, если кто-нибудь сумеет их разбудить от вечного сна, и они придумали одну хитрость. Только один из пяти необходимых ингредиентов можно было найти в Вендии, да и тот был очень редким. Что касается остальных четырех, то их можно было отыскать в землях, само существование которых было не больше чем легендой даже спустя две тысячи лет после гибели Ориссы. Эти ингредиенты были также выбраны еще и потому, что их почти не употребляли маги и чародеи.

Найпал, конечно же, позаботился о том, чтобы их получить, но какой в них будет толк, если катастрофа разразится над головой чародея до того, как он их получит? Силой заставив себя взглянуть на резной ларец, Найпал сжал пальцы в кулаки и гневно посмотрел на сундучок, как если бы он задумал разбить его. Когда прошлой ночью Найпал вышел наконец из зала, это скорее напоминало бегство. Крадясь по коридорам своего собственного дворца, как вор, он говорил себе, что это не оцепенение, не страх вернулись к нему. Он уже давно победил в себе эти чувства. Ему просто нужен был отдых, вот и все. Ему нужно

было встряхнуться и отвлечься. Были вызваны музыканты, столы были накрыты вином и едой, но даже самые изысканные блюда в этот день напоминали колдуну по вкусу древесные опилки, а игра цитр и флейт действовала на нервы. Он приказал высечь и поваров, и музыкантов. По двое и по трое приводили к нему женщин из его *пардханы*, и они все вернулись назад, плача от того, что не сумели его развеселить. Пять раз в этот день Найпал приказывал раздавать по десять тысяч *пайсов* бедным от его имени, но даже это не улучшило настроения. И вот он снова пошел в свою колдовскую залу глубоко в подземелье. Здесь он по крайней мере смог встретиться лицом к лицу с опасностью, чем бы она ни была и от кого бы она ни исходила. Его руки коснулись плоского резного ларца из слоновой кости... и он вдруг остановился от звука мелодичного колокольчика. Колдун нервно дернул головой по направлению звука. На самом краю столика из красного дерева, заполненного хрустальными пробирками и ретортами, в которых находились странного цвета жидкости и порошки, причудливо мерцающие зеленоватым и желтым огнем, запечатанные свинцовыми пробками бутылки, покоился плоский сундучок, на этот раз из полированного мореного дуба с серебряным колокольчиком, стоящим на нем. Колокольчик был покрыт причудливой нитью старинных букв и символов. Пока Найпал смотрел на него, колокольчик снова зазвенел.

— Ага, значит, этот дурак все же нашел достаточно мужества, чтобы использовать его, — пробормотал Найпал.

Чародей помедлил несколько секунд, пытаясь разобраться в своих собственных мыслях, но колокольчик зазвонил опять. Тяжело дыша, колдун обошел стол и встал рядом с сундучком из тикового дерева. Колдун откинул крышку сундука и уставился на зеркало, в котором увидел свое отражение и отражение всего того, что было в зале, как в любом другом зеркале. Зеркало было установлено на шарнирах и

роликах таким образом, что его можно было передвинуть влево и вправо и установить под любым углом. Найпал передвинул его почти перпендикулярно столу. Затем поставил восемь крошечных костяных подносов на серебряные столбики, которые выходили из отверстий на краю сундучка — по одному отверстию в каждом углу и один в самом центре. Снова зазвенел колокольчик, и колдун выругался. Зеленоватого цвета пудра, приготовленная заранее и поставленная в коробочке рядом с зеркалом, была аккуратно ссыпана маленькой золотой ложкой на костяные подносы. Наконец Найпал достал из шкатулки маленькую серебряную колотушку, украшенную теми же письменами и орнаментом, что и колокольчик.

— *Са-а-рел!* — нараспев протяжно сказал Найпал.

Голубая искра сорвалась с колотушки и коснулась колокольчика. Колокольчик зазвенел. Одновременно с этим порошок на четырех подносиках вспыхнул голубым пламенем. Но еще до того, как эти крошечные языки огня потухли, чародей снова заговорил:

— *Ка-а-рел!*

И снова колокольчик зазвенел от прикосновения голубого пламени.

— *Ма-а-рел! Ди-ин-дар!*

После третьего звонка колокольчика отражение Найпала в зеркале задрожало и исчезло, превратившись в разноцветную пляску цветных линий и искорок. Медленно, очень медленно какофония красок стала преобразоваться в образ узкоголица человека в тюрбане из дорогого, прошитого золотыми нитями шелка, обернутого несколькими золотыми цепочками и украшенного большими рубинами.

— Найпал? — сказал человек. — Хвала Асуре, что это ты.

— Ваше Сиятельство, — сказал Найпал, подавив в себе раздражение, — чем я могу служить Советнику Слона, который вскоре *будет* Слоном?

Карим Сингх вздрогнул и быстро посмотрел по сторонам, как бы опасаясь, что кто-нибудь может услы-

шать его. Этот человек не мог быть настолько глупым, подумал Найпал, чтобы разрешить кому-нибудь помимо него присутствовать в комнате, когда он смотрит в живое зеркало. Разве он мог такое допустить?

— Ты не должен говорить подобные вещи, — сказал *вазам*. — Один Асура знает, кто может нас подслушать. Возможно, другой колдун. Особенно в это время.

— Ваше Сиятельство, я уже объяснял, что только те, кто находятся рядом с одним из зеркал... — Найпал остановился и глубоко вздохнул. Объяснять этому дураку в сотый раз было абсолютно бесполезным занятием и потерей времени. — Я, Найпал, придворный маг царя Вендии Бандаркара. Я планирую заговор и убийство Бандаркара и плюю на него. Я собираюсь помочь Вашему Сиятельству сесть на трон Вендии. Ваше Сиятельство все понимает. Я бы не говорил всего этого, если бы кто-нибудь мог нас услышать.

Карим Сингх кивнул, соглашаясь, хотя лицо его было смертельно бледным.

— Я полагаю, я должен... доверять тебе, Найпал. В конце концов, ты преданно служишь мне. Я также полагаю, что ты знаешь, что тебе лучше выказать мне больше преданности, чем та, что ты оказывал Бандаркару.

— Я слуга Вашего Сиятельства, — поклонился колдун. Найпал подумал, имел ли этот человек хоть какое-то представление о том, *насколько* его восхождение к власти было делом рук колдуна. — И чем же я могу служить сейчас Вашему Сиятельству?

— Я... точно не знаю, — неуверенно сказал *вазам*. — Впереди может быть катастрофа. Договор разрушен, в этом нет никакого сомнения. Наши головы могут полететь с плеч. Я предупреждаю тебя, Найпал, я не пойду на плаху один.

Найпал раздраженно вздохнул. Договор с Тураном следовал тем простым формулам, которые он вложил в голову Карима Сингха и которые тот считал своими собственными. Чтобы захватить трон Бандаркара после его смерти, чародею необходимы были беспорядки

и хаос в стране. Внешние враги, как правило, только объединяли людей. Поэтому все страны, которые могли угрожать Вендии — Туран, Иранистан, города-государства Кхитай, Уттара Кору и Камбия, — все они должны были быть умиротворены, чтобы не чувствовали опасности со стороны Вендии, а также чтобы в свою очередь не угрожали войной. Колдун предпочитал всему прочему метод манипуляции людьми, занимающими ключевые позиции, иногда используя и магию, где это было необходимо. Только Карим Сингх думал, что одними договорами можно чего-то добиться. И все-таки именно путешествие в Туран *держало* его в безопасности от длинных рук Найпала в течение некоторого времени.

— Ваше Сиятельство, если Илдис не подпишет договор, это не будет иметь большого значения. Конечно же, даже если Бандаркар и будет недоволен этой неудачей и рассердится на Ваше Сиятельство, у него не хватит времени на то, чтобы...

— Слушай меня, идиот! — Глаза Карима Сингха вылезли из орбит в припадке истерии. — Договор *был* подписан! И в течение всего нескольких часов после этого Высший Адмирал Турана был убит! Погиб от рук вендийских асасинов! Кто еще, как не сам Бандаркар, осмелится на такое? И если это действительно его рук дело, то что это за игра, в которую он играет? Действительно ли мы идем против него незамеченными, или же он просто играет с нами, как кошка с мышкой?

Пот выступил на ладонях Найпала, пока он слушал *вазamu*, но чародей не вытирал соленых капель, так как его собеседник мог это увидеть. Его глаза скользнули по ларцу из слоновой кости. Армия? Возможно, под командой колдуна? Но каким образом она могла быть собрана без его ведома?

— Бандаркар не может ничего знать, — сказал он наконец. — Уверено ли Ваше Сиятельство во всех фактах? Слухи и сплетни иногда бывают искажены и раздуты.

— Кандар казался убежденным во всем. И этот Патил, который все ему рассказал, не был похож на человека, искушенного в интриге. Да что там говорить, он простодушен и наивен, как новорожденный младенец.

— Опиши мне внешность... этого Патила, — сказал мягко колдун.

Карим Сингх нахмурился.

— Варвар. Высокий варвар с бледной кожей и глазами *пан-кора*. Куда ты исчез? Эй, Найпал!

Прежде чем *вазам* успел описать наружность Конана, колдун подскочил к столу и схватил резной ларец из слоновой кости. Он откинул крышку, отмахнул рукой шелковые платки и уставился в зеркало, которое показывало ему ту же картину, что и прежней ночью, — огромное море огней в темноте. Это была не армия, как чародею тогда показалось. Просто большой караван. Внезапно кусочки мозаики сошлись вместе, хотя на каждый вопрос еще предстояло найти надлежащий ответ. Найпал вдруг сообразил, что Карим Сингх проклинает его исчезновение и ругается всеми святыми.

— Найпал! Чтоб тебя испепелила Катар! Где ты? Вернись немедленно или клянись Асурой!..

Колдун снова подошел близко к зеркалу, в котором виднелось обезумевшее от волнения и покрасневшее лицо Карима Сингха.

— Ага, ты вернулся как раз, чтобы спасти свою дурную голову! Как ты посмел уйти, даже не спросив у меня разрешения? Я не потерплю такого!..

— Ваша Светлость, простите меня. Ваша Светлость должна выслушать меня. Этот человек, который зовет себя Патилом, этот гигант варвар с глазами *пан-кора*...

Найпал невольно содрогнулся при этих словах — возможно, это было дурным предзнаменованием или даже хуже?

— Он должен умереть и все, кто находится вместе с ним. Сегодня же ночью, Ваша Светлость.

— Почему? — требовательно спросил Карим Сингх.

— Его описание, — сочинил на ходу колдун. — Различные откровения и видения, которые снизошли на меня, дали мне знать, что человек, соответствующий этому описанию, может разрушить все наши планы. И еще одна угроза для нас состоит в том, что в том же самом караване, где находится и Ваша Светлость, есть люди, которые могут нам помешать. Я узнал об этом только что. В караване есть группа вендийских купцов. Их глава, человек, которого зовут Сах-Ба, хотя он может использовать и другое имя. У них есть вьючные животные вместо верблюдов с тюками, похожими на те, что перевозят шелк.

— Я полагаю, что и эти люди также должны умереть, — сказал Карим Сингх, и Найпал кивнул.

— Ваша Светлость понимает все очень хорошо.

Колдун отдал приказы, которые явно не были выполнены до конца. Ему не повиновались. Найпал терпеть не мог неповиновения, и виновные должны быть сурово наказаны.

— Я снова спрашиваю, почему?

— Искусство пророчества и божественного откровения непонятно во всех деталях, Ваша Светлость. Все, что я могу сказать определенно и наверняка сейчас, это то, что каждый день, каждый час жизни этих людей создают угрозу восхождения Вашей Светлости на трон. — Колдун выдержал паузу, осторожно подбирая слова. — Есть еще кое-что, что я должен вам сказать, Ваша Светлость. Внутри тех тюков, которые похожи на тюки шелка, которые везут с собой вендийские торговцы, находятся сундуки, запечатанные свинцовыми печатями. Эти сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями. И я должен добавить, что последнее более важно для того, чтобы Ваша Светлость взошла на трон, чем все остальное, чем все, что мы пока сделали и предприняли. Сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями.

— Мое восхождение на трон, — сказал бесцветно Карим Сингх, — зависит от сундуков, которые должны быть доставлены тебе? От сундуков, которые были в том же караване, где нахожусь и я? От сундуков, о существовании которых ты ничего до этого не знал?

— Клянусь Асурой, это правда, — ответил Найпал. — Пусть будет проклята моя душа, если это неправда.

Ему было легко произнести слова этой клятвы — его душа была проклята уже давно.

— Ну что ж, хорошо. Пусть будет так. Все эти люди будут мертвы еще до восхода солнца. И сундуки будут также доставлены к тебе. Мир тебе.

Серебряный колокольчик зазвенел опять, и, отразившись таким же звоном, зазвенел его близнец далеко отсюда, в шатре *вазама*. Лицо в зеркале дрогнуло и исчезло, а для Карима Сингха его зеркало также стало обычным зеркалом.

— И мир тебе, самый лучший из всех глупцов, — пробормотал колдун.

Его ладони все еще были мокры от пота, но по крайней мере смерть даст ему все ответы, которые он искал. Улыбаясь, он вытер вспотевшие ладони о свой шелковый халат.

Глава 14

Густую тьму на большом расстоянии прорезали огненные языки сотен костров погруженного в ночь лагеря. Жаркие костры пылали среди более чем тысячи палаток и шатров. Многие из этих палаток мерцали желтым огнем от ламп, зажженных внутри, которые отбрасывали дрожащие загадочные тени на стены из шелка или хлопковой ткани, делая их почти невидимыми. Звон цитар и люгги наполнял воздух, и над лагерем разносился аромат шафрана и корицы от еды, которую недавно поели их обитатели за ужином. Конан приблизился к шатру Виндры с неуверенностью, которая была непри-

вычна для него. В течение всего дня похода он избегал ее, и если это заключалось в основном в том, чтобы находиться с верблюдами Канг-Хоу, вместо того чтобы встретиться с ней, то это было далеко не так легко сделать, как это могло показаться. Вполне возможно, что она хотела его только как забавную, странную игрушку для своих знатных друзей в Айдохье, этого чудаковатого варвара с глазами демона, на которого можно полюбоваться как на странную заморскую диковину или дикого зверя, но с другой стороны, женщина смотрела кокетливо на диковину сквозь свои густые длинные ресницы. В любом случае, она была красива, а он был молод, и поэтому он пришел, как она и просила его. Наклонившись над входом-пологом в шатер, он столкнулся с Алиной, которая внимательно и остро посмотрела на него. Он едва мог различить ее глаза сквозь вуаль.

— Твоя госпожа... — начал было он и оборвал свою фразу, когда гневная вспышка мелькнула в глазах девушки. Но она исчезла так же быстро, как и появилась, и девушка низко поклонилась ему, уступив дорогу. Шатер Виндры был, конечно, меньше по размерам шатра Карима Сингха, но он точно так же был разделен на перегородки-комнаты шелковыми тонкими занавесками. В центральной «комнате», которая была устлана тончайшей работы вендийскими коврами и освещена золотыми лампами, стояла, ожидая его, Виндра.

— Ты пришел, Патил. Я очень этому рада.

Конан стиснул зубы, чтобы не открыть рот от изумления. Золото, рубины и изумруды все еще украшали ее прическу, но те одежды, которые она носила до этого, сменились прозрачной материей из тончайшего газа. Она была покрыта тканью от шеи до щиколотки, и в то же время ее поза у лампы отбрасывала завораживающие, чарующие тени ее гибкого красивого тела, а сильный запах жасмина, исходивший от ее умащенной кожи, казалось, был самым символом безнравственности и коварства.

— Если бы это был Туран, — сказал он наконец, обретя дар речи, — или Заморра, или Немедия, и в

комнате были бы две женщины, одетые, как ты и твоя служанка, Алина была бы на свободе, а ты была бы рабыней. Для мужчины, разумеется, к его вящему удовольствию.

Виндра улыбнулась и прикоснулась пальцем к губам.

— Как глупо со стороны этих женщин давать возможность своим рабыням затмевать их красоту. Но если ты хочешь увидеть Алину, я прикажу ей танцевать для тебя. Боюсь, что, кроме нее, у меня нет больше других девушек-танцовщиц. В отличие от Карима Сингха и других мужчин, я не считаю их такой уж необходимостью.

— Я с гораздо большим удовольствием увидел бы, как ты пляшешь для меня, — сказал он ей, и она тихо засмеялась.

— Вот этого не увидит ни один мужчина.

И в то же время она обвила руками в воздухе и подняла их, как настоящая танцовщица, и одно это заставило пересохнуть горло Конана. Ткань почти не скрывала ее округлые бедра и острую грудь.

— Я хотел бы хлебнуть немного вина, — сказал он хрипло.

— Разумеется. Алина, принеси вина и сладостей. Но сядь, Патил. Отдохни.

Она легонько толкнула его на подушки из шелка и бархата. Он так и не понял, каким образом ей это удалось, так как ей пришлось поднять свои маленькие руки, чтобы положить их на его плечи, но он подозревал, что ее жасминовые духи имели к этому какое-то отношение. Он попытался обнять ее обеими руками, после того как она так соблазнительно наклонилась к нему, но она гибко ускользнула от него, как угорь, и откинулась на подушки в двух шагах от него. Он наполовину поднялся на локтях и принял бокал душистого вина от Алины. Бокал был таким же тяжелым золотым бокалом, как и тот, какой предложил ему *вазам*, но вместо аметистов он был украшен полированным кораллом.

— Вендия, похоже, очень богатая страна, — сказал он после того, как выпил вино, — хотя я еще не достиг ее, чтобы все это увидеть своими глазами.

— Это правда, — сказала Виндра. — А что еще тебе известно о Вендии, до того как ты попадешь туда?

— Вендийцы делают ковры, — сказал он, — и они опрыскивают духами свое вино и своих женщин.

— А что еще? — захихикала она.

— Женщины из *пардхана* считают большим позором обнажить свои лица, хотя обнажать все остальное считается в порядке вещей.

Эти слова вызвали откровенный громкий смех, хотя легкая краска выступила на лице Алины сквозь ее вуаль. Конану нравился смех Виндры, хотя он уже стал уставать от шуток и игры.

— Если не считать всего этого, Вендия, похоже, знаменита еще своими шпионами и асасинами-убийцами.

Обе женщины широко раскрыли в ужасе рты, и лицо Виндры побелело.

— Мой отец был убит катари. Как и отец Алины.

— Катари?

— Это асасины, которыми так знаменита Вендия.

— Ты хочешь сказать, что даже не знаешь их имени?

Виндра покачала головой и содрогнулась от страха: Они убивают людей, иногда за золото, иногда просто ради каприза, но всегда смерть жертвы посвящена жестокой, страшной богине Катар.

— Я где-то слышал это имя, — сказал он, — где-то слышал.

Виндра презрительно фыркнула.

— Несомненно, что это имя сорвалось с губ мужчины. Это излюбленное проклятие у вендийских мужчин. Ни одна женщина не могла быть настолько глупой, чтобы назвать имя богини, посвященной вечной смерти и крови.

Она явно дрожала при этих словах, и он мог чувствовать, как она замыкается в себе от страха. Он быстро сменил разговор, переключившись на тему куда более приятную для женских ушей. «Один из ее поэтов,

несомненно, тут же сочинил бы подходящие к месту стихи», — подумал с горечью он, но вся поэзия, которую он знал, была переложена на слова песни, и большинство из них были такими, от которых могла покраснеть и портовая шлюха.

— Человек из твоей страны сказал сегодня что-то очень необычное, — сказал он медленно и произнес слова, которые не могли бы ее расстроить.

— Он сказал, что мои глаза выдают во мне порождение демона, *пан-кора*, как он его называл. Ты явно не веришь этому, иначе ты с криками ужаса бросилась бы бежать от меня, вместо того чтобы пригласить меня выпить глоток вина.

— Я могла бы в это поверить, — сказала она, — если бы не говорила со знакомыми людьми, которые сказали мне о далеких землях, где все мужчины — высокие силачи с глазами, которые горят, как сапфиры. И кроме того, я очень редко бегу от чего-либо с криком страха. — Легкая улыбка вернулась на ее лицо, и ее губы слегка дрогнули. — Конечно, если ты действительно утверждаешь, что являешься *пан-кором*, я никогда не сомневалась бы и в человеке, который зовет себя Патилом.

Конан слегка покраснел. Похоже, каждый в караване знает, что это имя ему не принадлежит, но он не мог заставить себя сказать, что это не его имя и что он сказал неправду.

— Я прежде уже сражался с демонами, — сказал он, — но я не из их породы.

— Ты сражался с демонами? — воскликнула Виндра. — Правда? Я видела демонов однажды, около двух десятков, но я не могу даже себе представить, что *кто-то* действительно может сразиться с ними, что бы ни говорили легенды.

— Ты видела демонов?

Несмотря на то, что он встречал этих адских созданий и прежде, Конан также знал, что демоны, да и колдуны, если уж на то пошло, встречаются в мире не так уж часто, как полагает большинство людей. Просто

киммерийцу очень «везло» с ними, хотя Ордо настаивал на том, что на Конане лежит какое-то проклятие.

— Целая свора в одном месте?

Темные глаза Виндры сверкнули яростным огнем.

— Ты не веришь мне? Там было много свидетелей, не только одна я. Пять лет назад во дворце царя Бандаркара тот, кто тогда был придворным магом, был унесен на глазах у всех придворных демонами. Его звали Заил Бал. Демонов звали *раджайе*, они выпивают жизнь, как вино, из тел своих жертв. Теперь ты видишь, что я знаю, о чем говорю.

— Разве я сказал, что не поверил тебе? — сказал Конан. Он мог поверить в то, что двадцать демонов могут появиться одновременно в одном месте. Гораздо меньше он мог поверить в то, что кто-то мог спастись в такой ситуации. Если бы Конан увидел это своими собственными глазами, наверное, его удача все-таки осталась бы при нем.

Легкая морщинка пролегла между бровями Виндры, как если бы женщина сомневалась в искренности киммерийца.

— Если ты действительно сражался с демонами... Ты видишь, что я не сомневаюсь в правдивости твоих слов... тогда ты безусловно просто обязан остановиться в моем дворце в Айдохье. Да что я говорю, даже сам Найпал захочет встретиться с человеком, который сражался с демонами. Какое это будет торжество!

Это было очень приятно слушать, подумал Конан уныло, если бы она не упомянула имя другого мужчины.

— Ты хочешь, чтобы там был я или этот Найпал?

— Разумеется, я хочу, чтобы вы оба были там. Подумай о том, какое это будет развлечение и изумление для всех присутствующих. Ты, великан воин, который явно прибыл из дальних и загадочных стран и сражался там с демонами. И он, придворный маг и чародей Вендии, человек, который...

— Колдун, — тяжело выдохнул Конан. Ордо решил бы, что он сделал это нарочно, иначе он пробормотал бы ругательство.

— Да, чародей, — сказала Виндра. — Это самый загадочный, самый таинственный человек во всей Вендии. Не больше чем горсть людей, за исключением царя Бандаркара (и, пожалуй, Карима Сингха), знают его в лицо. Женщины желали побывать в его личных покоях только для того, чтобы потом сказать, что видели его лицо.

— Я никогда не встречал этого человека, — сказал Конан, — да и не стремлюсь к этому.

Ее смех был глухим и развратным.

— О, он довольно часто встречается с женщинами, с теми, которые достаточно красивы. Они исчезают на несколько дней и возвращаются совершенно утомленные, рассказывая о невероятной силе страсти, но когда их спрашивали описать его внешность, это описание делалось туманным. Его лицо, по их словам, вполне могло подходить любому красивому мужчине. И все же любовный экстаз и наслаждение, испытываемое ими, было столь велико, что даже я сама думала о...

Конан пробормотал ругательство и отшвырнул в сторону золотой бокал. Виндра взвизгнула, когда киммериец вскочил, схватив ее лицо ладонями.

— Я совсем не хочу, чтобы тебя привлекал какой-то там колдун, — горячо сказал Конан. — Я не потому хочу тебя, что ты из страны, которая находится далеко от моей родины, или потому что ты кажешься странной для людей моей страны. Я хочу тебя, потому что ты прекрасная женщина и ты заставляешь мою кровь кипеть, как расплавленная медь.

В ее глазах было одобрение и приглашение не останавливаться на словах, и когда Конан поцеловал ее, она спрятала свои руки в волосах киммерийца, как будто это она держала его, а не наоборот. Когда наконец Виндра прижалась со вздохом к груди Конана, в ее больших темных глазах была хитрая искорка, маленькие белые зубы прикусили полную нижнюю губу.

— Ты собираешься взять меня сейчас? — спросила она мягко и добавила, когда Конан что-то

зарычал в ответ: — Сейчас, когда Алина стоит рядом и наблюдает?

Конан не отвел глаз от ее лица.

— Она все еще здесь?

— Алина предана мне по-своему и очень редко оставляет меня.

— И ты не собираешься отослать ее на время...

Эта фраза была не просто вопросом.

— Неужели ты хочешь отделить меня от моей преданной служанки? — спросила Конана Виндра с широкой улыбкой.

Прочистив горло, Конан вскочил на ноги. Алина стояла рядом, и в ее светлых глазах, сверкавших под вуалью, читалось удивление, смешанное с весельем.

— Я не имел бы ничего против того, чтобы связать вас спина к спине веревками в седле, как тюки с шелком. Но вместо этого я лучше поищу хорошую, честную шлюху в этом караване, так как ваши игры уже начинают мне надоедать.

Конан быстро вышел из шатра, думая, что обрезал все связующие нити раз и навсегда, но веселые слова проводили киммерийца прежде, чем он опустил за собой полог шатра.

— Ты очень грубый и неистовый человек, о тот, кто называет себя Патилом. Ты будешь хорошей забавой и развлечением для моих друзей.

Глава 15

Рядом с лагерем было немало сводников. Конану было хорошо известно, что в таких больших караванах они всегда должны быть. Все они делились на два типа. У Карима Сингха, конечно же, были с собой рабыни и наложницы из гарема, так же, как и у других людей вендийской знати и даже у многих богатых купцов, но что касается остальных (стражников, солдат, погонщиков верблюдов и мулов), то от Хоарезма до Секандерама был долгий путь — и без женщин. И вот тут на

помощь и приходили сводники. Они установили свои столики, сделанные из досок, поставленных на бочки у своих палаток, сидели и потягивали вино, пока солдаты и конюхи ждали своей очереди войти в палатки. Они давали бесплатно дешевое вино, которое подносили своим клиентам столь желанные ими женщины, худые и полные проститутки, низкие и высокие девицы, совсем еще юные и уже не первой свежести. Мягкая, доступная плоть. И если их позолоченные пояса висели низко на бедрах, а полосы из толстого шелка покрывали тело лучше, чем тот газ, что носили девушки-таиновщицы из *пардханы*, то вся эта одежда могла быть сброшена за одну серебряную монету, так как женщины были *товаром*, который продавался здесь, Конан понял, что не женщины ему сейчас нужны.

Он сидел на пустой бочке перед палаткой второго купца-сводника, потягивая из глиняной кружки дешевое разбавленное вино, с девушкой, у которой была очень тонкая талия и которая сидела на его колене. Она шутливо укусила маленькими белыми зубами его за шею. Он даже не делал вид, что она его не интересует, но она была развлечением, и довольно приятным, от событий сегодняшнего дня. Грудастая девка, сидевшая у первой палатки, была точно такой же. Хотя ему не стукнуло и двадцати лун, он давно уже научился сдерживать свой гнев, когда это было необходимо, но в этот день он сдержал его, когда разговаривал с Каримом Сингхом, и выплеснул его на Кандара. А теперь еще и Виндра. В настоящую минуту он хотел выместить на ком-то свою ярость, разрядить ее, ударить кого-то... Он хотел, чтобы один из мужчин, ищущих женщину, бросил ему вызов, попытаться отобрать девуку у него на коленях, или даже двое, или четверо. Ударить кого-то кулаком, даже выбить искры сталью, скрестив мечи с противником, — все это могло охладить его гнев, который бурлил у него в груди, как змея, у которой яд капал с острых клыков. Худенькая девушка довольно прижалась к нему, когда он сжал ее в своих объятиях, и уставилась сердито

на него, когда он хлопнул ее по задку и посадил на винную бочку.

— Я не вендиец, — сказал он ей, бросив несколько монет в ее ладонь. — Я не люблю выплескивать свой гнев на других, я делаю это только с теми, кто этого заслужил.

Ее взгляд выразил полное непонимание, но Конан говорил эти слова не для нее, а для самого себя. Веселый смех из палаток проституток провожал его, пока он шел назад в лагерь.

Многие из палаток купцов уже были темными, и тишина окружала даже ряды животных позади каждой из них, хотя легкие звуки цитары, флейты и тамбурина все еще звучали из шатров знати. Спать, подумал он. Спать, а потом — снова в поход, снова спать и снова в поход. Он должен найти противоядие в Вендии, а так же ответы на великое множество вопросов, но сейчас он хотел заснуть и избавиться от гнева.

Костер уже почти совсем погас перед одинокой палаткой, в которой жили Канг-Хоу и его племянницы. Кхитайский слуга сидел у костра и ворошил угли суковатой палкой. Он был единственным, кто еще двигался среди закутанных в одеяла спящих контрабандистов, лежащих у палатки купца. Но Конан резко остановился, не дойдя до костра, услышав странные звуки, которые сказали ему, что что-то тут было не так. Он напряг свой слух больше, чем обычно, а его глаза пробежали по теням, которые сгрудились у других палаток. Звуки окружали его, и он внимательно слушал. Шорох кожи о кожу, мягкий звон металла и легкий стук сандалий и сапог о землю. Тени передвигались там, где они должны были быть неподвижными.

— Ордо! — заорал Конан, взмахнув своим могучим мечом. — Поднимайтесь, или вы все подохнете в собственных постелях!

Прежде чем предупреждение успело сорваться с его губ, контрабандисты уже вскакивали на ноги с саблями в руках. И вендийцы тоже, на конях и с оружием в руках, обрушились на них. Прорваться к друзьям было

чистейшим сумасшествием, и киммериец знал это. Они сражались не для того, чтобы удержать позицию, а чтобы спастись, и каждый человек будет пытаться пробиться сквозь кольца звенящей стали. Но у него было не слишком много времени для размышлений. Он уже убил одного из врагов и скрестил меч с другим к тому времени, когда он крикнул свое предупреждение.

Выдернув меч из тела второго трупа, Конан почти отсек голову еще одному вендийцу, одновременно пытаясь найти лазейку для спасения и не обращая внимания на дикие крики и лязг железа вокруг него, по мере того как пробивался от палатки кхитайца. Украшенный шлемом и тюрбаном всадник появился перед ним. Его копье было потеряно или сломано, но его тулвар был высоко занесен под головой Конана. Жестокая, страшная удмешка вендийца превратилась в выражение шока, когда Конан взвился в воздух, напав на врага. Будучи не в состоянии использовать свою саблю на таком близком расстоянии, всадник ударил Конана рукоятью своего оружия, пока его лошадь плясала кругами. Великан киммериец также не мог использовать свой меч и просто обхватил рукой вендийца, но другая его рука выхватила кинжал из ножен, и он легко вошел в щель между металлических пластинами кольчуги. Всадник застонал и свалился с седла на землю. Конан вскочил на его место, схватив руками поводья и ударив сапогами в бока коня. Лошадь, привычная к кавалерийским упражнениям, пошла быстрым галопом, и Конан, низко пригнувшись в седле, направил ее в щель между палатками. Купцы и их слуги, поднятые шумом и суматохой, отскакивали с криками в сторону от быстро скачущего всадника.

Внезапно перед ним очутился человек, который не отскочил в сторону. Это был один из караванных стражников, который опустился на одно колено и уперся в землю древком своего копья, направив его на Конана. Лошадь дико заржала от боли, когда длинное лезвие вонзилось ей в грудь, и Конан перелетел через голову падающей на землю лошади. Он почти потерял сознание и с трудом дышал от сильного падения, но

все же пытался встать. Стражник поспешил к нему, думая, что без труда убьет человека, стоящего на коленях. Он высоко занес над его головой тулвар. С тем последним, отчаянным усилием, которое еще оставалось от его силы, Конан вонзил меч в грудь врага. Скорость атакующего вендийца была так велика, что меч киммерийца вошел ему в грудь по рукоять, и он повалил Конана на землю. Все еще еле переводя дыхание, Конан отбросил умирающего в сторону, освободил лезвие и юркнул в темноту. Чуть не упав на землю, он откинулся спиной на одну из палаток. Разбуженные купцы кричали возбужденно со всех сторон:

— Что случилось?

— Нас атакowali?

— Бандиты!

— О боги, мои товары!

Вендийские солдаты отталкивали в сторону купцов, колотя их древками копий.

— Возвращайтесь в свои палатки! — кричали они. — Мы ищем шпионов! Возвращайтесь в свои палатки, и вы не пострадаете! Все, кто будет снаружи палаток, будет арестован!

Лазутчики, подумал Конан. Он все-таки получил ту схватку, о которой мечтал, но часть прежней ярости еще сохранялась в нем, и эта частица гнева становилась все сильнее и сильнее. Несколько секунд назад все, что он хотел, — это спастись из лагеря, и больше он ни о чем не мечтал. Но сейчас он подумал, что неплохо бы навестить человека, который считал всех чужеземцев шпионами.

Как охотящийся леопард, высокий киммериец мягко, по-кошачьи передвигался от тени к тени, сливаясь с темнотой. Он легко избегал любопытных глаз, но их становилось все меньше и меньше. Никто не двигался в промежутках между палатками, за исключением солдат, о приближении которых говорили лязг доспехов и звон оружия, а также проклятия и ругательства, что им нужно искать каких-то дурацких лазутчиков, когда все нормальные люди спят. Конан

бесшумно передвигался в более густые, глубокие тени при появлении недалеко от него вендийцев, наблюдая с мрачной усмешкой, как они проходят мимо него, иногда всего лишь на расстоянии вытянутой руки, и все же он оставался невидимым. Шатер Карима Сингха был освещен изнутри светом, и два больших костра пылали перед навесом-входом в его шатер. Пламя костров делало легкий свет, струившийся сквозь шелк сзади шатра, почти таким же темным, как и окружающая его темнота. Около двадцати вендийских всадников стояли неподвижно, как статуи, на лошадях вокруг шатра. Он уже собирался распороть мягкую ткань своим кинжалом, когда голоса внутри остановили его.

— Оставьте нас одних, — приказал Карим Сингх

Конан распорол только маленькую щель, раздвинув ее своими пальцами. Последний вендийский солдат низко поклонился и вышел из шатра. Карим Сингх стоял с кавалерийской саблей в руках, а перед ним на коленях скорчился вендиец. Его лодыжки и руки были туго стянуты веревками. Он был одет в одежду купца, хотя она явно не подходила к его жестокому, суровому лицу и длинному шраму, пересекавшему его нос и щеку.

— Ты тот, кого зовут Сах-Ба? — мягко спросил *вазам*.

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость, и я честный торговец, — сказал стоящий на коленях человек. — И даже у вас нет права конфисковывать мои товары без всякой причины.

Грубый, жесткий голос заставил Конана напрячься от недавнего воспоминания. Всадник в дюнах. Он, пожалуй, послушает немного, прежде чем убьет Карима Сингха.

Вазам прижал острие сабли к горлу вендийца.

— Тебя зовут Сах-Ба?

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость. Я не знаю никого, кого зовут...

Стоящий на коленях человек широко раскрыл рот, когда острие сабли продвинулось чуть дальше,

оцарапав кожу. Тонкая струйка крови потекла по его щеке.

— Честный торговец? — тихо рассмеялся Карим Сингх и двинул лезвие сабли еще дальше. Человек, сидящий на земле, откинулся назад, но острие сабли следовало за ним. — Внутри тюков с шелком, которые находятся на твоих вьючных мулах, я нашел сундушки, запечатанные свинцовыми печатями. Ты по меньшей мере контрабандист. Кому предназначены эти сундуки?

С диким воплем пленник опрокинулся на спину. Он уставился на приближающееся лезвие расширенными глазами. Лезвие все еще касалось его шеи, и ему некуда было больше отступать. Жесткое выражение его лица сменилось маской ужаса.

— Я... Я не могу этого сказать, Ваша Светлость. Клянусь Асурой, я не могу!

— Ты скажешь это или очень скоро увидишь своими глазами Асуру. Или, что более вероятно, Катар. — Голос *вазама* стал заговорщическим. — Я знаю это имя, Амаур. Но я должен услышать его от тебя, если ты хочешь жить. Говори же, Амаур, и ты будешь жить.

— Ваша Светлость, он... он убьет меня. Или даже хуже, чем просто убьет.

— Убью тебя я, Амаур. Эта сабля стоит у твоего горла в эту минуту, а он — далеко отсюда. Говори!

— Н... Найпал! — выдохнул вендиец. — Найпал, Ваша Светлость!

— Отлично, — сказал мягко Карим Сингх. Но он не отвел лезвия сабли. — Видишь, как это было легко сделать? Так. Но зачем? Скажи мне, зачем ему нужны эти сундуки?

— Я не могу этого сказать, Ваша Светлость! — Слезы текли по щекам Амаура, он дрожал от рыданий. — Клянусь Асурой, клянусь Катар, я бы сказал вам, если бы мог, но я ничего не знаю! Мы должны были встретить корабль, убить всех на борту и доставить эти сундуки в Айдохью. Возможно, Сах-Ба знал больше, но

он мертв. Клянусь всеми богами, Ваша Светлость! Я говорю правду, клянусь вам!

— Я верю тебе, — вздохнул Карим Сингх. — Какая жалость.

И он налег на саблю всем весом тела. Попытка Амаура вскрикнуть превратилась в булькающее клокотание, когда сталь впиалась ему в горло. Карим Сингх усталые на него, как будто пораженный видом крови, пузырящейся у Амаура во рту, и конвульсиями, которые сотрясали его тело. Внезапно *вазам* выпустил саблю из рук. Она осталась в почти вертикальном положении, с лезвием, которое пронзило насквозь горло Амаура и вонзилось в землю, дрожа от агонии несчастного вендийца.

— Стража! — позвал Карим Сингх, и Конан опустил свой кинжал, которым он уже собирался распороть всю стену шатра. — Стража!

Около десятка солдат быстро вбежали в шатер с обнаженными саблями. Уставившись на жуткую сцену и стоящего перед ними повелителя, они торопливо вложили оружие в ножны.

— Другие лазутчики, — сказал *вазам*. — В особенности великан с бледной кожей. Его взяли в плен? Его нельзя ни с кем спутать из-за его роста и больших голубых глаз.

— Нет, Ваша Светлость, — сказал с большим уважением в голосе один солдат. — Четверо из этого отряда мертвы, но не великан. Мы рыщем по лагерю в поисках остальных.

— Значит, он все еще там, — сказал Карим Сингх, как бы разговаривая с самим собой. — Он, кажется, довольно прямой человек. Прирожденный воин. Он теперь будет искать меня.

Он вздрогнул и пронзил гневным взглядом солдат, как бы рассердившись на то, что они услышали его.

— Его *надо* найти во что бы то ни стало! Тысяча золотых тому, кто доставит его, живым или мертвым! Вы все и десять остальных останетесь здесь, охраняя меня, пока варвар не будет мертв или не закован в цепи. А тот, кто не умрет, пытаясь остановить варвара,

который попытается пробиться ко мне, будет молить о быстрой смерти. А теперь унесите отсюда эту падаль, — добавил он, кивнув головой в направлении трупа Амаура. После этого *вазам* быстро вышел из комнаты, окруженный солдатами, а Конан тяжело опустился на землю. Сражаться против двадцати солдат... Он даже не сумеет пробиться к Кариму Сингху прежде, чем его зарубят солдаты. Конан знал людей, которые бросались в объятия смерти мужественно, но бессмысленно; он не принадлежал к их числу. Он давно уже встречался со смертью и не раз чувствовал ее ледяное дыхание рядом с собой. Конан встречался с ней задолго до того, как узнал, что в его крови находится яд Патила. Он не боялся смерти, но и не рвался к ней, и когда он встречался лицом к лицу с ней, эта встреча должна была иметь какой-то смысл для него. Кроме того, теперь Конан знал одно имя — Найпал, человек, который начал все это дело. Это был еще один человек, который должен был умереть, так же, как и Карим Сингх. Конан бесшумно растворился в темноте ночи.

Глава 16

Конь и бурдюк с водой — вот что неплохо иметь в эту минуту, подумал Конан. В этой земле человек без лошади и без воды был умирающим или уже мертвым. В караване было больше верблюдов, чем лошадей, и многие лошади годились больше для парада, чем для человека, который собирался путешествовать быстро и далеко.

Более того, слух о вознаграждении за его голову распространился очень быстро, так как солдаты очень оживленно искали Конана. Дважды он нашел подходящих коней и вынужден был оставить их, когда рядом появлялись патрули солдат в шлемах и тюрбанах. Наконец он очутился в той части лагеря, где размещалась вендийская знать. Большинство шатров и палаток были неосвященными, и тишина в лагере была такой же, как

и в лагере купцов. Конан подумал о том, что солдаты, возможно, были куда более вежливы и осторожны здесь, чем в отношении с купцами. Что-то двигалось в темноте; он заметил, как тень переместилась влево, и он замер на месте. От темной массы до него донеслось громкое сопение и звон цепи. Конан подошел поближе, внимательно вглядываясь в темноту, и вдруг едва подавил смех. Это был танцующий медведь Виндры. Внезапно он импульсивно опустил свой кинжал. Медведь, сидевший на всех четырех лапах, наблюдал за ним, пока он осторожно приближался к зверю. Он не двинулся с места, когда увидел кожаный ошейник у него на шее.

— Это суровая земля, — прошептал он, — и в ней есть множество способов встретить смерть.

Он подумал, что наверное выглядит очень глупым, разговаривая с животным, но в этом также была необходимость.

— Ты можешь встретить охотников или более сильных медведей. Если ты не убежишь на достаточно большое расстояние, они снова прикуют тебя к цепи и заставят тебя танцевать для Виндры. Выбор остается за тобой — умереть свободным или танцевать для твоей госпожи.

Медведь уставился на него, когда его ошейник растянулся, и он удержал наготове свой кинжал. Только то, что он еще не атаковал его, не означает, что он этого не сделает вообще, а косматое чудовище было чуть ли не вполтину больше размерами, чем он сам. Очень медленно медведь поднялся и побрел в темноту.

— Лучше всего умереть на свободе, — усмехнулся ему вслед Конан.

— А я все-таки говорю тебе, что что-то двигалось в темноте.

Конан замер, прокляв свои импульсивные желания.

— Возьми десять человек, и посмотрим, что там такое.

Одним быстрым движением киммериец распорол материю шатра и юркнул внутрь, прислушиваясь. Осто-

рожные шаги солдат прозвучали за его спиной, пока они огибали палатку с двух сторон. Внутри помещения было почти так же темно, как и снаружи, хотя цепкие глаза Конана, уже привычные к темноте, могли различить тени-формы людей и коней, падающие на ковры, устилавшие пол. Шаги замерли на другой стороне тонкой шелковой стенки, и голоса что-то невнятно забормotalи. Одна из теней сдвинулась в сторону. Проклятье, подумал Конан. Надеясь на то, что это не был еще один медведь, он бросился к ней сам. Вздых, который раздался, когда он опустился на темную фигуру, совсем не был похож на сопение медведя. Мягкое, гибкое тело извивалось под тонким полотняным одеялом, которое Конан сжал обеими руками, и его рука отчаянно зажала рот как раз в тот момент, когда из него был готов вырваться крик. Приблизив к темной фигуре лицо, он посмотрел в большие глаза, в которых была смесь страха и ярости.

— Алины нет с тобой, Виндра, — прошептал Конан и отвел свою руку от ее рта.

Когда ее рот открылся еще раз, чтобы закричать, Конан заткнул его локоном ее волос, которые замотал себе на руку.

Он быстро ощупал рукой ее постель, пока не нашел длинный шелковый шарф, которым обмотал ее волосы вокруг рта, чтобы девушка не сумела выплюнуть их. Связанная и с кляпом во рту, подумал киммериец, она не сможет поднять тревогу до тех пор, пока он не будет далеко отсюда. Если ему повезет, ее не найдут до самого утра. Сорвав ее льняную рубашку, он невольно замер в восхищении. Даже в полумраке палатки красивые формы тела заставили Конана задержать на мгновение дыхание. Но он едва успел отдернуть свое лицо от ее острых ногтей, которыми она уже собиралась впиться ему в лицо.

— На этот раз не ты будешь выбирать игру, — сказал он мягко, схватив ее за руку.

Он нашел еще один шарф и использовал для того, чтобы связать ей запястья за ее спиной.

— Ты, возможно, и не будешь плясать для меня, — усмехнулся он, — но это доставляет мне почти столько же удовольствия.

Конан почувствовал, как она задрожала, и ему не нужно было слышать сердитые приглушенные звуки из-под кляпа, чтобы знать, что это была ярость. Пока он искал что-нибудь, чем можно было связать ее лодыжки, он снова услышал голоса перед входом в палатку. Он торопливо пододвинул свою сопротивляющуюся пленницу поближе, чтобы получше слышать.

— Зачем вам нужно видеть мою госпожу? — донесся до Конана голос Алины. — Она спит.

Мужчина ответил усталым, но терпеливым голосом:

— *Вазаму* сообщили, что твоя госпожа развлекала этого лазутчика несколько часов назад. Возможно, она знает, где он.

— Неужели нельзя подождать до утра? Она будет очень рассержена, если вы ее разбудите.

Конан не стал ждать окончания этого разговора. Если Виндру найдут в эту минуту, солдаты сразу поймут, что он находится рядом, еще до того, как ее освободят от кляпа.

Наполовину неся извивающуюся женщину, он метнулся к черному ходу в задней части шатра и осторожно взгляделся в щель, через которую пробрался внутрь. Солдаты уже ушли. Вполне возможно, что они были теми же самыми людьми, которые только что стояли у входа.

— Прости меня, — сказал Конан. Он был рад, что заткнул ей рот кляпом. Гневные протестующие звуки, которые Виндра издавала, и без того были более чем ясны. Несмотря на сопротивление, он подхватил ее на руки и пошел так быстро, как только умел, одновременно желая убедиться, что не столкнется в темноте с патрулем или не наткнется в сумерках ночи на один из шатров или веревки, натянутые на кольшки для палаток. Когда Конан отошел на достаточное расстояние от шатра, он поставил Виндру на ноги, одновременно

крепко держа ее за руку. Если их обнаружат, он по крайней мере сумеет сражаться и женщина не будет слишком уж большой обузой. И в этом случае ему не нужно будет пресекать возможную попытку к бегству. Поиски лошади все еще оставались первостепенной задачей, но когда Конан снова начал искать коня, то обнаружил, что волочит за собой скорчившуюся женщину, которая, казалось, пыталась съежиться в маленький комочек, одновременно отказываясь передвигаться.

— Вставай и иди, — сказал Конан хрипло, но она только яростно затрясла головой. — Кром, женщина, у меня нет времени наслаждаться твоими прелестями.

Виндра снова покачала головой. Он быстро оглянулся по сторонам и не заметил никого, кто был бы рядом и не спал. Все близлежащие палатки были погружены в темноту. Сильная рука Конана хлопнула Виндру по заду громче и сильнее, чем он рассчитывал, не говоря уже о возмущенных звуках, которые женщина издала, но этот удар поднял ее на ноги. Когда же Виндра вновь попыталась сесть на корточки, он удержал свою открытую ладонь перед ее лицом.

— Иди, — прошептал Конан угрожающе. Ее гневный взгляд смог бы, наверное, поразить насмерть льва, но она медленно выпрямилась. Даже не посмотрев на ее чудесное тело, Конан подтолкнул Виндру вперед. Конан не был настолько юн, чтобы сойти с ума из-за женщины, особенно в такую минуту. Осторожно обходя палатки, они несколько раз чуть было не наткнулись на обшаривающих лагерь вендийских солдат.

Сначала Конан был удивлен тем, что Виндра не сделала ни малейшей попытки спастись, когда солдаты в шлемах и тюрбанах были рядом, и даже не пыталась привлечь их внимания шумом и сопротивлением Конану. Если уж на то пошло, она двигалась так же бесшумно, как и он, а ее глаза все время шарили вокруг, смотря за тем, что может выдать их или помешать. И вдруг он все понял. Спастись от него было одно, но

быть спасенной, в то время как она была покрыта только двумя тонкими шарфами, это было совсем другое. Он с благодарностью улыбнулся, принимая все, что делало его собственное спасение легче.

Он снова очутился в лагере купцов, в котором стояла такая мертвая тишина, будто купцы и их слуги сидели, не дыша, в своих палатках, боясь привлечь лишнее внимание, не осмеливаясь даже громко дышать, чтобы только не потревожить солдат. Конан решил, что, кажется, нашел хорошее место, где он смог бы раздобыть лошадей, и место, где солдаты не будут рыскать, если ему хоть немного повезет. Движение теней впереди снова заставило Конана спрятаться, потянув за собой покорную Виндру. Это был не патруль, как Конан успел заметить, а только одинокий человек, тихо крадущийся в темноте. Медленно-медленно тень превратилась в Канг-Хоу, который наполовину сидел на корточках, спрятав руки в полах своего халата. Конан уже открыл рот, чтобы позвать его, когда еще две тени появились позади купца. Это были вендийские кавалеристы; правда, теперь они двигались пешими и держали копьа наперевес.

— Ты кого-то ищешь, кхитаец? — спросил один из них и угрожающе поднял копье.

Канг-Хоу гибко и быстро повернулся, его руки молниеносно выскочили из рукавов. Что-то просвистело в воздухе, и оба вендийца беззвучно рухнули на землю. Купец тут же подскочил к ним и склонился над телами солдат.

— Для простого торговца коврами ты довольно опасный человек, — проговорил Конан и вышел из своего укрытия.

Канг-Хоу резко повернулся, держа по метательному ножу в каждой руке, затем он медленно спрятал ножи в полости длинных рукавов.

— Купцу часто приходится путешествовать в опасной компании, — сказал он мягко. Он бросил взгляд на Виндру и приподнял левую бровь. — Я слышал, что некоторые воины предпочитают женщин всей добыче

и трофеям, но в данных обстоятельствах я нахожу это довольно странным.

— Я не хочу ее, — сказал Конан. Виндра зарычала сквозь свой кляп. — Вся беда в том, что я нигде не мог оставить ее и быть абсолютно уверенным в том, что ее не обнаружат прежде, чем я найду лошадь и покину это место.

— М-да, довольно затруднительная ситуация, — согласился кхитаец. — Ты уже решил, где будешь искать лошадь? Солдаты проверяют ряды животных постоянно, и пропажа коня очень скоро будет обнаружена.

— Самое последнее место, куда они заглянут в поисках нас, это туда, где стоят кони и верблюды позади твоей палатки.

Канг-Хоу улыбнулся:

— Логика, достойная восхищения. Я выманил своих преследователей из лагеря и теперь возвращаюсь туда. Ты пойдешь со мной?

— Да, подожди одну секунду. Подержи ее.

Ткнув Виндру ошеломленному кхитайцу, Конан побежал к мертвым вендийцам. Он быстро оттащил их в более глубокую тень позади палатки (нет никакого смысла оставлять их тела там, где их легко могут найти) и вернулся к торговцу, неся с собой один из плащей убитых солдат. На лице Канг-Хоу блуждала легкая улыбка, а глаза Виндры были закрыты так плотно, что даже веки ее дрожали.

— Что случилось? — спросил киммериец. Он набросил плащ на плечи женщины и постарался сделать это как можно лучше, как вообще было возможно сделать в ее положении — с руками, связанными за спиной. Глаза Виндры резко открылись, и она посмотрела на Конана взглядом, в котором смешались удивление и благодарность.

— Я не могу быть абсолютно уверенным, — сказал купец, — но похоже, что она верит в то, что если она не может увидеть меня, то и я, в свою очередь, не смогу увидеть ее.

Даже в темноте краска, выступившая на лице женщины при этих словах, была более чем очевидной.

— У нас нет времени для глупостей, — сказал Конан. — Пошли.

Тысяча золотых были достаточной наградой, особенно когда ее посулил такой могущественный человек, как Карим Сингх, но даже эта награда потеряла свою привлекательность, когда солдаты стали верить, что их жертва ускользнула из лагеря. Патрулей вендийцев становилось все меньше и меньше, а те, кто еще продолжал поиски, делали это очень вяло. Многие даже не бродили вокруг, а просто собирались вместе в маленькие группки и тихо разговаривали друг с другом. Недалеко от лагеря кхитайца Конан остановился, все еще спрятанный в темноте между палатками других кушцов. Виндра повиновалась ему с кажущейся покорностью, когда он сжал ее руку, как клещами, но Конан даже не ослабил своей хватки. Костер у палатки Канг-Хоу уже почти потух, и только несколько красноватых углей еще тлели в нем. Несколько разорванных тюков шелка и бархата валялись на песке. Если кто-нибудь и был убит здесь (киммериец вспомнил донесение Кариму Сингху о том, что четыре человека были убиты), то их тела были унесены. Группа животных кхитайца была единственной темной массой, но некоторые из теней двигались так, что Конану это совсем не понравилось. Канг-Хоу подался было вперед, но Конан схватил его за руку.

— Лошади передвигаются даже ночью, — прошептал кхитаец, — а солдаты не стали бы прятаться. Нам надо спешить.

Конан покачал головой. Сжав губы трубочкой, он подал сигнал, закричав голосом птицы, которую можно встретить только в степях Заморры. На мгновение воцарилась тишина, после чего раздался ответный птичий крик с той стороны, где стояли животные.

— Вот теперь нам надо спешить, — сказал Конан и побежал к лошадям, таща за собой Виндру.

Ордо сделал шаг вперед, подав сигнал, чтобы все поспешили.

— Я очень надеялся, что ты уцелеешь, киммериец, — сказал он хрипло. — Похоже, что сам ад разверзся сегодня под нашими ногами.

Две тени, стоявшие рядом, материализовались в людей.

Это были Энам и Пританис.

— Я слышал, что четверо погибли, — сказал Конан, — кто?

— Балис! — сплюнул Пританис. — Вендийский солдат изрубил его на куски. Я ведь говорил, что ты принесешь всем нам гибель.

— Он следовал за мной, — согласился Конан к явному удивлению безносого. — И это еще один долг, который я должен оплатить.

— Балис умер, сражаясь как настоящий мужчина, — сказал Ордо, — и убил при этом одного из сильных стражников. Человек не может просить у судьбы лучшей смерти, чем эта. Что касается остальных трех, — добавил он, обращаясь к кхитайцу, — то это были твои слуги. Я не видел твоих племянниц.

— Мои слуги не были воинами, — вздохнул Канг-Хоу, — но я надеялся... Ну что ж, это уже не имеет значения. Что касается моих племянниц, то Кай-Ше вполне сможет и сама позаботиться о себе и о своей сестре так же хорошо, как и я. Позволено ли мне будет заметить, что нам лучше взять лошадей и продолжать наш разговор в другом месте?

— Хороший совет, — сказал Конан.

Жеребец все еще был на месте; Конан боялся, что такой хороший конь привлечет внимание вендийцев. Киммериец прыгнул в седло, захватив его одной рукой, но для того, чтобы закрепить подпругу, требовалось две руки. Бросив Виндре предупреждающий взгляд, Конан развязал ей руки, но внимательно следил за женщиной, пока подтягивал подпругу и лямки седла. К его удивлению, Виндра даже не шелохнулась. Вне всякого сомнения, подумал Конан, она все еще опасалась, что ее найдут в таком одеянии, даже если это и означало для нее спасение.

— Девка, — сказал с любопытством Ордо. — У тебя есть какая-то важная причина, чтобы взять ее с собой, или она просто сувенир на память об этом месте?

— Да, на это есть причина, — сказал Конан, объяснив, почему он ее еще не мог оставить. — Возможно, что я даже возьму ее в дорогу до самой Вендии, хотя сомневаюсь, что она уцелеет, если я оставлю ее одну в степи. — Он выдержал паузу и спросил с той небрежностью, которая у него еще оставалась: — А что с Гурраном?

— Я не видел старика с момента, когда на нас напали, — ответил с сожалением Ордо. — Прости, киммериец.

— Что случилось — случилось, — мрачно сказал Конан. — Мне нужно оседлать лошадь для женщины. Боюсь, что тебе придется ехать верхом, так как у нас нет женского седла.

Виндра только уставилась отсутствующим взглядом на киммерийца.

Тихая, безмолвная процессия медленно, но твердо выходила из лагеря, скользя между палатками. Все вели своих лошадей под уздцы. Животные могли идти куда более тихо и спокойно, если они не были отягощены грузом, и кроме того, их было куда труднее заметить, когда контрабандисты не сидели верхом на лошадях. Вендийские патрули, уже изрядно усталые от поисков и очень шумные, казалось, заранее предупреждали о своем появлении. Конан, который вел отряд, держал поводья своей лошади и лошади Виндры. Если их обнаружат, то ему не нужно будет больше удерживать ее с собой (и он был уверен, что ей это было хорошо известно), но он не мог полностью довериться ее видимой покорности, которую она пока показывала. Вскоре они подошли к самому краю каравана, и врожденная осторожность заставила его остановиться. Пританис начал было что-то говорить, но Конан сердито заставил его замолчать, резко махнув рукой. Недалеко от них раздался какой-то слабый шум, который был почти не слышен для человеческого уха. Мягкое дви-

жение лошадей. Возможно, не все вендийцы сдались в своей охоте на них. Быстрый взгляд сказал Конану, что другие тоже слышали эти звуки. Все тихо вытаскивали свои мечи (Канг-Хоу держал наготове свои метательные ножи), и каждый человек шел бок о бок со своей лошадью, готовый в любую минуту вскочить на нее. Киммериец напрягся, готовый отбросить Виндру в сторону, чтобы она была в относительной безопасности, и прыгнул в седло, когда увидел приближение других лошадей. Перед ними появились пятеро лошадей, и Конан почти засмеялся с облегчением, когда увидел, кто вел их. Это были Шамил и Хасан (каждый держал настороже руку на плече одной из племянниц Канг-Хоу) и старый Гурран, ковыляющий в темноте, в хвосте отряда.

— Очень рад увидеть всех вас, — сказал мягко и тихо Конан.

Двое молодых парней резко повернулись к нему, хватаясь за свои сабли. Хасан слегка замешкался, когда Чин-Коу судорожно схватила его за плечи, но Кай-Ше уже стояла наготове с метательным ножом. Опасная семейка, подумал киммериец. Что касается Гуррана, то он только наблюдал без всякого выражения на лице за всем происходящим, как будто в нем не было никакого страха. Две группы людей соединились, и каждый собирался что-то обрадованно прошептать друг другу, но Конан, грозно прошепав, заставил их замолчать.

— Мы поговорим, когда будем в безопасности, — сказал он тихо, — а это место лежит далеко отсюда.

Подняв Виндру и посадив ее в седло, Конан поправил солдатский плащ на плечах женщины, чтобы придать ей облик приличия и пристойности.

— Я найду что-нибудь, чтобы тебя одеть, — пообещал он. — Возможно, ты еще будешь танцевать для меня.

Виндра уставилась на киммерийца, но он не мог прочесть выражения в ее глазах. Когда Конан прыгнул в седло, волна слабости прошла по всему телу

и он вынужден был ухватиться за высокую луку седла, чтобы не упасть. Гурран тут же поспешил к нему.

— Я сделаю настойку как можно скорее, — сказал старик. — А пока постарайся удержаться, хорошо?

— Я и не собираюсь ничего другого делать, — с трудом выдавил Конан сквозь стиснутые зубы. Ведя под уздцы лошадь Виндры, он также дернул за поводья своего жеребца, пустив его легким шагом вперед, в глубину ночи. Он не сдастся так легко. У него впереди были неоплаченные долги... и двое людей, которых он сначала должен убить.

Глава 17

Найпал взглянул на человека, стоявшего перед ним. Худой, с жесткими, холодными глазами вендиец был похож на солдата. Колдун размышлял о том, какие мотивы руководят сейчас этим человеком. Похоже, что ни личная прибыль, ни жажда власти не слишком привлекают его. В лице и жестах нельзя было прочесть ни одного признака ненависти, гордости или каких-либо других эмоций. Это создавало некоторую неловкость для колдуна, потому что это был первый человек, которым нельзя было манипулировать.

— Ты понимаешь, что я сказал? — вновь спросил Найпал. — Когда Бандаркар будет мертв, тирания закончится. Святыни Катар будут разрешены в каждом городе.

— Разве я уже не говорил тебе, что понял твои слова? — сказал тихо безымянный представитель *катари*.

Они были одни в этой круглой комнате, с маленьким куполом и барельефом на потолке, изображающим старинных героев из легенд. Золотые светильники на стенах давали мягкое освещение. В комнату не было принесено ни еды, ни вина, так как катары никогда не будут есть в помещении и в присутствии

того, кто решил воспользоваться их услугами. Они оба стояли на мягком ковре, так как катары не сел в кресло, а колдун не хотел, чтобы его гость, стоя, нависал над ним. Стоящий во весь рост человек имел преимущество над сидящим из-за своего роста и позиции.

— Ты не сказал, что это будет сделано.

Найпал сделал все, чтобы подавить раздражение в своем голосе. Сегодня нужно было сделать очень много, но эта часть была так же важна, как и другие, и ее нужно было выполнить очень деликатно. Не считая других вещей, которые не произвели впечатления на катары, была сила колдовства и магии. Заклинания, конечно, могли убить катары так же легко и быстро, как и всякого другого человека, но это ничего не говорило и ничего не значило для того, кто верил в смерть как основу своего учения, каким бы способом она ни пришла, так как это означало, что после смерти катары автоматически соединяется со своей богиней, которой они поклонялись. Из-за всего этого виски колдуна разламывались от боли.

— Это будет сделано, — сказал катары. — В обмен на то, что ты обещал. Бандаркар, даже на своем троне, будет посвящен *богине*. Но если обещания не будут выполнены...

Найпал не обратил внимания на эту угрозу. Это был тот аспект сделки, с которым он смог бы разобратся и позже. Но, конечно же, не намеревался давать дополнительную власть культу, который мог впоследствии попытаться подмять чародея под себя. Ладно, посмотрим, кто кого, подумал Найпал. *Корисани*, безусловно, смогут защитить его против кинжала убийцы-ассасина. Или же это сделает его телохранитель — воин из гробницы царя Ориссы.

— Ты понимаешь также, — продолжил колдун, — что это должно быть совершено, когда я подам сигнал? Не раньше этого. Даже ни на час раньше.

— Разве я уже не сказал, что понял тебя? — повторил катары.

Найпал вздохнул. У катары была репутация убивать своих жертв тогда, когда они считали это нужным, и делать это своими способами, но даже если Бандаркар не сумел защитить себя от злых чар и заклинаний, его смерть не имела бы ничего общего с чарами и колдовством. Для Найпала было особенно важно выйти из этого дела с чистыми руками, так как он хотел, чтобы страна добровольно объединилась под будущим вождем — Каримом Сингхом, а не была бы разодрана на части гражданской войной. И кто поверит тому, что колдун будет использовать катары для своих целей, когда он мог легко поразить свою жертву колдовством или другими методами?

— Очень хорошо, — сказал Найпал. — По моему сигналу Бандаркар погибнет от рук катары на своем троне; прямо на глазах у своей знати и советников.

— Бандаркар умрет.

Найпал был удовлетворен этими словами. Он предложил мешочек с золотом катары, и тот принял его без слов благодарности и не изменив выражения лица. Золото осядет в казне и ларцах катары, и поэтому не было никакой нити, которой можно было связать этого человека, но колдун сделал это все равно — по старой привычке. Когда ассасин ушел, Найпал задержался только на одно мгновение, чтобы схватить золотой ларец, в котором находился дьявольский кинжал демона, и поспешил к подземному залу. Оживший воин по-прежнему неподвижно стоял, прислонившись к стене, неутомимый, не нуждающийся во сне солдат. Найпал не смотрел на него. Новизна уже исчезла, и что такое был один-единственный воин, по сравнению с теми тысячами, которых Найпал поднимет из их вечного сна? Он пошел сразу к ларцу из слоновой кости, без колебаний отбросил крышку и откинул шелковую ткань. В зеркале теперь отражался всего лишь один костер, видимый с большой высоты. В течение семи дней зеркало показывало костер ночью и маленькую группу всадников днем, сначала в степях, а потом уже в горах. И почти всегда чародей видел всех

всадников одновременно. Они передвигались гораздо медленнее, чем могли бы, и Найпалу потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что они в действительности следовали за караваном, который должен был доставить колдуну его сундуки. Спасение и возможная катастрофа могли случиться одновременно. Семь дней наблюдения за неудачей Карима Сингха, однако, слегка приглушили боль. Она уже не давила, как раньше, когда колдун наблюдал за приближающимся концом. В действительности, если только не считать адской боли в висках, которая пришла, когда он разговаривал с катары, чувства Найпала почти оцепенели. Впереди было еще столько дел, подумал Найпал, закрывая ларец, а оставалось так мало времени. Напряжение было просто невыносимым. Но он должен был одержать победу, как всегда это делал. Найпал вновь быстро расставил *корасани* на золотых треножниках. И вновь произнес слова заклинания. Вспышки пламени, которые, казалось, были ярче огня самого солнца, снова метнулись к серебряной паутине и образовали огненную клетку. После слов, которые вызывали демона, раздался раскат грома и внутри клетки появился Масрок, повиснув в воздухе и потрясая оружием в пяти из своих восьми рук.

— Прошло так много времени, о Человек, — гневно закричал демон, — с тех пор как ты вызывал меня! Разве ты не чувствовал, как камень пульсирует о твою плоть?

— Я был занят. Возможно, я этого не заметил.

Несколько дней назад Найпал снял кулон с черным опалом, чтобы избавиться от отчаянного пульса камня. Он должен был дать некоторое время демону, чтобы тот «созрел» для предстоящего дела.

— И кроме того, ты и сам сказал, что время не имеет никакого значения для таких, как ты.

Огромная масса демона задрожала, как будто он собирался перепрыгнуть через огненный барьер, сдерживающий его.

— Не будь глупцом, о Человек! Я был заключен в тюрьму, и только пустота в твоих знаниях спасла меня.

Другие отражения уже знают, что один из Сивани исчез! Как ты думаешь, как долго я смогу избежать кары?

— Возможно, тебе уже не придется больше спасаться. Я думаю, что день твоей свободы уже совсем близко и ты сможешь оставить остальных демонов в их тюрьме, где они будут пребывать вечно. В тюрьме, которая будет отгорожена от тебя так же хорошо, как и от всего мира.

— Каким образом, о Человек? И когда?

Найпал улыбнулся, как он делал, когда человек, которого он довел до полного отчаяния и безнадежности, стал показывать первые трещинки, прежде чем расколется.

— Сообщи мне местоположение гробницы царя Ориссы, — сказал он тихо. — Где находится затерянный в веках город Махарастра?

— Нет! — Слово отозвалось глухим эхом, в то время как Масрок закрутился черным смерчем и огненные стены его клетки изогнулись от ярости демона. — Я никогда не выдам секрета! Никогда!

Колдун сидел, не говоря ни слова, пока ярость чудовища не улеглась.

— Расскажи мне о гробнице, Масрок, — приказал он.

— Никогда, о Человек! Я уже сказал тебе, что есть пределы твоих пут на мне. Возьми кинжал, который я дал тебе, и порази меня. Убей меня, о Человек, если ты этого хочешь. Но я никогда не выдам секрета.

— Никогда? — наклонил голову Найпал, и жесткая улыбка тронула его губы. — Может быть и так. — Он коснулся золотого ларца, но только на мгновение. — Нет, я не буду убивать тебя. Я всего лишь отошлю тебя назад и оставлю тебя там навеки.

— Это еще что за глупость, о Человек?

— Я отправлю тебя не назад в те пространства, где я тебя держал, а в ту тюрьму, которую ты делил со своими двойниками-демонами. Даже демон, возможно, узнает, что такое страх, если его преследователи —

тоже демоны? Я могу только уничтожить тебя, Масрок. Убьют ли они тебя, когда ты наконец попадешь им в руки? Или же у демонов есть пытки для своих собратьев? Убьют ли они тебя, или же ты останешься жить, жить до того, как исчезнет само время, под пытками, которые заставят тебя подумать о твоей тюрьме как о сладком рае? Итак, Масрок?

Громадный демон с яростью посмотрел на колдуна. Его глаза не мигали, и весь он, казалось, был высечен из камня, так неподвижна была его огромная фигура. И все же Найпал знал, о чем демон сейчас думал. Если бы Масрок был человеком, он бы сейчас обливался потом и облизывал пересохшие губы. Найпал *знал*!

— Моя свобода, о Человек? — сказал наконец демон. — Свобода, и я перестану также служить тебе?

— Когда я найду гробницу, — ответил Найпал, — и когда армия, похороненная в ней, будет в моих руках — тогда ты получишь свою свободу. Разумеется, со связывающим тебя заклинанием, чтобы быть уверенным в том, что ты не сможешь ни причинить мне зла, ни помешать мне в будущем.

— Разумеется, — медленно сказал Масрок.

То, что я сказал о связывающих заклинаниях, было хорошей выдумкой, подумал Найпал. Забота о собственной безопасности в будущем, безусловно, будет достаточно убедительна, чтобы демон поверил, будто чародей сдержит условия их сделки.

— Хорошо, о Человек. Руины Махарастры лежат в десяти лигах к западу от Гвандиакана, поглощенные лесами Гендали.

Победа! Найпал хотел подпрыгнуть в воздух и заплясать от радости. Гвандиакан! Это, должно быть, было доброе предзнаменование, так как первым городом, через который будет проходить караван Карима Сингха и где он остановится на отдых после Гимелеев, будет именно Гвандиакан. Надо немедленно же связаться с *вазаом* с помощью магического зеркала. Он должен скакать со всей возможной скоростью, чтобы получить свои сундуки и немедленно идти в гробницу.

Неудивительно, что гробницу до сих пор никто не мог найти. Ни одна дорога не была прорублена в лесах Гендаи, и очень немногие вообще пытались проникнуть в лес, чтобы срубить несколько могучих, высоких деревьев. Огромные тучи крошечных жалиющих мух атаковали людей и животных, а те, кто сумел избежать жестоких насекомых, получал одну из тех страшных неизвестных болезней, которые иссушали тело болью и ознобом, прежде чем человек умирал в страшных мучениях. Некоторые люди скорее согласились бы умереть, чем войти в эти леса.

— Карты, — сказал Найпал неожиданно. — Мне нужны карты, чтобы мои люди не шли наугад. Ты нарисуешь их для меня.

— Как тебе угодно, о Человек. — Усталое поражение демона звучало как триумфальная музыка в ушах Найпала.

Глава 18

С вершины холмов, нависших над Гвандиаканом, Конан в изумлении уставился на город. Башни из белого алебастра и позолоченные луковичные купола храмов, колоннады дворцов и святынь, созданные людьми холмы из камня и кирпичей — все это поражало взгляд. Размеры же города превосходили всякое воображение.

— Он больше, чем Султанапур, — сказал пораженный Энам.

— Он больше чем Султанапур и Аграпур, вместе взятые, — сказал Ордо.

Канг-Хоу и его племянницы, казалось, принимали размеры города как само собой разумеющееся, в то время как Хасан и Шамил смотрели во все глаза только на девушек-кхитайнок.

— Вы смотрите на него только в сравнении с крошечными размерами ваших стран, — с издевкой сказала Виндра. Она сидела свободно на лошади, так как Конан

не видел никакого смысла держать женщину связанной, как только они отошли на достаточное расстояние от каравана. Она была одета в плащ из зеленого шелка из той кучи одежды, которую сумели взять с собой кхитайские женщины. Они были гораздо меньше ее по росту и размерам, и теснота новой одежды теперь подчеркивала ее бедра и грудь, вероятно, гораздо больше, чем Виндра этого хотела.

— Многие города в Вендии такого же размера или даже больше, — продолжала она. — Да что там говорить, Айдохья по меньшей мере в три раза больше Гвандиакана.

— Мы что же, собираемся сидеть весь день на этом месте? — ворчливо сказал Гурран. По мере того как другие уставали от путешествия, гербариус, казалось, черпал откуда-то энергию, но вся она уходила почему-то в раздражение.

Пританис вмешался в разговор, используя еще более резкий тон:

— А что это за дворец, о котором она нам говорила? После многих дней, когда мы ели только то, что могли поймать на охоте, и пили одну только воду, я просто рвусь вперед выпить кувшин хорошего вина и поесть вкусной еды, которую будет мне подавать угодливая, доступная девка. Особенно когда киммериец хочет держать эту вот девку для себя.

Лицо Виндры вспыхнуло, но она сказала только:

— Я приведу вас туда.

Конан дал ей возможность показывать дорогу, держа свою лошадь чуть позади, на расстоянии нескольких шагов, по мере того как они спускались с холмов, направляясь к городу. Конан был далек от мысли, что до конца понимает поступки вендийской женщины и ее характер. Она не сделала ни малейшей попытки улизнуть и ускакать к каравану, даже когда знала, что он находится совсем недалеко, поскольку следы каравана явно указывали его направление. Киммериец часто ловил ее пристальный взгляд, странное, непонятное выражение ее темных глаз ставило Конана

в тупик. Он не делал ни малейшей попытки ухаживать за ней; после того, как он силой взял ее с собой, это казалось ему очень жестоким и неправильным поступком. Она могла увидеть угрозу в любых словах, которые он мог сказать, и она не сделала ничего, чтобы заслужить это. Поэтому он, в свою очередь, наблюдал за ней настороженно и думал о том, когда же это ее странное спокойствие кончится. Их путь к городу был очень недолгим, и потом он резко повернул на запад. Прежде чем они спустились с холмов, Конан увидел множество дворцов, расположенных в этом направлении, больших блоков бледного мрамора, усыпанных колоннами, сияющими в свете лучей солнца в открытых местах, разбросанных на десяток лиг. Большие куски девственного леса уходили зелеными пятнами на север и юг. А еще дальше на запад деревья становились все выше и выше, и в той части не было совсем никаких дворцов, насколько он мог видеть. Внезапно перед ними появился громадный дворец с острыми белоснежными шпилями и сверкающими куполами башен, с вздымающимися вверх террасами флейтообразных колонн и мраморными ступенями у входа, которые были шириной не меньше чем в сто шагов. Слева и справа от ступенчатой лестницы располагался длинный бассейн с мраморными ступенями, в кристальных водах которого отражался белоснежный мрамор дворца. Пока они ехали ко дворцу, Виндра внезапно заговорила:

— Когда-то Гвандиакан был любимым летним курортом знати и придворных вендийских царей, но многие стали опасаться лихорадки, которая гнездится в лесах на западе. Я не была здесь с тех пор, когда мне было семь лет, но я знаю, что тут еще осталось несколько слуг, так что, возможно, в нем еще можно жить.

Она спрыгнула с седла и побежала вверх по широким ступеням лестницы. Ей приходилось делать два шага, чтобы пройти каждую ступень. Конан гораздо медленней, чем Виндра, слез с лошади. Ордо сделал то же самое.

— Она что, опять с нами играет в какую-то вендийскую игру? — спросил одноглазый.

Конан молча покачал головой — его так же, как и одноглазого друга, терзали сомнения и неопределенность. Внезапно около двадцати человек в белых тюрбанах и белых хлопковых туниках появились на вершине лестницы. Рука киммерийца скользнула на рукоять меча, но люди даже не обратили внимания на тех, кто стоял у подножия лестницы, и склонились, почти согнувшись пополам, в поклоне Виндре, бормоча какие-то слова, которые не достигли ушей Конана. Виндра повернулась к слугам спиной.

— Они помнят меня. Все получилось так, как я и опасалась. Здесь только несколько слуг, а сам дворец уже не в очень хорошем состоянии, но все же мы сможем получить здесь минимальные удобства и комфорт.

— Я знаю, какой комфорт мне нужен, — громко объявил Пританис. — Три самых красивых девки, каких я только могу найти. Скинуть с них одежду, и я выберу самую лучшую.

— Я не позволю грубого отношения к моим служанкам, — гневно сказала Виндра.

— Ты забываешь, что ты пленница, девка! — закричал безносый. — Если бы киммериец не находился здесь, я бы уже давным-давно...

— Но я *нахожусь* здесь, — сказал резко Конан. — И если она хочет, чтобы к ее служанкам относились мягко, значит ты будешь относиться к ним, как к своим собственным сестрам.

Пританис встретил железный взор Конана только на секунду, после чего отвел в сторону свои темные глаза.

— Держу пари, что в городе есть шлюхи, да и в тавернах тоже, — пробормотал он. — Или ты хочешь, чтобы я и к ним относился, как к своим сестрам?

— Поберегись, если ты собираешься идти в город, — сказал ему Конан. — Помни о том, что в этой стране всех чужеземцев считают лазутчиками и шпионами.

— Я могу и сам позаботиться о себе, — прорычал немедиец. Резко дернув за поводья, он повернул

лошадь назад и галопом поскакал в направлении Гвандиакана.

— Нам нужно послать туда еще кого-нибудь, — сказал Конан, глядя вслед удаляющемуся Пританису. — Я не думаю, что он найдет то, что нам нужно, но информация нам просто необходима. Караван вошел в город, но как долго он будет в нем оставаться? И что делает Карим Сингх? Ордо, проследи за тем, чтобы ни один из слуг Виндры не убежал и не сообщил никому, что здесь остановились чужеземцы. Пока ничто не говорит о том, что Карим Сингх знает о нашем присутствии здесь, а также, что мы следуем за ними, поэтому нам нужно постараться сделать так, чтобы эта ситуация не изменилась. А я пойду в...

— Прошу прощения, — вмешался Канг-Хоу. — Потребуется довольно долгое время для такого явного чужеземца, как вы, чтобы узнать что-нибудь нужное для нас, так как разговоры, как правило, стихают в вашем присутствии. С другой стороны, моя племянница Кай-Ше очень часто сходила за вендийку, когда нужно было помочь в моих делах. Если они сумеет найти здесь вендийскую одежду...

— Я не могу послать вместо себя женщину, — сказал Конан, но кхитаец только улыбнулся.

— Могу заверить вас, что я не послал бы ее, если бы не думал, что опасность будет слишком велика.

Конан взглянул на Кай-Ше, которая стояла прямо и невозмутимо рядом с Шамилом. В своем украшенном драконами и цаплями халате она, несомненно, выглядела как кхитайка, но ее смуглое лицо, почти лишенные раскосости глаза делали предстоящую вылазку вполне возможной.

— Ну хорошо, — неохотно сказал Конан. — Но пусть она только наблюдает и слушает. Если она будет задавать вопросы, это только может привлечь недобрые глаза к ней, а я не хочу, чтобы она так рисковала.

— Я передам ей о том, что вы о ней беспокоитесь, — сказал купец.

Вскоре к ним подошли слуги (молчаливые люди в тюрбанах) и, низко поклонившись, взяли за поводья лошадей, после чего, поклонившись еще раз и улыбаясь, предложили гостям серебряные бокалы вина и золотые подносы с влажными полотенцами, чтобы обтереть запыленные лица и руки. Мужчина с круглым лицом и порядочным животом появился перед Конаном и, быстро отвесив поклон, сказал:

— Меня зовут Панджар, мой господин. Я старший над слугами во дворце. Моя госпожа приказала мне лично выполнять все ваши пожелания.

Конан огляделся по сторонам в поисках Виндры, но нигде не мог найти ее. Слуги окружили отряд киммерийца тесной толпой, спрашивая, чем они могут служить господам, не угодно ли им будет принять ванну и хотят ли они, чтобы им постелили постель... Мысль о хитрых ловушках и западнях тут же мелькнула в голове у Конана. Но Канг-Хоу уже пошел следом за служанкой в одном направлении, в то время как племянницы ушли со слугами в другом, а Конан хорошо знал, насколько опытен был купец в том, как можно избежать ловушки и коварства. Гурран, однако, не слез со своей лошади.

— Ты не доверяешь этому месту, гербариус? — спросил его Конан.

— Гораздо меньше, чем ты, это несомненно. Конечно же, она одновременно и женщина и вендийка, что означает, что она или будет охранять тебя ценой своей жизни, или убьет тебя во время сна.

Многие дни, проведенные во время похода, в степи и в лесах, сделали кожу старика темной и обветренной, и теперь она уже меньше напоминала пергамент, а его зубы сверкнули белым блеском, когда он улыбнулся, видя неловкость Конана.

— Я собираюсь поехать в Гвандиакан. Вполне возможно, что я найду в городе ингредиенты для твоего противоядия.

— Этот старик, — проворчал Ордо, когда гербариус отъехал на большое расстояние, — похоже, питается

одним солнечным светом и водой, как дерево. Я не думаю, что он даже спит.

— Ты просто ревнуешь его бодрости, по мере того как приближаешься к его возрасту, — сказал Конан и засмеялся, когда одноглазый зарычал сквозь зубы.

Коридоры, по которым их вел Панджар, заставили Конана удивиться, вспомнив слова Виндры о том, что дворец был едва обитаем. Разноцветные ковры были разбросаны по полированному мраморному полу, и огромные гобелены висели на стенах. Они были великолепнее, чем те, которые он видел во дворцах Немедии и Заморры — земель, которые славились на западе своей роскошью. Золотые светильники, оправленные аметистами и опалами, свисали на серебряных цепях с потолков, украшенных фресками и картинами, изображавшими античных героев, охоту на леопарда и загадочных крылатых существ. Искусно сделанные орнаменты из тонкого хрусталя и золота украшали столики из черного дерева, выложенные бирюзой и серебром. Ванные комнаты были бассейнами, украшенными мозаикой с геометрическими узорами, но среди плиток разноцветного мрамора можно было встретить полированный агат и голубой лазурит. В одном бассейне была теплая вода, в другом — холодная. Покрытые вуалями служанки в белых туниках и платьях сновали взад и вперед, наливая из кувшинов душистое масло в бассейны и подавая Конану мыло и мягкие полотенца. Он держал свой длинный меч рядом, передвигая его от одной стены бассейна до другой, по мере того как вода меняла температуру, и это заставляло женщин что-то шептать друг другу из-под своих вуалей. Он не обращал внимания на шокированное выражение их лиц — остаться безоружным означало для него оказать этому месту больше доверия, чем оно заслуживало. Отказавшись от замысловатых шелковых одежд, которые они принесли, чтобы сменить его запыленную, пропотевшую одежду, Конан выбрал простую тунику из темно-синего мягкого полотна и повесил свой пояс с мечом поверх нее. Панджар снова появился перед ним, низко поклонившись.

— Прошу вас следовать за мной, господин, — сказал он. Круглолицый слуга выглядел нервным и немного испуганным, но Конан продолжал держать руку на рукоятке меча, идя следом за ним. Зал, в который слуга привел Конана, был помещением с высоким купольным потолком и узкими колоннами, покрытыми искусными, с позолотой, фресками. Эти колонны, конечно же, были слишком тонкими, чтобы поддерживать потолок, и служили, скорее всего, декоративным убранством зала. На потолке и стенах были сделаны изящные кружевные узоры из мрамора; маленькие отверстия в узоре были действительно небольшими, отметил про себя Конан, но возможно, были достаточными для стрелы арбалета. Пол, покрытый плитками красного и белого мрамора в виде ромбов, был почти пустым, за исключением множества шелковых подушек, сложенных у одной из стен. Позади подушек стояли низенькие столики из чеканной бронзы, на которых лежали золотые подносы с фигами и грушами, покрытый рубинами золотой бокал и высокий хрустальный кувшинчик с вином. Конан подумал, что, возможно, вино отравлено, и чуть не рассмеялся при мысли о том, что можно отравить человека, которого уже отравили.

— Пожалуйста, садитесь, господин, — сказал Панджар, указывая рукой на подушки.

Конан опустился на мягкие подушки, но спросил требовательно у Панджара:

— Где Виндра?

— Моя госпожа отдыхает от своего долгого путешествия, но она приказала вас всячески развлекать. Моя госпожа просит вас извинить ее отсутствие и также просит вас, чтобы к ее служанкам относились вежливо.

Поклонившись еще раз, он ушел. Внезапно мягкая музыка полилась через кружевной узор мрамора у самого потолка — звонкая музыка цитар, нежная музыка флейт и ритмичные удары тамбуринов с колокольчиками. Три девушки появились в зале, стали

быстро плясать почти на одном месте, в центре зала. Только их руки и ступни не были покрыты толстым слоем разноцветного шелка, а темные вуали покрывали их лица от подбородка до самых глаз. Они начали танцевать, как только зазвучала музыка, аккомпанируя себе колокольчиками и кастаньетами, укрепленными на пальцах рук. Маленькие золотые колокольчики, привязанные к их щиколоткам, нежно звенели в такт движениям. Даже для вендийцев, подумал Конан, такой способ убийства был бы уж слишком замысловатым. Наполнив бокал вином, он откинулся на подушки и стал лениво наблюдать за танцовщицами. Сначала шаги танцовщиц были медленными, но постепенно, па за па, их скорость возросла. Они крутились в танце и под плавную мелодию подпрыгивали в воздух или крутились волчком, и с каждым прыжком, с каждым волчком кусочек шелка отделялся от их тела. Грაციозные прыжки были сделаны каждый раз синхронно; танцовщицы растягивали в шпагате свои стройные ноги или же извивались гибким телом и ногами. Руки вздымались вверх в плавных движениях над их головами. Танцовщицы подпрыгивали в изящном танце, не останавливаясь ни на секунду, то приближаясь к нему, то снова отдаляясь от него. Внезапно их шелка одним неумовимым движением сползли на мраморный пол и три стройные женщины продолжали плясать, но теперь уже их красивые смуглые тела не покрывало ничего, за исключением только их темных вуалей. На их быстрых телах серебрились капельки пота. Конан резко хлопнул в ладоши, и танцовщицы замерли на месте, их округлые груди поднимались и опускались от усталости. Музыканты, по-прежнему невидимые и не знающие, что они остановились, продолжали играть.

— Вы, двое, можете идти, — приказал Конан, указывая рукой на двух девушек. — А ты останься и продолжай плясать.

Темные глаза женщин неуверенно переглянулись друг с другом из-под своих вуалей.

— Ваша госпожа приказала вам развлечь меня, — продолжал он. — Неужели я должен тащить вас волоком по всему дворцу в ее поисках, чтобы сказать ей, что вы не повиновались?

На этот раз взгляд женщин был испуганным, а не недоуменным. Две девушки, на которых он указал рукой, выбежали из зала, а третья уставилась им вслед, как бы тоже думая о том же.

— Танцуй для меня, — сказал Конан.

Неуверенно, с явной неохотой, она начала танцевать.

До этого танцовщицы внимательно прислушивались к ритму музыки, но сейчас эта женщина постоянно поворачивала голову, будучи более независимой в своем танце, чтобы держать свои темные глаза на его лице. Она гибко плыла над полом, извиваясь и подпрыгивая так же грациозно, как и прежде, но сейчас в ее движениях и выражении лица чувствовалась какая-то напряженность и неуверенность, как будто она осязаемо чувствовала его пристальный взгляд, скользящий по ее обнаженному телу. Когда она оказалась совсем близко от него, Конан схватил рукой за ее худенькую лодыжку. Она взвизгнула и повалилась на подушки, уставившись на него поверх вуали своими расширенными глазами. В течение нескольких, казавшихся вечностью мгновений единственными звуками в комнате была музыка и ее тяжелое, напряженное дыхание.

— Умоляю вас, господин, — прошептала она наконец. — Моя госпожа просила, чтобы ее служанок не обижали, и...

— А-а, тогда я, значит, твой господин сейчас? — спросил Конан. Он небрежно провел пальцем от колена девушки до ее бедра, и она вздрогнула. — А что, если я позову Панджара и скажу ему, что ты не доставила мне удовольствия? Что, если я потребую, чтобы он отхлестал тебя кнутом, прямо здесь?

— Тогда я... Тогда меня отстегают, господин, — прошептала она и судорожно глотнула воздух.

Конан покачал головой.

— Вы, вендийцы, и вправду сумасшедшие. Неужели ты действительно пойдешь так далеко, чтобы утаить от меня правду?

И прежде чем она успела отшатнуться, он сдернул с ее лица вуаль. На секунду Виндра ошеломленно уставилась на него, и краска смущения залила ее лицо. Затем ее глаза закрылись, и она отчаянно попыталась закрыться руками.

— Эта уловка не сработала с Канг-Хоу, — засмеялся Конан. — И она также не действует на меня.

Ее лицо покраснело еще больше, и веки сжались еще плотнее.

— На этот раз твоя игра не получилась, — сказал он, склонившись над ней. — Я тебе дам один-единственный, последний шанс убежать, и тогда я покажу тебе, что делают мужчины и женщины, которые не играют в игры.

Краска не оставила ее щек, но ее глаза открылись как раз настолько, чтобы она сумела взглянуть на него сквозь свои длинные густые ресницы.

— Ты глупец, — прошептала она. — Я могла убежать от тебя в любое время, начиная с того дня, когда мои руки были развязаны.

Обвив его руками за шею, она потянула его к себе и медленно опустила на подушки.

Глава 19

Когда тени стали длиннее, а солнце стало быстро таять на горизонте, Конан оставил на мягкой лежанке спящую Виндру и пошел поискать вина.

— Да, господин, я принесу вам кувшин через минуту, — ответил слуга в ответ на его просьбу, добавив несколько слов, отвечая и на его следующий вопрос: — Нет, господин, двое мужчин еще не вернулись из города. Я также ничего не слышал и о кхитайской женщине, господин.

Найдя комнату с высокими арочными окнами, выходящими на запад, Конан уселся на подоконник и

посмотрел наружу. Солнце, кроваво-красное в темном небе, повисло большим зловещим шаром над высокими деревьями далеко от него. Это было жуткое зрелище, как раз под стать его настроению. День был абсолютно выброшенным. Ожидание во дворце, даже занимаясь любовью с Виндрой (как бы это ни было приятно для него), теперь казалось потерянным временем. По крайней мере, следуя до сих пор за караваном, он создавал некоторую иллюзию того, что он что-то делал, чтобы избавиться от яда в своей крови или охотясь за людьми, чью смерть он должен был увидеть прежде, чем умрет сам. По крайней мере один из этих людей находился в городе, всего на расстоянии какой-то лиги, а он сидел сложа руки здесь и просто ждал.

— Патил?

Услышав мягкий женский голос, он огляделся вокруг.

Женщина-вендийка, не покрытая вуалью, стояла у входа в комнату. Ее простое хлопковое платье не принадлежало ни служанке, ни знатной женщине.

— Ты не узнал меня, — сказала она с улыбкой, и внезапно он понял, кто стоит перед ним.

— Кай-Ше, — широко раскрыл от изумления рот Конан. — Я не мог поверить, что ты могла так полностью... — Он нетерпеливо оборвал свою фразу на середине. — Что ты разузнала?

— Очень много и очень мало. Караван оставался в городе всего несколько часов, так как купеческие рынки находятся в Айдохье, а знать и придворные также горят желанием присоединиться ко двору царя. Карим Сингх, однако, — добавила она, и он мгновенно вскочил на ноги, — все еще находится в Гвандиакане, хотя я и не узнала, где именно.

— Он не улизнет от меня, — зарычал Конан. — И этот Найпал тоже, хотя он и колдун. Но почему *вазам* остался здесь, вместо того чтобы отправиться к царю вместе с придворными?

— Возможно, потому, что, судя по слухам, Найпал уже два дня как прибыл в Гвандиакан. Однако так как

его лицо известно очень немногим, подтвердить этот слух невозможно.

Конан ударил кулаком по своему бедру.

— Кром, это не может быть ничем, как судьбой и хорошим предзнаменованием. Они оба теперь в моих руках. Я покончу с ними сегодня же ночью.

Женщина-кхитайка схватила его за руку, когда он уже собирался выбежать из комнаты.

— Если ты хочешь идти в Гвандиакан, то будь осторожен, так как в городе очень неспокойно. Солдаты арестовывают детей-бродяг и беспризорных на улицах, как говорят, по приказу самого *вазама*. Многие очень озлоблены этим, а самые бедные районы города сидят как на вулкане, ожидая только искры, чтобы взорваться пламенем. Улицы Гвандиакана могут быть залиты кровью из-за этого.

— Я видел кровь и раньше, — сказал он мрачно и побежал по увешанному гобеленами коридору. — Панджар! Мне нужна моя лошадь и немедленно!

Наполовину проснувшись, Виндра потянулась на подушках, заметив лениво, что лампы уже зажжены и что становилось темно. Она внезапно нахмурилась. Кто-то накрыл ее тонким шелковым покрывалом. Она изумленно открыла рот и плотнее завернулась в покрывало, увидев приближающуюся к ней Чин-Коу. Кхитайка держала в руках стопку разноцветного шелка.

— Я принесла вам одежду, — сказала Чин-Коу. Виндра надела длинную рубашку через голову.

— А что заставило тебя подумать, что мне нужна одежда? — надменно и требовательно спросила она.

— Прощу прощения, — сказала Чин-Коу и встала, чтобы уйти. — Без сомнения, когда вы захотите одеться, вы сможете позвать своих слуг. Я оставляю вам шелковую рубашку, так как похоже, что вы именно это хотите сделать.

— Подожди! — Виндра, покраснев, схватила рубашку и нервно смяла мягкую материю. — Я не знала

этого. Поскольку ты принесла мне одежду, ты вполне можешь оставить ее здесь.

Чин-Коу приподняла бровь.

— Вам совсем ни к чему говорить со мной таким тоном. Я очень хорошо знаю, чем вы занимались с *ченг-ли*, который зовет себя Патиллом.

Виндра простонала, и краска смущения еще больше залила ее лицо. Через секунду дочь купца смягчилась.

— Я занималась тем же с *ченг-ли*, который зовет себя Хасаном. Теперь я знаю твой секрет, а ты знаешь мой. Ты боишься только позора, который будет известен твоим слугам. Плетка моего дяди наказывает гораздо больше и сильнее, чем просто стыд.

Виндра устала на кхитайку, как будто увидела ее в первый раз. И не то что она совершенно не замечала раньше Чин-Коу, но она была племянницей торговца, а племянницы купцов, конечно же, не могли чувствовать так же, как женщина, в жилах которой течет кровь Кшатриев. Или она чувствовала то же самое?

— Ты любишь его? — спросила она. — Я имею в виду Хасана.

— Да, — сказала горячо Чин-Коу. — Хотя я не знаю, чувствует ли он такую же любовь ко мне. Ты любишь человека, которого зовут Патил?

Виндра отрицательно покачала головой.

— С таким же успехом можно любить и тигра. Но, — добавила она с лукавством, которого не смогла скрыть, — когда тигр занимается любовью с тобой — это очень приятная вещь.

— Хасан, — сказала серьезно Чин-Коу, — также очень сильный и пылкий.

Внезапно обе женщины захихикали, и вскоре их хихиканье перешло в веселый громкий смех.

— Спасибо за одежду, — сказала Виндра, когда они снова были в состоянии говорить. Отбросив в сторону покрывало, она поднялась с постели. Чин-Коу помогла ей одеться, хотя она и не просила ее об этом, и, когда Виндра оделась, она сказала:

— Пойдем. Мы выпьем бокал вина и поговорим о мужчинах, тиграх и других странных животных.

Когда кхитайка открыла рот, чтобы что-то сказать, дикий крик пронесся эхом по дворцу, перекрытый криками людей и звоном стали, ударяющейся о сталь. Чин-Коу схватила Виндру за локоть.

— Нам надо скорее спрятаться.

— Спрятаться? — возмущенно воскликнула Виндра. — Это *мой* дворец, и я не буду забиваться в нору, как заяц.

— В тебе говорит глупая гордыня, — сказала маленькая девушка. — Подумай о том, какого рода бандиты атакуют твой дворец. Неужели ты думаешь, что твоя «голубая кровь» защитит тебя от них?

— Да, ты права. И ты тоже подвергаешься опасности. Даже бандиты знают, что за тебя (и за твою сестру тоже) может быть получен выкуп, как только они узнают, кто я такая.

— Узнают, кто ты такая, а? — раздался голос от двери комнаты, и Виндра подскочила от ужаса.

— Кандар! — выдохнула она. Гордость помогла ей стоять прямо и с вызовом, но она не смогла удержаться от того, чтобы не отступить на шаг в сторону, когда князь, с жестокими, холодными глазами, ввалился в комнату, сжимая в руке окровавленную саблю. Позади него в коридоре теснились солдаты в шлемах и турбанах, держа в руках окровавленное оружие. Он наклонился и поднял с пола вуаль, которую она надевала во время танца, и задумчиво помял ее в руках.

— Возможно, ты считаешь себя знатной женщиной, — сказал он. — Возможно, что ты даже являешься знаменитой леди Виндрой, хорошо известной за свой острый ум и блистательное общество знаменитых поэтов, художников, философов и знати, которые собираются в ее дворцах? Ну что ж, всем уже давно известно, что леди Виндра пала жертвой в Гимелеях, когда дикий варвар украл ее, возможно, навстречу ее гибели или рабству.

— Что ты можешь получить от этого фарса? — требовательно спросила Виндра, но ее слова оборвались, когда она увидела, что шестеро покрытых вуалью женщин, одетых в плотные сари из шелка, вошли в комнату. И вместе с ними в комнату вошел Пританис. Ухмыльнувшись, немедиец облокотился спиной к стене и скрестил руки на груди.

— Боги добры сегодня ко мне, девка, — сказал он, — так как я нашел в Гвандиакане никого другого, как самого князя Кандара, которому было весьма приятно узнать о местонахождении некоей женщины недалеко от него. За безымянную шлюху был предложен целый увесистый кошелек с золотом — со ста золотыми! — и я мог только согласиться и принять его щедрость.

Раздражение мелькнуло на лице Кандара, но в целом было очевидно, что он даже не обращал внимания на присутствие Пританиса.

— Подготовьте ее, — приказал он. — Подготовьте их обеих. Я не откажусь еще от одной мелочи, когда ее принесут мне на подносе.

— Нет! — вскрикнула Виндра. Она извернулась, чтобы убежать, но прежде чем она успела сделать три шага, три женщины в вуалях бросились к ней и повалили ее на пол. Уголкем глаза она заметила, что остальные три женщины удерживали Чин-Коу. Отчаяние заполняло ее душу. Отчаянно, зная бесполезность своих попыток, она все же сопротивлялась, но женщины держали ее в руках, срывая с нее остатки одежд с уничтожающей ее гордость легкостью. Даже когда она оказалась полностью обнажена, они не дали ей возможности встать на ноги и потащили по полу свою извивающуюся жертву, бьющую ногами в своих отчаянных попытках высвободиться. Они силой поставили ее на колени у ног Кандара, и его пристальный взгляд пронзил ее и пробрал холодом до костей, подавляя ее последнюю попытку к сопротивлению. Чин-Коу стояла в таком же положении рядом с ней, тоже обнаженная и всхлипывающая от ужаса, но Виндра не могла отвести глаз от Кандара.

— Тебе это так даром не пройдет, — прошептала она. — Я не какая-то безымянная...

— Ты и есть безымянная, — щелкнул он ее, как бичом, своими словами. — Я уже сказал тебе, что леди Виндры больше нет (он медленно закрепил вуаль на ее лице крошечной серебряной застёжкой)... а вместо нее появилась новая наложница, новое добавление к моей *пардхана*. Я думаю, что я назову тебя Мириам.

— Твоя сестра, — выдохнула Виндра. Ей было нетрудно танцевать с вуалью на лице, но сейчас ей, казалось, было тяжело дышать. — Я освобожу Алину. А...

От его сильной пощечины ее лицо дернулось влево.

— У меня больше нет никакой сестры! — прорычал он.

— А как насчет моего золота? — внезапно потребовал Пританис. — Девка теперь твоя, и я хочу получить свою оплату.

— Разумеется.

Кандар снял кошелек с пояса и швырнул его в руки безносому.

— Теперь ты удовлетворен?

Пританис жадно раскрыл шелковые завязки кошелька и высыпал с десяток золотых монет себе на ладонь.

— Я удовлетворен, — сказал он довольно. — Если бы только Конан мог видеть...

Его слова оборвались стоном, когда сабля Кандара вошла ему по рукоять в грудь. Золото со звоном посыпалось на пол, когда он схватился за лезвие обеими руками. Кандар спокойно встретил неверящий, недоуменный взгляд немедийца.

— Ты смотрел на непокрытые вуалью лица двух женщин из моей *пардхана*, — пояснил он. Лезвие его сабли легко выскользнуло из рук умирающего человека, и Пританис рухнул лицом вниз на свое золото. Лицо Виндры было суровым, когда она собирала остатки своего мужества.

— Убить своего наемника и забрать назад золото — это так похоже на тебя, Кандар. Ты всегда был глупцом и червяком.

Его мрачный взгляд заставил ее понять, что это *было* последними остатками ее мужества. Она стиснула зубы усилием воли, чтобы встретить его мрачный взгляд.

— Он видел твое лицо без вуали, — сказал князь, — и кхитайской женщины тоже, и потому он должен был умереть, чтобы моя честь осталась незапятнанной. Но он честно заработал свое золото, и никто не может назвать меня вором. За эти слова тебя отхлестают плетью, а также еще раз за каждое из нанесенных мне оскорблений.

— В моих жилах течет кровь Кшатриев, — сказала Виндра. Она говорила больше для себя, как бы отрицая все случившееся, но никто, казалось, даже не заметил этого.

— Это был последний из твоих странных попутчиков, — продолжал Кандар. — Остальные уже убиты. Все до единого мертвы.

Стон раздался из груди Виндры. Крошечная, слабая надежда, которая еще теплилась у нее в душе, теперь исчезла, надежда на то, что великан варвар спасет ее из лап Кандара, и теперь вся ее жизнь действительно рухнула, как карточный домик под дуновением ветра.

— Ты никогда не сломаешь меня, — прошептала она и знала пустоту этих слов даже до того, как они сорвались с ее губ.

— Сломать тебя? — сказал с издевкой Кандар. — Ну конечно же нет. Но впереди, несомненно, должно быть небольшое обучение покорности и послушанию. Небольшое обучение, которое слегка пощиплет твою неумеренную гордыню.

Виндра хотела с вызовом покачать головой, но его глаза удерживали ее, как змея, гипнотизирующая птицу.

— Завтра тебя посадят на лошадь, и ты будешь «одета», как в эту минуту, после чего эту лошадь

проведут по улицам Гвандиакана, так что все смогут увидеть красоту моего нового приобретения. Уведите их! — рявкнул он женщинам-служанкам.

Виндра пыталась гневно и вызывающе крикнуть, но она знала, когда ее тащили к лошадям, что это был вой полного отчаяния, когда он прокатился по гулким коридорам ее дворца.

Глава 20

Сидя за длинным столом из грубо оструганных досок в углу таверны, Конан вспомнил о Султанапуре, когда он поправил капюшон своего темного плаща, одолженный у дворецкого во дворце Виндры. Капюшон низко опускался на лоб, закрывая его лицо. Таверна, где он сидел, была не из лучших, с земляным полом и колченогими стульями. Не зная, что ему делать в городе без того, чтобы не привлекать любопытных взглядов прохожих своей высокой фигурой, Конан осушил одним длинным глотком половину большой кружки дешевого вина. Остальные посетители таверны были вендийцами, хотя они стояли далеко от богатей и знати Гвандиакана. Носильщики и погонщики буйволов, от которых пахло соломой и кожей животных, подмастерья каменщиков в туниках, запачканных пятнами сухой штукатурки и цемента. Неопределенного вида и не поддающиеся вообще никакому описанию мужчины в турбанах склонились над своим вином или говорили приглушенными, негромкими голосами, бросая быстрые взгляды своих черных глаз вокруг, опасаясь, чтобы их не подслушали. Запах кислого вина смешивался с духами и благовониями, и тихий гул голосов не мог окончательно покрыть звон колокольчиков на запястьях и лодыжках проституток с масляными, призывными глазами, которые бродили по таверне. В отличие от своих товарок на Западе, они носили платья и сари, покрывающие их с шеи до самых лодыжек, но зато эти одежды были сделаны из самого прозрачного газа, который

абсолютно ничего не скрывал. Однако сегодня у девиц было совсем немного клиентов, и обычная фривольность, легкость и непринужденность таверны отсутствовали в этот день. В воздухе висела напряженность, которая была темнее, чем ночь за стенами таверны. Киммериец был далеко не единственным человеком, который скрывал свое лицо. Конан махнул рукой, чтобы ему принесли еще вина. Служанка, одетая в платье, которое было чуть темнее, чем одеяния проституток, принесла ему кувшин вина, взяла монету и поспешила назад, не сказав ни слова, явно желая снова возвратиться в свою нору и спрятаться там, не привлекая лишнего внимания. Эта атмосфера страха и взвинченного напряжения чувствовалась во всем городе с момента его прибытия и стала еще более напряженной, по мере того как сгущались сумерки. Солдаты все еще не успели забиться в норы, как преследуемые охотниками лисицы, и доставляли арестованных в тюрьму форта, которая стояла в центре Гвандиакана. Но даже солдаты чувствовали настроение мрачной толпы людей. Патрули теперь часто насчитывали до ста человек, и они передвигались так настороженно, как будто ожидали атаки в любой момент. На улицах, когда еще было светло, было много разговоров и слухов, и киммерийцу было нетрудно узнать о людях, которых он хотел найти. Он быстро узнал местоположение дворца Карима Сингха, один из тех нескольких, что стояли к востоку от города и где, как говорили, остановился Карим Сингх. Однако, прежде чем он успел пройти сто шагов, он узнал, что *вазам* остановился в *другом* дворце, а еще через пятьдесят шагов — в третьем, и все они находились на изрядном расстоянии друг от друга. На каждом перекрестке он узнавал новые слухи. Говорили, что чуть ли не в половине дворцов в Гвандиакане остановился Карим Сингх. Некоторые говорили, что в городе остановился и Найпал, и называли *каждый* дворец в городе, где он якобы находится в эту минуту, а некоторые даже утверждали, что колдун соорудил невидимый дворец за одну ночь, в то время как другие ут-

верждали, что колдун наблюдает за городом сверху, сидя на облаках. Под конец раздражение завело Конана в таверну. Волна головокружения (которая не имела ничего общего с вином) прошла по его телу. Это уже было не в первый раз за эту ночь. Его глаза помутнели. С мрачным упорством он переборол слабость, и когда его зрение прояснилось, он увидел стоящего перед ним Ордо, который тут же опустился на скамью у его стола.

— Я тебя ищу уже несколько часов, — сказал одноглазый. — Кандар с сотней копейщиков атаковал дворец Виндры и захватил Виндру и племянницу кхитайца, Чин-Коу. Пританис был с ними, подлый ублюдок.

Конан зарычал и швырнул свою глиняную кружку на пол, разбив ее вдребезги. В комнате тут же воцарилась мертвая тишина, и каждое лицо повернулось к нему. Затем, так же быстро, люди снова начали беседовать. Это была не та ночь, чтобы вмешиваться в гневную вспышку незнакомца.

— А люди?

— Несколько царепин, и ничего больше. Мы сумели добраться до лошадей, и Кай-Ше нашла для нас место, где мы сумели укрыться. Это заброшенный храм на улице... как ее там зовут?.. Ах да, что-то вроде Улицы Снов, хотя я думаю, что эти сны должны быть очень невеселыми. День или два отдыха и немного подлечить порезы, и мы подумаем, что можно сделать для спасения девок.

Конан покачал головой, одновременно возражая Ордо и чтобы стряхнуть слабость.

— Мне не нужно день или два. Лучше всего тебе вернуться в этот разрушенный храм. Они понадобятся тебе, если ты захочешь вернуться в Туран.

— О чем ты тут бормочешь? — требовательно спросил его Ордо, но киммериец только хлопнул своего друга по плечу и выбежал из таверны. Пока Конан несея большими прыжками по темной улице, он слышал, как Ордо кричал ему вслед, но он не остановился и даже не повернул головы. Бхалканийский жеребец был оставлен в конюшне недалеко от городских ворот, через

которые он вошел в Гвандиакан, и за медную монету, брошенную в руки сторожа, он получил назад своего коня. Городские ворота были массивными, а высотой превышали человеческий рост раз в десять. Они были сделаны из толстых железных плиток очень своеобразной формы и с красивым рельефом и чеканкой. Их было бы нелегко сдвинуть с места, а судя по пыли, которая накопилась у подножия ворот, прошло много лет с тех пор, как их закрыли. Напряженность в городе наложила свой отпечаток и на стражников в тюрбанах и шлемах, стоящих у ворот. Они нервно и настороженно смотрели за ним, ощупывая свои копы, когда он галопом проскакал мимо них в открытые настежь ворота. Единственный ключок информации, который он получил в эту ночь слухов и сплетен, единственный слух, который не изменился (и тот, который он считал наименее полезным из всех слухов и разговоров), был тот, в котором упоминалось местонахождение дворца Кандара. Ярость кипела в нем, но это была холодная ярость. Умереть с мечом в руках было бы намного более предпочтительнее, чем сдаться какому-то яду в его жилах, но сначала ему нужно было освободить женщин. Только когда они будут в безопасности, он сможет позволить себе думать о своих бедах и заботах. Недалеко от дворца он въехал в рощу деревьев и привязал жеребца к ветке одного из них. Ловкость и хитрость, которым он научился, будучи вором, помогут ему в этом деле больше, чем холодная сталь меча. Дворец князя Кандара, который был даже больше по размерам, чем дворец Виндры, горел в ночи, освещенный светом тысяч ламп и светильников, сверкающий узор переплетенных между собой алебастровых террас, шпилей и куполов. Отражаясь от света ламп, между ними тянулись темные холодные полосы бассейнов, а в промежутке между полосами воды лежали сады и густые подстриженные кустарники с розой и шиповником, которые заполняли пространство перед дворцом и подходили к самым его стенам. Распустившиеся цветы наполняли темноту мириадами душистых запахов, к которым примешивался терпкий, сладковатый запах духов

из дворца. Духи и запахи цветов не очень интересовали Конана, но кустарники очень помогли ему, скрыв его бесшумное приближение. Он был сейчас всего лишь одной из тысяч многочисленных теней, не больше. Пальцы, приспособленные к тому, чтобы карабкаться по скалистым острым утесам его родных киммерийских гор, находили щели и выбоины в, казалось, абсолютно гладкой поверхности больших мраморных блоков, и он лез по стене дворца так же хорошо, как другой человек поднимался бы по лестнице. Вскрабавшись на широкую стену, Конан распластался на ней и наблюдал за дворцом, пытаясь уловить все его детали — небольшие дворы с журчащими фонтанами, искусно сложенные, покрытые орнаментом высокие башни, рвущиеся к небу, и проходы в колоннадах, освещенные лампами с горящим маслом или жиром. Лампы и светильники были сделаны из изумительной работы чеканного золота. Затаив дыхание, он вперился в фигуру человека в желтой с красным одежде, идущего между колоннами рядом с другим, одежда которого, казалось, была из темно-серого шелка. Рука Конана непроизвольно легла на рукоятку меча. Это был Карим Сингх. И если боги не забыли его, Найпал был вторым человеком. Он с сожалением вздохнул и отпустил рукоять меча, наблюдая за двумя мужчинами, которые вскоре исчезли из вида. Женщины, сказал он самому себе. Женщины должны быть его первой задачей, все остальное — потом. Вскочив на ноги, он побежал по стене. Высота была главным в этом деле, как научили его города Немедии и Заморры. Человек, который находился на самой верхней части здания, часто не привлекал ничего внимания, даже если он явно не должен был находиться там. В конце концов, если бы у него не было на это права, разве он смог бы туда попасть? Кроме того, подъем на самые высокие части здания означал то, что каждый шаг делал человека гораздо ближе к земле и к его пути к спасению.

Спасение было особенно важно для него в эту ночь, особенно для двух женщин, если не для него самого. Карнизы, фризy и тысячи замысловатых узоров из

камня и алебаstra помогали великану киммерийцу без труда скользить по крыше. Скользнув сквозь узкое окно у самого основания крыши, он очутился в душной темной комнате. Он на ощупь убедился, что находится в кладовой, в которой лежали ковры и постельные принадлежности. Узкая дверь вела в коридор, который был освещен тусклым светом бронзовых светильников. Здесь не было золотых и серебряных украшений и дорогих gobеленов и ковров, это были помещения слуг, располагавшиеся в верхних этажах дворца. Из некоторых комнат до него доносилось храпенье. Бесшумный и мрачный, как охотящийся дикий кот, Конан осторожно ступал по полу длинного коридора, а затем стал спускаться вниз по лестнице. Другие звуки донеслись до него из другой части дворца, звуки, которые ни с чем другим нельзя было спутать, — топот людей, музыка флейт и цитар. Густой звон гонга печально отозвался эхом во дворце. Киммериец почти не обращал на них внимания, его глаза и уши внимательно следили за происходящим, так как легкая тень или неосторожный шаг могли сказать ему, где находится человек, который мог поднять тревогу. Он искал спальные покои, в этом он был абсолютно уверен. Из того, что он знал о Кандаре, можно было сделать вывод, что его первым желанием будет остановиться в комнате с женщинами, и ему безусловно будет приятно навестить их несколько раз, когда они будут ожидать со страхом его возвращения. Вполне возможно, что он все еще находился там. Конан очень надеялся на это. Карим Сингх и Найпал, несомненно, улизнут от него в эту ночь, но по крайней мере он сумеет рассчитаться с Кандаром. Первые три спальные комнаты, которые он обнаружил, были пустыми, хотя золотые светильники давали мягкий, ровный свет в ожидании тех, кто должен в них появиться позже. Когда он, однако, вошел в четвертую, только пятое чувство (которое ничем рациональным нельзя было объяснить) заставило его прыгнуть вперед и покатиться по полу, избежав лезвия меча, который обрушился на то место, где он только что стоял. Конан

тут же вскочил на ноги с мечом в руке, и яростный удар заставил его противника отскочить, как кошка, назад. Киммериец уставился на своего врага, так как он еще не видел такого человека прежде, даже в этой странной, загадочной стране. Украшенный и защищенный носовой перегородкой шлем с толстым острым металлическим стержнем наверху сидел на голове незнакомца. Его темное, безжизненное и ничего не выражающее лицо было очень странным. Его доспехи были сделаны из толстой кожи, покрытой бронзовыми пластинками. Длинный прямой меч был в его руке, покрытой металлической перчаткой, и еще один, более короткий кривой меч был в другой, левой руке. Воин передвигался с быстротой и держал оружие в обеих руках уверенно, что говорило о большом, долголетнем опыте.

— Я пришел, чтобы освободить только женщин, — сказал Конан угрожающим голосом.

Если он сумел бы заставить своего противника обменяться с ним несколькими словами, тот, возможно, не сумел бы сообразить того, чтобы подать сигнал тревоги, пока они сражались бы друг с другом.

— Скажи мне, где они находятся, и я не убью тебя.

Молчаливая атака воина заставила его резко поднять свой меч, защищаясь. И это действительно была защита, сообразил ошеломленный киммериец. Его длинный меч сверкал и метался так же быстро, как и всегда, но это была только отчаянная попытка не допустить, чтобы его противник поразил его своим мечом. Впервые за всю свою жизнь он столкнулся с человеком, который двигался быстрее, чем он сам. Удары мечей, которые наносились с быстротой атакующей змеи, следовали один за другим и заставили его отступить. Зарывав, он решился на хитрость, продолжая отражать удары врага и одновременно нанеся ему удар в лицо кулаком с зажатой в нем рукоятью эфеса. Воин в странных доспехах был отброшен назад, и столик, украшенный орнаментом, разлетелся вдребезги при его падении, но прежде чем Конан успел сделать один шаг, чтобы продолжить свою атаку, воин пружинисто вскочил на ноги. Конан встре-

тил его в середине комнаты, и искры от их мечей, ударяющих друг о друга, образовали смертоносное кружево в темноте комнаты. Киммериец обрушил всю свою ярость — на Кандара, Найпала и Карима Сингха — и вложил всю свою силу в эту атаку, отказываясь на этот раз отступать. Сильным ударом он обрушил меч на врага и почувствовал, как лезвие прошло через плоть и кости, но даже в эту минуту он вынужден был уклониться от удара, который чуть не попал ему в лицо. Приготовившись к обороне, Конан почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Его последний удар остановил противника (да так оно и должно было случиться, когда его кривой меч лежал теперь на ковре, вместе с рукой, сжимавшей его), но это была явно только временная передышка. Безжизненное лицо даже не изменило своего выражения, и его темные глаза даже не посмотрели на отрубленную кисть левой руки. Из его раны не пролилось ни одной капли крови. Колдовство, подумал киммериец. Внезапно молчание, с которым сражался его противник, приобрело новое жуткое качество. И снова началась смертоносная схватка. Если этот колдовской воин знал, как сражаться двумя мечами одновременно, то и одним мечом он действовал не менее уверенно. Конан отражал каждый быстрый удар, но и его собственные выпады отражались воином без труда. Киммериец знал, что он сможет теперь сравняться с противником, одним мечом на один, но как долго плоть смертного сможет удержаться против колдовства? Внезапно отрубленная рука врага ударила Конана по голове с силой, которую он считал просто невозможной, опрокинув его на спину, как ребенка. Теперь наступил его черед лежать на спине, на обломках стола, но прежде чем он успел подняться, атакующий противник уже навис над ним. Конан отчаянно пытался отразить удар меча, который мог развалить его череп надвое. Его рука, шарящая вокруг, нашла в обломках стола рукоять какого-то оружия, и он нанес им удар по врагу, вонзив острое лезвие по самую рукоятку. Его противник извернулся, как змея, и лезвие прошло через его кожаные

доспехи, скользнув сквозь ребра. Темный воин рухнул на Конана, как будто его кости расплавились и превратились в труху. Конан быстро отпихнул от себя тело воина и вскочил на ноги, держа наготове свой собственный меч, опасаясь какого-то подвоха. Но покрытая кожаными доспехами фигура осталась неподвижной — глаза воина остекленели. Конан с изумлением посмотрел на оружие, которым он поразил врага, и, выругавшись, чуть было не уронил его на пол. Это был короткий меч, но рукоять его была такой большой, что годилась, скорее, для двуручного меча. Рукоятка и лезвие оружия были сделаны из какого-то странного серебристого металла, который мерцал странным потусторонним светом. Отвратительный запах заставил его ноздри дернуться и, он снова выругался. Это была вонь от разложения. Труп его врага под кожаными доспехами уже наполовину сгнил, и белые кости проглядывали сквозь гнилое, разложившееся мясо. Заколдованный воин был сражен явно заколдованным оружием. Часть его мозга говорила ему, чтобы он выбросил эту жуткую вещь, в то время как другая шептала, что это оружие может быть полезно против такого колдуна, как Найпал. Колдунов всегда было гораздо труднее убить, чем других людей. Сунув свой меч в ножны, он быстро оторвал кусок шелка от покрывала на постели и обмотал им серебристый кинжал, сунув его себе за пояс. Пока он это делал, Конан услышал множество топчущих ног, приближающихся к комнате. Опрокинутые разбитые столы, разбросанные ларцы и разбитые зеркала и хрусталь были молчаливыми свидетелями того, что схватка была не такой уж бесшумной. Бормоча проклятия, он поспешил к окну, как раз вовремя, потому что как только он очутился на карнизе, около двадцати вендийских солдат ввалились в комнату. И снова алебастровые украшения помогли ему ползти по стене здания, но позади себя он слышал тревожные крики. Он стал карабкаться вверх, схватившись за балюстраду, чтобы вскочить на балкон... и замер при виде еще одной дюжины солдат в шлемах и тюрбанах. Копье просвистело рядом с ним, и Конан отпрянул

назад, так как обе его руки были заняты. Даже спружинив и согнув колени, он почувствовал силу и шок от приземления, которые сотрясли все его тело. Еще больше голосов выкрикнули крики тревоги, и тяжелый топот сапог послышался слева и справа от него. Копье просвистело у него над головой и вонзилось, дрожа, в землю, всего в одном метре от него. Он подпрыгнул в воздухе, отскочив от стены, и еще одно копье впилося в землю на то место, где он только что стоял. Согнувшись чуть ли не наполовину, он побежал к саду, который был разбит между отражавшимися в свете факелов бассейнами, слившись с одной из сотен теней.

— Стража! — раздались громкие голоса. — Стража! Общайте сады! Найдите его!

Конан наблюдал за ними от самого края деревьев, и его зубы оскалились в злом рычании. Солдаты бежали вокруг двorca, как муравьи из разворошенного муравейника. Похоже, что в эту ночь ему не удастся больше попасть во дворец. Боль пробежала по его телу, и мышцы свело спазмой, заставив его перегнуться пополам. Широко раскрыв рот и хватая судорожно воздух, он силой воли заставил себя распрямиться. Его рука сжала покрытую шелком рукоять странного оружия.

— Я еще жив, — прошептал он, — и я не умру, пока не придет мой час.

Производя не больше шума, чем ветер, гоняющий сухие листья, он растворился в темноте.

Найпал устал, не веря своим глазам, на свою спальню, превращенную в обломки, делая все, что возможно, чтобы не обращать внимания на страшную вонь от разложения, которая висела удушливым смрадом в воздухе. Крики солдат, ищущих непрошенного гостя, не дошли еще до его ушей. Только то, что было сейчас в этой комнате, имело значение и было реальностью, и такой, которая наполнила холодом его живот от страха и раскалывала его виски от головной боли. Он все еще

с жутким восхищением смотрел на воина в кожаных доспехах. Череп ухмылялся ему из-под старинного шлема. Кости и труха — вот все, что осталось от его воина. Его воина, который не мог быть убит. Первый солдат армии, которая не могла погибнуть. Во имя всех богов, *как* это могло случиться? С усилием он оторвал свой взор от скелета в кожаных доспехах, но неизбежно его глаза упали на длинный золоченый ларец, который лежал на боку среди обломков слоновой кости, которая была столиком, открытый и пустой. Пустой! Обломки искусно вырезанной слоновой кости были единственным, что осталось от оправы колдовского зеркала, предупреждающего об опасности, а от самого зеркала остались одни осколки. Крякнув, он наклонился, чтобы подобрать с десятков осколков зеркала, лежащих на полу. Однако в каждом осколке, независимо от его размера, отражалось лицо человека, лицо, которое теперь уже не менялось. Он с удивлением изучал это мрачное лицо на осколках, его густую гриву черных волос, удерживаемых кожаным ремешком, его странные глаза цвета сапфира и суровое, злое рычание варвара, обнажившее его зубы. Колдун знал, кому принадлежит это лицо. Человеку, который называл себя Патилом. Тот самый простой варвар, о котором говорил Карим Сингх. Но зеркало, даже его осколки, могли показывать только то, что угрожал его планам. Неужели «простой» варвар мог это сделать? Неужели простой варвар смог найти его так быстро? Смог разбить стекло и украсть оружие демона? Убить того, кого было невозможно убить? Осколки зеркала выпали из пальцев Найпала, когда он прошептал слово, которому не верил, не хотел верить. «Пан-кор».

— Что ты сказал? — спросил его Карим Сингх, входя в комнату.

Вазам старался не смотреть на жуткий скелет в кожаных доспехах, лежащий на полу.

— Ты выглядишь очень изможденным, Найпал. Слуги Кандара наведут здесь порядок, а его солдаты найдут и рассчитаются с этим чужаком. Тебе надо от-

дохнуть. Я не хочу, чтобы ты рухнул без сил, прежде чем ты сможешь служить мне как своему царю.

— Мы должны выступить немедленно, — сказал Найпал.

Он потер виски кончиками пальцев. Напряжение этих последних дней уже стало показываться на его лице, и ему теперь пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы изобразить подчинение.

— Скажите Кандару, чтобы он собрал своих солдат.

— Я тут кое о чем думал, Найпал. Какое будет иметь значение, если мы подождем несколько дней? Скоро начнутся дожди, и кусающие мухи, говорят, не так жалят после дождей.

— Глупец! — зарычал колдун, и челюсть Карима Сингха отвисла. — Ты будешь служить мне, как царь? Если ты будешь ждать, ты не будешь царем, ты будешь пищей для собак!

Глаза Найпала снова упали на осколки стекла.

— И скажи Кандару, что нам нужно больше солдат. Скажи ему, пусть оголит гарнизон форта, если нужно. Что касается твоих «страшных» мух, то обычное легкое заклинание сумеет справиться с ними.

— Губернатор не очень надежен и нервничает, — сказал дрожащим голосом Карим Сингх. — Он повинует, но я знаю, что он не поверил моим доводам о том, что надо арестовать детей-беспризорников. Зная напряженное настроение в городе, он может отказаться выполнить этот приказ, и даже если он повинует, он, без сомнения, пошлет гонцов в Айдохью, к Бандаркару.

— Не бойся Бандаркара. Если ты и должен бояться кого-нибудь...

Голос Найпала был мягким, но глаза его горели таким огнем, что Карим Сингх отступил на шаг назад и, казалось, с трудом дышал.

— Скажи губернатору, что если он бросит мне вызов, я иссушу его плоть, отстегую его плетью и брошу его на улицу с отрезанным языком, как бродягу, чтобы он мог увидеть, как его жен и дочерей продадут в бордели. Скажи ему это!

И *вазам* Вендии побежал, как послушный, покорный слуга. Найпал снова с усилием вернул свой взор к осколкам стекла, повторяющим сотней изображений лицо варвара.

— Ты не сумеешь победить, *пан-кор*, — прошептал он. — Я еще одолею тебя и выйду из боя победителем.

Глава 21

Ордо был прав, когда говорил об улице Снов, подумал Конан, впервые увидя ее в бледном сером свете рассвета. Его жеребец медленно шел по грязной дороге, пробираясь между грязными лужами нечистот и отбросов, поросших сорняком и чертополохом. Дома были как черепа, смотревшие пустыми глазами окон на прохожих. Крыши просели на многих домах, и еще больше крыш рухнуло от времени внутрь, ломая сгнившие стропила. Стены скособоились и накренились, а многие просто рухнули на землю и лежали кучей щебня и кирпича, обнажив внутренние помещения, заселенные крысами и тараканами. Время от времени оборванные, крадущиеся фигуры появлялись у дверей или пробегали по улице позади него. Люди на улице Снов напоминали суетящихся мышей и крыс, сидящих в своих норах, опасаящихся высунуть свой нос на улицу, на солнечный свет. Вонь от гниения и плесени наполняла воздух. Да уж, сны здесь действительно были ужасные, подумал Конан. Ужасные, кошмарные сны. Ему было нетрудно найти заброшенный храм. Это было здание с куполом, в котором зияли большие отверстия, сквозь которые порхали голуби. Когда-то колоннада из восьми флейтообразных мраморных колонн стояла перед входом в храм, теперь же три из них лежали, поваленные, на земле. Две колонны разлетелись на куски по всей улице, и сорняки буйно росли, покрывая густой растительностью края обломков. От третьей колонны остался один толстый обломок. Часть внешней стены также рухнула, обнажив то, что когда-то было похоже на мраморные

блоки, но на самом деле было камнем, покрывающим обычные глиняные кирпичи. Отверстие в стене было достаточно широким, чтобы внутрь помещения мог въехать человек верхом на лошади. Ничто не напоминало ему о присутствии контрабандистов, но мрачный интерьер помещения говорил о том, что им было нетрудно здесь спрятаться. Или даже количество людей, превышающее отряд Ордо в десять раз. Конан обнажил свой меч. Ему пришлось наклонить голову, когда он въехал внутрь сквозь темную зияющую брешь в стене. Он очутился в большом зале, в котором царил полумрак. Треснувшие плитки пола были покрыты пылью, сломанными кирпичами и щебнем. Толстые колонны и столбы, подпирающие потолок, были сделаны из дерева, но уже наполовину сгнили от времени. В самом дальнем углу помещения находился мраморный алтарь. Его края потрескались и были сбиты, но какому богу он был посвящен — сказать было невозможно. Прежде чем жеребец успел сделать три шага вперед, Ордо появился перед ним, выйдя из-за одной из деревянных колонн.

— Уже давно пора тебе появиться здесь, киммериец. Я уже почти решил, что на этот раз тебе пришел конец.

Энам и Шамил тоже вышли из укрытия с луками наготове. У обоих были свежие повязки на голове и на руке.

— Мы не знали, что это был ты, — сказал молодой туранец. — В следующей, дальней комнате на костре жарятся голуби, так что закуси, если ты проголодался.

— Мы попытались утаить запах голубей от нежеланных гостей, — сказал, сплюнув, Энам. — Люди здесь, как настоящие змеи. Они готовы наброситься на любого человека с едой, как стая голодных злых крыс.

Конан кивнул и спрыгнул с седла. Как только он коснулся ногами пола, он вынужден был удержаться за кожаное стремя, чтобы не упасть; боль и головокружение не вернулись, но их место заняла слабость.

— Я не видел еще таких людей, как они, — сказал он. — В Туране или Заморре от нищего до обитателя

дворца — немалое расстояние, но здесь... Здесь, похоже, это как две непохожие друг на друга страны.

— Вендия — страна резких контрастов, — сказал Канг-Хоу, приближаясь с тыльной части полуразрушенного здания.

— Она похожа на дыню, гниющую изнутри, — сказал Конан.

— Это слива, которая уже перезрела и которую давно пора сорвать.

Слабость уже почти прошла.

— Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда с армией за своей спиной и сорву ее.

— Многие уже так говорили, — ответил кхитаец, — но кшатрии все еще правят здесь. Простите мою поспешность, но Ордо сказал мне, что вы были во дворце Кандара в эту ночь. Вы не нашли там мою племянницу? Или леди Виндру?

— Я не сумел их найти в этот раз, — сказал мрачно Конан. — Но я сделаю это прежде, чем мне придет конец.

Лицо Канг-Хоу не изменило своего обычного выражения, и все, что он сказал, было:

— Хасан говорит, что нужно вытащить голубей из огня. Он сказал, что их надо съесть, пока мясо не остыло.

— У этого человека сердце, наверное, сделано из камня, — пробормотал Ордо, когда остальные контрабандисты последовали за кхитайцем к костру.

— М-да, он довольно крепкий человек для купца, — согласился Конан.

Он развернул шелк на странном оружии, которым он убил воина во дворце Кандара, и передал его другу.

— Что ты думаешь об этом?

Ордо широко разинул рот, когда шелковая материя упала на пол, обнажив серебристое лезвие, мерцающее в темноте помещения.

— Колдовство! Как только я услышал об этом твоём колдуне, я должен был сразу же повернуть лошадь в противоположном направлении.

Его единственный глаз прищурился, когда он внимательно взгляделся в оружие.

— Это оружие не имеет никакого смысла, киммериец. Рукоять двуручного меча для короткого лезвия?..

— Этот клинок поразил человека или какую-то вещь, которую не мог задержать мой меч, — сказал Конан.

Одноглазый вздрогнул и поспешно обернул шелк вокруг меча.

— Я ничего не хочу знать об этом. На, держи.

Он пожевал губами, когда киммериец снова сунул его себе за пояс, и сказал:

— Я так и не знаю, что случилось с Гурраном. Как ты провел целую ночь без его лекарства?

— Я провел ее отлично и куда лучше, чем раньше, когда я пил эту гадость, — хмыкнул Конан. — Пошли. Я так голоден, что смогу съесть дюжину этих голубей. Пора съесть парочку птичек прежде, чем они исчезнут в желудках наших друзей.

В задней части храма находились две большие комнаты без окон; в одной из них не было крыши. В этой комнате и был разведен костер, другая комната была использована как стойло. Энам и Шамил сидели на корточках перед огнем, жадно глотая куски поджаренного голубя. Кхитаец ел куда более аккуратно, в то время как Хасан сидел, нахмурившись, облокотившись на стену спиной и обхватив ноги коленями и как бы зло рыча на весь мир.

— Где Кай-Ше? — спросил Конан.

— Она ушла задолго до первых лучей солнца, — сказал Ордо с набитым ртом, — чтобы узнать, что еще происходит в городе.

— Я уже вернулась, — сказала Кай-Ше, стоя у двери в комнату, — и снова узнала много и мало. Мне потребовалось некоторое время, чтобы вернуться, потому что в городе очень опасно и люди озверели, как животные. Разъяренные толпы бродят по улицам, и бандиты используют хаос, чтобы грабить и насиловать.

Так как я — женщина и была без сопровождающего, меня дважды чуть не атаковали.

— Ты передвигаешься совершенно бесшумно, — похвалил ее Конан. Он мог поклясться на что угодно, что те люди, которые «чуть ли» не атаковали ее, могли забыть об этом навсегда... если они вообще остались в живых после этого.

— Так что ты узнала из многого и немногого сегодня?

Все еще одетая в свое вендийское платье, Кай-Ше неуверенно взглянула на Канг-Хоу, который просто вытер губы шелковой салфеткой и ждал.

— На рассвете, — начала она медленно, — Карим Сингх вступил в город. Вместе с ним в городе появились колдун Найпал и князь Кандар. Они забрали солдат из форта, увеличив число своих солдат почти до тысячи, и покинули город, отправившись на запад. Я слышала, как один солдат говорил, что они пошли к Лесам Гендали. Сундуки, которые тебя так интересуют, были упакованы на вьючных мулах, которых они взяли с собой.

Несколько секунд Конана раздирала неопределенность и неуверенность. Карим Сингх и Найпал могут спастись от его мести. Было невозможно наверняка сказать, как много времени у него осталось, прежде чем яд полностью охватит его тело. И в то же время он знал, что была только одна возможность и только одно решение.

— Если они взяли с собой такое количество солдат, — сказал он, — то очень небольшое количество солдат сможет остаться во дворце Кандара, чтобы сторожить Виндру и Чин-Коу.

Глаза Кай-Ше опустились к полу, а ее голос стал простым шепотом.

— С ними были две женщины, покрытые вуалями, но полностью обнаженные и привязанные к седлам мулов. Одна из них была Чин-Коу, другая — вендийской женщиной... Прости меня, дядя. Я видела ее, но ничего не могла сделать.

— Тут нечего прощать, — сказал Канг-Хоу, — так как ты не допустила никакого промаха. Любой промах в этом случае — только мой.

— Возможно и так, — сказал тихо Конан, — но я думаю, что обе женщины очутились в лапах этих зверей только по моей вине. И это значит, что я должен сделать все, чтобы спасти их. Я не имею права просить любого из вас идти со мной на это дело. Не говоря уже о том, что на пути к их спасению стоит тысяча солдат, вы также знаете, что в этом деле замешан колдун, а он будет там, куда я направлюсь.

— Не будь глупцом, — зарычал Ордо, а Энам добавил:

— Береговое Братство не бросает своих в беде. Пританис никогда этого не понимал, но я понимаю, и очень хорошо.

— У него в руках Чин-Коу! — вырвалось у Хасана. — Неужели вы думаете, что я буду сидеть здесь сложа руки, в то время как Митра знает, что он может сделать с ней?

Казалось, что он готов был сразиться с Конаном, если нужно.

— Что касается меня, — сказал Канг-Хоу, мягко улыбнувшись Хасану, — она, конечно, всего-навсего моя племянница.

Лицо молодого туранца залилось краской смущения.

— Это вопрос семейной чести.

Шамил нервно засмеялся:

— Ну что ж, я не буду единственным, кто останется здесь. Я хотел приключений, и никто не может сказать, что это маленькое приключение.

— Тогда нам пора отправляться в путь, — сказал Конан, — прежде чем они успеют удрать от нас.

— Терпение, — сказал серьезно и строго Канг-Хоу. — Леса Гендали находятся на расстоянии десяти лиг отсюда, а тысяча людей путешествует гораздо медленней, чем шесть человек. Пусть же нас не постигнет неудача из-за отсутствия подготовки. В лесах множество жалящих мух, но я могу приготовить мазь, которая поможет нам.

— Мухи? — пробормотал Ордо. — Жалящие мухи? Колдуна для нас недостаточно, киммериец?

Когда мы покончим с этим, ты должен мне за этих мух.

— Возвращение в Гвандиакан может быть опасным делом, — посетовала Кай-Ше. — Вскоре в городе начнется бунт. На расстоянии одной лиги от леса есть, по словам людей, колодец; когда-то это было место остановки для караванов, в старые времена, но с тех пор он давно заброшен. Там я буду поджидать вас с едой и одеждой для Чин-Коу и Виндры. И с новостями о том, спокойно ли в городе. Я нарисую для вас карту.

Конан знал, что они были правы. Как часто он сам (в свои бывшие дни, когда он был вором) усмеялся над другими, когда они недостаточно подготавливались к делу — и в результате их ожидала неудача?.. Но сейчас он только мог стиснуть зубы и заскрипеть ими от раздражения и бессильного гнева, что ему придется снова ждать, хотя бы и несколько минут. Время и знание того, что яд все еще находится в его жилах, давили на него. Но он должен был увидеть Виндру и Чин-Коу свободными (а Карима Сингха и Найпала — мертвыми), прежде чем он сам умрет. Он поклялся себе в этом именем Крома.

Глава 22

Когда он ехал на лошади среди высоких деревьев Лесов Гендали, Конан не был уверен в том, что мазь Канг-Хоу была не хуже, чем укусы жалящих мух, которых она должна была отгонять. В ней, правда, не было никакого неприятного запаха, но ощущение от ее прикосновения было таким, как если бы его окунули в ванну с нечистотами. Лошадям, которых помазали этой мазью, она нравилась не больше, чем людям. Он хлопнул одну из мух, которая не испугалась даже едкой мази (укус насекомого был похож на раскаленную иглу, которую ему воткнули в руку), и скорчил физиономию, увидев несколько маленьких

роев, которые окружали их крошечный отряд. Если вдуматься, возможно, эта мазь была не такой уж и плохой. Покров леса вздымался и часто смыкался листвой над их головой. Многие деревья достигали в высоту более тридцати — тридцати пяти метров. Их высокие толстые ветви были покрыты густой листвой, почти не пропуская внутрь солнечный свет, а тот, который все же пробивался сквозь них, казалось, был зеленоватого оттенка. Стаи длинноногих юрких обезьян прыгали с дерева на дерево, цепляясь за лианы и ветви. Казалось, что тысячи «ручьев» коричневой шерсти перекатывались по деревьям во всех направлениях. Многочисленные стайки пестрых птиц (у некоторых из них были длинные, очень красивые разноцветные, переливающиеся, как у фазанов, хвосты) громко кричали с высоких веток, в то время как другие перелетали, как красивые цветные молнии на фоне зеленой листвы вверх и вниз.

— В степях Заморры нет таких мух, — проворчал Ордо, хлопнув себя по щеке. — Я мог бы быть сейчас там, вместо того чтобы быть здесь, если бы у меня была голова на плечах. В степях Турана тоже нет таких мух. Я мог бы быть там...

— Если ты не заткнешься, — пробормотал Конан, — то единственное место, где ты будешь, это где-нибудь рядом с этой прогалиной. И ты будешь мертвецом, скорее всего оставшись лежать там, где ты упадешь, на объедение мухам. Или ты думаешь, что солдаты Кандара глухие?

— Они не услышат ничего, кроме ветра и этих проклятых Митрой птиц, — ответил одноглазый, но замолчал.

Если говорить начистоту, то Конан не знал, насколько близко (или далеко) от них находятся вендийцы. Тысяча человек оставили бы тропу, которую невозможно было бы не заметить, но земля была влажной и болотистой, впитывающей воду, как губка. Почва была скользкой от тысяч лет медленного, непрерывного гниения, и следы в такой почве было

невозможно отличить от тех, что были сделаны пять часов тому назад или пять минут назад. Однако киммериец знал, что день уже почти закончился, так как он уже не мог больше видеть солнца. То, что они потратили изрядное количество времени на езду, делало это очевидным, и зеленоватый свет уже тускнел. Конан не думал, что солдаты смогли бы идти в темноте. Внезапно он резко осадил лошадь, заставив и остальных сделать то же самое, и напряженно вглядывался в то, что находилось впереди них. Громадные блоки из камня, заросшие плющом и диким виноградом, толщиной в руку взрослого мужчины, образовали широкую стену высотой до двадцати метров. Стена тянулась на север и юг, насколько ее мог охватить глаз в сумеречном зеленоватом свете. Прямо перед ним вырос вход с двумя башнями справа и слева, хотя сами ворота, которые когда-то закрывали его, давно уже исчезли. Свидетельством того, что с тех пор, когда стояли эти ворота, прошло много веков, было громадное баньяновое дерево, которое выросло прямо посередине. Киммериец видел и другие тени зданий среди буйной растительности, поглотившей крепость и город, массивные руины среди деревьев. И тропа, ведущая внутрь крепости, шла именно через эти ворота.

— Неужели они проведут здесь ночь? — спросил Ордо. — Даже сами боги не знают, что может скрываться в таком месте.

— Я думаю, — сказал медленно Канг-Хоу, — что это может быть то место, куда они собирались идти.

Конан взглянул на него с любопытством, но щуплый купец больше ничего не сказал.

— Тогда мы пойдем вперед, — сказал киммериец, соскочив с седла. — Но мы оставим лошадей здесь.

Он продолжал говорить, увидев, что рты его друзей протестующе открылись.

— Человеку куда легче будет спрятаться, если он пеший, а мы должны быть как хорьки, прячущиеся в кустах. В этом месте — тысяча вендийских солдат, не забывайте об этом.

— Это сразу отрезвило их. Оставить хотя бы одного человека с животными, решил Конан, будет хуже, чем бесполезно. Это уменьшит их небольшой отряд на одну саблю, а человек, оставшийся позади, не сможет сделать ничего, если вендийский патруль появится перед ним. Они все войдут одновременно в город. Конан с мечом в руке был первым, кто вошел в старинные ворота. Ордо шел следом за ним. Энам и Шамил прикрывали тыл со стрелами, лежащими наготове на тетивах их луков. Стоявший в середине отряда Канг-Хоу казался безоружным, но киммериец мог поклясться на что угодно, что метательные ножи купца лежали наготове в его длинных руках. Конан видел разрушенные города и прежде, некоторые были покинуты много веков назад, другие — даже более тысячи лет. Некоторые стояли на вершинах гор, пока земля не затряслась и не похоронила их. Другие стояли в пустыне, под вечными ветрами, которые медленно точат камни, так что тысячу-две лет чьи-то глаза смогут увидеть только обломки камней и подумают, что эти камни — всего лишь игра природы, напоминающая творение человека. Однако этот город был совсем иным, как будто какой-то жестокий бог, не желающий ждать, пока город медленно разрушается дождями и ветром, приказал лесу атаковать и поглотить все созданное человеком. Если они и шли по остаткам улицы, было совершенно невозможно сказать, действительно ли это была улица города, так как грязь, пыль и тысячи всевозможных растений покрыли все вокруг, и деревья росли на каждом шагу. Большая часть города вообще исчезла под ковром растительности, и не оставалось ни одного знака, что тут некогда находился большой могущественный город. Только самые массивные здания сохранились — дворцы и храмы. И даже они сражались с лесом, заранее зная, что эту битву они проигрывают. Колонны храма были настолько густо покрыты плющом и лианами, что только их регулярность и равномерное расположение говорили о их существовании.

вообще. В одном месте мраморные плитки дворцового портика заросли корнями гигантского дерева, в другом — стена из белого алебастра, теперь уже зеленая от плесени и мха, накренилась от растущего под ней другого массивного дерева. Шпили лежали, поваленные, на земле, и обезьяны, весело вереща, резвились на треснувших куполах храмов и дворцов, когда-то сверкающих позолотой, а теперь обвитых зеленью, лишайниками и лианами. Все в отряде чувствовали давящее напряжение и подавленность, исходившие от руин, но ни Конан, ни Канг-Хоу не позволили себе дать это почувствовать, по крайней мере внешне. Киммериец просто не мог себе позволить такую роскошь, как слабость в эту минуту. Время было дорого, да и кроме того, он не был уверен, что у них его осталось достаточно. Он брел по руинам в сгущающихся сумерках, напряженно вглядываясь в окружающую местность, его глаза пытались пронзить зеленые сумерки и тени, лежащие впереди.

И вот впереди показалось кое-что. Огни. Сотни рассеянных, разбросанных огней, сверкающих в сумерках таинственного леса, как гигантские бабочки. Конан почти ничего не видел с земли, но ближайшие лианы, как лестницы, свисали с балкона здания, которое когда-то, вероятно, было дворцом. Сунув меч в ножны и привязав колдовской меч за спину, киммериец стал карабкаться по одной из самых толстых лиан наверх. Другие последовали за ним так же ловко, как и обезьяны в лесу. Присев на корточках позади позеленевшей от времени и мха балюстрады, Конан внимательно вглядывался в огни. Это были факелы, установленные на вершине копий и шестов, воткнутых в землю, и они образовывали большой круг. Большая группа всадников-вендийцев окружала каждый факел, спешившись и нервно ощупывая рукоятки своих мечей, одновременно напряженно вглядываясь в стену растительности и леса, окружающую их. Как ни странно, ни одно из насекомых не было привлечено светом факелов.

— Похоже, что их мазь действует лучше, чем твоя, кхитаец, — пробормотал Энам, хлопнув себя по лбу и расплющив еще одного слепня.

Все остальные молчали. Всем было ясно, что охраняли солдаты. Большое кольцо факелов окружало здание, которое было более массивным, чем все, которые Конан видел до сих пор в мертвом городе. Покрытые колоннами террасы и огромные купола вздымались на высоту, которая превышала в два раза самые высокие деревья-великаны в лесу, и в то же время многие большие деревья, в свою очередь, тянулись из щелей в этих террасах, превращая громадный комплекс зданий в маленькую гору.

— Если они находятся там, — сказал мягко Ордо, — то как, во имя Девяти Адов Зандру, мы найдем их в этом месте? Тут не меньше ста лиг коридоров и больше помещений, чем может сосчитать человек.

— Они находятся здесь, — сказал Канг-Хоу. — И я боюсь, что мы найдем там больше, чем только этих людей.

Конан резко посмотрел на купца.

— Ты знаешь то, чего не знаю я, не так ли?

— Я *ничего* не знаю, — ответил Канг-Хоу, — но я очень многого опасаясь.

После этих слов он схватился за лиану и стал спускаться вниз. Конану ничего больше не оставалось делать, как только последовать за ним. Очутившись на земле, киммериец снова возглавил отряд. Две женщины были с Кандаром, а Кандар, вне всякого сомнения, был с Каримом Сингхом и Найпалом. В этом громадном здании, сказал Канг-Хоу, и несмотря на все отрицания и отговорки, Конан был уверен, что этот человек что-то знает. Ну что ж, будь что будет, подумал он. Между рядами солдат большие щели, в которые легко проникнуть, и можно было бы легко избежать тех немногих солдат, которые на конях патрулировали около факелов. Кусты и ползучие растения росли в щелях между мраморными блоками громадной лестницы дворца и приподняли плитки широкого портика у его основания.

Высокие бронзовые двери стояли широко раскрытыми, покрытые толстыми листьями и корнями плюща, которые говорили о многих веках, с той поры когда их сдвинули с места. С мечом в руке Конан пошел вперед. Позади себя он услышал тихие, хриплые звуки, когда его друзья открыли рот от изумления, но он знал, что послужило им причиной, и поэтому даже не оглянулся. Его глаза смотрели прямо перед ним. От огромного портала широкий проход, выложенный красными плитками с золотыми листьями, шел между толстыми колоннами к огромному центральному залу под куполом, который вздымался в высоту. Киммериец подумал, что высота купола была не меньше ста метров. В самом центре этого зала стояла мраморная статуя, нетронутая временем. Кожа Конана покрылась гусиной кожей, а по спине побежал холодок при виде кожаных доспехов этой фигуры, которые были вырезаны с большой детальностью, чтобы жизненность статуи была абсолютно совершенной. Однако вместо шлема с носовой перегородкой сияющая корона увенчивала громадную голову.

— Неужели это золото? — вырвалось у Шамила, когда он уставился на статую.

— Думай о том, что надо делать в эту минуту, — зарычал Ордо, — иначе ты не проживешь достаточно долго, чтобы думать о золоте.

Однако его глаза так же блеснули, как если бы он подсчитал вес этой короны до легкого пера.

— Я думал, что это была только легенда, — выдохнул Канг-Хоу. — Я надеялся, что это была только легенда.

— О чем это ты тут говоришь? — требовательно спросил Конан. — Это уже не первый раз, когда ты даешь нам понять, что ты знаешь что-то об этом городе. Я думаю, что пора рассказать нам всем, что тебе известно.

На этот раз кхитаец согласно кивнул.

— Две тысячи лет назад Орисса, первый царь Вендии, был похоронен в склепе, построенном в его столице, городе Махарастра. В течение пяти веков после его смерти ему поклонялись, как богу, в храме, который

был построен на месте его гробницы и где была сооружена большая статуя Ориссы с золотой короной на голове. По преданию она была сделана из корон и скипетров всех царств и стран, которые он покорил. Потом в войне за трон Махарастра была захвачена одной из враждующих стран, разграблена и покинута жителями. С течением времени само место, где находился город, было забыто. До этого момента.

— Это все очень интересно, — сказал сухо Конан. — Но это не имеет никакого отношения к тому делу, из-за которого мы очутились здесь.

— Напротив, — сказал ему Канг-Хоу. — Если моя племянница погибнет, если мы все погибнем, то прежде, чем это случится, мы должны остановить Найпала, иначе он развяжет мешок с дьявольскими силами, с тем, что находится в гробнице под храмом. Легенда, которую я слышал, говорит очень смутно об ужасе, который не должен быть выпущен на свободу, но предсказание, пророчество связано с ним. И я помню эти слова: «...Армия, которая не может погибнуть, снова пойдет в поход в тот момент, когда окончится само время и настанет страшный суд Богов».

Конан взглянул на каменные доспехи статуи и покачал упрямо головой.

— Я пришел сюда, чтобы освободить женщин, это главное. А потом я разберусь с Найпалом и теми двумя.

Сапоги, дробящие камушки, послышались слева от него в зале, и киммериец резко извернулся с мечом, который как будто сам просился ему в руки. Вендийский солдат с выпученными от боли глазами схватился за нож в его горле и медленно осел на каменный пол. Канг-Хоу поспешил к мертвецу и вытащил свой металлический нож из его горла.

— Кхитайские купцы, похоже, крепкие орешки, — сказал скептически Ордо. — Возможно, мы должны включить его в долю, когда будем делить эту корону.

— Сначала то, что надо сделать в этот момент, — хмыкнул Конан. — Помнишь?

— Я не говорю, что надо забыть о женщинах, — проворчал одноглазый, — но почему бы нам заодно не прихватить с собой и корону?

Конан не обратил внимания на его слова. Он куда больше интересовался тем, откуда пришел этот солдат. Только одно отверстие (и оно находилось близко от трупа) вело к ступеням, ведущим вниз, в подвальные помещения храма. У самого основания этих ступеней он видел маленький огонек, похожий на факел.

— Спрячьте вендийца, — приказал он. — Если кто начнет искать его, они сразу поймут, что рана на его груди нанесена отнюдь не обезьяной.

Нетерпеливо поигрывая мечом, он ждал, пока Хасан и Энам унесут труп в темный коридор и вернуться назад.

Не говоря ни слова, он стал спускаться в подземелье по широким ступеням.

Глава 23

В громадном помещении с высокими потолками глубоко под храмом, когда-то посвященным Ориссе, Найпал снова задержался в своих приготовлениях, чтобы взглянуть с напряженным ожиданием и нетерпением на проход, на дверь, ведущую к его власти. Многие двери вели в это помещение, и тысячи переходов и тоннелей пересекались по несколько раз в лабиринте под храмом. Эта огромная мраморная арка, на каждом камне которой были начертаны символы колдовства и заклинаний, была загорожена гигантской массой того, что казалось на первый взгляд гладким камнем. Это действительно было похоже на камень, но меч отскакивал от стены, как от стали, и оставлял даже меньше царапин на ней, чем на металле. А весь проход к гробнице, который был не менее ста шагов в длину, был закрыт адамантиновой массой, как говорила старинная карта, начертанная Масроком. Колдун покачнулся от усталости, но сладкий запах успеха,

который был так близко, заставил его идти вперед, подавляя даже страшную головную боль.

Он расположил пять *корасани* на их золотых треножниках на краях аккуратно вычисленного актагона, который он начертил на мраморных плитках пола углем, приготовленным из сожженных костей девственниц. Установив самый большой из гладких черных камней на треножнике, он широко развел руки в черных рукавах и начал нараспев читать первое заклинание:

— *Кама-ин да-эль! Ди-ин-вар хой-лар! Кора мар! Кора мар!*

Все громче и громче звучало его заклинание, отражаясь эхом от стен, звеня колоколами в ушах, раскалывая болью череп. Карим Сингх и Кандар зажали свои уши ладонями и застонали. Две женщины, полностью обнаженные (если не считать их вуалей), сидели у стены, связанные по рукам и ногам, и выли от боли. Только Найпал держался и не издал ни одного стоны, наслаждаясь реверберацией, которая коснулась даже его костей. Это была музыка силы. Его Силы. Огненные полосы метнулись с самого большого *корасани* к остальным камням, а затем с маленьких камней — к своим пылающим собратьям, образовав октаграмму ослепительно сияющего огня. Воздух между горящими струями пламени дрожал и перекачивался волнами, как будто пламя было растянуто до толщины газовой материи, и все оно гудело и трещало от ярости.

— Ну вот — сказал Найпал. — Теперь охраняющие гробницу демоны, Сивани, отгорожены от этого мира, пока они не будут вызваны по имени.

— Все это замечательно, — пробормотал Кандар. Но в действительности зрелище колдовской силы Найпала весьма умирило его дерзость и заносчивость. — Но каким же образом мы попадем в гробницу? Мои солдаты не смогут пробить тоннель через эту стену. Сможет ли пламя твоих камней расплавить то, что чуть не сломало лезвие моей сабли?

Найпал уставился на человека, который должен был возглавить армию, которая была похоронена в

гробнице в ста шагах от них (или, по крайней мере, человек, о котором мир будет думать, что он ее возглавляет), и наблюдал с удовлетворением, что его самоуверенность съезжилась еще больше. Колдуну не нравились те, кто не мог сосредоточить свои мысли на главном. Настойчивость Кандара в том, что женщины должны были наблюдать момент триумфа — его триумфа! — раздражала Найпала. В эту минуту Кандар был нужен ему, но (Найпал уже решил про себя это) в будущем ему придется заменить Кандара кем-то другим. А Кандар... Ну что ж, он сделал свое дело, и его гибель будет тихой и незаметной. Этот надменный петух уже давно раздражал колдуна. По крайней мере, Карим Сингх, стоявший в эту минуту с пепельным от страха лицом, покрытым бисеринками пота, был более послушен и внимателен. Вместо того чтобы ответить на его вопрос, Найпал спросил его острым как бритва тоном:

— Ты уверен, что мои приготовления выполнены тобой, как я приказал? Телеги, наполненные беспризорными детьми, должны уже прибыть сюда в эту минуту.

— Они придут, — ответил мрачно Кандар. — Скоро. Я послал своего телохранителя, чтобы он убедился в этом, не так ли? Но на это требуется время, чтобы собрать столько телег. Губернатор может...

— Молись, чтобы он выполнил только то, что ему приказано, — прорычал Найпал.

Колдун потерял свои виски. Все его замечательные планы теперь брошены в водоворот спешки и импровизации из-за этого проклятого *пан-кора*. Он быстро схватил последние четыре *корасани* из ларца из черного дерева и поставил их на золотые треножки. Они были так близко от тюрьмы демона, что вполне сгодятся для того, чтобы вызвать его. Он был достаточно осторожен и поставил треножки на большем расстоянии от остальных пяти камней, чтобы они не пересекли их своими лучами. Резонанс мог оказаться в этом случае смертельным. Но резонанса не будет, не будет никакой ошибки. Этот проклятый

голубоглазый варвар, это порождение демона будет побеждено.

— *Э'лас элойхим! Марраф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

Конан был очень рад лучам света, струившимся от дымных факелов, каждый из которых мерцал в темноте. В подземелье было больше сотни темных тоннелей, образующих громадный лабиринт, в котором было легко заблудиться, но факелы делали его дорогу более легкой и указывали ему путь. И в конце этого пути было то, что он искал. Внезапно киммериец напрягся. Позади него послышался топот ног. Множество стучащих по камню сапог.

— Они, должно быть, нашли тело, — сказал Ордо и бросил гневно-презрительный взгляд на Энама и Хасана.

Конан поколебался только одну секунду. Остаться здесь означало попасть в одним богам известно какую переделку.

— Рассыпаться, — приказал он. — Каждый должен найти свою дорогу, как может. И пусть удача самого Ханнумана будет с нами всеми.

Великан киммериец подождал только до того момента, пока его товарищи не исчезли в каждом из темных тоннелей, а потом выбрал сам один из них. Последние искорки света потухли позади него. Он замедлил свои шаги и пошел медленнее, ощупывая гладкую стену и осторожно ступая ногами на пол тоннеля, который он уже больше не видел. С мечом в руке он шел, вытянув вперед лезвие своего оружия и как бы пронзая им плотную темноту. Внезапно густая темнота перестала быть таковой... На мгновение он подумал, что это просто следствие того, что его глаза привыкли к перемене освещения, но потом он понял, что впереди снова появился источник света. Источник, который приближался к нему. Прислонившись спиной к стене, он ждал его приближения. Медленно, но верно источник света становился все ближе и ближе, и

было ясно, что он горит как факел. Фигура человека становилась все четче и четче. Но в руке его был не факел (хотя он и нес его так же, как факел), а скорее всего то, что было похоже на металлический стержень, увенчанный пылающим шаром. Челюсть Конана сжалась при виде этого явного колдовства. Но человек, приближающийся к нему, был не похож ни на одного из тех, кого он видел во дворце Кандара, он не был похож на того, кто, как он думал, был Найпалом. Но он сразу же узнал его, когда незнакомец остановился, взглядываясь в темноту перед собой, как бы чувствуя присутствие Конана. Это был Гурран, но Гурран, чей возраст уменьшился чуть ли не наполовину. Ему было не больше пятидесяти лет на вид.

— Это я, гербариус, — сказал киммериец, отступив от стены, — Конан. И у меня есть к тебе несколько вопросов.

Человек, который уже не был таким старым, отшатнулся и устался в недоумении на него.

— Ты действительно сумел получить один из этих кинжалов? Как?.. Впрочем, это не имеет значения. Этим оружием я смогу поразить демона, если нужно. Дай его мне!

Часть шелковой материи, должно быть, развернулась от ходьбы, понял Конан и обнажил слабо мерцающий металл серебристой рукояти. Он снова открыл материей оружие.

— Мне оно нужно, гербариус. Я не буду спрашивать о том, каким образом ты стал моложе и как ты сделал свой «факел», но что ты делаешь здесь, в эту минуту? И почему ты бросил меня умирать от яда после того, как мы очутились в самом центре Вендии?

— В тебе нет никакого яда, — пробормотал нетерпеливо Гурран. — Ты должен отдать мне кинжал. Ты не знаешь, насколько опасно это оружие.

— Никакого яда? — Конан сплюнул. — Он мучил меня уже не один день. Я не провел даже одной ночи без боли, которая выворачивала наизнанку мой желудок, и мои мышцы горели огнем, как от пытки. Ты

сказал, что ищешь противоядие, но ты оставил меня там — умирать!

— Глупец! Я дал тебе противоядие еще в Султанапуре! Все, что ты чувствовал после этого, — это просто твое тело пыталось избавиться от настоек, которые я давал тебе, чтобы ты думал, что ты все еще отравлен.

— Зачем? — спросил Конан.

— Потому что ты был нужен мне. Мое тело было слишком дряхлым, чтобы предпринять в одиночку это путешествие, но как только я увидел содержимое этих сундуков, я знал, что *должен* это сделать. Найпал собирается выпустить на свободу величайшее зло и страшную дьявольскую силу, и только я один могу остановить его. Но я должен получить этот кинжал!

Расширенные глаза Гуррана предупредили Конана так же, как и то, что свет в тоннеле стал ярче. Киммериец присел на корточки, быстро уйдя влево, после чего извернулся, как змея, и выбросил вперед лезвие своего меча. Вендийский тулвар рассек воздух над его головой, но его собственный меч впился до середины лезвия в живот врага. Умиравший солдат упал, а двое его товарищей, бегущих со всех ног к нему, прыгнули сверху на Конана. Могучий киммериец схватился с ними в свете их упавших факелов. Гурран исчез вместе со своим магическим факелом. Конан и оба солдата катались, ревя от злобы, по полу. Один из вендийцев закричал от боли, когда факел, лежащий на полу, зажег его одежду, а потом снова дико крикнул, когда лезвие кинжала вонзилось ему в спину. Руки Конана сомкнулись, как клещи, на шее солдата, который убил своего приятеля, в темноте приняв его за противника. Треск переломанных позвонков шеи был громким, сухим звуком в темной тишине подземелья. Но Конану не нужно было много света, чтобы подняться на ноги. Он без колебания развернул шелк, покрывающий странную материю, и взглянул на диковинное оружие. Гурран назвал его кинжалом, но какая чудовищная рука могла использовать его, подумал с недоумением киммериец. И оно могло убить демона. Какого демона? Но для

какой бы руки или предназначения ни было сделано это серебристое оружие, его мерцающее сияние было тусклым, но достаточным светом в темноте тоннеля, хотя этот свет был жутким голубым мерцанием, на который было нелегко смотреть. С его помощью Конан поднял с пола свой меч и снова медленно двинулся по тоннелю. Вскоре он услышал голоса, гулко отдававшиеся эхом в других проходах. Он с большим трудом определил их направление и мрачно пошел к ним.

Гром потряс помещение, и обсидиановая блестящая форма Масрока возникла в центре огненной клетки. Пятеро из восьми рук держали серебристое оружие и выглядели абсолютно идентичными, и все же было похоже, что их использовали совсем недавно. Эта мысль пульсировала в глубине человеческого мозга и шептала о жестокости и смерти. Карим Сингх и князь Кандар отступили от гигантской фигуры демона, хотя он и не мог коснуться их. Связанные женщины, казалось, окаменели от ужаса и шока при виде этого чудовища.

— Ты слишком тонко разрезал материя, о Человек! — загремел Масрок. Его рубиновые глаза метнулись к горящей пентаграмме, и этот взор, казалось, был нервным. Впрочем, возможно, это только показалось? — Задержка на один удар человеческого сердца, и остальные демоны бросились бы на меня. Кто тогда служил бы тебе, о Человек?

— Масрок, я приказываю тебе... — начал было Найпал, когда с десятков вендийских солдат ворвались в зал.

— Князь Кандар! — закричал один из них. — Кто-то сумел...

— Ты осмеливаешься прерывать меня? — завыл Найпал. Он произнес слово, которое заставило содрогнуться даже его самого, и молния сверкнула с самого большого из *корасани*. Одиноким вскриком пронзил воздух, и копать, только отдаленно напоминая солдата,

который закричал, упала на каменный пол. Солдаты с тюрбанами на голове и тульварам в руках бросились прочь из зала, крича от ужаса. Карим Сингх и князь Кандар пытались заговорить одновременно.

— Я не люблю, когда моих солдат убивают просто так, под руку! — крикнул зло Кандар.

— Донесение, должно быть, было важным! — вторил ему *вазам*.

Оба они плотно сжали зубы, когда темные глаза Найпала повернулись к ним.

— Умрет тот, кого я считаю нужным умертвить, и важно будет то, что я считаю важным. Вот *это* важно!

Колдун снова переключил свое внимание на демона, который равнодушно наблюдал за происходящим.

— Ты откроешь мне дорогу к гробнице, Масрок. Мне безразлично, как ты это сделаешь.

— Находясь в этой клетке? — ответил Масрок с остатками прежнего сарказма.

— Открой ее! Сейчас же!

На мгновение красные глаза демона встретились с глазами цвета черного дерева, и звук, который издал демон, заставил содрогнуться человеческую плоть. Однако это длилось только одно мгновение. Звук перешел в тончайшую вибрацию, которая пронзила уши людей острой болью, после чего его вообще не стало слышно. И в то же времядвигающиеся челюсти Масрока говорили о том, что он продолжал свой зов. Внезапно его зов был услышан. В зале были... было *что-то*. Что именно и сколько их находилось в зале, было просто невозможно сказать, так как было даже больно и страшно смотреть на них прямо и даже беглый взгляд не мог дать точного описания существ, так как их тела передвигались, не останавливаясь ни на секунду. Это были словно тени, но жуткие, страшные тени, которые могли бы вызвать кошмары на всю жизнь у увидевшего их человека. Клыки, с которых капала слюна и шипела на камень, как расплавленное железо, и тонкие как иглы шипы, напоминающие хрустальные иглы. Отражающиеся в свете факелов пластины их чешуи и крылья

чудовищ, которые, казалось, растягивались в бесконечность, — все это производило жуткое впечатление. Казалось, что их тела, когти и крылья уходили далеко-далеко отсюда (гораздо дальше, чем стены этого зала, это уж наверняка). Кандар стоял с посеревшим лицом, дрожа почти так же сильно, как и женщины, которые извивались в своих путах и выли от страха и отчаяния. Губы Карима Сингха двигались быстро и молчаливо; Найпал вдруг с некоторым удовлетворением и весельем понял, что *вазам* читает молитву. Колдун также понял, что жуткие чудовища, столь страшные для человеческого глаза, послушно склонились перед Масроком, который пригвоздил их к месту своим огненным взором. Возможно, подумал колдун, он вызвал и держал на цепи более могущественные силы, чем планировал вызвать. Это только усилило его желание вернуть демона в темницу, которую он делил с остальными своими собратьями. Человеческие черепа, служащие орнаментом Масроку, застучали друг о друга, когда он поднял одно из своих серебристых пылающих копий и указал им на забитый странным камнем проход. Жуткие существа бросились к алмазной глыбе и стали царапать ее когтями, кусать и пожирать большие куски камня своими страшными острыми зубами. Масса дьявольских созданий постепенно, медленно прогрызала камень, оставляя за собой щель, достаточно большую, чтобы в нее вошел человек.

— Очень впечатляюще, — произнес чей-то голос от одного из входов в зал.

Найпал резко повернулся, готовый произнести слово, которое бы снова бросило молнию в дерзкого человека с одного из *корасани*, и казалось, что сердце в его груди превратилось в кусок льда от ужаса.

— Заил Бал, — выдохнул он и широко раскрыл рот. — Ты ведь мертв!

— Ты никогда неверишь своим глазам, Найпал, — сказал незнакомец, — когда ты хочешь верить только тому, что хочешь видеть. Разумеется, у тебя есть на это причина. Ты видел, как меня унес *раджайе* прямо

на глазах у царя и придворных. — Темные глаза Заил Бала сузились. — И многие из моих амулетов были хитро подменены или заморожены. И все же я сумел убить всех напавших на меня демонов, хотя и не без труда для себя, это правда, это стоило мне немало. Я очутился на берегах Вилайета в дряхлом теле старика и слишком старом, чтобы пройти даже одну лигу.

Его огненный взор упал на заключенного в клетку Масрока, который молчаливо смотрел на смертных людей, а потом на проход, в котором исчезли дьявольские создания.

— Ты неплохо справлялся со своими делами в мое отсутствие, мой ученик Я не мог найти это место до моего... м-мм... происшествия.

— Я больше не являюсь твоим учеником, — зарычал Найпал. — Я — придворный маг! Я — повелитель!

— Ты — повелитель? — Голос Заил Бала был сухим и жестким. — Карим Сингх может сесть на свой трон, а Кандар может называть себя генералом, но армия, которая лежит там, внизу, будет сражаться для меня, Найпал, а не для тебя. Демон будет служить *мне*.

Глаза Найпала метнулись к *корасани*. Неужели он осмелился на это? Он даже не подозревал, что Заил Бал тоже искал место гробницы Ориссы, и этот факт поднял много неприятных гипотез. Ему не стоит рисковать тем, что бывший придворный маг, возможно, тоже знал заклинание власти... Стоит ли ему также рисковать вступить в борьбу с ним, не зная наверняка этого факта? Ну что ж. Если один из них начнет проносить слова заклинания, то другой тоже сделает это. Природа этих камней такова, что они могли подчиняться только одному повелителю. Если ни один из колдунов не сумеет достаточно быстро получить контроль над ними, оба мага погибнут, как, впрочем, и все живое в радиусе десятка лиг. Найпал отнюдь не собирался забирать с собой в могилу своего противника. Ему нужна была победа, а не гибель.

— Ты сказал, что твое тело было дряхлым, — сказал внезапно Карим Сингх, и голос его задрожал, —

однако ты выглядишь моложе меня. Тебе не больше чем сорок лет. Я хорошо помню тебя, и ты был старше, чем сейчас, когда...

Его голос прервался, когда Заил Бал усмехнулся в ответ на эти слова. На этот раз его смехок был сухим, как песок на могиле.

— Да, я моложе, чем я был раньше, и я стану еще моложе в будущем. Ну, а как насчет тебя, Найпал? Не страдаешь ли ты от страшного утомления, которое не может излечить даже крепкий сон? Нет ли у тебя головной боли у висков, раскалывающей на куски череп?

— Что ты сделал? — прошептал Найпал, и потом закричал те же слова: — *Что ты сделал?*

Второй колдун засмеялся, когда заговорил. И в его голосе все еще слышался веселый тон, он явно наслаждался собой.

— Неужели ты думал, что я не оставил никаких связей-ниточек со своим учеником? Они были бесполезны на большом расстоянии, когда я находился в Туране, но как только я пересек Гимелеи... а-га. С того момента я мог черпать жизненную силу из твоего тела через эти нити, Найпал, хотя и не совсем так, как это делали *раджайе* со мной. Ты не станешь стариком. О нет. Просто ты будешь очень усталым. Таким усталым, что ты не сможешь стоять на ногах или даже поднять голову. Но не бойся, что я оставлю тебя умирать, Найпал. Я не сделаю такую вещь с моим *преданным* учеником. Нет, я дам тебе вечную жизнь. Я брошу тебя в сухое безопасное место, где только бесконечная жажда будет отвлекать тебя от головной боли и укусов крыс. Разумеется, крысы перестанут кусать тебя, когда ты достаточно состаришься и съежишься, как сухой лист. Ты будешь высохшим каркасом, в котором будет теплиться жизнь, пока ты не рассыпешься в пыль. И я могу заверить тебя, что это потребует очень долгого времени.

Наипал не сделал ни одного движения и не произнес ни одного слова во время речи Заил Бала. Этот дурень должен был усыпить его, подумал он. Теперь же ему нужно начать игру. Наступит момент, когда *бывший*

придворный маг ослабит свое внимание, и тогда Найпал начнет читать заклинания тихим шепотом. К тому времени, когда Заил Бал поймет, что происходит, будет уже слишком поздно. Это *должно* случиться слишком поздно для него. Карим Сингх задохнулся и раскрыл рот, судорожно хватая ртом воздух. Найпал взглянул на стену.

Движущаяся масса адских созданий, вызванных Масроком, вернулась из горла прохода, сделанного ими в гробницу.

— Все сделано, о Человек, — произнес восьмирукый демон. — Путь в гробницу открыт.

Глаза всех присутствующих обратились к проходу. Заил Бал прошел мимо клубящегося ужаса, даже не взглянув на него, но не так, как будто ему было страшно смотреть на них, а как если бы он не хотел себя беспокоить такой «мелочью» в этот момент. Даже Кандар и Карим Сингх преодолели страх и подошли ближе. Найпал начал яростно шептать заклинания.

Сидя на корточках в конце одного из тоннелей, которые вели в подземный зал, Конан прикинул на вес серебристое оружие в своей руке. Кинжал, как его называл Гурран. Или Заил Бал, как он себя называл. И киммериец видел теперь, как близнец этого кинжала был схвачен громадной восьмирукой фигурой. О многом из того, что было сказано в этом зале, можно будет поразмыслить и позже, но было еще кое-что из того, что сказал Гурран — Заил Бал, что было очень важно. Оружие могло поразить демона, и судя по всему, подумал Конан, он имел в виду эту громадную обсидиановую массу. Кажется, его называли Масрок. Возможно, этим оружием удастся одолеть и других демонов. Конан попытался еще раз взглянуть на демонов и понял, что его взгляд остался незамеченным. Их внезапное появление из второго прохода, как раз когда он собирался войти внутрь, пока Заил Бал и Найпал спорили, было своеобразным шоком. Но

сейчас все глаза присутствующих впились в проход, ведущий к гробнице, откуда появились эти жуткие создания, и, возможно, он сумеет добежать до женщин, прежде чем его заметят. Что касается того, что случится после этого... С фаталистическим, мрачным чувством он поднял свой меч в одной руке и серебристый кинжал в другой. А потом он должен был задержать погоню как можно дольше, чтобы женщины сумели спастись. Передвигаясь быстро и бесшумно, он вступил в подземный зал. Его глаза все время перемещались с женщин на остальных. Виндра и Чин-Коу, обнаженные и связанные в лодыжках и запястьях, лежали, дрожа от страха. Их глаза были плотно закрыты. Найпал бормотал что-то себе под нос, наблюдая за остальными людьми, которые смотрели только на тоннель, пробитый демонами. Тоннель вел к армии, как утверждал Гурран, или Заил Бал, так? Армия, о которой говорил Канг-Хоу, армия, которая должна прийти в конце времени? Воины, вроде того, с которым он уже сражался во дворце Кандара? Он не станет терять времени, думая об этих тревогах в эту минуту. Демоны, которые вышли из тоннеля, казалось, смотрели в одну точку — на громадную черную массу, которая висела в воздухе, в центре зала, в то время как она... Конан на секунду задержал дыхание. Эти красные жуткие глаза теперь уставились на него. Он ускорил свои шаги по направлению к женщинам. Если демон выкрикнет сигнал тревоги, он все еще сможет... Массивные руки, держащие длинные пылающие копья, отошли назад. Конан зарычал про себя. Схватив серебристое оружие за рукоять, он метнул длинный кинжал в демона, после чего бросился к женщинам. Огромная вспышка огня и сильный взрыв потряс зал до основания, и Конан приземлился прямо на женщин, когда земля затряслась под его ногами. Ошеломленный, он схватился отчаянно за свой собственный кинжал, наблюдая за жуткой сценой. Люди неуклюже поднимались на ноги там, где взрыв бросил их на землю. Расколотые обломки черных камней лежали в

маленьких лужицах расплавленного золота. И Масрок стоял на каменном полу с двумя кинжалами, мечами и копьями в руках.

— Свободен! — громовым голосом закричал Масрок, и с диким воем жуткие создания, которых он вызвал, поднялись к потолку или ушли в камень пола.

Красные, горящие ненавистью глаза сверкнули, посмотрев на Найпала.

— Ты угрожал мне этим кинжалом, о Человек. — Громовой голос был тяжелым и едким от насмешки. — Как я хотел, чтобы ты поразил меня им. Изнутри твой барьер был непреодолимым, но снаружи... Любой неживой предмет мог пересечь его с легкостью, и этот кинжал, созданный демоном, в котором было могущество, о котором ты даже не мог и мечтать, разрушил все твои пути, сковывающие меня. *Все!*

Сначала надо перерезать ремни на лодыжках, сказал самому себе Конан, когда кинжал очутился в его руке. Женщины могут бежать и с руками, связанными за спиной, если это необходимо.

— Я всегда хотел дать тебе свободу, — сказал хрипло Найпал. — Мы заключили договор.

— Глупец! — зарычал демон. — Ты связал меня, посадил в клетку, сделал одного из Сивани своим слугой. И *ты!* — Огненные рубиновые глаза пригвоздили к месту Заил Бала, который сделал было попытку юркнуть в один из проходов-тоннелей. — Ты собирался сделать то же самое. Теперь вы оба узнаете, какую цену вы заплатите за то, что осмелились сделать это!

Оба колдуна отчаянно выкрикнули заклинания, но пылающие голубые копья метнулись с рук Масрока, пронзив каждого из колдунов насквозь в грудь. Почти в тот же момент серебристые копья метнулись назад в руки демона, неся на себе все еще живые жертвы. Крики боли прорезали воздух, и их руки бесполезно сжимали копья, пронзившие их и теперь уже ставшие красными от крови.

— Теперь вы будете вечно со мной, дерзкие смертные! — громовым голосом пророкотал Масрок.

Демон закрутился волчком, исчезнув на секунду в темном обсидиановом вихре, пронизанном искоркам серебра. Еще через мгновение он снова появился в зале, но на этот раз колдуны уже исчезли. Но по одному свежему черепу свешивалось теперь с каждого из его копий, черепу, чьи пустые глазницы еще говорили жизни, которая была в них за секунду до этого, и крики колдунов, отдаваясь слабым эхом, как будто с большого расстояния, все еще были слышны здесь.

Перерезав последний ремень, стягивающий запястья женщин, Конан поднял одним рывком женщин на ноги. Стеная и всхлипывая, они прижались к нему, но он оттолкнул их к ближайшему из проходов, в котором мелькал огонек факела. В этом тоннеле был отмечен мелом путь наружу, тот, который они смогли бы использовать даже без его помощи.

— И ты тоже, — зарычал демон, и Конан понял, что глаза демона теперь смотрели на него.

Не отрывая глаз от чудовища, он начал отступать по направлению к женщинам, но медленно. Если самое страшное случится, то между ним и женщинами будет какое-то расстояние.

— Ты хотел убить меня, жалкий смертный, червяк, — сказал демон. — Ты тоже узнаешь... — Звук, похожий на то, как если бы все ветры мира завывали сквозь лабиринт тоннелей в эту секунду, наполнил громадный зал, но даже легкого ветерка не появилось в помещении. Дикий вой внезапно затих, и два демона, бывших точной копией Масрока, стояли справа и слева от него в зале.

— Предатель! — закричал один из них, и было похоже, как если бы заговорил раскат грома. — Гробница, которая должна быть открыта в конце времени, открылась до этого момента!

Масрок слегка отодвинулся, и его огромная голова дернулась, переводя взгляд с одного демона на другого.

— Убийца! — закричали оба демона одновременно. — Один из Сивани мертв, сраженный рукой другого Сивани!

Масрок поднял свое оружие, приготовившись защищаться. Ни один из демонов теперь не обращал внимания на Конана. Киммериец резко повернулся и поспешил вслед за женщинами, но он обнаружил их стоящими неподвижно у выхода из зала. Кандар стоял перед ними с обнаженным кривым тулваром и не пропускать их дальше. Лицо князя было пепельным и блестящим от пота, а его глаза перебежали с одного демона на другого. Он с трудом сдерживал свой ужас.

— Можешь забирать себе кхитайскую шлюху, — хрипло сказал он, — но Виндра принадлежит мне. Решай быстро, варвар. Если мы останемся здесь, когда начнется их битва, никто из нас не уйдет отсюда живым.

— Я уже решил, — сказал Конан, и его меч метнулся вперед. Дважды сталь ударила со звоном о сталь, и вендийский князь рухнул на каменный пол со страшной рваной кровавой раной на своем горле. — Бегите! скомандовал Конан женщинам.

Он не смотрел назад, когда они побежали из всех сил в тоннель. Земля колыхалась и гудела у них под ногами. Битва демонов началась. Звуки боя преследовали всех на протяжении утомительного бега. Треск молний и удары грома гулко отдавались в лабиринте подземелья. Земля вздрагивала и колыхалась, и песок и камешки стали осыпаться с потолка. Сунув меч в ножны, Конан схватил под мышки обеих женщин и увеличил скорость, стараясь как можно скорее уйти от яркого источника голубого света и от наполненной падающими камнями темноты. Пламя факелов, висевших далеко от них на стенах, колебалось, когда перед ними появились ступени. Он перепрыгивал через три ступени сразу. Массивные колонны в громадном зале дрожали и колебались, а громадная статуя Ориссы качалась, и казалось, рухнет в любую минуту. Не замедлив свои шаги ни на секунду, Конан пробежал мимо высоких бронзовых ворот и слился с темнотой ночи. Снаружи дворца кольцо факелов все еще оставалось на прежнем месте, качаясь по мере того, как земля дрожала и ко-

лыхалась, как море в порывах ветра, но солдаты уже убежали. Пятидесятиметровые деревья раскалывались, как будто это были тонкие тростинки. Конан бежал по лесу, пока он не зацепился ногой за толстый корень и не свалился на землю вместе со своей ношей. Он не смог подняться сразу, а вместо этого только прижался плотнее к земле, которая сотрясалась и дрожала от волн, как во время землетрясения, но наконец он посмотрел назад. Огромные молнии прорезали небо со стороны храма, подбросив огромные куски камней в воздух и осветив голубыми вспышками беснующийся лес. И купол за куполом, колоннада террас за колоннадой, огромный храм рухнул, осев внутрь, погрузившись в землю, как живое существо. Вспышки молнии осветили руины, которые были теперь не выше деревьев, окружающих их, затем они стали не выше половины деревьев, и наконец всего-навсего холм обломков и щебня остался от некогда могучего храма. И также внезапно, как и начались, молнии погасли. Земля еще раз, как бы в агонии, покачнулась и осталась неподвижной. Конан неуверенно поднялся. Даже холма уже не было перед ним. По правде говоря, перед ним вообще ничего не было, за исключением ровной поверхности земли и щебня.

— Их поглотила земля, — сказал он мягко, — и вход снова закрылся.

Внезапно на его руках повисли обнаженные плачущие женщины, но его мысли были уже заняты совсем другими вещами. Лошади. Похоронены ли демоны вместе с гробницей или нет, он не собирался оставаться здесь достаточно долго, чтобы узнать это.

Эпилог

Конан скакал до самого рассвета, мрачно сжав зубы и думая о том, не встретятся ли на его пути несколько вендийских солдат, которые, возможно, захотят узнать, откуда он появился, или, возможно, спросят о проис-

хождении кавалерийского вендийского седла на его лошади. Это было бы лучше, чем холодное молчание тех, кто шел на лошадях за его спиной — Виндры и Чин-Коу. Он крепко держал в руке поводья их лошадей, и это было необходимо — иначе эти глупые женщины могли бы отказаться от того, чтобы покинуть лес.

— Ты должен найти нам одежду, — внезапно сказала Виндра. — Я не должна показываться в таком виде.

— Это постыдно и так не подобает нам, — добавила Чин-Коу.

Конан вздохнул. Это был уже не первый раз, когда они предъявляли ему это требование, хотя у них не было ни малейшего представления, как и где он сможет раздобыть им одежду. Они молчали уже больше часа, и это объяснялось тем, что, раздраженный их глупыми жалобами, он отпарировал, что их уже видела как минимум половина жителей Гванди-акана. Он повернулся в седле, чтобы взглянуть на их лица. Лица обеих женщин все еще были покрыты вуалями, но это было единственной их «одеждой». Он уже спросил их, почему они все еще носят их, так как они явно ненавидели эти кусочки материи, но они забормотали, непонимающе глядя на него, что могут быть узнаны людьми, и они пришли в такое сумасшедшее состояние, что кто-то может увидеть их (хотя в лесу было темно, хоть глаз выколи), что он решил больше не поднимать эту тему. Они устали на него своими темными яростными глазами, пронзая его взором из-под своих вуалей, хотя каждая из женщин сидела прямо в своих седлах, явно не осознавая своей наготы.

— Мы уже почти дошли до старого колодца, — сказал он им. — Кай-Ше должна быть там с одеждой для вас.

— Колодец? — воскликнула Виндра, явно пытаясь спрятаться за высокой лукой седла. — О боже!

— Там могут быть люди! — простонала Чин-Коу, тоже шокированная этими словами.

Прежде чем они сумели соскочить со своих седел и спрятаться (а они уже сделали это один раз), Конан ударил пятками в бока своей лошади, пустив ее в галоп и таща за собой их лошадей, не слушая их стоны и протесты. Стена вокруг старого колодца еще стояла, окруженная деревьями, которые были куда более меньшими, чем те, что росли в лесу. Сам же колодец давно уже обрушился. Кусок каменной стены все еще стоял неподалеку от него, возможно, когда-то это было караван-сараем. И рядом с колодцем были люди. Конан улыбнулся, когда пробежал по ним глазами. Ордо и Энам, играющие в кости. Хасан и Шамил, прислонившиеся спиной к стене. Канг-Хоу, пьющий какой-то дымящийся напиток из крошечной чашки, деликатно держа ее в руках, в то время как Кай-Ше сидела на корточках перед костром, над которым висел металлический чайник, попискивающий паром. Одежда их была изрядно потрепана, некоторые из них были покрыты повязками, но они вскочили на ноги с радостными криками при появлении Конана и женщин. Кай-Ше не сказала ни слова, но вместо этого побежала с тюком одежды в каждой руке. Обе женщины, как заметил Конан, соскочили со своих седел и спрятались за своими лошадьми. Он соскочил с коня, оставив их, чтобы они могли спокойно одеться, и пошел встречать мужчин.

— Я думал, что на этот раз тебе уже точно пришел конец, — пробормотал ворчливо одноглазый.

— Но я жив, — засмеялся Конан, — да и все остальные тоже, похоже на то. Наша удача была, в конце концов, не такой уж плохой.

Улыбки исчезли с их лиц и он нахмурился.

— Что случилось?

— Очень многое, — ответил Канг-Хоу. — Моя премница доставила нам много новостей. Во-первых, царь Бандаркар убит руками катар. К счастью, принц Джхарим Кар сумел объединить знать под командой Бханды Канда, младшего сына Бандаркара. Его короновали вчера, таким образом восстановив порядок.

Если взглянуть, однако, на мрачную сторону дела, мой друг *ченг-ли*, то ты приговорен к смерти особым царским эдиктом, подписанным лично Бхандой Кандой. Тебе ставится в вину участие в заговоре и убийстве его отца.

Конан только недоуменно покачал головой.

— Проклятье! Каким образом появилась на свет эта чепуха?

Кхитайский купец объяснил:

— Одним из первых шагов Джхарима Кара после коронации (а похоже, она была проделана в большой снепке) был тот, что он поехал в Гвандиакан с юным царем и всей кавалерией, которую они только смогли набрать. Предположим, что он нашел свидетельство того, что Карим Сингх был вождем заговора и таким образом должен быть арестован и казнен, прежде чем он сумеет поднять мятеж в смутное время. Однако слухи говорят о том, что принц Джхарим Кар винит *вазама* за инцидент, в который были вовлечены двое из его жен. Но какой бы ни была правда, Бханда Кханд и его отряд встретили на своем пути караван, в котором путешествовали мы и *вазам*. И Алина, служанка и рабыня леди Виндры, дала показания, в которых она заявила, что ее госпожа, бледнокожий варвар по имени Патил строили козни и заговор с Каримом Сингхом и говорили в ее присутствии о том, что хотят убить Бандаркара.

Дикий крик ярости, донесшийся до них, сообщил им, что Виндра только что получила ту же информацию от Кай-Ше. Вендийская женщина выскочила из-за лошадей, сжимая руками наполовину завернутое вокруг себя шелковое сари.

— Я сдеру с нее кожу! Эта дрянь скажет правду, или я вырву ее у нее кнутами!

— Боюсь, что уже слишком поздно для таких действий с вашей стороны, — сказал Канг-Хоу. — Алина (возможно, правильное мне будет называть ее госпожа Алина) уже получила от царя все ваши титулы и земли. Царский эдикт, который говорит о вас, не только лишает

вас всей вашей собственности, но также отдает ей вашу жизнь и дает ей право делать с вами все, что ей угодно.

Виндра молчаливо шевелила губами несколько секунд и вдруг гневно обрушилась на Конана:

— Это все из-за тебя! Ты — причина всех моих бед! И что ты собираешься делать сейчас, а?

— Ты винишь меня? — зарычал Конан. — Я обратился в рабство Алину?

Глаза Виндры чуть не выскочили из глазниц от ярости, и он вздохнул.

— Ну, ладно. Я возьму тебя с собой в Туран.

— Туран? — дико вскрикнула она, выбросив патетически вверх обе руки. — Это свиной хлев, недостойный для цивилизованной женщины! Это...

Внезапно до нее дошло, что ее движение обнажило ее до пояса. Вскрикнув, она подхватила все еще сползающий с ее тела шелк и побежала к лошадям.

— Женщина, чей темперамент и горячность равняются ее большой красоте, — сказал Канг-Хоу. — И чья хитрость и жажда мести превосходят оба качества.

Конан отмахнулся от его слов. А что же с Гванди-аканом? Будет ли безопасно укрыться в нем в течение одного-двух дней, чтобы прийти в себя?

— Я не думаю, что это будет возможно, — сказала Кай-Ше, присоединившись к ним. — Жители Гванди-акана приняли землетрясение как знак богов, особенно когда они обнаружили, что в городе были собраны телеги, чтобы отправить детей из города в неизвестном направлении. Стена форта рухнула. Горожане ворвались в форт, освободив детей. Солдаты, которые пытались их остановить, были разорваны буквально на кусочки. Джхарим Кар обещал разобраться в этом деле и восстановить справедливость, но в настоящий момент солдаты усиленно патрулируют городские улицы, и поверьте мне, что эти патрули очень большие. Я не думаю, что любой чужеземец сможет избежать их пристального внимания.

— Я рад, что они освободили детей, — сказал Конан, — хотя это и не имеет никакого отношения ко

мне. Но это также означает, что мы должны ехать к горам отсюда. И чем скорее, тем лучше, мне кажется. А как насчет тебя, Канг-Хоу? Ты тоже попал в черный список?

— Я всего только бедный торговец, — ответил кхитаец. — И потому, вне всякого сомнения, избежал внимания Алины. К моей великой радости и удаче. Что касается твоего путешествия по горам, то боюсь, что не все, кто пришел с тобой сюда, вернутся в Туран. И потому, с вашего позволения...

Поклонившись, он ушел, прежде чем Конан успел спросить его, что это означает, но вместо него к нему подошел Хасан.

— Я должен поговорить с тобой, — сказал молодой туранец. — Наедине.

Все еще хмурясь, не зная, как понимать слова кхитайца, Конан позволил Хасану отойти в сторону. Хасан сунул маленький листок пергамента в руку киммерийца.

— Когда ты вернешься в Султанапур, Конан, доставь это письмо в «Дом Душистых Голубей» и скажи, что это письмо адресовано господину Калиду.

— Ага, так значит, это будешь ты, кто не вернется в Туран, — сказал Конан, вертя в руках квадратный лист пергамента. — И какое же донесение ты посылаешь начальнику шпионов Илдиза? Ты знаешь, кто он такой?

— На улицах Султанапура известно больше, чем думают повелители Турана.

— Но ты не ответил на мой вопрос.

Туранец глубоко вздохнул.

— Я был послан расследовать, есть ли связь между вендийцами и смертью Высшего Адмирала. Ни один из вопросов, которые я задавал, не имеет к этому отношения, в то же время я уже хорошо знаю, что эта страна настолько погрязла в интригах (которые, в свою очередь, являются частью других интриг и хитросплетений), что точный ответ на это никогда не будет найден. Именно это я написал в письме. Я также написал, что я не нашел никаких подтверждений того, что «рыбаки» Султанапура имеют к этому хотя бы малейшее

отношение и что слухи о том, что северный варвар находился на службе у вендийцев — только слухи и ничего больше. Господин Калид узнает мою руку и почерк и поэтому поймет, что это правдивое донесение. Ты можешь прочитать его, если хочешь. Письмо не запечатано моей печатью.

Конан сунул пергамент в свой кисет-пояс. Для чтения у него еще будет впереди время — как и для того, чтобы решить, навесить ли ему «Дом Душистых Голубей». Но все это он сделает позже.

— Почему ты решил остаться? — спросил он. — Чин-Коу?

— Да. У Канг-Хоу нет никаких возражений против того, чтобы чужеземец вошел в его семью. — Хасан усмехнулся. — После того, как многие годы я пытался избежать этого, кажется, что я все-таки стану торговцем пряностями.

— Будь осторожен, — сказал ему Конан, и в его голосе была легкая тревога. — Я желаю тебе добра, но я не думаю, что кхитайцы менее хитрые и скользкие, чем вендийцы.

Оставив молодого туранца, Конан пошел искать Канг-Хоу. Купец сидел у обвалившейся стены колодца.

— Вскоре ты уйдешь из Вендии, — сказал кхитаец, увидев приближающегося Конана. — А как насчет твоих планов пограбить Вендию с армией за твоей спиной?

— Когда-нибудь в будущем, возможно. Но Вендия — странная страна, возможно, слишком скользкая и хитрая для такого простого северянина, как я. Мои мысли начинают скакать в самых разных направлениях, и от них кружится голова.

Канг-Хоу приподнял дугой тонкую бровь.

— Почему это так, о человек, называющий себя Патилом?

— М-мм, это просто отдельные фрагменты, крутящиеся волчком. Станные воспоминания. Валаш, сидящий в «Золотом Полумесяце» в утро того дня, когда был убит Высший Адмирал. Очень жесткий крепкий

человек, этот Валаш. Он никогда бы не позволил двум таким красавицам, как твои племянницы, покинуть свой корабль, разве что только на невольничий рынок. Если только кто-то не заставил его сделать это, возможно, кто-то припугнул его. Хотя, с другой стороны, ты тоже очень крепкий жесткий человек для того, чтобы называть себя бедным торговцем, не так ли, Канг-Хоу? А твоя племянница, Кай-Ше, она очень способная, талантливая женщина. Например, то, как она оделась и действовала, как вендийская женщина, в Гвандиакане. И то, что она узнала Найпала среди тех, кто ехал в Леса Гендали, хотя, как я слышал, его лицо было известно не больше чем горсти людей. Знаешь ли ты, Канг-Хоу, что вендийская женщина была доставлена Высшему Адмиралу как подарок, в день, когда он был убит? Я так понимаю, что она исчезла вскоре после его смерти. Но я никак не мог понять, почему вендийцы подписали договор с Тураном и убили Высшего Адмирала на следующий же день. Кандар был искренне шокирован этой новостью, да и Карим Сингх тоже. Странно все это, ты не находишь, Канг-Хоу?

На протяжении всего этого разговора кхитаец слушал Конана с выражением вежливого интереса на лице. Теперь же он улыбался, держа руки в своих широких рукавах.

— Ты сочинил довольно замысловатую историю для того, кто называет себя простым северянином.

Улыбнувшись ему в ответ, Конан положил руку на рукоятку кинжала.

— Ты поставишь на то, что ты быстрее меня?

В течение секунды Канг-Хоу явно колебался, и лицо его дрогнуло. Затем очень медленно он вынул руки из рукавов и раскрыл пустые ладони.

— Я всего-навсего бедный торговец, — сказал он, как будто ничего не произошло. — Если тебе интересно послушать, возможно, я сумею рассказать такую же замысловатую историю, как и твоя. Разумеется, если считать, что эта история не имеет ничего общего с реальностью.

— Я слушаю тебя, — сказал осторожно Конан, но не снял руки с рукояти кинжала.

— Я родился в Чио-Хьен, — начал кхитаец, — маленьком городе-государстве на самой границе Вендии. Жизненные соки и сама основа жизни Чио-Хьен — это торговля, а его армия невелика. Наша страна может уцелеть только в балансе, когда один из наших более сильных соседей спорит с другим. Самый крупный, сильный и враждебный из соседей Чио-Хьен — это Вендия. Возможно, эта страна и прогнала изнутри, как ты говоришь, но правящая каста, Кшатрии — жестокие и властные люди, у которых горящие, жадные глаза, стремящиеся к новым землям. Если эти глаза повернутся к северу, первой жертвой будет Чио-Хьен. Поэтому Чио-Хьен должен делать так, чтобы Кшатрии обращали свой взор на восток или на запад. Договор с Тураном, например, будет означать то, что амбиции и жажда новых земель у Кшатриев будут обращены не в сторону Вилайета, а в сторону Кхитая. Но моя история, боюсь, слишком фантастична, как, впрочем, и твоя, за исключением того, что ты, возможно, нашел ее забавной.

— Забавной, — согласился Конан. — Но у меня есть один вопрос. Имеет ли Чин-Коу таланты Кай-Ше? Разумеется, — добавил он с улыбкой, — если у Кай-Ше есть способности и таланты, выходящие за пределы обычных.

— Основной талант Чин-Коу состоит в том, что она помнит и может повторить каждое слово из того, что она слышит или может прочесть. За исключением этого, она не больше чем любящая племянница, которая утешает и помогает стареющему дяде. Хотя, как мне кажется, сейчас она будет утешать другого.

— И это наводит на другой вопрос. Знает ли Хасан обо всем этом?

— О моей замысловатой сказке? Нет.

Широкая улыбка прорезала лицо кхитайца.

— Но он знал, кто я такой, еще до того, как мы достигли Гимелеев. Он будет хорошим добавлением к

нашей семье. Будучи чужеземцем, я хочу сказать, он вольется в наш клан без труда. А теперь я задам тебе вопрос, — сказал он, и его улыбка исчезла. — Что ты собираешься делать, услышав мою фантастическую историю?

— Сказка, рассказанная северянином, и еще одна, придуманная кхитайским кушом, — сказал задумчиво Конан. — Кто в Туране поверит, если я им это расскажу? И даже если бы я и рассказал кому бы то ни было эту историю, они нашли бы десять других причин для войны или близкого к этому. Так как, если будет настоящий мир между Тураном и Вендией, Вилайет должен пойти дальше и проглотить Секандерам, возможно, достаточно, чтобы разделить две страны на вечные времена. Да и кроме того, настоящий мир и настоящая война одинаково плохи для контрабандистов.

— Ты не так прост, как утверждаешь, северянин.

— Вендия все еще остается странным местом, — ответил Конан со смехом. — И это та страна, которую я должен покинуть. Счастливого тебе пути, Канг-Хоу из Чио-Хьен.

Кхитаец поднялся и поклонился ему, хотя он был осторожен и на этот раз держал свои руки в стороне от рукавов.

— Желаю тебе тоже счастливого пути... Конан из Киммерии.

Конан смеялся все время, пока шел к лошадям.

— Ордо! — заорал он — Мы трогаемся в путь, или ты уже так состарился, что пустил корни, как дерево? Энам, прыгай в седло! И ты тоже, Шамил. Ты едешь с нами или останешься здесь, как Хасан?

— Я уже получил свою долю приключений и путешествий, — ответил убежденно и горячо Шамил. — Я возвращаюсь в Султанапур и стану рыбаком. Настоящим рыбаком!

Виндра пробила сквозь группу стоящих людей, садящихся в седла, и подошла к Конану.

— А как насчет меня? — требовательно спросил она.

— Ты не хочешь идти в Туран, — сказал ей Конан. — И ты не можешь оставаться в Вендии. Если ты, конечно, не захочешь быть... гостем Алины. Возможно, Канг-Хоу возьмет тебя с собой, в Чио-Хьен.

— Чио-Хьен? Лучше уж Туран, чем это!

— Ну что ж, раз ты так вежливо попросила меня об этом, если ты будешь согревать меня в холодные ночи в горах, я найду тебе работу — танцевать в таверне в Султанапуре.

Ее щеки порозовели, но она протянула ему руки, чтобы он помог ей сесть в седло. Но когда он это сделал, она на секунду прижалась к нему и прошептала:

— Я бы с большей радостью предпочла танцевать только для тебя одного.

Конан передал ей поводья и повернулся, пряча улыбку. С этой женщиной будут еще тревоги и проблемы, подумал он. Впрочем, мелькнуло у него в голове, они будут довольно приятными.

— А что с противоядием? — спросил его Ордо. — И Гурраном?

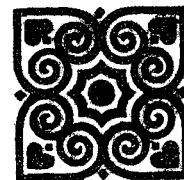
— Я видел его, — ответил Конан. — И ты можешь сказать, что он спас всех нас тем, что он сказал мне.

Не обращая внимания на его вопросительный взгляд, он продолжал:

— Мы что, собираемся сидеть здесь, пока вендийцы не насадят наши головы на пики? Вперед! Красивая девка по имени Таша ждет меня в Султанапуре.

И ухмыльнулся, увидев гневное шипение Виндры. Он ударил сапогами в бока своей лошади, послав ее галопом по направлению к горам, которые вздымали свои высокие вершины на севере.

Тень Властелина

Лучи солнца заливали увешанную гобеленами комнату сквозь окно под мраморной аркой. Слуги с вырезанными языками (чтобы не могли рассказать о тех, кого видели в доме хозяина) вышли, оставив пятерых в молчании потягивать вино.

Кантаро Албанус, хозяин, изучал взглядом гостей, лениво поигрывая тяжелой золотой цепью, красовавшейся на его алом камзоле, женщина делала вид, что рассматривает замысловатый узор гобелена.

Утро в разгаре, размышлял Албанус. Самое время для таких встреч. Хотя нервы сообщников, конечно, страдают. Подобные собрания обычно происходят в темноте ночи. Причем в тайных чертогах, занавешенных так, чтобы не проник даже свет луны. С другой стороны, кто поверит, кто хотя бы на миг заподозрит, что знатнейшие люди Немедии среди бела дня в самом сердце столицы примутся обсуждать государственную измену?

Его худощавое лицо потемнело при этой мысли, а черные глаза заблестели подобно обсидиану. Орлиный нос и проблески серебра в черных волосах, особенно на висках, делали его похожим на старого полководца. Когда-то он и в самом деле был воином, но недолго, всего один год. Ему было только семнадцать, когда его отец устроил ему место офицера в отряде Золотых Леопардов — так с незапамятных времен назывался отряд телохранителей королей Немедии. После смерти отца Албанус подал в отставку. Нет уж, горбатиться, продвигаясь по служебной лестнице, пусть даже через ступеньку благодаря знатному происхождению, — это не

для него. Не для того, кто и по крови, и по силе духа достоин быть королем. А значит, то, чем он занят сейчас, — это не измена.

— Господин Албанус, — неожиданно сказал Барка Веджент, — мы много слышали об... об особого рода помощи, которую ты оказываешь нашей... организации. Мы много слышали, но до сих пор ничего не видели.

Большой и плотный нынешний командир Золотых Леопардов тщательно выговаривал каждое слово. Он пытался утаить свое происхождение, скрывая акцент трущоб Бельверуса. Он и не подозревал, что всем давно была известна его хитрость.

— Какими осторожными словами ты выражаешь свои сомнения, Веджент, — сказал Деметр Амариан. Стройный юноша поднес к носу футлярчик с ароматным шариком, но это не помогло ему скрыть презрительную усмешку, которая играла на его почти женских губах. — Впрочем, ты всегда выражаешься осторожно, не так ли? Мы все знаем, что ты здесь только для того, чтобы...

— Довольно! — резко перебил их Албанус. Оба, и Деметр, и быстро наливавшийся гневной краской Веджент, умолкли, точно хорошо выдрессированные животные, услышавшие щелчок бича укротителя. Подобные перебранки случались нередко; Албанус терпел их лишь по необходимости. Сегодня же явно был не тот день.

— Все вы чего-нибудь хотите, — продолжал Албанус. — Ты, Веджент, жаждешь звания полководца, в котором тебе отказал король Гариан. Ты, Деметр, хочешь возвращения поместья, которое отец Гариана отобрал у твоего деда. А ты, Сефана, ты собираешься отомстить Гариану, ибо он сказал тебе, что предпочитает женщин помоложе...

— Ты, как всегда, весьма любезен, Албанус, — с горечью произнесла женщина. У госпожи Сефаны было лицо сердечком, украшенное фиалковыми глазами и обрамленное густой гривой иссиня-черных волос, ниспадавших на плечи. Ее красное шелковое платье с глубоким вырезом спереди и боковыми разрезами до бедра не скрывало достоинств прекрасного пышного тела.

— А чего хочу я? — спросил пятый человек. Все вздрогнули, как будто забыли о его присутствии.

О Константо Мелиусе и впрямь было нетрудно забыть: этот немолодой вельможа прямо-таки олицетворял собой неприметность. Редеющие волосы и мешки под часто моргающими глазами были самыми примечательными его чертами. Его ум и способности были вполне под стать внешнему виду.

— Ты хочешь, чтобы к твоим советам прислушивались, — ответил Албанус. — Так и будет, когда я сяду на трон.

Буду прислушиваться к твоим советам, пока не подвернется случай отправить тебя в изгнание, думал хищнолицый вельможа. Гариан, себе на беду, сделал ошибку, отказав дураку и оставив его жить на свободе в столице. Он, Албанус, такой ошибки не сделает.

— Мы, кажется, отвлеклись от того, что сказал Веджент, — внезапно напомнила Сефана. — Однако я тоже хотела бы знать, на какую помощь с твоей стороны, Албанус, мы можем рассчитывать. Деметр и Веджент снабжают нас информацией. Мы с Мелиусом даем золото для организации беспорядков на улице и платим разбойникам за порчу зерна. Ты держишь свои планы при себе, только знай говоришь о волшебных средствах, которые заставят Гариана отдать тебе трон, если мы будем продолжать в том же духе. Я хочу взглянуть, что там за волшебные средства!

Остальных явно смутило столь открытое упоминание обещанного волшебства, но Албанус лишь улыбнулся.

Поднявшись, он дернул парчовую ленточку колокольчика на стене и направился в другой конец комнаты. Там виднелся стол, а на столе — некие предметы, покрытые куском ткани. И предметы, и покрывало он расположил там собственноручно.

— Подойдите, — сказал он остальным.

Они подошли медленно, с большой неохотой.

Торжественным взмахом он сбросил покрывало, с удовольствием отметив, как вздрогнули гости. Он знал, что вещи на столе — сапфировая статуэтка, меч

с волнистым лезвием и крестовиной древней работы, несколько кристаллов и драгоценных камней с надписями — все они, за одним исключением, были практически бесполезны. По крайней мере, в фолиантах, которые он с таким тщанием расшифровал, этим вещам приписывалось немного полезного. Настоящие предметы власти он хранил в другом месте.

Десять лет тому назад в одном из его поместий к северу от Нумалии рабы, копавшие землю, наткнулись на подземный чертог. Хорошо, что он сам в это время как раз был там. Он догадался, что это кладовая колдуна, и, опустошив ее, распорядился погрести в ней злополучных рабов...

Целый год ушел у него на то, чтобы определить, к какому времени относится этот тайник. Зато оказалось, что он восходил к эпохе Ахерона — темной империи, власть которой зиждилась на обрядах отвратительной тавматургии. Со времени падения Ахерона прошло более трех тысячелетий. Остальные девять лет Албанус учился магии — учился сам, избегая наставников из страха, что любой сколько-нибудь могущественный колдун пожелает присвоить себе его клад. Это было воистину мудрое решение: если бы о его занятиях стало известно, облава на колдунов, устроенная Гарианом в столице, его бы не миновала. Гариан!.. Зловеще усмехнувшись про себя, Албанус поднял со стола маленький шарик из алого хрусталя.

Не доверяю я этим штуковинам, — содрогнулась Сефана. — Лучше бы нам полагаться на вещи более простые. Незаметный яд...

— Вызовет гражданскую войну за престолонаследие, — оборвал ее Албанус. — Сколько можно повторять, что я вовсе не собираюсь отвоевывать Трон Дракона у дюжины претендентов. Я уже говорил: *трон будет мне отдан!*

— В это, — проворчал Веджент, — я не поверю, пока сам не увижу.

Албанус призвал всех к тишине: вошла девушка-служанка, белокожая, не более шестнадцати лет от роду.

Простая белая туника, вышитая по краю знаками принадлежности к дому Албануса, почти открывала маленькую грудь и длинные ноги. Войдя, она тут же встала на колени и склонила голову.

— Ее зовут Омфейл, — сказал хищнолицый вельможа.

Услышав свое имя, девушка шевельнулась, но головы не подняла: она уже знала, что этого делать не следует. Она была только недавно продана в рабство (ее отец-лавочник вконец разорился и влез в долги), но некоторые уроки быстро запоминаются.

Албанус взял красный шар левой рукой, а правой стал делать пассы, произнося нараспев:

— *Ан-нааль наа-таан Вас-ти но-эштей!*

Трепещущий язычок пламени вспыхнул над кристаллом: он был длиной с локоть, но более плотный, чем полагалось быть простому огню. Внутри пламени, пульсировавшего красным и желтым, возникли две черные точки, неприятно похожие на глаза. Они двигались, ни дать ни взять разглядывая комнату и ее обитателей. Все невольно подались назад. Все, кроме Албануса и Омфейл, съежившейся на полу.

— Огненный элементал, — спокойно сказал Албанус и добавил, не меняя тона: — Убей Омфейл!

Белокурая девушка попыталась закричать, но не успела. Дух огня послушно ринулся вперед, набухая по пути, и сразу охватил Омфейл всю целиком. Она кое-как сумела подняться на ноги, корчась внутри огненного вихря, который начал постепенно уплотняться и наконец скрыл ее. Какое-то время из глубины шипящего огня еще доносился женский крик, казалось, ослабленный расстоянием. Потом огонь пропал со звуком лопнувшего пузыря, оставив после себя слабый тошнотворно-сладковатый запах...

— Не особенно чистоплотно, — задумчиво заметил Албанус, растирая ногой, одетой в домашнюю туфлю, маслянистое пятно на мраморном полу в том месте, где была девушка.

Остальные ошеломленно таращили глаза, как если бы он у них на глазах превратился в мифического дракона Ксутаркана. Удивительно, но именно Мелиус первым обрел дар речи.

— Эти предметы, Албанус... Не следует ли и нам кое-чем обзавестись? — Никто не поддержал его, и он заморгал припухшими глазами. — Ну... в знак того, что мы все равны, — закончил он неуверенно.

Албанус улыбнулся. Что ж, очень скоро он им покажет, насколько они «равны».

— Конечно, — вкрадчиво сказал он, — я и сам уже думал об этом. — Он указал на стол. — Выбирайте, кому что нравится, а я расскажу вам, какими свойствами обладает каждый предмет. — И с этими словами он опустил красный шарик в поясной кошелек.

Поколебавшись, Мелиус протянул руку и кончиками пальцев коснулся меча, лежащего на столе.

— На что он... способен?

— Всякий, кто возьмет его в руку, становится отменным фехтовальщиком.

Может, у меча были и другие свойства, но Албанус, выяснив одно, особо глубоко копаться не стал. Он не собирался быть воином-героем. Он станет королем. Небось найдется, кому за него воевать.

— Возьми клинок, Мелиус. Но, если ты боишься, может быть, Веджент... — Албанус вопросительно поднял бровь, косясь на широколицего солдата.

— Я и без чародейства неплохо дерусь, — презрительно усмехнулся Веджент. Впрочем, никакого магического предмета он себе еще не присмотрел.

— Деметр? — сказал Албанус. — Сефана?

— Не люблю колдовство, — ответил стройный юноша и, не скрывая испуга, отшатнулся прочь от стола.

Сефана была сделана из теста покрепче, но и она столь же поспешно замотала головой.

— Мне вполне хватит, если эти причиндалы помогут спихнуть Гариана с Трона Дракона. А если нет... — Какой-то миг они с Албанусом смотрели друг другу в глаза, потом женщина отвернулась.

— Я возьму этот меч, — неожиданно сказал Мелиус. Он примерился к оружию, проверил, как сбалансировано, и рассмеялся. — В отличие от тебя, Веджент, мне бы только стать заправским рубакой, а уж каким способом — не все ли равно!

Албанус вежливо улыбнулся, но мало-помалу его лицо посуровело.

— Теперь слушайте меня, — медленно проговорил он, обводя всех по очереди черными обсидиановыми глазами. — Я показал вам лишь малую часть того могущества, которое завоюет мне трон Немедии и обеспечит вам выполнение ваших желаний. Знайте же, что я не потеряю никакого инакомыслия и никакой самостоятельности, способной помешать моим планам. Ничто не должно встать между мной и Коронай Дракона. Ничто! А теперь ступайте!

И они удалились, пятась, как если бы он уже сидел на Троне Дракона.

Глава 1

Высокий мускулистый юноша мерил шагами улицы Бельверуса, столицы Немедии. Город действительно имел вид столицы: большие дома, украшенные мраморными колоннами, и памятники на каждом углу. Юноша настороженно смотрел по сторонам, а рука была готова в любой миг схватиться за рукоять меча, оплетенную выдавшим виды кожаным ремнем. Его синие глаза и отделанный мехом плащ говорили о том, что он уроженец севера. В лучшие времена Бельверус видел много таких дикарей-северян. Слепленные великолепием большой столицы, они быстро проматывали свое серебро или жалкий запас золота. Проигравшихся в пух и прах выкидывала за ворота Городская стража, одетая в черные плащи. Стражники тащили варваров прочь, а они, не понимая жизни большого города, громко жаловались, что их обманули. Этот юноша, однако, в свои двадцать два года имел уверенный вид человека, топ-

тавшего камни мостовых и не таких еще столиц; ему были не в диковинку даже Арэнджун и Шадизар, прозванный Злым, он успел повидать Султанапур, Агранур и даже полулегендарные столицы далекого Кхитая.

Он шагал верхними улицами Торгового района, расположенного менее чем в полумиле от дворца Гариана, короля Немедии. Однако, думал юноша, эти места мало чем отличаются от Адских Врат, воровского района столицы. Напротив лавок, открывавшихся прямо на улицу, стояли столы с выложенным на них товаром. Толпы людей сновали туда и сюда, прицениваясь к тканям из Офира, аргосским винам, всевозможным товарам из Кофа, Коринфии и даже Турана. По камням мостовой то и дело громыхали тележки торговцев, но на них было мало съестного, а цены заставили юношу задуматься, долго ли он может позволить себе прожить в этой столице не голодая.

Между лотками и лавками жались к стенам нищие, покалеченные, слепые; они во все горло требовали милостыни, силясь перекричать коробейников, нахваливавших товары. Буквально на каждом углу стояли местные головорезы — грубо одетые мужчины с жесткими глазами. Одни из них поглаживали пальцами рукоятки мечей, другие в открытую точили кинжалы или взвешивали на ладони дубинки, провожая взглядом то пухлого купца, торопливо проходившего мимо, то пробирающуюся сквозь толпу проворную дочку хозяина какой-нибудь лавки, боязливо оглядывающуюся по сторонам. Не хватало только увешанных дешевыми украшениями проституток в легких платьях, обрезанных так, чтобы выставить весь товар напоказ. Даже сам воздух был насыщен, как казалось Конану, запахом трущоб, которые он недавно видел, — отвратительными испарениями рвоты, мочи и экскрементов...

Тележку с фруктами, переезжавшую через перекресток, неожиданно окружило с полдюжины негодяев; в одежде громил странным образом сочетались лохмотья и роскошь. Владелец тележки, худощавый мужчина с измученным лицом, стоял молча, опустив голову, толь-

ко на скулах выступили красные пятна. Мерзавцы тем временем рылись в его товаре, надкусывая то грушу, то персик, и швыряли все подряд на мостовую. Наполнив подолы своих одеяний фруктами, они развязной походкой двинулись прочь. Судя по выражению наглых рож, они только и ждали, чтобы кто-нибудь отважился раскрыть рот. Чисто одетая публика отводила глаза, старательно не замечая случившегося.

— Не думаю я, что вы заплатите, — не поднимая глаз, простонал торговец.

Один из громил, небритый детина в расшитом золотом засаленном плаще поверх простой драной рубашки, улыбнулся, показывая черные пеньки зубов.

— Заплатим? Вот тебе плата! — И он наотмашь ударил несчастного торговца в лицо, разорвав на щеке кожу, — тот рухнул, всхлипывая, на свою тележку. С отвратительным смехом головорез присоединился к товарищам, остановившимся позабавиться. Все вместе они пошли дальше по улице, грубо расталкивая локтями толпу. Люди уступали им дорогу, кое-кто невнятно ворчал, но не более того.

Широкоплечий северянин остановился около тележки.

— Что ж ты не зовешь стражу? — спросил он с любопытством.

Ограбленный торговец тяжело выпрямился:

— Пожалуйста. Мне надо кормить семью. Есть ведь и другие тележки...

— Я не ворую фрукты и не бью стариков, — чопорно ответил юноша. — Меня зовут Конан. Послушай, разве Городская стража не должна тебя защищать?

— Городская стража? — Старик горько рассмеялся. — Они сидят в своих казармах и боятся нос оттуда высунуть. Я сам видел, как три таких вот мерзавца подвесили одного стражника за ноги вниз головой и оскостили его. Вот что они думают о Городской страже. — Он вытер трясущиеся руки о край туники и неожиданно понял, что слишком уж разговорился с

этим незнакомцем, стоя на виду у всех посреди перекрестка. — Мне надо идти, — заторопился он. — Надо идти... — Не поднимая глаз, он взялся за ручку тележки.

С жалостью в глазах смотрел Конан, как уходит торговец фруктами. Киммериец пришел в Бельверус наниматься в телохранители или солдаты — ему случалось быть и тем и другим, равно как вором, контрабандистом и разбойником. Но если кому в этом городе и потребуется его меч, это, увы, будут не те, кто действительно нуждается в защите...

Несколько уличных бездельников услышали его разговор с торговцем и подошли, надеясь развлечься с провинциалом. Но когда Конан обвел их взглядом, на сорвиголов словно бы повеяло холодом киммерийских ледников и показалось — сама смерть бродит сегодня по улицам Бельверуса. Нет уж, лучше поискать себе жертву где-нибудь в другом месте, решили они. И поспешно убрались прочь с перекрестка.

Некоторые люди смотрели на Конана с благодарностью, понимая, что на несколько минут он сделал это место вполне безопасным. Конан досадливо тряхнул головой, сердясь то ли на них, то ли на себя самого. Он пришел сюда подзаработать денег! А вовсе не очищать улицы от всякого сброда!

Бродячий ветерок подкатил к его сапогу обрывок пергамента. Конан машинально поднял его и прочитал. Слова были написаны аккуратным круглым почерком.

На Троне Дракона надменный сидит властелин.

В роскошном чертоге своем он пирует один.

А ты надрывайся за черствого хлеба кусок

И в страхе живи — от гибели на волосок.

Да будет часами измерено это правленье!

Пусть Митра, священное Солнце, лишит его зренья!

Да стигнет навеки неправедный наш властелин,

Который в роскошном чертоге пирует один!*

* Стихи в переводе Г. Трубицыной.

Конан отпустил обрывок лететь по ветру дальше и невольно обратил внимание на другие такие же клочки, кружившие по улице. Конан видел, как то тут, то там люди поднимали листочки и читали. Некоторые, побледнев, спешили незаметно уронить их или, наоборот, с гневом выбрасывали. А иные, прочитав, украдкой прятали в карман.

Как спелая слива готова сорваться вниз, так Бельверус был готов к мятежу. Конану доводилось видеть похожие признаки в других городах. Скоро все это выльется наружу. Королевскому дворцу начнут открыто грозить кулаками. И более сильных правителей свергало народное возмущение, даже не столь мощное.

Волна криков и визгов вдруг прокатилась по улице, толпа прихлынула к перекрестку. Началась паника, оказавшаяся, как всегда, заразной: никто не знал, что случилось, однако каждый кричал и бежал вместе со всеми. С трудом Конан пробрался поближе, к лавке, покинутой хозяином. И что могло вызвать подобный переполох?..

Наконец людской поток иссяк, и Конан увидел, что на мостовой, по которой люди спасались бегством, в беспорядке лежали тела. Лишь немногие еще шевелились. Некоторые были затоптаны; у других, лежавших чуть подальше, не было рук или голов. А по самой середине улицы большими шагами приближался человек в богато расшитом голубом платье. Он держал меч со странным волнистым лезвием, от острия до рукоятки залитым кровью. Из угла рта человека сочилась тягучая клейкая слюна...

Конан взялся было за меч, затем решительно убрал руку прочь. За деньги, напомнил он себе, за деньги! Он не собирался мстить какому-то сумасшедшему за совершенно незнакомых людей. Он оглянулся, собираясь отойти подальше в тень.

Но в этот момент из лавочки прямо под ноги сумасшедшего выскочил ребенок — девочка лет восьми. Она отчаянно кричала, быстрые ножки так и мелькали. Безумец зарычал, поднял меч и бросился за ней.

— Во имя потрохов Эрлика! — выругался Конан. Его меч легко выскользнул из поношенных шагреновых ножен, и киммериец шагнул обратно на перекресток.

Девочка с криком пробежала мимо него. Сумасшедший остановился. Вблизи, несмотря на богатое, нарядное одеяние, редющие волосы и мешки под глазами придавали ему вид человека, привыкшего к спокойной сидячей работе. Но мутные карие глаза смотрели безумно, а звуки, которые он издавал, были бессмысленным мычанием. Было слышно, как мухи жужжат над раскиданными по земле фруктами.

В конце концов, подумал Конан, у этого человека осталось достаточно разума, чтобы не переть на рожон.

— А ну-ка стой смирно, — сказал варвар. — Я тебе не удирающий младенец и не беспомощный лавочник и спину под меч не подставлю. Почему бы тебе...

Конану послышался насытый металлический звон. Животный рев вырвался из человеческой глотки, и сумасшедший бросился вперед с поднятым мечом.

Киммериец подставил свой меч, отражая удар, но волнистый клинок с удивительной быстротой метнулся в сторону. Конан отскочил назад; острие чужого меча прочертило линию поперек его живота, разрезав рубашку и тонкую кольчугу с такой легкостью, словно то и другое было из пергамента. Конан отлетел еще на шаг, освобождая место для замаха, но сумасшедший на удивление проворно прыгнул вперед. Окровавленный клинок полосовал и колол с яростью, не поддающейся описанию. Широкоплечий юноша медленно отступал.

Он был воистину потрясен, осознав, что едва успевает обороняться от ударов тщедушного, неприметного противника. Вся его скорость и мастерство уходили на то, чтобы просто остаться в живых! При этом он уже получил не менее полдюжины небольших ран, из которых сочилась кровь. Э, да как бы не помереть за просто так на этом месте!

— Именем Владыки Могил, не бывать тому! — крикнул он. — Кром и сталь!

Это не помогло. Клинки звенели один о другой, и снова он вынужден был отступать.

Еще миг — и Конан, поскользнувшись на недоеденной сливе, тяжело рухнул навзничь, так, что перед глазами замигали серебристые огоньки. Задышавшись, он увидел, как сумасшедший заносит свой волнистый клинок для удара, который окончит его жизнь. Ну нет, так вот просто его не убьешь. Собрав последние силы, Конан откатился в сторону, и весьма вовремя. Кровавый клинок высек искры из мостовой как раз в том месте, где он только что был. Конан с лихорадочной быстротой катился дальше и дальше, потом вскочил на ноги и прижался спиной к стене. Одержимый стремительно повернулся к нему...

Но тут в воздухе прожужжал словно бы рой разгневанных ос, и противник киммерийца внезапно стал похож на подушку для булавок, утыканную перьями. Конан моргнул от неожиданности. Это наконец появилась Городская стража — два десятка лучников в черных плащах. Они заняли позицию на почтительном расстоянии и снова натягивали луки, ибо сумасшедший все еще стоял, несмотря на то что был пронзен насквозь. Из рта его вырывался кровожадный рев пополам с кровью. Напоследок он швырнул свой меч в киммерийца...

Конану не стоило больших усилий отразить этот последний удар. Он едва пошевелил рукой, и странный клинок со звоном упал на мостовую. Стражники еще раз спустили тетивы, и сумасшедший упал. И, пока он падал, на один короткий миг безумное выражение пропало с его лица, сменившись несусветным ужасом. Мостовой он коснулся уже мертвым. Солдаты медленно подошли к труп, держа оружие наготове.

Киммериец бросил свой меч обратно в ножны, раздраженно ворча себе под нос. Какой позор: он так и не сумел обагрить клинка. Пролилась только его собственная кровь, и все порезы, хотя и незначительные, горели стыдом его неудачи. Только одно он смог

сделать как следует — перехватить брошенный клинок. Но это могла бы сделать и девчонка. Десятилетняя девчонка!

Стражник поддел мертвеца за плечо и перевернул на спину, с треском сломав о мостовую штук шесть стрел.

— Поосторожнее, Тулио, — проворчал другой. — Чего доброго, за эти стрелы у нас вычтут из жалованья. Почему...

— Клянусь Троном Эрлика Черного! — задохнулся Тулио. — Это же господин Мелиус!

Люди в кольчугах поспешно отступили назад, оставляя Тулио одного около трупa. Нехорошо стоять слишком близко к знатному покойнику, особенно если ты принимал участие в его убийстве, — что бы там он ни натворил. Когда дело касалось знати, справедливость короля порой выделявала замысловатые кренделя.

Седой сержант Городской стражи плюнул на мостовую около трупa. Из-под стрелки его шлема был виден багрово-синий шрам, проходивший поперек широкого носа.

— С этим ничего уже не поделаешь. Тулио!

Стражник внезапно понял, что он остался один около тела. Он так и подскочил, испуганно смотря на остальных.

— Закрой своим плащом этого... знатного господина, — продолжал сержант. — Пошевеливайся! — добавил он. Тулио нехотя подчинился.

— Абидиус, Крато, Джокор, Насо, — продолжал распоряжаться сержант, — берите его за руки и за ноги. Быстро! Или вы хотите тут торчать, пока его мухи не слопают?

Четыре человека выступили вперед и с ворчанием подняли тело. Сержант зашагал прочь по улице. Несшие тело поспедали за ним как могли, остальные строем шли сзади. Никто даже не оглянулся на Конана.

— Неужели ты настолько утратил сноровку, а, киммериец? — окликнул грубый голос.

Конан резко повернулся на месте, но гневный ответ замер у него на губах при виде могучего бородача, прислонившегося к витрине лавчонки.

— Может, и так, но я по-прежнему быстрее тебя, Ордо, старый негодяй!

Бородач выпрямился. Он ненамного уступал Конану в росте, зато был шире в плечах. Грубая кожаная повязка закрывала его левый глаз. Из-под повязки через всю щеку тянулся шрам, из-за которого угол рта кривился в постоянной усмешке. Впрочем, сейчас Ордо действительно улыбался, причем во весь рот. В каждом ухе бородача красовалось по увесистому золотому кольцу — немалый соблазн для воров. Другое дело, выдавшие виды меч и кинжал на поясе способны были мигом образумить воришку.

— Может, и так, Конан, — сказал он. — Но хотел бы я знать, что ты делаешь в Немедии? Я имею в виду, помимо уроков фехтования, которые ты берешь у разных там занюханных вельмож. Последний раз я видел тебя по дороге в Аграпур. Ты, помнится, собирался служить в войске у короля Йилдиза...

Ордо был другом, но его знакомство с Конаном начиналось далеко не безоблачно. Первый раз они встретились, когда одноглазый с несколькими другими бандитами растянул Конана между колышками на равнинах Заморы. Сделали они это по приказу Карелы, своей рыжеволосой предводительницы, известной среди разбойников под именем Рыжий Ястреб. Потом они вместе ездили в Кезанкийские горы за сокровищами, украденными колдуном Аманаром. И едва унесли оттуда ноги, ничего не добыв. Они встречались еще дважды, и все в погоне за золотом. Но всякий раз им удавалось достать так мало, что хватало лишь на одну приличную пирушку в ближайшем притоне. Интересно, подумал Конан, встретимся ли мы еще раз в подобном предприятии...

— Я и служил, — ответил Конан. — Но вот уже год с лишним как убрался оттуда.

— Держу пари, неприятности из-за женщины, — хихикнул Ордо. — Уж я-то тебя знаю!

Конан только пожал могучими плечами. Кажется, у него всегда неприятности с женщинами. А впрочем, у кого их нет?

— Скажи лучше, тебя-то какая баба выжила из Султанапура, Ордо? Когда мы расставались, ты сидел в своей собственной гостинице, причем с пухленькой туранской женой на коленях. Кажется, ты клялся, что больше даже и пряника не потащишь через границу, и еще, что ни шагу не сделаешь из Султанапура, разве только на свой погребальный костер.

— Это все Карела, — смущенно понизив голос, объяснил одноглазый и с силой дернул себя за густую бороду. — Я так надеялся о ней хоть что-нибудь разузнать, а жена все время меня за это пилила. Она говорила, что я стал всеобщим посмешищем. Люди, мол, уже шепчутся у меня за спиной и говорят, что у меня не все дома. Ну и она, мол, не потерпит, чтобы ее считали дурочкой, вышедшей замуж за свихнутого. Она никак не могла смириться с этим. Ну, а я тоже не мог вести себя иначе. Так что в один прекрасный день я сказал ей «до свидания» и ушел не оглядываясь.

— Ты все еще ищешь Карелу?

— Она ведь жива. Я уверен, что она жива. — Ордо схватил Конана за руку. Единственный глаз смотрел настойчиво, но выдавал внутреннее страдание. — То есть я не слышал даже и полсловечка, но, если бы она умерла, я бы почувствовал. Я бы почувствовал... А ты — может, ты о ней что-нибудь знаешь? Ну хоть что-нибудь?

В голосе Ордо слышалась тоска. Конан знал, что в тот раз в горах Рыжий Ястреб действительно осталась жива. Но если сказать Ордо об этом, придется говорить и о том, как он видел ее последний раз — обнаженную, закованную в цепи, бредущую на рабский торг. Вообще-то он мог бы объяснить, что у него было тогда в кармане всего несколько медяков — это и отдаленно не напоминало цену, которую давали в Туране за пышногрудую зеленоглазую рабыню. Мог бы упомянуть даже о том, какую клятву Карела заставила его дать: клятву,

что он и пальцем не пошевелит, защищая ее. Она очень гордая, эта Карела. Или... была такой. Если Ордо ничего не слышал о ней, то, скорее всего, сломленная кнутом, она теперь ублажает танцами какого-нибудь темноглазого хозяина. Рассказать всю эту историю?.. Э, так можно и убить старого приятеля, человека, который всегда называл себя верным псом Карелы...

— Последний раз я видел ее в Кезанкийских горах, — сказал Конан, не греша против истины. И я уверен, что она выбралась из гор живая. Горцы не противники для Карелы, когда в руке у нее меч.

Ордо кивнул, тяжело вздыхая.

Люди понежноту начинали высовываться на улицу. С ужасом смотрели они на тела, все еще лежавшие там, где их настигла смерть. То там, то здесь плачущая женщина бросалась обнимать труп мужа или ребенка...

Конан огляделся вокруг, ища глазами меч сумасшедшего. Меч лежал перед настезью распахнутой лавкой, заваленной разноцветными тканями. Хозяина не было видно. Может быть, он лежал среди мертвых, а может, стоял среди тех, кто глазел на трупы. Киммериец поднял меч и отбел извилистое лезвие от загустевшей крови о рулон желтого шелка.

Он примерился к оружию, взвесив его на руке. Кружевная серебряная крестовина была очень старой работы. Еще на клинке были надписи, очень красивые, но Конан в жизни своей не видел таких слов. Что ж. Кто бы ни сделал это оружие, это был мастер. Оно ощущалось как естественное продолжение руки. Более того — продолжение его мыслей. И все же... Сколько народу было только что убито этим мечом! Мужчины. Женщины. Дети... Убитые ударами в спину или вовсе не чему попало. Во время бегства... Безумец убивал всех, до кого мог дотянуться. Они пытались уползти прочь, а он рубил их и колол... Эта картина так и стояла у Конана перед глазами. Он почти чувствовал запах их предсмертного пота... запах крови.

Конан с отвращением хмыкнул. Меч есть меч, и не более того. Сталь неповинна. Однако брать себе этот

меч Конану почему-то не хотелось. Совсем не хотелось. Другое дело, и на улице бросать его было негоже. Дорогая все же штука. Глядишь, еще и удастся выручить за него несколько серебряных монет...

— Надеюсь, ты не оставишь его себе? — сказал Ордо. — Этот меч запятнан. Женщины и дети... — Он сплюнул и сделал знак, отворачивающий зло.

— Запятнан или нет, а продать можно, — ответил Конан, сбросил с плеч отделанный мехом плащ и завернул в него меч. Не ровен час, кто-нибудь увидит: меч-то ведь старинный, приметный. Вряд ли стоит открыто нести его по улицам Бельверуса вскоре после того, как он принес сюда столько смертей.

— У тебя что, совсем денег нет? — спросил Ордо. — Могу дать немного взаймы, если старый друг на мели.

— Денег у меня достаточно. — Конан снова мысленно взвесил свой кошелек. Если жить в гостинице, хватит на четыре дня. И на две недели, если почевать в конюшнях. — Скажи лучше, каким это образом ты разбогател до такой степени, чтобы швыряться серебром? Ты что, опять разбойничаешь? Или контрабандой занимаешься?

— Тихо ты! — Ордо придвинулся ближе, настороженно оглядываясь по сторонам единственным глазом — не слышал ли кто-нибудь их разговор. — Давай-ка потише о контрабанде, — сказал он приглушенным голосом, предназначавшимся только для ушей киммерийца. — За это нынче на кол сажают. Причем медленно. А власти за любую наводку платят так, что собственная бабушка тебя продаст...

— Тогда почему ты ввязался в это дело?

— А я разве говорил, что... — Одноглазый всплеснул руками. — Камни Ханумана! Да, я ввязался. А ты сам что — ослеп и оглох? Не знаешь, какие в этом городе цены? А пошлины? Сдирают больше, чем сам товар стоит. Да контрабандист себе такое состояние сколотит!.. Если жив останется, конечно...

— А напарник тебе не нужен? — заинтересовался Конан.

Ордо колебался.

— Здесь не так, как бывало в Султанапуре. Все вино, до последнего бочонка, и весь шелк, до клочка, которые минуют Королевскую Таможню, поставляются одной-единственной шайкой...

— На всю Немедию? — не поверил Конан.

— Именно так. И происходит это, как я понимаю, вот уже более двух лет. Сам я здесь всего только год. Вызвать у них, кто допущен в банду и кто что знает, не легче, чем вынуть у скряги денежку из кулака. Я получаю приказания от человека, который в свою очередь получает их от человека, которого я в жизни не видел, а тот, надо думать, получает распоряжения еще от кого-то. — Он покачал косматой головой. — То есть попробовать я попробую, но обещать ничего не могу.

— Не очень-то мне верится в подобную скрытность, — усомнился Конан. — Ты-то ведь уже стал одним из них, а сам прожил здесь не больше года!

Ордо довольно засмеялся и потер широкий нос пальцем.

— Я — особый случай. Сидел я раз в Кофе, в одной из таверн Хоршемиша; понимаешь, дошел до меня слух... однако это к делу не относится. Суть в том, что один парнишка, Хассан, тамошний член банды, слышал, как я наводил справки. Он знал о Рыжем Ястребе и восхищался ею безмерно. Когда он выяснил, что я с ней имел дело, он предложил мне работу здесь, в Бельверусе. К тому времени мой ремень уже застегивался на последнюю дырочку и я помаленьку прикидывал, не сварить ли из него суп. Так что я принял предложение. Словом, будь здесь Хассан, я бы тебя мигом к делу пристроил. Ну да он в Кофе сидит...

— Странно, как это он и тебя там не оставил, если так уж восхищался Рыжим Ястребом, — задумчиво сказал Конан. — Ладно. Сможешь так сможешь, а нет — как-нибудь выкручусь...

— Попробую, — сказал Ордо, прищурился на солнце, которое уже перевалило за полдень, и смущенно переступил с ноги на ногу. — Послушай, у меня тут

еще кое-какие дела есть. Ну, те самые дела, ты понимаешь. Мы еще с тобой обо всем как следует поговорим и обсудим, кто что станет врать. Больно уж они на незнакомцев косятся...

— Чего другого, а времени у нас полно.

— Это точно. Послушай, давай-ка через полчаса после заката встретимся в таверне «Зарезанный Бык»: это на улице Сожаления, прямо над Адскими Вратами. Идет? — Он засмеялся и похлопал Конана по плечу. — Будем гудеть так, чтобы из конца в конец по столице слышно было!

— И сверху донизу! — подхватил Конан.

Когда одноглазый ушел, Конан двинулся было, держа под мышкой меч, завернутый в плащ... но тотчас остановился. Неподалеку на улице стояли богато украшенные черно-золотые носилки с алыми занавесками. Мирные обыватели и даже жулики уважительно обходили их стороной. Но не носилки привлекли внимание киммерийца. Эка невидаль, роскошные носилки, внутри которых восседает толстый купец или разодетая знатная дама! Конан заметил другое: как только он повернулся в ту сторону, занавеска резко задернулась. Он едва успел смутно разглядеть женщину, до самых глаз закутанную в серое покрывало. Зато Конан мог бы поклясться, что, как ни коротко было видение, эти самые глаза смотрели прямо на него. И даже не просто смотрели. Куда там! — пронзали взглядом! И недобро сверкали!..

Вот передняя занавеска снова пошевелилась. Очевидно, последовало приказание — носильщики скорым шагом двинулись по улице прочь.

Конан покачал головой, наблюдая, как носилки исчезают в толпе. Не лучший способ начинать дела в Бельверусе, сказал он себе. Похоже, мне уже мерещится! Кроме Ордо, он не знал здесь никого. Покрепче прихватив свернутый узлом плащ, он пошел куда глаза глядят, надеясь как-нибудь скоротать время до назначенной встречи, а заодно разузнать что только возможно об этой столице. Он твердо надеялся, что здесь ему повезет.

Глава 2

Улица Сожаления была последней перед Адскими Вратами. Те, кто обитал здесь, готовы были, ломая ногти, лезть на стену, только чтобы не скатиться в действительно адский котел трущоб и не впасть в окончательную нищету. Отчаянное усердие их было тем более велико, что они знали: даже если они и удержатся на этой улице, их дети будут захвачены трясинной уже наверняка. Кое-кому, впрочем, удавалось выползти на эту улицу из Адских Врат. Эти немногие оседали тут повыше Корноухого переулка — попросту боялись двигаться дальше в город, которого не понимали. Они не обращали внимания на отвратительное зловоние, достигавшее переулка всякий раз, когда ветер дул с юга, — хотя это был знак нищеты, по-прежнему поджидавший за ближайшим углом. Те, кто действительно вырывался из Адских Врат, не останавливались на улице Сожаления ни на день, ни даже на час. Но таких были считанные единицы.

На улице Сожаления предпочитали не думать, что ждало впереди, за следующим поворотом, на следующий день, равно как и о том, что осталось в прошлом. На этой улице постоянно царил безумный, лихорадочный карнавал.

Уличные музыканты неистово терзали лютни, цитры и флейты, силясь перекрыть звучавший повсюду смех. Вернее, не смех, а неестественный, хриплый, пьяный, истерический хохот. Жонглеры с мячами, кольцами, булавами и сверкающими ножами развлекали своим искусством дарительниц удовольствий, прогуливавшихся по улице. Эти последние, едва прикрытые клочками цветного шелка, увешанные браслетами из начищенной меди, обутые в неимоверные сандалии, чтобы казаться стройней, выставляли напоказ свои прелести ради всякого, у кого звенел в кармане хотя бы грош. Но наиболее сладострастно они вращали бедрами и поглаживали себя по бокам перед хорошо одетыми пришельцами из Верхнего города, которые выделялись в

вестрой толпе не хуже, чем если бы у каждого на шее висела табличка: ЧУЖАК. Люди города приходили сюда поглазеть на то, что казалось им глубинами разврата и порока, возможного только в Адских Вратах. А надо всем этим царил смех...

Таверна «Зарезанный Бык» оказалась именно таким местом, какого, по мнению Конана, на этой улице и следовало ожидать. В общей комнате разило скисшим вином. У дальней стены на небольшом помосте извивались под томные звуки флейты три пышнотелые девицы в платьях из прозрачного желтого шелка. Таверна была набита битком, но посетители, занятые выпивкой, картами или игрой в кости, почти не обращали внимания на танцовщиц. У одного из столиков стояла медноволосая блудница; вместо одежды ее обвивала полоска темно-синего шелка, причем таким образом, что большая часть пухлого тела оставалась обнаженной. Девушка улыбалась застывшей улыбкой; толстый коринфиец в полосатом халате поглаживал ее, точно прикидывая, сколько следовало заплатить за каждый фунт ее плоти.

Другая девка, с волосами немыслимого красного цвета, смерила взглядом широкие плечи Конана и поспешно поправила золоченые ляточки, которые больше подчеркивали, чем прикрывали роскошную грудь. А потом направилась к нему, приглашающе облизывая губы. Конан отрицательно покачал головой, и девка остановилась, разочарованная и недовольная. Женщины подождут: Конан никак не мог разглядеть Ордо в пьяной толпе.

Потом он обратил внимание на девушку, сидевшую за столиком около стены. Она заметно отличалась от других посетителей. Сидела в одиночестве перед нетронутой чашей с вином, и, похоже, только она и смотрела на танцовщиц. Длинные черные волосы спадали ей на спину и плечи. Большие карие глаза и пухлый рот так и притягивали взгляд; проституткам, шнырявшим между столиками, о подобной красоте оставалось только мечтать. Однако к числу ночных красоток она явно не

принадлежала. Это было ясно по ее простому белому хлопковому платью до пят, закрытому по самую шею. Такое платье было здесь совсем не к месту, как, впрочем, и она сама. Жительницы улицы Сожаления предпочитали кричащие цвета и откровенные вырезы, а уроженки Верхнего города — дорогие материи и богатые вышивки. Эти благородные дамы, случалось, тоже забредали сюда, чтобы испытать острые ощущения. Им нравилось отдаваться мужчинам, которые вполне могли оказаться убийцами, а то и еще похуже...

...Женщины подождут, напомнил себе Конан, удобнее перехватил меч, завернутый в плащ, и оглянулся в поисках свободного столика.

И в это время из кучи лохмотьев, не дававшей особого повода заподозрить внутри нее человека, высунулась костлявая рука и подергала Конана за рубашку. Открылся беззубый рот, и существо заговорило тонким дребезжащим голосом:

— Эй, киммериец! Куда это ты идешь с таинственным клинком, сулящим убийство?

Конан почувствовал, как шевельнулись волосы на затылке. Перед ним был старик, столь истощенный, что кожа, обтянувшая скулы, скрадывала морщины.

Глаза, вернее, то место, где полагалось быть глазам, пряталось под грязной повязкой. Но даже будь старец зрячим, откуда бы ему знать, что у Конана под плащом? Как и то, что родом он из Киммерии?..

— Что ты знаешь обо мне, старик? — спросил Конан. — И как ты узнал это без глаз?

Старик пронзительно захихикал и тронул свою повязку загнутым концом палки, которую держал в руке:

— Когда Боги взяли их у меня, они взамен надели меня иным зрением. Я не могу смотреть глазами, поэтому и не вижу того, что видят все. Зато... я вижу другие вещи.

— Я слышал о таком, — пробормотал Конан. — И даже кое о чем похлеще. Что ты еще можешь сказать обо мне?

— О, много, очень много, молодой господин. Ты узнаешь любовь многих женщин, от простых крестьянок до королей. Ты будешь жить долго и завоеешь себе корону. А смерть твоя будет окутана легендой.

— Чепуха! Дерьмовая чепуха! — буркнул Ордо, чья голова неожиданно высунулась из-за плеча киммерийца.

— А я-то гадаю, куда ты подевался, — сказал ему Конан. — Представь, этот старик угадал, откуда я родом!

— Эка премудрость! Подслушал твой дикарский акцент, и готово. Давай-ка лучше займем столик и попросим кувшинчик вина...

Конан покачал головой:

— Я ничего не успел сказать, но он все равно как-то понял. Скажи мне еще что-нибудь, старик. Например, что меня ждет? Но не через годы, а через несколько недель?

Слепой слушал разговор Конана и Ордо с обиженным выражением, наклонив голову, чтобы лучше слышать. При этих последних словах он снова беззубо заулыбался.

— Что до этого... — Он поднял руку и большим пальцем потер кончики остальных, потом распрямил пальцы и повернул руку ладонью вверх: — Я, молодой господин, как видишь, бедняк...

Могучий киммериец без лишних слов полез в кошелек, висевший на поясе. Правду сказать, кошелек был полупустой. В нем было больше меди, чем серебра, причем того и другого не ахти сколько. Однако он вытащил серебряную монету с изображением королевы и опустил ее в жесткую ладонь старика.

Ордо задохнулся от гнева:

— Я знаю одного гадалщика по книгам и трех звездочетов, которые, вместе взятые, возьмут половину этой цены! И такого тебе напредсказывают, чего этому деду и во сне не приснится...

Старик между тем кончиками пальцев ощущал монету.

— Ты щедрый человек, — пробормотал он. Монета исчезла в лохмотьях. — А теперь дай мне руку. Правую.

— Хиромант без глаз! — засмеялся Ордо, но Конан молча протянул руку.

Пальцы старика обследовали ладонь киммерийца, находя линии, отмечая мозоли и старые шрамы и двигаясь так же быстро, как и по монете. Потом он начал говорить, и, хотя голос его звучал по-прежнему тихо, старческой болтливости как не бывало.

В голосе слышалась сила и даже некая властность.

— Берегись женщины сапфиров и золота. Любя власть, она способна обречь тебя на гибель. Берегись женщины изумрудов и рубинов. Любя тебя, она только рада будет увидеть твою смерть. Берегись человека, который стремится к трону. Берегись человека, чья душа прах. Берегись благодарности королей...

Конану казалось, что старик говорит все громче и громче, но никто вокруг не оторвался от чаш с вином и не обратил внимания, даже когда старик заговорил нараспев:

— Спаси трон, спаси короля, убей короля — или погибнешь. Что бы ни случилось сейчас, что бы ни случилось потом, сумей понять, когда придет время исчезнуть!

— Ну ничего себе предсказание! От такого и молодое вино скиснет, — пробормотал Ордо.

— И не слишком понятное к тому же, — добавил Конан. — Нельзя ли вразумительнее?

Старик отпустил руку Конана и пожал плечами.

— Если бы мои предсказания были понятнее, — сказал он сухо, — я бы жил во дворце, а не в свинарнике и не в Адских Вратах.

Постукивая палкой, он прохромал в сторону двери, ловко обходя столы и пьяниц.

— Запомни мои слова, Конан из Киммерии, — окликнул он через плечо уже от самой двери. — Знай: мои предсказания не обманывают...

С этими словами он вышел и исчез в бурлящей толпе.

— Старый козел, — проворчал Ордо. — Послушай доброго совета, если тебе приперло, так сходи лучше к звездочету, у которого есть соответствующее разрешение. Нечего слушать всяких доморощенных шарлатанов!

Конан тихо ответил:

— Я никому здесь не говорил, как меня зовут.

Ордо подмигнул и утер рот обратной стороной мозолистой руки.

— Что-то меня жажда замучила, киммериец.

Шлюха с красными волосами как раз поднималась из-за стола, ведя дородного офирского разбойника к лестнице наверх, где можно было снять комнату на полчаса. Конан немедленно уселся на освободившийся табурет, жестом указывая Ордо на другой. Пока он укладывал свой сверток на стол, одноглазый успел поймать за руку служанку с глазами лани. Белая грудь и кругленький зад девушки были едва прикрыты двумя полосками зеленого муслина.

— Вина! — приказал Ордо. — Самый большой кувшин. И две кружки.

Служанка ловко вывернулась из его лапы и поспешила прочь.

— Ну что, говорил ты с друзьями обо мне? — спросил Конан.

— Я-то говорил, — Ордо тяжело вздохнул и покачал головой, — но они ответили «нет». Работа, Конан, здесь легкая, и золото течет рекой, но лично я всего лишь исполняю приказания толстого ублюдка по имени Эраний, косоглазого и притом вонючего, как навозная куча. Этот засранец выговаривал мне — вообрази только, я стою перед ним навтыжку и внимаю! — что нельзя, дескать, в наше непростое время доверять каждому встречному-поперечному! Непростое время!.. Видел я его в...

— Неважно, — ответил Конан. По правде говоря, он здорово надеялся снова поработать с этим бородатым медведем. О, им было что вспомнить!

Возвратилась девушка-служанка, поставила на стол две кожаные кружки и грубый глиняный кувшин раз-

мером в полторы человеческие головы. Она наполнила кружки и выжидательно протянула руку.

Ордо вытащил несколько медяков, чтобы расплатиться, и исподтишка ущипнул ее.

— Беги себе, красавица, — засмеялся он, — а то как бы мы не решили купить больше, чем ты собираешься продать!

Потирая пухленькую задницу, служанка ушла, успев, однако, одарить Конана слегка затуманенным взглядом: вздумай он прицениться, она торговалась бы недолго.

— Я говорил ему, что ты не какой-нибудь там первый встречный, — продолжал Ордо. — Я немало рассказал ему о тебе и о том, как ты занимался контрабандой в Султанапуре. Этот говнюк даже слушать не захотел! Сказал мне, что ты, похоже, опасный человек. Приказал держаться от тебя подальше. Ну да, так я его и послушал!

— Да уж, — согласился Конан.

Неожиданно киммериец почувствовал невесомое прикосновение в подозрительной близости от своего кошелька. Сильная рука мгновенно метнулась в ту сторону, перехватила тонкое запястье и вытащила из-под стола человека.

Золотые кудри обрамляли невинное детское личико. Голубые глаза смотрели простодушно. Однако пышная грудь, перетянутая узенькой полоской красного шелка, выдавала занятие ее владелицы, так же как и пояс из медных монет, низко спущенный на бедра. С пояса свисали полоски красной просвечивающей ткани, едва прикрывавшие соблазнительные линии спереди и круглые ягодицы сзади. Рука, которую держал Конан, была крепко сжата в кулак.

— Ну вот и женщина сапфиров и золота, — засмеялся Ордо. — Сколько ты стоишь, девочка?

— В следующий раз, — сказал ей Конан, — не лезь к трезвому человеку, который сразу заметит твою неуклюжую лапку в своем кошельке...

Девушка изобразила на лице соблазнительную улыбку, как будто маску надела:

— Не наговаривай на меня. Я хотела просто прикоснуться к тебе. Я не запрошу дорого с такого красавца, как ты. Да и травник говорит, что я уже совсем вылечилась...

— Травник!.. — Ордо подавился вином. — Не трогай ее, Конан! В этом городе тысяча и одна похабная хворь! И если у нее есть хоть одна, то значит, и остальная тысяча тоже...

— И она вот так сразу и рассказывает мне об этом, — задумчиво произнес Конан.

Он сжал руку немного сильнее. На лице девушки выступил пот, прелестный ротик открылся, она тихонько вскрикнула. Сжатый кулачок разжался, оттуда прямо в его подставленную ладонь выпали две серебряные монеты. Конан рывком притянул девочку к себе, завернув за спину ее пойманную руку. Полная грудь прижалась к его мускулистой груди. Испуганные небесно-голубые глаза смотрели прямо в глаза Конана.

— Правду, девочка, — сказал он. — Кто ты? Воровка, шлюха или и то и другое? Скажи правду, и я тебя отпущу. Попробуй только соврать — мигом окажешься наверху и сполна отработаешь все, что пыталась у меня украсть.

Она медленно облизала губы.

— Ты правда меня отпустишь? — прошептала она.

Конан кивнул. Прерывистое дыхание девушки вздымало ее грудь, и ему нравилось это прикосновение.

— Я не шлюха, — наконец сказала она.

— Значит, воровка, — проворчал Ордо. — Все равно держу пари, что она больна какой-нибудь дрянью.

— В опасную игру ты играешь, девочка, — сказал Конан.

Она вызывающе вскинула светловолосую голову:

— Кто обратит внимание на блудницу, когда их так много вокруг? Я беру у каждого понемногу, всего несколько монет, и люди думают, что пропили их. А стоит мне упомянуть лекаря, у любого мужика весь

пыл отшибает... — И тут она неожиданно потянулась губами к его губам. — Я не шлюха, — пробормотала она, — но с удовольствием провела бы в твоих объятиях ночь...

— Не шлюха, — засмеялся Конан, — просто воровка. Кто-кто, а я знаю воришек! Проснусь поутру, глядь — ни кошелька, ни плаща, ни меча... а может, и сапоги куда-то уйдут...

Глаза девушки вспыхнули, простодушное выражение лица на миг сменила самая настоящая ярость. Воровка беспомощно извивалась: руки у Конана были железные.

— Твое везенье, девочка, на сегодня кончилось. Уж ты мне поверь... — И с этими словами он ее выпустил.

Несколько мгновений она стояла в растерянности, не веря себе. Конан шлепнул ее ладонью пониже спины, и это сразу привело ее в чувство. Подскочив, она завизжала. За соседними столами грянул хохот.

— Иди своей дорогой, девочка, — сказал Конан. — Сегодня тебе удачи больше не будет.

— Иду куда хочу! — огрызнулась она и устремилась прочь, в глубь таверны.

Конан сразу забыл и думать о ней, взял со стола кружку и занялся вином. Стоило ему, однако, сделать несколько глотков, как его глаза встретились с глазами девушки в белом платье, той самой, что еще показалась ему здесь лишней. Она смотрела на него с явным одобрением, но не зазывно — это тоже было ясно с первого взгляда. Девушка писала что-то на обрывке пергамента. Конан был готов спорить, что на этой улице едва ли наберется горсточка женщин, способных написать и прочитать хотя бы свое имя. Коли на то пошло, то и среди мужчин грамотеев было не больше.

— Эта не для нас, — заметил Ордо, от которого не укрылся его взгляд. — Не знаю, кто она, но уличные девки рядятся не так.

— Меня не заботит, кто она, — ответил киммериец. Говоря так, Конан немного кривил душой. Девушка

была красива, а он к красивым женщинам питал слабость и не думал этого скрывать. — Сейчас меня больше волнует, как бы найти заработок, а то скоро мне женщины вообще станут не по карману. Я целый день шлялся по городу и видел немало людей с телохранителями. Конечно, это дело не такое доходное, как контрабанда, но мне не впервой...

— Да уж, на охранников нынче спрос, — кивнул Ордо. — Если в прошлом году человек имел телохранителя, то сейчас у него пять. Купцы побогаче, вроде Фабиуса Палиана и Энаро Осториана, держат целые отряды наемников. Вот, кстати, где можно сделать настоящие деньги! Сколотить свой собственный отряд и...

— Если у тебя для начала есть золото, чтобы поднять это дело, — согласился Конан. — Лично у меня не хватит и на доспехи для одного человека, не говоря уже об отряде.

Одноглазый провел пальцем через лужу вина на столе.

— Коли уж на то пошло, половина нашей контрабанды — это оружие. Особенно с тех пор, как начались беспорядки. Пошлина на хороший меч больше его обычной цены. — Ордо прямо встретил взгляд Конана. — Если я не ошибаюсь, мы могли бы отначить достаточно, чтобы обеспечить отряд. И уж как-нибудь без умников обойдемся!

— Мы, Ордо?

— Камни Ханумана, парень! Когда мне начинают указывать, с кем дружить, а с кем нет, я сматываю удочки!

— Тогда остается только поднакопить серебра, чтобы ребята заинтересовались. Человек, скажем, пятьдесят...

— Нужно золото, — перебил Ордо. — Нынешняя ставка — золотая монета каждому.

Конан свистнул сквозь зубы:

— Навряд ли мне доведется хотя бы увидеть столько денег сразу. Разве только если ты...

Ордо печально покачал головой:

— Ну, меня-то ты знаешь, киммериец. Я слишком люблю женщин, выпивку и игру в кости. Золото при мне надолго не задерживается...

— Вор! — закричал кто-то. — Держи вора!

Конан оглянулся и увидел ту самую блондинку с невинным лицом, вырывающуюся из рук сразу двоих: грузного бородача в засаленной голубой одежде и высокого парня с хищными, близко посаженными глазами.

— Она запустила руку в мой кошелек! — кричал бородастый.

Раздался всеобщий хохот, посыпались непристойные шутки.

— Говорил же я, что ее удача кончилась, — проормотал Конан.

Блондинка отчаянно заверещала: бородач сорвал полосу шелка с ее груди и швырнул ее худошавому парню, взобравшемуся на стол. Несмотря на сопротивление, тот быстро покончил с остатками ее легкого наряда и представил девушку обнаженной на обозрение всей таверне.

Бородастый встряхнул над головой чашей с игральными костями:

— Ну, кто хочет быть первым?

Вокруг него тут же сгрудились мужчины.

— Пойдем, — сказал Конан. — Неохота смотреть.

Он взял меч, завернутый в плащ, и направился к выходу.

Ордо с сожалением посмотрел на едва початый кувшин вина и двинулся следом.

У самой двери Конан еще раз встретился взглядом с молодой девушкой в простом хлопковом платье. Она снова в упор смотрела на него, но на этот раз с осуждением. И что я такого сделал, удивился Конан. А впрочем, какая разница. Нынче у него других забот полон рот. Конан пригнулся в дверях и вместе с Ордо вышел наружу.

Снаружи было уже совсем темно, однако неистовый карнавал и не думал стихать. Наоборот, обитатели улицы Сожаления, казалось, хотели громкой музыкой и быстрым движением разогнать прохладу наступающей ночи. Шлюхи уже не расхаживали важно и томно, а откровенно ловили клиентов, перебегая от одного к другому. Акробаты гнулись и кувыркались, как будто были без костей, а земля не притягивала их. Они так лезли из кожи, словно на них смотрел сам король Гариан. Вот только в уплату они получали лишь пьяный смех. И все-таки продолжали кувыркаться...

Конан остановился посмотреть на жонглера с огнем. Шесть горящих факелов один за другим неторопливо вырисовывали огненные дуги над лысой головой своего повелителя. Небольшая кучка зрителей все время менялась. Пока Конан стоял и смотрел, трое подошли, а двое ушли. На улице в этот вечер было много и других, более интересных зрелищ. Конан достал медяк из кошелька и бросил его в шляпу, которую жонглер заранее поставил перед собой наземь. Монета Конана была всего лишь третьей. Киммериец очень удивился, когда жонглер неожиданно повернулся к нему и, продолжая усердно работать, приветствовал щедрого зрителя полупоклоном. Потом начал выделять прыжки, высоко вскидывая ноги, так что они все время оказывались в середине кольца, которое чертили в воздухе горящие факелы.

Ордо потянул Конана за руку, уводя его дальше по улице.

— Всего лишь за медяк! — пробормотал он с отвращением. — Было время, такое выдавали только за серебряную монету, а то и больше.

— Да, в этом городе все точно с ума посходили, — сказал Конан. — Никогда еще я не видел столько нищих по эту сторону моря Вилайет. Бедные стали беднее, да и развелось их столько, что на три города хватит и еще останется. Коробейники запрашивают

цены, от которых порядочного купца из гильдии в Султанапуре припадок бы хватил. Да еще и рожки корчат такие, как будто вот-вот разорятся... За несчастный кувшин вина дерут чуть не сребреник, а жонглер выделяет лучший трюк за медяк. И кажется, никого не заботит, наступит ли завтра. Что здесь происходит?

— Да кто я такой, чтоб знать? Ученый? Жрец?.. Только вот говорят, будто трон проклят и Гариан тоже проклят Богами...

Конан тут же машинально сотворил знак, оберегающий от зла. С проклятиями шутки плохи. Несколько человек рядом заметили его жест и шарахнулись в сторону: чего-чего, а чужого зла им не надо, и своего достаточно.

— А это проклятие, — продолжал разговор киммериец через некоторое время, — оно что, действительно?.. Что говорили о нем жрецы или звездочеты? Подтверждали его?

— Такого не слышал, — сознался Ордо. — Но об этом говорят на каждом углу. Все это знают.

— Камни Ханумана! — фыркнул Конан. — Ты сам знаешь не хуже меня: то, что известно всем, обычно ложь. Да есть ли вообще какие-нибудь подтверждения этого проклятия?

— Они есть, киммериец, — ответил Ордо и для большей убедительности наставил на Конана короткий толстый палец. — В тот самый день, когда Гариан взшел на Трон Дракона, — учти, не в какой-нибудь другой день, а именно в тот самый день! — по улицам Бельверуса бегало чудовище. Оно убило больше двадцати человек. С виду оно и само было вроде человека, только сделанного из глины, а потом немного размытого водой. Но все дело в том, что видевшие его говорят, будто оно здорово напоминало Гариана...

— Человек, чья душа прах, — тихо произнес Конан, вспоминая предсказание слепого старика.

— Тоже выдумал верить всякому старому слепому козлу! — возмутился Ордо. — Чудовища-то уже ведь нет! Однако заслуги Городской стражи, просидевшей

себе задницы по казармам, тут никакой нет. Просто одна до смерти напуганная старушка запустила в чудовище масляной лампой. Да! Облила его горящим маслом, оно и сгорело. Всего-то и осталось, что куча пепла. Городская стража хотела было забрать старушку для допроса, спасибо, соседи выручили. Закидали их, говорят, ночными горшками...

— Пойдем, — сказал Конан, сворачивая на узенькую улочку.

— Ты понимаешь, что эта улица ведет напрямик в Адские Врата? — Ордо заколебался.

— За нами кто-то идет. Причем от самого «Зарезанного Быка», — ответил Конан. — Я хочу выяснить, кому мы понадобились. Давай-ка сюда...

Извилистая улочка быстро сужалась. Свет с улицы Сожаления сюда уже не доходил, вскоре стих и смех, доносившийся оттуда. Зато сгустились запахи нищеты. Пахло гниющими отбросами и мочой. Мостовых тут и в помине не было. В наступившей тишине двое мужчин слышали только шуршание сапог по земле да собственное дыхание. Конан и Ордо двигались вперед в крошечной тьме. Только иногда на дорогу падал луч света из окна, расположенного достаточно высоко, чтобы владелец его мог чувствовать себя в относительной безопасности от грабителей.

— Говори, — сказал Конан. — Все равно что. Так что за король этот Гариан?

— Теперь он требует, чтобы я говорил, — пробурчал Ордо. — Спаси нас Бэл от... — Он тяжело вздохнул. — Ну, он король. А что еще? Я как-то с королями близко не знакомлюсь. Да и ты, насколько мне известно, тоже...

— Конечно, нет. Но продолжай говорить... все равно что. Мы с тобой — двое пьяниц, у которых не хватает ума помалкивать, шляясь по Адским Вратам посреди ночи... — И с этими словами Конан шевельнул меч в ножнах. Едва заметный луч света откуда-то сверху упал на его лицо, и его глаза, казалось, замерцали в темноте, как у лесного зверя. Как у хищника на охоте.

Неожиданно под ногами Ордо что-то зачавкало.

— Потроха и кости Вары! Дай-ка подумать... Гариан! По крайней мере, он избавился от колдунов. Колдунов я люблю еще меньше, чем королей. Короли мне все же душевно ближе, чем колдуны.

— Ну и как же это ему удалось? — спросил Конан, но не ответ интересовал его. Он весь обратился в слух: что там сзади? Уж не камешки ли хрустнули под чьей-то ногой?..

— Да он попросту казнил всех колдунов, какие еще оставались при дворе, и сделал это чуть не через три дня после коронавания. Когда правил его отец Гефенис, колдунам во Дворце счета не было. Гариан никому не сказал, что собирается сделать. Некоторые чародеи, правда, успели под тем или иным предлогом удрать из Дворца, зато остальные... Гариан отдал приказ Золотым Леопардам после полуночи, а к рассвету все было уже кончено. Колдунов, какие оставались еще во Дворце, выволокли из кроватей и всем поотрубали головы. А Гариан сказал: кто успел смыться, вот те — настоящие колдуны. Могут за себя постоять. А кто не сумел догадаться о королевском намерении — шарлатаны и бездельники. Все имущество убитых раздали бедным, даже жителям Адских Врат. Ничего хорошего Гариан с тех пор больше не совершил...

— Занятно, — рассеянно произнес Конан. Между тем его острый взгляд внимательно ощупывал каждую тень. Впереди виднелся переулок, пересекавший их путь.

А сзади? Да! Кто-то вяпался в ту же дрянь, что испачкала сапоги Ордо, и вполголоса выражал свое недовольство.

— Давай говори дальше... — попросил Конан. Его клинок тихонько прошуршал о кожу, выползая из ножен.

Увидев, что сделал Конан, одноглазый удивленно приподнял бровь, однако потом и сам вытащил меч.

Оба пошли дальше, не подавая виду, но вполне готовые дать отпор.

— Что касается проклятия, — продолжал Ордо как ни в чем не бывало, — Гефенис заболел две недели спустя после весенних посадок. И, как только он слег в постель, дожди прекратились. Видишь ли, в Офире лило как из ведра. Аквилонии грозил потоп. А в Немедии — хоть тресни! Чем ближе был Гефенис к могиле, а Гариан к трону, тем сильнее делалась засуха. Когда он взошел на трон, поля были сухи, как старая кость. Ну и урожай собрали соответствующий. Это ли не подтверждение проклятия?

Они подошли к перекрестку. Тут Конан отступил в сторону, в тень, жестом показывая Ордо идти дальше.

Плотная фигура одноглазого неторопливо двинулась дальше в темноту, его голос постепенно затихал вдаль.

— Так как урожая не было, — говорил Ордо, — Гариан закупил зерно в Аквилонии, ну и, конечно, увеличил пошлины, чтобы расплатиться за него. Какие-то ненормальные, разбойники то есть, начали поджигать повозки с зерном около границы. Гариан опять поднял пошлины, чтобы нанять больше охраны для повозок, ну и купить зерна побольше, а его опять-таки жгут эти недоумки на границе. Из-за больших пошлин контрабанда сильно оживилась. Но я, как раз когда он...

Конан ждал, прислушиваясь. У него мелькнула была мысль достать клинок сумасшедшего, но Конану все еще чудилось исходившее от него зло — даже сквозь плащ. Лучше прислонить его к стене за спиной... Шаги преследователя слышались все ближе. Кто-то спешил, но спешил не очень уверенно. Конан наострил уши: так и есть, за ними шел всего один человек.

Легкая фигура, закутанная в плащ, вышла на перекресток и немного помедлила в темноте, прислушиваясь к удаляющимся шагам Ордо. Конан быстро выступил вперед, и его левая рука тяжело опустилась на плечо незнакомца. С силой развернув человека, киммериец мгновенно прижал его к стене, да так, что у непрошеного гостя с шумом вырвался воздух из легких. Держа меч у горла противника, Конан протащил его по улочке,

ища где посветлее. Но когда он разглядел лицо пойманного, у него рот открылся от удивления.

Это была та самая девушка, которая казалась так не к месту в «Зарезанном Быке»!

В больших карих глазах стоял страх, но девушка сумела заставить себя говорить довольно спокойно:

— Хочешь убить меня? Ну что ж, с тебя станется. Если уж ты способен предать женщину...

— О чем ты? — зарычал он. — Ты что, тоже с ворьем заодно?..

На первый взгляд трудно было в это поверить, но ему встречались вещи и похлеще.

— Еще чего! — ответила девушка. — Я — поэт. Меня зовут Ариана. Кстати, если ты все-таки не собираешься резать мне горло, так, может быть, уберешь этот меч?.. Знаешь ли ты, что они делали там, когда я уходила? Есть какие-нибудь соображения?..

— Кром! — пробормотал Конан, несколько сбитый с толку ее неожиданным напором. Меч, однако, он опустил.

Она нарочито сглотнула и пристально уставилась на него.

— Они бросали кости, кто первым... будет с ней. Каждый хотел принять участие. А в промежутках швыряли ее друг другу и били по задку, пока он не стал похож на две спелые сливы...

— Так ты про ту беленькую! — воскликнул Конан. — Про ту беленькую воровку. Уж не хочешь ли ты сказать, что отправилась за мной в Адские Врата только затем, чтобы поведать о ее участи?..

— Я не знала, что ты идешь в Адские Врата, — ответила она сердито. — Я привыкла действовать по первому побуждению. И вообще, какое твое дело, куда я иду? Я не рабыня, уж во всяком случае не твоя. А та... бедная девушка! После того как ты отпустил ее, я подумала, что тебе стало жаль ее, что ты не такой, как все, несмотря на внешность дикаря. Но...

— Ты знала, что она воровка? — вставил Конан.

Ариане пришлось защищаться:

— Чем-то ведь надо ей жить! Я полагаю, тебе не откуда знать, как люди становятся ворами, что такое нищета и голод и что они делают с людьми. Конечно, ведь у тебя огромный меч, крепкие мускулы и...

— Заткнись! — рявкнул Конан, но тут же понизил голос и оглянулся по сторонам. В таком месте, как Адские Врата, лучше не привлекать лишнего внимания.

Когда он снова взглянул на девушку, она смотрела на него во все глаза, раскрыв рот.

— Я знаю, что такое бедность и голод, — сказал Конан спокойно. — И что значит быть вором, я тоже знаю. Все это я испытал на себе еще до того, как начал бриться.

— Мне жаль, — медленно проговорила девушка. Конан с раздражением понял, что эти слова больше относятся к его голодному детству, нежели к тому, что она тут наговорила.

— Что касается той девицы. Я дал ей возможность, она пренебрегла ею. Я же ей сказал, что удачи ей больше не будет. Так оно и было, потому что я ее поймал. Ты же сама видела.

— Наверное, мне надо было поговорить с ней, — вздохнула Ариана.

Конан покачал головой:

— Что ты за женщина? Поэтесса, говоришь. Сидишь в таверне на улице Сожаления и переживаешь за воров. Одеваешься, как целомудренная дочка лавочника, а говоришь, как знатная дама. Идешь за мной в Адские Врата, чтобы отругать. — Он басовито рассмеялся. — Вот вернется Ордо, проводим тебя обратно на улицу Сожаления, и Митра спаси шлюх и карманников от встречи с тобой!

В глазах девушки зажегся опасный огонек.

— Я действительно поэт, причем не из последних! И что тебе не нравится в том, как я одеваюсь? Ты, верно, предпочел бы, чтобы на мне были узенькие полоски шелка и я бы извивалась, как...

Конан закрыл ей рот ладонью и прислушался, затаив дыхание. Девушка смотрела на него влажными

расширенными глазами. Вот снова послышался тот же звук, который и заставил его насторожиться. Шорох стали, выходящей из ножен...

Конан отшвырнул девушку подальше в темноту переулка и крутанулся назад, как раз навстречу первому из преследователей. Не успел нападавший поднять клинок, как меч киммерийца перерезал ему горло.

За тем, кого сразил Конан, по пятам следовало еще трое. Первый из них споткнулся о падающее тело, потом дико завопил: клинок Конана обрушился ему между шеей и плечом. В это время откуда-то сзади раздался крик, сразу захлебнувшийся хрипом. Услышав следом боевой клич «Рыжий Ястреб!», Конан понял, что это Ордо вступил в драку. Разбойник, оказавшийся перед Конаном, занял оборонительную позицию. Он явно нервничал, пытаясь разглядеть, что происходит позади, не спуская при этом глаз с рослого киммерийца.

Внезапно Конан закричал и повел плечами, якобы собираясь рубануть сверху вниз. Клинок противника взметнулся навстречу. Конан стремительно подался вперед, и они оказались лицом к лицу, вот только меч киммерийца на добрый фут торчал из спины нападавшего. Конан смотрел в глаза умирающему человеку. Даже в темноте он сумел разглядеть в них отчаяние и тень приближающейся смерти. Потом осталась одна только смерть. Конан вытащил свой клинок и вытер его о плащ убитого.

— Не ранен, Конан? — окликнул Ордо. Он шел к Конану переулком, впотьмах запинаясь о трупы.

— Как раз вытираю мой... — И тут ноздри Конана наполнил отвратительный запах. — Кром! — вырвалось у него. — Что это?..

— Я вляпался во что-то, — мрачно пояснил Ордо. — Это меня задержало. А что там за девка?

— Я не «девка»! — возмутилась Ариана.

— Ее зовут Ариана, — сказал Конан. И слегка поднял брови, заметив, что она прячет в складках платья кинжальчик: небольшой, но вполне пригодный

для дела. — Надеюсь, ты же мне его предназначала, девочка...

— Так или иначе, он у меня был, — ответила она. — Допустим, я полагала, что против тебя он не понадобится. А кто это был? Твои друзья?

— Ворье, — фыркнул Конан.

Ордо наклонился над одним из убитых.

— Не хочешь посмотреть, Конан? Слишком уж хорошо одеты для подобного места...

— Наверное, местные богачи, — сморщил нос киммериец. — Слушай, Ордо, давай-ка проводим Ариану на улицу Сожаления да и поищем для тебя баню. Если, конечно, ты намерен продолжить совместную выпивку...

Ордо шепотом выругался.

— Если вам все равно, — начала Ариана, потом засомневалась в чем-то и остановилась, покусывая пухлую нижнюю губу. Затем решительно кивнула. — Все будет хорошо, — заметила она будто бы про себя. — Есть тут одна гостиница, «Феста», совсем рядом с улицей Сожаления. Там можно вымыться. Вы можете даже остановиться, как мои гости, по крайней мере на ночь...

— «Феста!» — не поверил Ордо. — Где это видано, чтобы гостиницу называли в честь Богини музыки и всего такого прочего?..

— А вот и назвали, — ответила Ариана с некоторым вызовом. — Если вы приглашены, постель, еда и вино — бесплатно, хотя и подразумевается, что вы дадите немного денег, если сможете. Вы все поймете, когда сами увидите. Ну? Идете или так и будете вонять тут, пока не наберете две серебряные монеты на мытье в купальне?

— Почему ты зовешь нас? — спросил Конан. — Помнится, совсем недавно ты была отнюдь не так дружелюбна...

— Вы мне интересны, — просто ответила Ариана.

Ордо от этих слов тихонько захихикал. А Конан пожалел, что одноглазый так скверно пахнет: подойти бы да поддать ему как следует. Киммериец торопливо подобрал свой плащ с завернутым в него старинным мечом.

— Пора выбираться отсюда, — сказал он, — пока на шум не прибежали еще какие-нибудь подонки.

Стараясь не ступить в грязь, они поспешили прочь из Адских Врат.

Глава 4

Албанус резко затянул на талии пояс шитого золотом халата и с важным видом вошел в комнату, предшествующую спальне. Здесь все было устлано коврами. Золотые лампы заливали мягким светом настенные барельефы, изображавшие сцены из жизни Брагораса — полупоупендарного древнего короля Немедии. Албанус претендовал на чистое и незапятнанное происхождение от знаменитого короля, причем как по отцовской линии, так и по материнской.

Вельможа с хищным лицом загодя велел слугам поднять его с постели в любое время, как только явятся Веджент и Деметр. И вот эти люди ждали его. Похоже, оба они этой ночью вовсе не спали. Накидка солдата, расшитая золотыми леопардами, была смята и пропитана потом. А у молодого человека вид был и вовсе измученный.

— Что вам удалось разузнать? — безо всяких предисловий требовательно спросил Албанус.

Деметр пожал плечами и недовольно засопел, сделав вид, что нюхает свой вечный ароматический шарик. Что до Веджента, то и ему давно не нравился резкий тон Албануса.

— Ничего! — отрезал он. — Меч исчез! По мне, и шут с ним. Нам он не нужен, а ты уже добился смерти Мелиуса, всучив ему эту штуковину. Хотя, Митра свидетель, невелика потеря...

— Откуда было мне знать, что проклятый меч сломит его разум? — вырвалось у Албануса. Ему пришлось крепко стиснуть руки, чтобы не выдать их дрожи. — Меч, — с трудом овладев собой, продолжал Албанус, — непременно должен быть найден. Еще один

такой случай, как сегодня, еще один бешеный с мечом в руке — и Гариан поймет, что в Немедии снова колдуют. Хотя он и не любит волшебства, все-таки может завести у себя во Дворце одного-двух магов. Для зашиты. Вы что же, воображаете, я позволю так вот за просто разрушить мои планы?

— НАШИ планы, — вежливо напомнил Деметр, не убирая ароматического шарика от лица.

Албанус скривил губы, что должно было означать улыбку.

— Наши планы, — согласился он. Но через мгновение даже мимолетный намек на мягкость исчез без следа. — Допрошены ли стражники, Веджент? В конце концов, это ведь они убили господина Мелиуса...

Веджент коротко кивнул головой:

— Все, кроме их старшины. Он исчез. Когда Золотые Леопарды явились в казармы с арестами, его уже там не было. Что ж, удрал, значит, виновен. Он наверняка что-то знает.

— Скорее всего, — пробормотал Деметр, — он знал, какими способами будут допрашивать...

— Если только это не он уволок с собой меч, — сказал Албанус. — Что говорили стражники на допросе?

— Не особенно много, — вздохнул Веджент. — В основном они просили пощады. Они твердят, что им было приказано остановить сумасшедшего, резавшего без разбора в Торговом районе. Когда они прибыли туда, сумасшедший дрался с дикарем, по виду северянином. Сумасшедшего они застрелили. Когда же поняли, что убили знатного господина, они испугались так, что им мигом стало не до какого-то там меча. Они даже и дикаря не прихватили с собой!

— Так он что, остался жив? — удивился Албанус. — Должно быть, это искусный фехтовальщик!

Веджент пренебрежительно засмеялся:

— Мелиус едва ли знал, за какой конец меч держат...

— Все дело в самом мече, — возразил Албанус. — Шесть лучших фехтовальщиков были убиты ради него.

Кости их горели в кузнечном горне, а кровь закаляла меч. Так мастерство людей передалось металлу...

— Веджент только и знает, что резать и рубить по-мясницки. — Голос Деметра сочился насмешливым ядом. — Что же касается истинного искусства...

Его меч вылетел из ножен в одно мгновение. Деметр слегка согнул колени и протанцевал по многоцветному пространству ковра. Меч так и сверкал в его руке, выписывая в воздухе замысловатые фигуры.

— Такая забава, может, и хороша для поединков до первой крови, как это принято между знатными господами, — язвительно заметил Веджент. — В бою, когда жизнь твоя висит на кончике меча, этого мало.

— Хватит! — рявкнул Албанус. — Ну! Вы, оба! — Он перевел дух. Когда-нибудь он позволит им сразиться и позабавится их поединком... а победителя потом посадит на кол. Но теперь — не время. Тридцать лет упорного труда! Тридцать лет унижительного страха!.. Потрачено слишком много времени и усилий, чтобы сейчас все это рухнуло. — Взять меч мог и дикарь, — сказал Албанус. — Найдите его! Отыщите меч во что бы то ни стало!

— Я уже кое-что начал, — самодовольно сказал солдат. Квадратная челюсть от важности стала еще заметнее. — Я сообщил Тэрасу. Он должен был послать шпионов всю ночь шнырять по переулкам...

— Хорошо. — Албанус потер руки. Звук был как от шуршащего пергамента. — А ты, Деметр? Что делал ты, чтобы отыскать меч?

— Задавал тысячи вопросов, — вяло ответил юный вельможа. — Повсюду, от улицы Сожаления до дома Тысячи Орхидей. Но ничего не узнал. Если бы Веджент додумался рассказать мне о варваре, поиски были бы проще...

Веджент, самодовольно улыбаясь, разглядывал свои ногти.

— Кому придет в голову искать тебя в доме Тысячи Орхидей? Своих клиентов они снабжают только женщинами...

Деметр со стуком швырнул меч обратно в ножны, и было видно, что он мысленно вонзал его в сердце солдата. Однако рот открыть он так и не успел. Албанус опередил его:

— Нет времени для перепалок! Найдите меч! Украдите, купите — мне все равно. Но достаньте его! И чтоб тихо, без шума...

— А что, если владелец обнаружил свойства меча? — спросил Деметр.

— Тогда убейте его, — равнодушно сказал Албанус. — Или ее.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Еще одно, — спохватился Веджент. — Тэрас хочет видеть тебя.

Албанус вновь повернулся к ним лицом, глаза жесткие, как два черных камня.

— Этот мерзавец осмеливается? Да он камни мостовых лизать должен за то золото, что ему заплатили...

— Он боится, — сказал Веджент. — Он и некоторые другие, кто хоть как-то представляет себе, что они на самом деле делают. Я могу запугать их. Но даже золото не вправит им мозги, пока они не увидят тебя и не услышат лично от тебя, что все будет именно так, как ты говорил.

— Разрази их Митра! — Албанус перевел глаза на барельеф. Неужели и Брагорасу доводилось иметь дело с такими людьми?.. — Хорошо. Соберите их для встречи в каком-нибудь неприметном месте.

— Будет сделано, — ответил солдат. Неожиданно Албанус улыбнулся. Они впервые видели, чтобы он так искренне улыбался.

— Когда я взойду на трон, я велю содрать кожу живьем с Тэраса и всей его шайки на площади Королей. Добрый правитель должен защитить своих подданных от таких, как он. — И Албанус засмеялся коротким лающим смехом. — Теперь уходите. А когда вернетесь, чтобы доложили мне об успехе.

И он удалился точно так же, как и вошел, — без каких-либо церемоний. Он больше не считал для себя

необходимым соблюдать правила приличия, принятые между обычными смертными. В любом случае эти двое — глупцы. Не могут понять, что он не делает никакой разницы между ними и Тэрасом. Когда все будет кончено, он и с ними разделается так же жестоко. Ведь если они предали одного короля, смогут предать и другого...

Вернувшись в тускло освещенную спальню, Албанус неторопливо подошел к большой квадратной пластине прозрачного хрусталя, подвешенной на стене. Тонкий кристалл ничем не был украшен, только по внешним краям его сохранились странные отметки, расположенные в прозрачной толще кристалла. Сейчас их почти не было видно: спальня освещалась всего одной маленькой лампой на золотом треножнике. Но Албанус много раз пользовался кристаллом, и его пальцы безошибочно дотрагивались до отметок, соблюдая нужную последовательность. При этом он нараппев произносил какие-то слова на языке, умершем тысячелетия назад.

Вот Албанус убрал палец с последней отметки. Кристалл потемнел и стал серебристо-синим. Потом в нем постепенно стало проявляться изображение. Было видно, как люди ходили и разговаривали, жестикулируя. Вот только не было слышно ни единого звука. Албанус уставился на изображение Гариана. Вероятно, сказал он себе, король считает себя в безопасности, находясь в Королевском Дворце. Вон, обсуждает что-то с советниками, которым больше всего доверяет, — длиннородым Сульпицием и лысым Малариком...

Видно было, что король высокого роста, с широким подбородком и хорошо развитыми мускулами. Таким его сделала юность, проведенная в боевых походах. Теперь он начинал понемногу обрастать благополучным жирком — результат полугодового пребывания на троне. Темные, глубоко посаженные глаза смотрели уже не так открыто, как бывало раньше. Да, исполнение королевских обязанностей не прошло для него бесследно...

Пальцы Албануса вновь легко заскользили по поверхности кристалла. Лицо Гариана увеличилось и заняло почти всю поверхность.

— Почему ты делаешь это так часто? — прозвучал голос с атласных подушек, раскиданных на постели Албануса: оттуда за ним наблюдала блондинка с кошачьими сапфировыми глазами. Она томно потянулась: ее кожа переливалась, точно смазанная медом слоновою костью, а ноги, длинные ноги танцовщицы, казались еще длиннее, так как носки она вытянула. Роскошная грудь приподнялась, когда женщина гибко выгнула спину. Албанус почувствовал комок в горле.

— Что же ты не отвечаешь? — самым невинным тоном спросила женщина.

Сука, подумал он.

— Я хочу, Сулария, чтобы он некоторым образом присутствовал при том, как его любовница извивается и стонет.

— И это все, что я для тебя значу? — спросила она, на сей раз с известной хрипотцой; ее голос обволакивал Албануса, как теплое масло. — Только оружие мести Гариану?

— Да! — ответил он беспощадно. — И если бы у него была жена или дочь, тебе пришлось бы чередоваться здесь с ними!

Женщина подняла глаза, рассматривая кристалл и лицо, видневшееся в нем.

— У него нет времени даже для любовницы, не говоря уже о жене. Да, ты в ответе за многие несчастья, которые занимают его время. А что скажут твои сообщники, если узнают, что ты рискнул соблазнить любовницу короля?

— Что значит — рискнул? — В его лице и голосе была угроза. — Или ты вздумала меня страшить?

Она повернулась на подушках и посмотрела на него. При этом легла так, чтобы пышная округлость бедер выгодно подчеркивала тонкую талию.

— Нет, — сказала она тихо. — Я хочу только слушать тебе.

— Почему? — настаивал он. — Сначала я хотел, лишь чтобы ты приходила на мое ложе. Ты сама вылезала шпионить во Дворце; на коленях у моих ног ты нашептывала мне, кто что сделал и кто что сказал. Почему?

— Власть, — выдохнула она. — Я способна чувствовать власть в человеке... чувствовать, кому будет принадлежать власть. Такой человек притягивает меня, как огонь мотылька. И я чувствую в тебе власть гораздо больше, чем в Гариане...

— Ты чувствуешь власть. — Он прикрыл глаза веками и далее говорил почти про себя. — Я тоже чувствую в себе власть. Это всегда было так — я знал, что она во мне. Я рожден, чтобы стать королем и сделать Немедию империей. И ты первая, кто понял это. Скоро люди выйдут на улицы Бельверуса и с мечами в руках потребуют, чтобы Гариан отрекся в мою пользу. Очень скоро! В этот день я сделаю тебя знатной дамой, Сулария. «Госпожа Сулария», а?

— Я благодарю тебя, о мой государь...

Он вдруг решительно расстегнул халат и сбросил его, повернувшись так, чтобы человеку в кристалле, если бы он на самом деле мог видеть оттуда, хорошо была видна кровать.

— Иди же сюда и окажи почести своему королю! — приказал он.

Рот Суларии приоткрылся во влажной улыбке. Она поползла к нему на коленях...

Глава 5

Когда на следующее утро Конан спустился в общую комнату гостиницы «Феста», ему снова показалось, что он попал на сборище людей немного чокнутых. Две лиры, четыре цитры, три флейты да еще шесть арф, от большой до маленькой, звучали одновременно. Только вот музыканты сидели в разных концах комнаты и играли каждый свое.

Один человек декламировал стихи. Он очень старался, помогал себе руками, как будто перед ним был богатый заказчик. Увы, он обращался к стене... Вокруг большого стола, уставленного глиняными фигурками, собралось около дюжины мужчин и женщин. Стараясь перекрыть музыку, они пытались объяснить друг другу ошибки, допущенные при лепке. Три человека у подножия лестницы тоже кричали что-то, причем одновременно. Что-то насчет того, когда нравственно недопустимое действие необходимо совершать из нравственных же соображений. По крайней мере, так показалось Конану. Да, в этой комнате полно было молодых людей — всем было только за двадцать, — и все что-то кричали. Не одно так другое.

Вчера вечером Конану и Ордо оказали здесь, можно сказать, радушный прием. В гостинице тогда было не больше двух десятков человек. Если только это вообще была гостиница. Конан уже в этом готов был усомниться. Орава, сидевшая в общей комнате, пялилась на них с Ордо так, будто Ариана привела в дом двух бритунийских медведей. Вообще говоря, примерно так они и выглядели среди этих юнцов, из которых лишь несколько носили на поясах ножи, да и то коротенькие, только мясо резать.

Ордо сразу вышел, чтобы помыться. Для этой цели в маленьком грязном дворике стояли деревянные корыта. Да уж, это вам не мраморные дворцы чистоты для богатых бездельников, хотя и такие в городе были. Пока Ордо мылся, странные молодые люди окружили Конана, и все просили его рассказать что-нибудь. При этом, если кружке Конана начинала грозить засуха, в нее тут же подливали дешевого вина. Когда же вернулся Ордо, они насели с тем же и на него. В результате Конан и Ордо, соперничая друг с другом, далеко за полночь толкали истории одна удивительнее другой.

Необычные молодые люди — иные из них представлялись художниками, другие — музыкантами, а третьи — философами — слушали их с Ордо, как при-

шельцев из другого мира. Те, что именовали себя философами, часто вставляли замечания более чем странного свойства. Конан не понял ни одного. Правда, через некоторое время до киммерийца дошло, что и все остальные понимали не больше. За каждым таким высказыванием какого-нибудь философа следовало мгновение тишины, причем все в нерешительности смотрели на говорившего, стараясь угадать, что следовало делать: торжественно поддакнуть в восхищении премудростью или хохотать, радуясь удачной шутке. Раза два Конан заподозрил, что над ним смеются, но ничего по этому поводу не предпринял. Не убивать же человека, если не вполне уверен в его вине...

У подножия лестницы Конан протиснулся мимо философов — никто из троих не обратил на него внимания, — а в следующий миг буквально остолбенел.

В углу комнаты, на столе, стояла Ариана. Обнаженная!!! Между прочим, фигурка у нее оказалась легкой и стройной, и тем приятнее было смотреть на округлости груди и бедер...

Конан быстро сбросил с плеч плащ — волнистый клинок сейчас был надежно спрятан в крошечной комнате, предоставленной Конану на ночь, — а потом решительно пересек комнату и протянул плащ Ариане.

— Возьми, девочка. Честное слово, такие занятия не для тебя, — сказал он. — А если тебе деньги нужны, так у меня хватит, чтобы нам обоим какое-то время кормиться...

Несколько мгновений Ариана стояла по-прежнему неподвижно, спокойно подбоченившись, и смотрела на него сверху вниз, не в силах понять, что происходит.

А потом вдруг откинула голову и звонко расхохоталась.

Потрясенный Конан почувствовал, как лицо наливается кровью: не очень-то ему нравилось, когда над ним смеются. Ариана сейчас же опустилась на колени, не слезая, впрочем, со стола, на лице было написано раскаяние. Конан же мигом взмок: прекрасная грудь Арианы оказалась в двух вершках от его лица.

— Прости меня, Конан, — сказала она тихо, во всяком случае за общим шумом никто, кроме него, не услышал. — Кажется, я никогда и не слышала слов благородней. Зря я посмеялась...

— Если тебе так уж охота покрасоваться нагишом, — ответил он сердито, — почему бы тебе не пойти в какую-нибудь таверну? Там за это хоть платят...

— Видишь вон тех людей? — указала она на трех мужчин и двух женщин, сидевших за столом. У каждого был кусок пергамента, прикрепленный к доске, и угольный карандаш. Все они нетерпеливо поглядывали на девушку и на Конана. — Я позирую им, — продолжала Ариана. — У них нет денег нанять кого-нибудь, вот я и делаю им одолжение.

— У всех на виду? — недоверчиво поинтересовался он.

— У нас мало места, — отчасти забавляясь, объяснила она Конану. — Кроме того, все тут так или иначе люди искусства, они не обращают внимания.

Глядя на ее точеное тело, он мог биться об заклад с кем угодно, что это не так. Но он только сказал:

— По мне, ты можешь делать то, что считаешь нужным.

— Вот и правильно.

Ариана сделала знак рукой людям, ожидавшим ее, и спрыгнула со стола. Ее тело в движении было еще обольстительнее, чем во время позирования. Конан испытывал просто невыносимые муки. Уже скорее бы, что ли, она кончила скакать тут в таком виде и накинула хоть что-нибудь!.. Ему едва хватило выдержки, чтобы тут же не перекинуть ее через плечо и не унести в свою комнату. Потом он заметил, как в глазах Арианы зажглись огоньки, а на щеках проступил легкий румянец.

Она отлично знала, какое впечатление произвела.

Ариана проворно взяла у него плащ и целомудренно завернулась в него.

— А сейчас я хочу выпить немного вина. С тобой...

Конан оглядел ее в плаще и вопросительно поднял бровь. Ариана ответила со смехом:

— Там, на столе, это по-другому: я позирую. А раз уж спустилась, то я просто голая. Пойдем, вон столик освобождается.

Она быстро пошла вперед, он — следом за ней, удивляясь непостижимой разнице между «на столе» и «на полу». Что за существа эти женщины? Разве их поймешь когда-нибудь?.. Как только он уселся на табуретку напротив Арианы, кто-то сразу поставил на грубо сколоченный маленький столик глиняный кувшин с вином и две помятые металлические кружки.

Конан по привычке полез в кошелек, но никого рядом уже не было.

Он покачал головой:

— Первый раз вижу таверну, где не требуют денег вперед...

— Неужели никто тебе не объяснил вчера? — засмеялась она.

— Может, и объясняли. Но вчера было столько вина...

— А что, ты и правда совершил все то, про что рассказывал? — Ариана с интересом наклонилась к нему через стол. Верх плаща разошелся, и было видно начало прекрасных округлых линий, уходящих под ткань. Конан отметил про себя, что даже это небольшое ласкает взгляд несколько не менее, чем общая картина, которую он только что созерцал. Интересно, она что, нарочно?..

— Ну, почти все, — уклончиво ответил он. По правде говоря, он просто не помнил, что именно они с Ордо вчера им задвигали. Кажется, действительно было слишком много вина. Конан наполнил кружки.

— Я так и думала, — заметила Ариана с удовольствием. — Что касается денег, просто дай сколько можешь. Так делают все, кто живет здесь, хотя те, кто приходит только днем, иногда и вовсе не платят. Некоторых из нас снабжают наши семьи, и, конечно, мы все вкладываем сюда. Наши родственники не одобряют такое житье, зато радуются хотя бы тому, что мы не торчим дома: от нас им одни неприятности. То, что

остается, мы тратим на хлеб и соль для голодных жителей в Адских Вратах. Конечно, этого мало, — тут она вздохнула, — но голодному дорога каждая крошка...

— Значит, кое у кого из этих людей есть богатые родственники? И они дают им деньги? — спросил Конан, недоверчиво оглядываясь по сторонам. Но тут же сообразил, что сама Ариана говорит как образованная женщина.

— Мой отец — знатный человек, — сказала она виновато. В ее устах это прозвучало, словно признание в преступлении.

— Тогда почему ты живешь здесь, рядом с Адскими Вратами, и позировешь на столе голая? Ты что, не можешь писать свои стихи, сидя в отцовском дворце?

— Ах, Конан, — вздохнула она, — неужели ты не понимаешь, что это несправедливо, когда знатные господа утопают в золоте, в то время как нищие голодают в своих лачугах?

— Может, это и так, — ответил Конан, — но лично я все-таки люблю золото... хотя в достатке его у меня никогда не бывало. Что же касается бедных... Если бы я был богатым, то, насколько я себя знаю, сумел бы набить доброй едой не одно голодное брюхо...

— Какого еще ответа можно ждать от подобного типа? — сказал, подставляя себе табуретку, какой-то долговязый мужчина. На его длинном лице словно бы лежала печать постоянного недовольства. Хмурый вид усугублялся густыми бровями, сросшимися на переносице. Он стрел кружку Арианы и мигом выхлебал половину. Конан наконец вспомнил его. Вчера этот мужчина назвался скульптором и только и делал, что лапал Ариану. Она, казалось, не обращала внимания на его вольности, но кружку назад забрала довольно-таки сердито.

— Это честный ответ, Стефано, — сказала Ариана. Стефано только фыркнул. — Он щедрый человек, Стефано, — продолжала девушка. — И, я думаю, он остался бы таким же, если бы разбогател. — Она прямо посмотрела Конану в глаза. — Но неужели ты не ви-

дишь, что одной щедрости недостаточно? В Адских Вратах живут люди, которым не хватает денег на кусок хлеба, а знать сидит себе спокойно в роскошных домах, да и купцы знай богатеют день ото дня. Гариан — несправедливый король. Всем понятно, что нужно сделать...

— Ариана! — резко перебил Стефано. — Это опасная тема. Держи лучше язык за зубами.

— А по какому это праву ты меня учишь? — с каждым словом девушка горячилась все больше. — Что бы ни было между нами, ты не имеешь права распоряжаться мной! Я не твоя вещь!

— Я и не говорю, что ты моя вещь, — отвечал он, вспыхивая в ответ. — Я только хочу, чтобы ты хоть немного слушалась меня. Не говори так с незнакомцами!

Ариана презрительно вскинула великолепную голову, большие карие глаза смотрели холодно.

— Стефано, а ты уверен, что не ревнуешь? Может, просто хочешь избавиться от соперника?

Скульптор моментально залился краской до корней волос.

— Может, он и вправду чужак, — беспощадно продолжала Ариана, — но он именно тот человек, какого мы ищем. Воин. Или ты думаешь, я не слышала, как Тэрас сотни раз об этом с тобой заговаривал? Нам необходимо иметь бойцов, если мы...

— Милосердный Митра! — простонал Стефано. — Ну никакой в тебе осторожности, Ариана! Это же северный варвар, он, скорее всего, и отца-то своего не знал, а уж за серебряную монету и честь и душу продаст. Попритвори язык, говорю!

Левой рукой Конан вытянул меч из ножен, не полостью, но так, чтобы часть клинка у рукоятки была видна над столом.

— Когда я был еще мальчиком, — проговорил он ровным голосом, — я видел, как с мечом в руке пал мой отец. Этим самым мечом я потом сразил убийцу отца. Ну что, продолжим разговор?

Стефано таращился на меч во все глаза. Хмурого, презрительного вида как не бывало. Прерывисто дыша, он облизнул пересохшие губы.

— Ты видишь, Ариана? Теперь ты видишь, что это за человек? — Он встал из-за стола, со скрежетом отодвинув табуретку. — Пойдем со мной, Ариана! Сейчас же оставь его!

Вместо ответа она протянула Конану свою кружку.

— Нельзя ли еще вина?

Она даже не посмотрела на Стефано, вообще отказываясь его замечать. Конан наполнил ее кружку, и Ариана выпила.

Стефано в нерешительности смотрел на нее, потом начал пятиться назад.

— Попридержи язык! — закончил он свистящим шепотом и ринулся прочь, едва не налетев в спешке на соседний столик.

— Ну что, придержишь язык? — спокойно спросил Конан.

Некоторое время Ариана молча разглядывала вино.

— Судя по твоим рассказам, твой меч, похоже, всегда чует, где больше золота. Ты всегда выбираешь того, кто может больше заплатить?

— Нет, — сказал он. — Мне случалось отказываться от золота, чтобы только не вляпаться в какое-нибудь дерьмо. — Он вздохнул и добавил честно: — Хотя и в самом деле люблю золотишко...

Ариана запахнула плащ поплотнее и встала.

— Может быть... Может быть, мы поговорим об этом позже. Меня ждут, чтобы закончить рисунок.

— Ариана, — начал он, но она перебила:

— Стефано думает, что у него есть какие-то права на меня... — и закончила коротко: — У него их нет.

И ушла так же стремительно, как и Стефано.

Конан допил вино, бормоча проклятия. Потом повернулся и увидел, как Ариана сбрасывает плащ и встает на стол, чтобы продолжать позирование. Через некоторое время глаза их встретились, но Ариана тут же отвела взгляд. Вскоре, однако, она не

выдержала и снова посмотрела на него, но только на мгновение.

Грудь ее волновалась в такт неровному дыханию, а лицо ярче и ярче разгоралось румянцем. Наконец она тихонько вскрикнула, соскочила вниз и схватила отделанный мехом плащ, стараясь не смотреть на Конана. Пробираясь между столиками, она снова завернулась в его плащ — и только пятки засверкали вверх по лестнице.

Наливая себе еще вина из глиняного кувшина, ким-мериец самодовольно улыбнулся. Может, не все еще так плохо...

Напротив Конана на табуретку опустился Ордо. Его единственный глаз смотрел угрюмо.

— Слышал ты, о чем говорят здесь? — тихо спросил он. — Случись поблизости хоть один стражник, уже завтра кто-то надевал бы на пики отрубленные головы и под каждой вешал табличку: за вольнодумство...

Конан незаметно повел глазами, высматривая, не подслушивает ли их кто-нибудь, и спросил:

— А может быть, за мятежные помыслы?

— Эти-то? — Одноглазый насмешливо фыркнул. — Да уж топали бы прямо на плаху и просили палача, чтобы головы им поотрубал. И, заметь, не потому, что город не готов к волнениям, нет. Но мятежники из них, как из младенцев, сосущих сладкую соску...

— А вдруг у них деньги есть? Золото, чтобы нанять воинов?

Пока Конан говорил, Ордо успел отпить глоток вина, но при этих словах подавился:

— Да ты что! Откуда им взять золото? Если бы хоть у одного из них был благодетель, можешь ставить что угодно, такой не стал бы жить на окраине Адских Врат.

— Отец Арианы — знатный господин, — спокойно сказал Конан. — Она говорила, у некоторых других тоже есть богатые родственники.

Одноглазый проговорил, осторожно выбирая слова:

— Ты хочешь сказать, они действительно готовят восстание? Или думают, что готовят?

— Стефано и Ариана чуть ли не прямо мне выложили...

— Тогда давай лучше сматывать удочки. Может, у этих ребят и есть таланты, но только не по части восстаний. Подумай сам: вчера с тобой познакомились, а сегодня уже выкладывают все как есть! Да будет тебе известно, наши головы тоже запросто могут оказаться на пиках...

Конан медленно покачал головой. Хотя на первый взгляд все выглядело именно так, как говорил Ордо. Он сказал только:

— Мне нравится здесь.

— Тебе нравится круглозадая поэтесса, и все, — свирепо зарычал Ордо. — Знаю я тебя: сдохнешь из-за хорошенькой женщины. Вспомни, козел, слепого провидца!

— Ты же вроде считал, что он рехнулся от старости, — засмеялся киммериец. — Давай-ка выпьем, Ордо. Хватит волноваться! Поговорим лучше о нашем Свободном Отряде.

— О чем говорить, пока у нас нет золота, — утрировано пробурчал Ордо.

— Золото я найду, — ответил Конан с большей уверенностью, чем чувствовал на самом деле. Никаких соображений о том, где бы его достать, у него не было. Все-таки не следует упускать из виду намеченную цель. Сейчас на такие отряды есть спрос, а если промедлить, вполне может статься, что все, кому по карману телохранители, уже наймут охрану... — Я найду золото, — повторил он. — Так ты говоришь, мы можем... э-э-э... одолжить оружие из хранилищ твоей шайки? А в дело оно годится? Видел я кольчуги, провезенные контрабандой, — так они были до того изъедены ржавчиной, что разваливались от сильного дождя. Да и мечи попадались — до первого удара...

— Нет, киммериец. Эти — хорошего качества, и выбор богатый. Да в этих хранилищах лежат все мечи, что на свете есть! Вендийские тульвары, шемширы из Иранистана, коринфийские махайры... Ну все, что

только душе угодно! Каких по полсотни, каких по сто штук. На пять тысяч человек хватит!

— Неужели так много? — пробормотал Конан. — Что же это они столько набрали и держат по складам? Хранить мечи! Какой с этого навар?

— Я только перевожу то, что указывают, от границы до Бельверуса. Мне платят за это золотом. А дальше — хоть трава не расти, лишь бы мой кошелек толстел после каждого путешествия. — Ордо опрокинул кувшин над кружкой, откуда вытекло лишь несколько капель. — Вина! — рявкнул он. Громовой призыв прозвучал так неожиданно, что в комнате наступила гребовая тишина.

Все повернулись и уставились на двоих великанов.

Стройная девушка, в таком же платье, как у Арианы, — от шеи до самых щиколоток, — нерешительно подошла к ним и поставила на стол еще один глиняный кувшин. Ордо порывшись в поясном кошельке и бросил ей серебряную монету.

— Сдачу возьми себе, детка, — сказал Ордо.

Девушка изумленно уставилась на монету, потом с облегчением рассмеялась и, удаляясь, присела перед ними в насмешливом глубоком поклоне. Разговор за соседними столиками постепенно возобновился.

Музыканты ударили по струнам, а поэт вновь заговорил со стеной.

— М-м-м, симпатичные здесь служаночки, — пробормотал Ордо, наполняя мятую металлическую кружку, — только одеваются точно храмовые девицы.

Конан спрятал улыбку. Одноглазый крепко выпил вчера вечером. Что же, скоро он выяснит, что за вино платить вовсе не обязательно. А пока пусть внесет деньги за себя и за него.

— Посуди сам, Ордо, — сказал он. — Кто еще мог собрать такое разношерстное оружие, как не подобные нескладехи художники?

— Что, опять ты о своем? — проворчал Ордо. — Ну, для начала, кто бы там ни управлял шайкой, ему совсем не нужно свержение Гариана. Дурацкие

пошлины, может, и вынимают у бедных кусок изо рта, зато контрабандистам — раздолье. А во-вторых... — Лицо его потемнело, на нем резче стал виден бледный шрам, уходивший под повязку. — Мы ведь уже были с тобой однажды в точно такой переделке. Неужели забыл, как мы удирали к вендийской границе, а палачи наступали нам на пятки? Еле ноги унесли...

— Я не забыл... — ответил Конан. — Я, кстати, об участии в восстании и не заговаривал.

— Ну да, не заговаривал. Зато вовсю обмозговывал, — проворчал Ордо. — Тобой управляют высокие чувства, дурак. Всегда был таким и таким, видно, помрешь. Камни Ханумана, приятель! Меня ты в такие дела больше не втянешь! Подумай лучше о золоте для нашего Свободного Отряда!

— О золоте-то как раз я все время и думаю, — ответил Конан. — Может, даже больше, чем надо, думаю...

Ордо простонал что-то невнятное, но Конану не пришлось больше оправдываться; к ним подошла стройная девушка, та самая, что подавала вино. Склонив голову, она наградила Конана взглядом наполовину застенчивым, наполовину приглашающим. Киммерийцу стало жарко.

— Как тебя зовут, детка? — спросил Ордо. — Э, да ты просто лакомый кусочек! Слушай, вылезай-ка из этого хлопкового мешка, укрась себя клочком шелка — и в любой таверне Бельверуса тебя с руками оторвут!

В ответ девушка весело рассмеялась, рассыпав по плечам шелковистые каштановые кудри.

— Спасибо, добрый господин, и за приветное слово, и за щедрый вклад... — Ордо нахмурился, ничего не понимая, а девушка продолжала: — Меня зовут Керина. — Взгляд прекрасных карих глаз скользил по Конану, как ласкающая рука. — А ты, судя по несравненным плечам, и есть тот самый Конан, о котором говорила Ариана. Я пока работаю в глине, но надеюсь, что когда-нибудь мои работы отольют в бронзе. Не

согласишься ли ты позировать мне? Денег у меня нет, но, может быть... — Ее рот приоткрылся, пухлая нижняя губа слегка оттопырилась, а глаза не оставляли сомнений, какого свойства договор она хотела бы заключить с могучим варваром.

После слова «позировать» Конан больше уже ничего не слышал. Перед глазами встала яркая картина: Ариана, позирующая на столе. Он почувствовал, как прилила к лицу кровь. Нет, не может быть, чтобы она имела в виду... Неужели она хочет...

Он с трудом сглотнул, потом кашлянул, прочищая горло:

— Ты говорила об Ариане. Она что-то просила передать мне?

— И почему только она первой положила на тебя глаз? — вздохнула Керина. — Да, она велела кое-что тебе передать. Она ждет тебя в твоей комнате. Говорит, хочет сообщить что-то очень важное... — закончила Керина с легкой ухмылкой.

Конан со скрежетом отодвинул табурет.

— Эй, девушка! — позвал Ордо. — Как там насчет позирования? Не знаю, что это такое, но, может, и я пригожусь?

Керина немедленно присела на освободившийся табурет...

Шагая через общую комнату, Конан каждый миг ждал возмущенного вопля Ордо, но, оглянувшись у подножия лестницы, он увидел, как одноглазый неторопливо кивает головой, а на роже его сияет довольная усмешка. Конан рассмеялся и побежал вверх по ступенькам. Похоже, его друг не даром потратил серебряную монету...

Наверху был длинный коридор с грубо сколоченными дверями направо и налево. Перегородки разделяли большие комнаты, которые здесь были когда-то, на множество маленьких. Когда Конан открыл дощатую дверь своей комнаты, Ариана стояла под маленьким окном, прорубленным высоко в стене. Ее тело все так же плотно облегал плащ варвара, сжатые кулачки

виднелись у подбородка. Конан закрыл дверь и при-
слонился к ней спиной.

— Я позирую, — начала она без предисловий. Глаза
Арианы так и сверкали, только вот какое чувство было
в них? Конан не мог толком понять. — Я позирую для
моих друзей, которые не могут нанять натурщиц. Я
делаю это часто и раньше никогда не смущалась. До
сегодняшнего дня...

— Я просто смотрел на тебя, — спокойно ответил
Конан.

— Просто смотрел... — Она то ли засмеялась, то
ли всхлипнула. — Ты смотрел на меня, а я чувствовала
себя одной из тех девиц, что извивались в «Зарезанном
Быке» под флейту на потеху мужикам, пускающим
слюни. Ослепи тебя Митра! Как ты посмел?..

— Ты — женщина, — сказал он. — Я просто смот-
рел на тебя, как мужчина на женщину.

Ариана закрыла глаза и стала говорить, обращаясь
к потрескавшемуся потолку:

— О, Мать наша Хама, почему меня сводит с ума
неотесанный варвар, у которого все мозги — в мече? —
Довольная улыбка расплылась на лице Конана, но тут
же исчезла, развевая яростной вспышкой больших
карих глаз. — Мужчина может иметь столько женщин,
сколько захочет, — продолжала она горячо. — Почему
мне предоставлена меньшая свобода? Не признаю! Я
сама выбираю себе мужчину и заявляю, что другого не
будет, пока мы не расстанемся, и это мое дело! Можешь
ты принять меня такой, какая я есть?

— Неужели мать никогда не объясняла тебе, что за-
давать этот вопрос — удел мужчины? — засмеялся он.

— Митра разрази твое сердце! — рассердилась
она. — Чего ради я теряю время? — Гордо выпрямив-
шись, она пошла к двери, и от резкого движения плащ
пахнул.

Конан протянул мускулистую руку и обнял Ариану
за талию под плащом. Она успела протестующе писк-
нуть, но и только. Конан подхватил ее. Плащ свалился
на пол, а нежная грудь прижалась к его широкой груди.

— Ну что, останешься со мной, Ариана? — спросил
он, глядя в ее широко открытые, наполовину испуган-
ные глаза.

И, не дожидаясь ответа, Конан запустил свободную
руку в спутавшиеся на затылке волосы Арианы и прижал
свои губы к ее губам. Она била его по плечам маленькими
кулачками, но только расшибла себе руки. Она изо всех
сил брыкалась, но бесполезно. Постепенно, однако, бе-
шеное сопротивление утихло, а потом она попросту до-
вольно замурыкала. Конан отпустил ее волосы. Зады-
хаясь, она без сил поникла головой на его грудь.

— Почему ты передумал? — выговорила она через
некоторое время.

— Я не передумывал, — ответил он. Она посмот-
рела на него снизу вверх с удивлением. Он улыбнул-
ся: — Сначала спрашивала ты. Теперь моя очередь
задавать вопросы.

Она рассмеялась чуть хрипло и откинула назад го-
лову.

— Мать наша Хама! — воскликнула она. — Не-
ужели я никогда не пойму этих непостижимых созда-
ний — мужчин?

Конан осторожно уложил Ариану на циновку. И
долгое, долгое время лишь звуки, порожденные страст-
тью, слетали с ее губ...

Глава 6

В это утро улица Сожаления вполне подходила на-
строению Конана. Вся мостовая была усыпана нестры-
ми остатками вчерашнего разгульного веселья; изредка
можно было увидеть человека, ковылявшего домой, —
мутные глаза, опустошенное лицо... Конан шел, отшвы-
ривая мусор с дороги. Бродячие собаки, рывшиеся в
отходах, рычали и огрызались на него, и могучий вар-
вар не менее свирепо рычал в ответ.

Уже десять ночей наслаждался Конан объятиями
Арианы в гостинице «Феста». Нежная пылкость

девушки и утоляла его страсть и одновременно разжигала ее. Стефано заливал ревность вином, но, памятуя о том, каков этот варвар в гневе, держал язык за зубами. Ордо, полностью покоренный стройной Кериней, даже перенес в «Фесту» свои пожитки из гостиницы, что была за три улицы отсюда. Вечерами Конан и Ордо состязались во вранье, попивая вино, пока очарование Арианы и Керины не разлучало их. Так проходили ночи.

Днем же все было иначе.

Услышав торопливо приближавшиеся шаги, Конан остановился подождать, и дальше они с Ордо шли уже вместе.

— Опять не везет, да? — спросил одноглазый, взглянув в лицо киммерийцу.

Конан коротко кивнул:

— Когда я накомылял по шее всем троим телохранителям, что служат сейчас господину Эранису, он предложил мне три золотые монеты и еще две за каждые десять дней с тем, чтобы я был их начальником.

— Ничего себе, не везет! — воскликнул Ордо. — Митра! Обычно телохранителям платят в два раза меньше. Меня так и подмывает бросить контрабанду! По крайней мере, будем в безопасности от плахи и палача...

— Но я должен в присутствии правителей города дать клятву верности: не оставлять службу два года.

— А-а, вот как...

Конан с силой ударил кулаком правой руки по левой ладони. Звук был, будто палкой треснули по натянутой коже. Пьяница, плетущийся домой, от неожиданности подскочил на целый фут и, не устояв, шлепнулся в лужу блевотины. Варвар даже не заметил.

— И вот так везде, — проворчал он сквозь зубы. — Будь ты хоть в Свободном Отряде, хоть сам по себе. Без клятвы верности к ним и не суйся! К тому же многие требуют три года, если не все пять...

— Знаешь, раньше, когда клятв не брали, — задумчиво сказал Ордо, — некоторые меняли хозяев через день, получая каждый раз на серебряную монету боль-

ше. Послушай! А почему бы не послужить тому, кто предлагает больше всего золота? Хоть этому, как его, Эранису. Хорошая плата обеспечена, а если тебе понадобится уйти, а он не будет отпускать, возьми да просто исчезни. Клятва, которая делает человека рабом, — да какая она, к дьяволам, клятва?

— Ну и придется исчезать из Бельверуса, а может, и вообще из Немедии, — сказав это, киммериец какое-то время молчал, только яростно пинал на ходу битые глиняные кувшины и грязные лохмотья брошенной одежды — прочь с дороги! Наконец он произнес: — Сначала это были только слова, Ордо, ну, об этом Свободном Отряде со мной во главе. Теперь — не только. Я решил не наниматься на службу, пока у меня не будет своего Свободного Отряда!

— Неужели тебе это так важно? — недоверчиво спросил Ордо. Он едва увернулся от помоев, вылитых из окна второго этажа, послал цветистое проклятье тому, кто выливал, но никого, конечно, в окне уже не было.

— Представь себе — да, — сказал Конан, не обращая внимания на причитания Ордо по поводу забрызганных помоями сапог. — В конце концов, — продолжал варвар, — главное, что есть у человека — это он сам. Только крепость его руки, держащей меч. Но для того, чтобы возвыситься, чтобы оставить в мире свой след, надо стать вождем. Я был воров, однако возглавил же туранское войско, и у меня неплохо получалось! Я не знаю, какие взлеты мне еще суждены и как далеко ведет дорога, по которой я иду, но я хочу достигнуть всего, на что способен мой ум и добрый меч. У меня будет свой Свободный Отряд!

— Когда он у тебя будет, — сухо заметил одноглазый, — не забудь взять с молодцов клятву верности.

И они повернули на улицу, что вела к гостинице «Феста».

Пока Конан смеялся, неизвестно откуда появились три человека с мечами в руках и перегородили узкую улочку. Тотот сапог за спиной заставил Конана быстро

оглянуться через плечо: еще двое вооруженных громил отрезали путь к отступлению. Меч киммерийца с тихим шорохом вышел из поношенных шагреновых ножен. Одновременно вспыхнул на солнце клинок Ордо: одноглазый повернулся лицом к тем, что подбирались сзади.

— Эй, или бы вы, а? — обратился Конан к троице, загородившей дорогу. — Ищите себе добычу полегче, где-нибудь в другом месте...

— Ой, про второго нам ничего не говорили, — пробормотал человек с тонким подергивающимся лицом, похожим на крысиную мордочку. Он стоял слева от Конана.

— Одного без другого нам не взять, — не слишком уверенно поднимая меч, ответил тот, что держался справа. Его бритая голова поблещивала на утреннем солнце.

— Здесь вы найдете только смерть! — сказал Конан. Левой рукой он расстегнул бронзовую булавку, скреплявшую отделанный мехом плащ, и подхватил его на руку, оставив свободно висеть.

Высокий человек с коротко подстриженной бородой, стоящий посередине, — он, похоже, был тут за главного — наконец подал голос:

— Убьем обоих! — и направил меч Конану в живот.

Могучий киммериец ушел от удара с ловкостью и грацией пантеры. Он отпнул плащом меч бородатого и одновременно впечатал правую ногу ему в пах, в то время как его собственный клинок отводил выпад бритоголового. Корчившийся от боли вождь нападавших силился выпрямиться, но Конан стремительно повернулся и ударил его левой ногой, на сей раз по голове, отшвырнув точно под ноги ринувшемуся вперед крысолопидеу. Оба свалились.

Бритоголовый мгновение промедлил, выпучив глаза на барахтавшихся приятелей, и это стоило ему жизни. Разящий меч Конана почти перерубил ему шею. Яркая красная кровь забила фонтаном: бритоголовый упал на

колени, потом рухнул лицом в уличную грязь. Крысолопидей кое-как встал на ноги и отчаянно замахнулся сверху вниз. Меч варвара со звоном встретил его клинок и направил его по дуге вниз. Лезвия при этом скользили один по другому, еще миг — и меч Конана уже торчал в груди негодяя.

Быстрый толчок ногой высвободил кийнок и отбросил тело биться в конвульсиях рядом с первым. Теперь — вождь... Бородатый был уже на ногах, его узкое лицо дышало яростью; пока Конан поворачивался, он успел занести меч, но тут же вытаращил глаза: огромный варвар мгновенно присел на корточки, коснувшись задом мостовой. При этом меч киммерийца провел кровавую борозду по животу бородатого. Тот завизжал, как женщина, уронил меч и, растопырив пальцы, попытался удержать вываливающиеся внутренности.

Смерть остекленила его глаза еще до того, как он упал на измытанную мостовую.

Конан обернулся к Ордо как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот отрубал голову своему второму противнику. Голова еще катилась по мостовой, а Ордо уже повернулся посмотреть, как там Конан. Из глубокой раны на руке, что держала меч, сочилась кровь, рана поменьше красовалась на лбу.

— Я уже слишком стар для таких переделок, киммериец...

— Ты всегда так говоришь. — И Конан наклонился проверить кошельки убитых им людей.

— Говорю тебе, это святая правда, — настаивал Ордо. — Если бы эти придурки не болтали и не дрожали, пока мы доставали мечи, они бы нас в куски искромсали. И так-то чуть яйца мне не отскрыжили. Староват я стал, что ни говори!

Осмотрев тела, Конан выпрямился и подбросил на ладони шесть новеньких золотых монет.

— Дураки или нет, но кто-то же послал их за одним из нас. Кто-то заплатил десять золотых монет за убийство... — Конан мотнул головой в сторону тех, кого

сразил меч Ордо: — Скорее всего, у каждого из своих ты найдешь по паре таких же монет...

Ордо выругался вполголоса и обследовал оставшиеся тела. Действительно, скоро и он держал четыре монетки такого же достоинства. Одноглазый крепко зажал их в кулаке.

— Крысомордый, помнится, говорил, что они не ожидали встретить двоих. Митра! Да кому приспичило платить десять золотых за таких, как мы?

Из ближайшего переулочка показался худенький долговязый мальчишка. Шел он не торопясь, нога за ногу. При виде окровавленных тел у него отвисла челюсть. Он завопил от ужаса и ринулся прочь. Крик его постепенно стих вдаль.

— Поговорим об этом в «Фесте», — сказал Конан. — Здесь мы, пожалуй, соберем слишком много слушателей.

— С нашим-то везеньем, — пробормотал Ордо, — чего доброго, еще и Городская стража надумает раз в полгода оторвать задницы от коек в казарме и выслать патруль...

Извилистыми улочками до гостиницы оказалось рукой подать, но, очевидно, шума короткой схватки здесь не услышал никто. Только Керина внимательно посмотрела на Конана и Ордо, когда они вошли. Было еще довольно рано, и зал, такой шумный к вечеру, почти пустовал.

— Ордо, — поинтересовалась девушка, — что это такое с твоей рукой?

— Упал, — неуклюже соврал Ордо. — Упал на разбитый винный кувшин...

Керина уколола его взглядом и вышла, правда, чтобы тут же вернуться с кипой чистых тряпок и кувшином вина. Откупорив вино, она стала промывать им рану Ордо.

— Нет! — закричал он, выхватывая у нее кувшин.

На губах девушки заиграла улыбка.

— Не настолько же тебе больно, Ордо!

— Совсем не больно, — проворчал он. — Я просто к тому, что вино надо употреблять не так...

И он опрокинул кувшин надо ртом, свободной рукой не давая девушке его отобрать. Она все-таки выдернула кувшин у него из рук, воспользовавшись моментом, когда Ордо остановился перевести дух. Смочив тряпку остатками вина, девушка промокнула рану на лбу одноглазого.

— Стой смирно, Ордо, — велела она ему. — Я потом принесу тебе еще вина.

На другой стороне общей комнаты Конан заметил человека, не совсем обычного для этой гостиницы. За столиком в углу сидел пригожий молодой человек в богато расшитом бархатном камзоле. С ним разговаривал Гракус, смуглокожий скульптор, которого Конан постоянно видел в обществе Стефано.

Обнаружив, что кто-то может желать его смерти, Конан стал подозрительно относиться к незнакомцам.

Он тронул Керину за руку.

— Что там за тип? — спросил он. — Ну, тот, что разговаривает с Гракусом. Кто он? Для художника больно уж хорошо одет...

— Деметр? Художник?.. — фыркнула она. — Ничтожество и расточитель! Говорят, у него тонкий ум, но лично я что-то не замечала. Он старается произвести на нас впечатление... на тех из нас, кто падок на подобных ему. Чаше, правда, он кутит по значным местам...

— Думаешь, это он? — спросил Ордо.

— Он, не он... — Конан только плечами пожал.

— Клянусь Эребусом, киммериец, я слишком стар!

— О чем это вы говорите? — требовательно спросила Керина. — Хотя нет, не знаю и знать не хочу. — Она встала и потянула за собой Ордо — ребенок, ведущий медведя. — Рану на руке надо немедленно смазать. Уж эти мне битые кувшины...

— Когда я вернусь, — окликнул Конана Ордо уже через плечо, — мы можем начать собирать подходящих ребят. Удружили нам супостаты, а?

— Договорились! — поднимаясь, ответил Конан. — А я схожу за мечом. За него тоже пару монет выручить можно.

Наверху, в своей комнате, киммериец приподнял одну из половиц и вынул волнистый клинок. Из маленького окошка лился неяркий свет, отблеск его тускло пробежал по лезвию и ярко вспыхнул на серебряной крестовине. Как вредные испарения поднимаются от гниющих болот, так и от меча исходило нечто отвратительное, отталкивающее...

Конан встал и завернул оружие в плащ, порванный тем, высоким. Держать волнистый меч голой рукой было невыносимо: варвара мутило от этого хуже, чем когда он в первый раз сразил человека.

Конан вернулся в общую комнату и увидел, что незнакомец в красном бархате ждал кого-то у подножия лестницы. Орлиный нос его втягивал ароматы из серебряного шарика, а глаза смотрели лениво и темно. Однако киммериец заметил, что рукоять меча вельможи была-таки довольно потертой, а руку, державшую шарик, покрывали мозоли фехтовальщика. Конан хотел пройти мимо.

— Одну минуту, пожалуйста, — вдруг сказал юноша. — Меня зовут Деметр. Я собираю древние мечи и не мог не услышать, что у тебя есть один такой. Говорят также, ты подумываешь его продать...

— Что-то не помню, чтобы я рассуждал о его древности, — заметил Конан. Было в этом человеке нечто змеиное, и киммерийцу это не нравилось. Такие способны улыбаться, пожимать тебе руку и одновременно метить ножом в спину. Тем не менее Конан решил продолжить разговор.

— Может, мне только показалось, будто ты назвал его древним, — ничуть не смутившись, сказал Деметр. — Если это так, то он мне и правда не интересен. Если же он в самом деле древний, вполне может быть, что я его и куплю. — Он посмотрел на сверток под мышкой у киммерийца. — Это не он у тебя здесь?

Конан вынул меч из-под плаща.

— Вот, — начал он и осекся, ибо Деметр тут же отпрыгнул и схватился за ножны на поясе. Киммериец перевернул меч и протянул юноше рукоять: — Может, хочешь попробовать?

— Нет, — сдавленным шепотом ответил тот. — Я и так вижу, это как раз то, что надо...

Последние губы Деметра были плотно сжаты, и варвару в голову пришла странная мысль: уж не боится ли парень меча?.. Он тут же отбросил ее, как явно глупую, и положил меч на ближайший столик. Рука, прикасавшаяся к волнистому клинку, казалась ему замаранной. Это было тоже глупо.

Деметр сглотнул и вздохнул с облегчением, когда увидел, что меч лежит на столе.

— Этот меч, — сказал он, глядя на варвара, — у него есть какие-нибудь... особые свойства? Волшебные, я имею в виду?

— Не замечал, — мотнул головой Конан. Отыщись таковые; цену можно было бы и набавить. Однако любое заявление на сей счет будет с легкостью опровергнуто. — Ну так сколько ты за него даешь?

— Три золотые монеты, — быстро ответил Деметр.

Могучий киммериец только моргнул. Он-то думал о нескольких серебряных. Но коли меч так ценен для покупателя, отчего не извлечь выгоды?

— За такой древний клинок, — сказал он, — многие любители дадут и все двадцать...

Молодой человек испытующе посмотрел на варвара.

— Сразу столько у меня с собой нет... — пробормотал он.

Конан потрясенно спросил себя: а что, если это меч какого-нибудь давно умершего короля? Деметр и не пытался торговаться. Наметанным глазом вора варвар оценил золотой браслет с аметистами на запястье юноши в пятьдесят золотых монет, а маленькую рубиновую булавку на одежде — в два раза больше. Двадцать монет за меч с него станется, подумал он.

— Ну что ж, я подожду, — начал было Конан, но тут Деметр стащил браслет с руки и протянул его киммерийцу.

— Возьмешь это? — спросил покупатель. — Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь перехватил меч, пока я достану деньги. Браслет стоит больше двадцати монет, уверяю тебя. Только прощу, добавь к мечу и плащ, я не хотел бы нести обнаженный клинок по улице...

— Забирай, — сказал киммериец и быстро поменял отделанный мехом плащ и меч на браслет.

Он ощутил прилив радости, когда зажал в кулаке золотой браслет с аметистами. Теперь можно не скредничать, пытаюсь обойтись горсткой молодцов, которых можно нанять за десять золотых. Его Свободный Отряд в буквальном смысле слова был у него в руке!

— Я бы хотел только спросить, — добавил Конан, — почему так ценен этот меч? Может, это меч древнего короля или героя?

Деметр тем временем тщательно заворачивал меч в плащ. Тщательно, подумал Конан, и осторожно, как будто имеет дело с опасным животным.

— Как тебя зовут? — спросил его юноша.

— Меня зовут Конан.

— Ты прав, Конан. Это меч древнего короля. Можно даже сказать, что это меч самого Брагораса... — И он засмеялся, как будто сказал что-то невероятно смешное. Все еще смеясь, он подхватил меч в плаще и пошел на улицу.

Глава 7

Албанус приостановился в дверях. Он держал под мышкой что-то завернутое в простой плащ, отделанный мехом. Сверток был явно не к месту в комнате, увешанной гобеленами и устланной коврами по мраморному полу. Перед большим зеркалом сидела Сулария. Золотистый шелк рубашки оставлял открытыми нежные плечи. Подле нее на коленях стояла рабыня и расчесывала

чудесные шелковистые волосы госпожи. Увидев отражение Албануса, Сулария легким движением спустила рубашку с плеч, открыв его взгляду пышную грудь.

Албанус щелкнул пальцами. Рабыня оглянулась, он сделал ей знак рукой, она поклонилась и вышла, неслышно ступая босыми ногами.

— Ты принес мне подарок? — спросила Сулария. — Если это так, то он довольно странно завернут... — Она внимательно рассматривала свое лицо в зеркале и легкими движениями пуховки наносила на щеки румяна.

— Нет, это не для тебя, — засмеялся он. — Это меч Мелиуса.

Ключом, что висел на золотой цепочке у него на шее, Албанус открыл большой лакированный сундук, стоявший около стены. Он поворачивал ключ сначала в одну сторону, затем в другую в строго определенном порядке. Если этот порядок нарушить, говорил он Суларии, хитро придуманное устройство из труб и пустот выстрелит отравленными колючками в лицо открывавшему.

Албанус откинул крышку и, швырнув на пол разорванный плащ, бережно положил меч на приготовленное для него место. Здесь лежали в шелковых гнездах книги древнего Ахерона, переплетенные в кожу девственниц, и еще некоторые, самые необходимые, принадлежности тавматургии из тайника. Пальцы Албануса легко прикасались то к связке манускриптов, то к свернутым полотнам. Никакого волшебного значения в них не было, но рисунки и картины с изображением Гариана помещались здесь по праву. А на почетном месте, на шелковой подушке поверх золотой подставки, покоился хрустальный шарик темно-синего цвета.

Внутри шарика плясали серебряные блики.

Платье Суларии упало на пол. Нагая, она подошла к Албанусу. Язычок ее легонько дотрагивался до губ, пока она разглядывала меч.

— Значит, вот этим мечом было убито столько народу? Он не опасен? Может, лучше тебе уничтожить его?

— Он еще пригодится, — ответил Албанус. — Если бы я раньше знал то, что знаю сейчас, я никогда бы

не отдал его такому недоумку, как Мелиус. Вот эти письмены на мече помогли мне наконец раскрыть секрет его кровожадности, зашифрованный в древних книгах по волшебству...

— Почему все-таки Мелиус превратился в свирепого убийцу?

— Когда выковывали это оружие, в нем заключили разум и мастерство шести лучших фехтовальщиков. — Албанус легко провел пальцами по мечу, чувствуя магическую мощь, которая потребовалась для изготовления клинка. Такая же скоро будет и у него. Сила превыше понимания смертных, власть большая, чем у любого из королей... — Это-то и вызвало сумасшествие. — Он собрался было поднять меч, но пальцы, готовые схватить рукоять, застыли на месте. — Если одна и та же рука возьмется за рукоять, чтобы использовать меч, более трех раз, разум, что управляет рукой, будет поглощен сумасшествием древних фехтовальщиков, томящихся в мече. Защищайся... Рази!.. Защищайся... Рази!.. Рази!..

Он сорвался на крик. Потом замолчал и посмотрел на Суларию. Голубыми глазами, полными страха, приоткрыв рот, уставилась она на его руку, зависшую над мечом.

— Сколько раз ты уже брался за него? — прошептала она.

Он засмеялся и убрал руку. Вместо меча Албанус взял сферический кристалл и осторожно, можно сказать почтительно, подержал его в пальцах. Кристалл выглядел хрупким, но он-то знал, что никакая сила под небесами не сумеет даже поцарапать его.

— Ты боишься меча? — спросил он тихо. Его жесткий взгляд, казалось, проникал в самую середину кобальтовой сферы. — Не-ет, вот чего надо бояться! С его помощью можно вызвать и управлять существом... — демоном? Богом? — не знаю. Однако мощь его такова, что даже книги Ахерона говорят о нем как бы шепотом, со страхом и благоговением...

А он, Албанус, будет его повелителем. Повелителем, чья мощь превзойдет всех королей мира. От этой мысли сладко и жутко захватывало дух. Он еще никогда не осмеливался вызывать то существо, потому что это грозило опасностью самому вызывавшему. Повелитель мог в результате стать рабом, смертной игрушкой бессмертного чудовища, располагавшего вечностью для собственного развлечения. Однако не он ли потомок Брагораса, древнего героя, короля, сразившего дракона Ксутаркана и сбросившего демона Даргона в пучины Западного моря?

Слова заклинания начали почти что сами собой срываться с губ:

— *Аф-фар меа-роф, Омини деас каан, Ииф-фар би-лаан Онхихх кристи...*

И, по мере того как он говорил, небо над столицей потемнело, а солнечный свет померк: посреди дня наступили сумерки. Огромные молнии раскололи безоблачное небо, а земля с тихим гулом поколебалась под ногами...

Запнувшись, Албанус с неожиданным испугом осознал, что натворил, — стены колыхались вокруг, как белье на ветру. Нет, нет, не время! Еще не время. Он с ума сошел, начав все это. Но заклинание не окончено. Еще не поздно все остановить. Он быстро положил кристалл, который теперь ярко светился, на подушку в лакированный сундук. Теперь надо выбросить все из головы. Не должно быть даже намека на слова заклинания. Совсем никаких мыслей. Ничего...

Свечение в кристалле медленно угасло, земля перестала колебаться. Исчезли молнии. И солнце вновь ярко засветило над городом.

Албанус долго не смотрел на Суларию. Пусть только попробует выкнуть хоть слово, думал он злобно, хоть полсловечка о том, каким дураком он выставил себя перед ней. Если только она что-нибудь скажет, он распорет ей живот и задушит девку ее же собственными кишками. Албанус повернулся к ней. Лицо его было лицом палача, откинувшего капюшон...

...Сулария смотрела на него глазами, полными восхищения и желания.

— Такая власть, — прошептала она. — Она слепит меня... Я слепну от сияния твоей власти... — Сулария дышала прерывисто. — Значит, вот как ты собираешься сокрушить Гариана?

Злоба и страх улегучились: теперь Албануса распирало от гордости.

— Гариан не достоин подобного, — усмехнулся он презрительно. — Я сделаю человека и вложу в него жизнь вот этими руками. Им и будет сокрушен узурпатор, севший на мой трон!

— Неужели ты настолько могуществен? — задыхалась она.

Албанус только рукой махнул.

— Это пустяки. Я уже делал такое. Только на этот раз я не допущу прошлых ошибок. — Внезапно он запустил руку в гущу ее волос и пригнул Суларию к полу. Пригнул силой, хотя она сделала бы это добровольно и, более того, с охотой. — Ничто не встанет у меня на пути, — сказал он, нарочито грубо лаская ее.

Сулария вскрикнула, а ему показалось, что он слышит рев толпы, приветствующей своего короля, своего Бога...

Сефана поднялась с подушек постели. Ее роскошное округлое тело блестело от пота после занятий любовью, полная грудь колыбалась при каждом движении.

На кровати лежал худощавый мужчина — капитан Золотых Леопардов. Он с трудом приподнялся и нетвердой рукой оперся на локоть. Его темные глаза с обожанием следили за Сефаной.

— Может, ты колдунья, Сефана? Каждый раз я думаю, что умру от наслаждения. Мне кажется, я испытал все блаженство, какое только есть в мире. Но снова и снова ты даешь мне больше, чем я осмеливался мечтать...

Сефана удовлетворенно улыбнулась:

— Сознайся, Баэтис, я, наверное, надоела тебе?

— Никогда! — воскликнул он пылко. — Верь мне! Ты — сама Деркетто, сошедшая на землю...

— Но ты отказываешь мне в такой малости...

— Сефана, — простонал он, — ты сама не знаешь, о чем просишь. Мой долг...

— Маленькое, такое маленькое одолжение, — повторила она снова, медленно подходя обратно к постели.

Он впился в нее голодными глазами. Перед ним была не какая-нибудь юная худышка, но зрелая, расцветшая женщина. Любой мужчина, узревший ее восхитительную наготу, вспылал бы немедленно. Баэтис потянулся к ней, но Сефана отшатнулась.

— Всего лишь незапертая дверь, Баэтис, — проговорила она вкрадчиво. — Всего один коридор без охраны. Неужели ты не хочешь доставить приятной неожиданности своему королю? Дать ему вкусить таких же наслаждений, которые познал сам?

Молодой капитан тяжело задышал. Потом опустил веки.

— По крайней мере я там должен быть... — сказал он наконец.

— Ну конечно, — быстро согласилась она и уселась на него верхом. — Ну конечно, любовь моя, Баэтис! — Коварная улыбка играла у нее на губах, фиалковые глаза плотоядно горели.

Пускай Албанус строит далеко идущие планы. Она нанесет удар, пока он еще только собирается. Жаль, конечно, что Баэтису придется умереть вместе с Гарианом. Но это в будущем. Облегченно вздохнув, она отдалась наслаждению...

Глава 8

Соломенные мишени, все как одна, были размером в торс человека. Поставив последнюю из них на место, Конан вскочил в седло и поскакал. В ста пятидесяти шагах от мишеней его ждали люди, которых они с

Ордо отобрали для Свободного Отряда за последние пять дней. Конан хотел бы, чтобы одноглазый был сейчас с ним. Но Ордо еще доделывал свои дела с контрабандистами и как раз сегодня присматривал за перевозкой товаров из хранилища: надо было успеть до предполагаемой «внезапной» проверки Королевской Таможни. Нельзя предугадать, утверждал Ордо, может, такая связь еще принесет им пользу...

Киммериец натянул поводья и остановил прекрасно-го аквилонского вороного перед отрядом в сорок всадников, каждый из которых держал перед собой короткий тугой лук.

— Это лук для верховой стрельбы, — сказал Конан.

Счастливая находка, эти луки. Искусство верховой стрельбы из лука на западе было не слишком известно, а посему Конан рассчитывал, что оно привлечет внимание нанимателей к его Свободному Отряду. Луки лежали в хранилище контрабандистов со спущенными тетивами. Спросу на них не было, поскольку местным стрелкам они не подходили. Все сорок человек носили и другое обмундирование, позаимствованное из хранилища: кольчуги поверх стеганых курток и остроконечные плембы. При каждом седле висел круглый щит. Все это дополнялось прекрасной туранской кривой саблей с клеймом аграпурской Королевской оружейной.

Конан крепко надеялся, что столь экзотическое вооружение подогреет интерес немедийцев. Люди склонны считать, что чужеземцы владеют необычными боевыми искусствами. Что ж, посмотрев на верховую стрельбу из лука, они убедятся в этом на деле. Денег у Конана и Ордо хватало, только чтобы нанять людей; коней купить они уже не могли. Поэтому они и подобрали тех, кто уже имел лошадь, а кроме того — умел стрелять из лука. Однако искусством стрельбы с коня никто из них не владел. Поэтому-то Конан и привел их на это поле за пределами Бельверуса.

— Все вы привыкли стрелять из лука, используя защитное кольцо на большом пальце, — продолжал варвар. — Но, когда сражаешься верхом, приходится

быстро менять лук на меч или копье. И наоборот. Защитное кольцо мешает...

— Да как вообще натягивать эту хреновину? — спросил седой воин с синевато-багровым шрамом поперек широкого носа. Он держал короткий лук на вытянутой руке и пытался натянуть его. Тетива едва пошевелилась. Окружающие посмеивались.

Седого звали Махаон. Он не узнал Конана, зато киммериец сразу вспомнил старшину Городской стражи, что отдавал приказ стрелять в господина Мелиуса.

— Натягивайте тетиву тремя пальцами, — сказал Конан, когда смех стих, — вот так.

Могучий киммериец вставил стрелу и приложил тетиву к щеке. Потом резко вытянул руку, державшую кибить, и тетива натянулась. Одновременно он двинул коленями, заставляя боевого коня развернуться. Мишени чередой проплыли у него перед глазами; он спустил тетиву. С глухим звуком стрела поразила центр средней мишени. Послышался удивленный ропот наемников.

— Вот как это делается, — сказал Конан.

— Занятная штука, эта верховая стрельба, — пробормотал высокий человек с провалившимися щеками. Темные запавные глаза и весь его облик говорили о том, что он, должно быть, изможден опасной болезнью. Никакой болезни, однако, за ним не водилось. Те из отряда, кто знал его, говорили, что причиной всему не болезни, а стержневой нрав. — Но коли она уж так хороша и полезна, почему ею не пользуются в армиях Немедии, Аквилонии и других государств?

Конану не пришлось отвечать. Заговорил Махаон.

— Разуй глаза, Нарус, — сказал седоволосый, — и попробуй хоть раз увидеть вещи как они есть, не поливая их уксусом. Пошевели мозгами! Вылетели, выстрелили — и унеслись, а там пускай пенные лучники сколько угодно бегут выставять заостренные колья, а копейщики и обычная пехота только еще готовятся сомкнуть ряды против верховой атаки, какой она обычно бывает. Кавалерия противника еще пик опустить не

успеет для ответного удара, когда наши стрелы пронзят их сердца! Хватит кукситься, Нарус! Представь, какую неожиданность мы готовим врагу, и улыбнись!

Нарус скроил нарочито зубастую улыбку, окончательно придавшую ему вид весьма несвежего трупа. Воины захохотали, посыпались сочные комментарии.

— Махаон попал в самую точку, — объявил Конан. — Я назначаю его старшиной в нашем Свободном Отряде.

Шрамолицый Махаон удивленно и задумчиво посмотрел на Конана. Послышался одобрительный шепот. Похоже, даже скорбный Нарус был согласен с выбором предводителя.

— А теперь, — продолжал Конан, — пусть каждый попробует стрелять в мишень. Сначала — пока лошади стоят.

Битых полтора часа продержал их варвар за этим занятием. Через некоторое время они стали пускать своих лошадей шагом и наконец — вскачь. Каждый боец по отдельности прекрасно держался в седле и стрелял из лука. Поэтому успеха добились все. Конечно, до туранской легкой кавалерии им еще было далеко, но в любой из западных стран они уже могли бы наделать переполоха. Лучшими после Конана были двое: Махаон — чего и следовало ожидать — и, чего ожидать было вовсе нельзя, — Нарус.

По окончании киммериец привел отряд обратно в Бельверус, к одной из конюшен, что тянулись вдоль городской стены. Он заранее договорился, что здесь присмотрят за конями. Воины передали верховых лошадей рабам-конюхам и разошлись до завтрашней встречи, назначенной Конаном на этом же месте, — такого обычая держались в Свободных Отрядах, когда не было службы. Конан и сам собрался уходить, но Махаон окликнул его.

— Одну минуту, командир, — начал старшина, остановив Конана у высоких деревянных ворот конюшни. В молодости Махаон был недурен собой, но теперь, даже не считая шрама поперек широкого носа,

все его лицо было зримой летописью прошлых военных походов. На левой щеке — небольшая татуировка шестиконечной Кофийской звезды; на мочке правого уха — три тонких золотых кольца из Аргоса; волосы были коротко обрезаны спереди, а сзади отпущены, как носили на офирской границе.

— Хорошо бы, командир, чтобы наш отряд поскорее поступил к кому-нибудь на службу. Хотя мы дали клятву верности всего несколько дней назад, я уже слышал, как некоторые вслух жалуются, что мы не зарабатываем золота. Кое-кто даже поговаривает, как бы дать клятву другой раз, под другим именем и перед другой частью правителей города.

— Скажи им, что скоро мы поступим на службу, — ответил Конан. Он и сам удивился, почему он до сих пор не пошел ни к одному из купцов, могущих нанять Свободный Отряд. — Вижу, — сказал он, — я не ошибся в выборе старшины...

Махаон постоял в нерешительности, потом спокойно спросил:

— А ты знаешь, кто я?

— Я знаю, кто ты, но это меня не слишком волнует. — Конан выдержал долгий взгляд темных глаз, и наконец Махаон кивнул:

— Я присмотрю за людьми, командир.

Покинув конюшню, Конан пошел в гостиницу «Феста». На улицах, казалось, было в два раза больше нищих и в три раза больше громил, чем десять дней назад. Ни толстый купец, ни надменный вельможа не осмеливались пробираться даже по улицам Верхнего города без бдительной охраны. И если уж рабы несли носилки с занавесками, все равно, кто был внутри — ухоженная ли дочка знатного господина или его пылкая куртизанка, — они обязательно были окружены вооруженными телохранителями в доспехах. Только Городской стражи нигде не было видно.

Как всегда около полудня, «Феста» была набита народом. Молодые художники собирались на бесплатную еду из гостиничного котла. Их споры и звуки

музыкальных инструментов сменялись в невообразимую какофонию; Конан уже научился не замечать ее.

Войдя в гостиницу, он поймал за руку спешившую мимо Керину. В каждой руке она держала по глиняному кувшину с вином.

— Ордо уже вернулся? — спросил варвар.

Керина так резко опустила на стол один из кувшинов, что он только чудом не разбился. Вино плеснуло через край, люди, сидевшие за столиком, обиженно закричали, но девушка не слушала.

— Он послал мальчика, — холодно сказала она, — чтобы передать: ты должен встретиться с ним в «Полвой Луне» на улице Сожаления через полчаса после полудня.

— Но почему там? Он не сказал, почему он не придет сюда?

Глаза Керины нехорошо сузились, говорила она сквозь зубы:

— Что-то было насчет танцовщицы с какой-то там грудью... Хватит! Если нужны подробности, иди и сам расспрашивай бесовского одноглазого козла!

Киммериец не позволял себе улыбнуться, пока возмущенная девушка не умчалась прочь. Оставалось надеяться, что танцовщица того стоила. Ибо, как только одноглазый окажется в пределах досягаемости Керины, расплата будет страшна.

Конан пытался сообразить, успеет ли он съесть чашку тушеного мяса — здесь оно было гораздо вкуснее, чем на улице Сожаления, — до того, как идти к Ордо. В это время к нему подошла Ариана, и ее ладошка легла на его руку. Конан улыбнулся. Оставшееся время можно было потратить на кое-что получше еды.

— Пойдем ко мне, — сказал он, обнимая ее. Пригнув поближе, он пустил в ход самую обольстительную ухмылку: — Посидим... Поговорим о поэзии...

Она попыталась подавить смех, и это ей почти удалось.

— Если я правильно понимаю, что именно ты имеешь в виду под разговором о поэзии, то одной болтовней

не отделаешься... — Улыбка вдруг погасла на ее лице, глаза испытующе смотрели на Конана. — Есть разговор поважнее, но я хочу, чтобы ты поклялся не разглашать ни слова из того, что тебе скажут. Клянись!

— Я клянусь, — медленно повторил Конан.

И тут до него окончательно дошло, почему он не торопился к кому-либо наниматься со своими людьми. Случись восстание, отряд на службе у купца или знатного господина заставит поддерживать короля. А он вовсе не хотел участвовать в разгроме Арианы и ее друзей. В первую очередь, конечно, Арианы.

— Я и то уже гадаю, — продолжал варвар, — когда ты наконец расскажешь мне об этом вашем восстании...

Ариана так и ахнула.

— Ты знаешь!.. — прошептала она, быстро прикрыла ему рот ладонкой, призывая к молчанию. — Пойдем...

Конан пошел за девушкой между столиками в дальний конец гостиницы. Там, в маленькой комнате, хмурый Стефано, сутулясь, подпирал обшарпанную стену.

Коренастый скульптор Гракус, наоборот, укмылялся, сидя верхом на скамейке. Лукас, толстый носатый малый, называвший себя философом, скрестив ноги, сидел на полу и сосредоточенно жевал нижнюю губу.

— Он знает, — объявила Ариана, закрыв за собой дверь.

Все разом вскочили на ноги.

Конан ненавязчиво положил руку на меч...

— Знает!.. — взвизгнул Стефано. — Говорил я тебе, он опасен! Говорил ведь, нечего с ним связываться! Впутывать в наше дело подобных...

— Тихе ты! — твердо велела Ариана. — Хочешь, чтобы вся гостиница слышала? — Стефано обиженно умолк, а она продолжала, обращаясь ко всем сразу:

— Это правда, что наше с вами задание первоначально не подразумевало найма людей вроде Конана. Но разве не вы жаловались, что, мол, страсть охота заняться чем-нибудь настоящим?

— Ты-то хоть можешь высмеивать Гариана в стихах, — пробормотал Гракус. — А я — только перенисывать твои стихи и разбрасывать их по улицам. Не могу же я сделать скульптуру, которая поднимет людей...

— «На Троне Дракона надменный сидит властелин», — неожиданно продекламировал Конан. Все уставились на него. — «В роскошном чертоге своем он пирует один». Я видел такую грамотку. Не ты сочинила, Ариана?

— Это Галлия, — ответила она сухо. — Я пишу намного лучше.

— Это все к делу не относится, — резко вставил Стефано. — Нам всем хорошо известно, почему ты веришь ему, Ариана. — Он встретил ледяной взгляд синих глаз Конана и с трудом сглотнул. — Я полагаю, то, чем мы занимаемся, и так достаточно опасно. Пусть уж лучше Тэрас нанимает таких... таких людей. Он в них разбирается. А мы — нет.

— Мы знаем Конана, — настаивала Ариана. — И потом, мы решили — да, и ты тоже, Стефано, — что будем подыскивать воинов, что бы там Тэрас ни говорил. К тому же Конан не один, с ним еще сорок бойцов!

— Если только они за ним пойдут, — заметил Гракус.

— Они пойдут за мной куда угодно, если будет золото, — ответил Конан.

Гракус смотрел нерешительно, а Стефано насмешливо хмыкнул:

— Золото!..

— Глупцы! — язвительно заговорила Ариана. — Сколько раз мы говорили о тех, кто заявлял, что революция должна быть чистой; только те, мол, должны принимать в ней участие, кто бескорыстно борется за правое дело. Ну и что, сколько таких уже посажено на кол за чистоту помыслов?

— Наше дело правое, — проскрежетал Стефано. — Золото все осквернит!

Ариана устало покачала головой:

— И об этом мы уже достаточно спорили. Хватит, Стефано! Как, ты думаешь, Тэрас набирает воинов? Золотом, Стефано! Золотом!

— И с самого начала я был против, — ответил долгоязыкий скульптор. — Народ...

— Ну да, поднимется и пойдет за нами, — перебила она. — Пойти-то он пойдет, только вот мы, не имея ни малейшего понятия об оружии и сражениях, не привели бы его на заклятие...

— Но наши идеалы! — пробормотал он.

— Их недостаточно. — Она посмотрела по очереди на каждого заговорщика, и каждый заерзал под ее горящим взглядом. А Конан понял: самой сильной волей здесь было наделено именно это прелестное, хрупкое существо.

— Все, что требуется лично мне, — вдруг заявил Гракус, — это возможность взять в руки меч. Конан, ты возьмешь меня с собой, когда наступит день?

— Я еще не говорил, что присоединюсь к вам, — медленно отвечал Конан.

Ариана застыла, сжав руки под грудью. Ужас и тревога были у нее на лице. Гракус так и остался сидеть с открытым ртом.

— Говорил я, что не надо ему доверять! — вполголоса выдавил Стефано.

— Мои люди пойдут за мной, — продолжал киммериец, — но только если поведу я их не прямоком на плаху или кол. Я не могу присоединиться, не прикинув сперва ваши шансы на успех, а для этого я должен иметь представление о ваших планах.

— Он продаст нас, — быстро проговорил Стефано.

— Уймись, Стефано, — оборвала его Ариана. Но и сама встревоженно вглядывалась в лицо киммерийца.

— Я не настолько цивилизован, — тихо сказал ей Конан, — чтобы продавать друзей.

Она неуверенно кивнула. Стефано хотел остановить ее, но она не обратила на него внимания:

— Тэрас нанимает воинов. Он говорит, что нам нужна по крайней мере тысяча, и скоро она у него

будет. Сила наша, однако, в народе. Голод и недовольство ныне так велики, что люди стащили бы Гариана с трона голыми руками, если бы могли. Некоторые из народа знают, что получают оружие. Остальные пойдут следом. У нас есть оружие для десяти тысяч человек. Оно контрабандой доставлено через границу, и часть его, без сомнения, перевозил твой друг Ордо...

— Десять тысяч? — переспросил Конан, вспоминая, что Ордо говорил о пяти.

— Десять, — подтвердил Гракус. — Я видел оружие. Тэрас показывал мне склад, набитый доверху.

Может, и посчитать еще разрешил, подумалось Конану.

— Чтобы вооружить десять тысяч людей, даже не богато, нужна уйма денег, — сказал он вслух. — А еще больше — чтобы нанять тысячу уже вооруженных. Есть у вас золото?

— Некоторая часть — да, — Ариана как будто оправдывалась. — Но, как ты знаешь, мы зарабатываем не так много, а большая часть того, что мы имеем от... из других источников, идет на гостиницу...

— Есть люди, — высокомерно начал Стефано, — кто, несмотря на свое богатство, считает, что мы правы и Гариан губит Немедию. Они-то и снабжают Тэраса всем необходимым для найма и вооружения людей.

— Кто они? — спросил Конан. — Они поддержат вас открыто? Они заявят о себе в тот день, когда вы выйдете на улицу?

— Ну конечно! — воскликнул Стефано, но его напыщенность тут же сменилась неуверенностью: — То есть я думаю, что они так сделают. Видишь ли, пока они предпочитают оставаться неизвестными... — Он горько засмеялся. — Что говорить, никто из нас никогда даже и не видел их! Денежки идут напрямиком Тэрасу...

— Стефано имеет в виду, — сказала Ариана, когда скульптор умолк, — что они боятся поражения и не хотят в случае чего очутиться на плахе. Может, мы и наша революция нужны им больше для того, чтобы прославиться и погреть руки... Если это так, то они

забывают, что с нами народ. И тысяча вооруженных людей...

Тысяча воинов, которым платят неизвестные благодетели, с тоской подумал Конан.

— Ну хорошо, — сказал он. — А план у вас есть? Не просто же ринуться на улицу, раздавая мечи всем и каждому?

Гракус широко улыбнулся:

— Не такие уж мы дураки, как ты думаешь, Конан. Раздавая хлеб в Адских Вратах, мы нашли людей, которым можно доверять; выделили тех, кто пойдет с нами, когда подадут сигнал. Они-то и получают оружие. А мы поведем их к Королевскому Дворцу и окружим его со всех сторон. В это время Тэрас со своей тысячей захватит городские ворота и осадит казармы Городской стражи.

— А Свободные Отряды? Телохранители? — поинтересовался Конан. — В городе их наберется не меньше трех тысяч, причем те, кто им платит, скорее всего, встанут за короля...

— Да, — ответила Ариана, — но, скорее всего, каждый оставит телохранителей при себе, пока не разберется, в чем дело. Они нам не помеха. Будет необходимость, уничтожим их позже одного за другим. Никакой Свободный Отряд в сотню человек не устоит перед тысячей нищих, для которых смерть — только избавление от голода!

Вид у нее был такой, как будто она готова была сию же минуту сама возглавить штурм: маленькая головка гордо поднята, плечи расправлены, платье плотно облегалось округлость груди, карие глаза полны огня... Конан знал, что она была права. Люди, которым не страшна смерть, — опасные противники в быстротечной атаке, но затяжной бой выдерживают с трудом. Нет, чем бы ни закончилось это собрание, он должен держать свой Отряд наготове. Чтобы по первому сигналу выступить...

Сказал он, однако, совсем другое:

— А что армия?

Отвечал опять Гракус:

— Ближайшие войска — это тысяча в Эраниуме и две в Эракулуме. До Бельверуса они дошагают дней за пять, но вряд ли смогут что-нибудь сделать, пока мы удерживаем городские ворота. Что же касается войск на аквилонской границе, то королю придется решать, можно ли оголить порубежье: мало ли что взбредет на ум аквилонцам...

— Большое войско доберется сюда с границы дней этак за десять, — задумчиво сказал Конан. — Да еще два дня непрерывной скачки, чтобы доставить им приказ. В общей сложности двенадцать дней. После чего придется иметь дело с осадными машинами и множеством солдат, атакующих городские стены. Может, они подойдут чуть попозже, но исходить следует из худшего...

— А ты соображаешь в таких делах, — одобрил Гракус. — Мы так и планировали, имея в виду двенадцать дней.

— Они нам не понадобятся, — отмахнулся Стефано. — Задолго до этого низы города поднимутся и будут вместе с нами. Сотни тысяч встанут плечом к плечу на городских стенах. Мы призовем Гариана отречься...

— Отречься! — воскликнул Конан. Все вздрогнули и устались на стены, как будто у стен были уши. Конан продолжал тоном пониже: — Вы поднимете восстание, а потом призовете Гариана отречься? Ну, это уже сумасшествие. Да Золотые Леопарды хоть полгода просидят в осаде в коридорах Дворца, а может, и больше. А у вас всего-то двенадцать дней!!!

— Это не моя идея, — негодуя сказала Ариана. — Я-то с самого начала считала нужным ворваться во Дворец, причем в первые же часы!

— И перебить там всех! — сказал Стефано. — Тогда мы сами не лучше Гариана, а наши надежды и идеалы — пустой звук!

— Что-то я не припомню, кто первый предложил требовать отречения Гариана, — медленно сказал Гракус. — На первый взгляд кажется, что разумнее сде-

лать, как предлагает Ариана, — атаковать Дворец, пока Золотые Леопарды еще не поняли, что это не просто очередные уличные беспорядки. Но не можем же мы напрочь отвергнуть идеалы, за которые боремся!.. Кроме того, — закончил он с улыбкой, как будто нашел прекрасное решение всех проблем, — всем известно, что гора, на которой стоит Королевский Дворец, изрыта множеством подземных ходов, каждый из которых приведет нас в тыл к защитникам.

— Знать-то все о них знают, — едким тоном ответила Ариана, — да только как найти хотя бы один?

— Мы могли бы раскопать... — неуверенно предложил коренастый.

Ариана фыркнула, и скульптор затих.

Конан покачал головой:

— Гариан не отречется. Ни один король не сделал бы этого. Только время понапрасну потратите, а его у вас и так немного.

— Если он не отречется, — сказал Стефано, — вот тогда-то народ бросится на Королевский Дворец и голыми руками разнесет его по кусочкам за все зло, что из него ему причинялось.

— Народ, — сказал Конан и посмотрел на темнобрового парня, как будто видел его впервые. — Вот вы говорите о предотвращении резни, которая, мол, запятнает ваши идеалы. А как насчет тех, кто умрет тысячами, штурмуя Дворец? Как быть с ними?

— Наши идеалы и так опорочены наймом воинов за золото, — стоял на своем Стефано. — Нельзя осквернять их дальше. Все, кто умрет, станут мучениками за справедливое и славное дело!

— Ну и когда же наступит этот великий и славный день? — спросил Конан не без иронии.

— Как только Тэрас соберет тысячу человек, — ответил Гракус.

— Значит, в действительности это Тэрас даст знак о начале восстания? — Гракус медленно кивнул, и по лицу его неожиданно пробежала тень сомнения, а Конан продолжал: — Тогда я должен сначала

поговорить с Тэрасом, а уж потом решать, быть ли мне вместе с вами.

У Арианы округлились глаза.

— Ты хочешь сказать, что после всего, что здесь говорилось, ты все-таки можешь отвернуться от нас? После того, как мы все тебе рассказали?

— Мы все ему рассказали! — закричал Стефано, и с каждым словом голос его становился все пронзительней и резче. — Он может предать! Наша судьба — в руках этого варвара!

Лицо Конана окаменело. Он взялся за меч двумя руками и поднял его так, что рукоятка была на уровне глаз. Стефано завизжал, как женщина, шарахаясь прочь.

Гракус вскочил на ноги. Ариана побледнела, но не сдвинулась с места.

— Клянусь вот этой сталью, — сказал Конан, — клянусь Кромом, Повелителем Курганов. Клянусь, что никогда не предам вас. — Лыдисто-синие глаза встретились с глазами Арианы и удержали ее взгляд. — Я скорее умру.

Ариана шагнула вперед, пораженная до глубины души. Нерешительно она подняла руку и погладила Конана по щеке.

— Ты совсем не такой, как те мужчины, которых я знала раньше, — прошептала она. Голос ее окреп: — Я верю ему! Пусть он встретится с Тэрасом. Согласен, Стефано?.. Гракус? — Оба скульптора ошалело кивнули. — Лукас? Лукас!

— А? Что?.. — Худосочный философ вздрогнул, как будто его разбудили. — Все, что тебе угодно, Ариана. Я с тобой согласен во всем... — Тут он впервые заметил обнаженный клинок и так откинулся назад, что голова с глухим звуком ударилась о стенку. Он так и замер в этой позе, уставившись на меч глазами, полными ужаса.

— Философы!.. — со смехом пробормотала Ариана.

— Мне надо идти, — сказал Конан, возвращая меч в ножны. — Надо встретиться с Ордо.

— Увидимся вечером, — сказала Ариана. Стефано выглядел так, будто у него неожиданно разболелся живот. — Конан, — добавила она, когда он повернулся к двери, — я доверяю тебе свою жизнь!..

Ее жизнь, думал Конан, выходя из гостиницы. Это при том, что она всей душой предана тайной подготовке восстания. А что, может, у них что-нибудь и получится. Если Тэрас, как утверждает, действительно собрал тысячу вооруженных и обученных людей. Если народ поднимется и пойдет за ними, не разбегаясь при виде сомкнутых щитов неотвратимо надвигающейся пехоты, бронированной атаки тяжелой кавалерии и сотрясающих крыши ударов огромных осадных машин. Если повстанцы отложили бы в сторону свои идеалы и захватили бы Дворец, пока Золотые Леопарды ничего еще не разнюхали. Слишком много всяких «если»! Ариана связалась с делом, обреченным на провал. Так или иначе, в юности Конан дал другую клятву, сам себе, — никогда никого не предавать. Эта клятва обязывала его спасти Ариане жизнь, хочет она того или не хочет.

Глава 9

Когда солнце переваливало за полдень, улица Сожаления начинала понемногу оживать. До вечернего разудалого веселья было еще далеко, но карнавал уже пробуждался, готовя атмосферу будущей ночи. Покамest всего лишь сотня, не более, жонглеров подбрасывала мечи, дубинки, кольца, ножи и горящие факелы: вечером их здесь будет тысяча. Блудниц — яркие губы, запах духов, браслеты, легкие одежды из яркого шелка и привлекательные позы — тоже едва насчитывалась жалкая сотня. Когда стемнеет, две тысячи таких будут прохаживаться по улице. Богатые купцы и знатные господа в дорогой одежде прогуливались по улице в сопровождении одного-двух оруженосцев; к ночи за каждым будет следовать войско.

Часто встречались носилки. Несли их мускулистые рабы, вокруг шагала вооруженная охрана. В носилках восседали разодетые пыльные женщины, которые соперничали на улице Сожаления с теми, кого заставляла продаваться нужда. И среди всего этого кишело неслучайное множество ободранных попрошайек...

Конан шел по улице, ни на что не обращая внимания. Однако он не удержался от смеха, когда, найдя наконец «Полную Луну», увидел ее вывеску. На деревянной доске, красовавшейся над входом, была нарисована голая женщина, стоящая на коленях спиной к зрителю и склонившаяся вперед. Сияющие ягодицы ни дать ни взять отражали солнце. Ну, теперь понятно, что привело сюда Ордо...

И тут внимание варвара привлекли носилки с красными занавесками и черными, отделанными золотом столбиками. Он мог бы поклясться, что это были те самые, что он видел в свой первый день в Бельверусе. Носилки женщины, закутанной в покрывало; в тот раз она смотрела на него так странно... Вот алая занавеска сдвинулась в сторону, и снова его глаза встретились с глазами женщины под серым покрывалом. Издали он не мог разобрать цвета глаз, но вот разрез их, чуть-чуть косой, был ему определенно знаком. То есть до боли знаком; если бы только он мог вспомнить...

Конан покачал головой. То ли память подводила его, то ли воображение разыгралось не в меру. Не менее сотни знакомых ему и уж точно тысячи совсем не знакомых ему женщин запросто могли иметь такие глаза. И он повернулся, чтобы войти в «Полную Луну».

В это время сзади, каким-то образом не растворившись в уличном шуме, долетел женский смех, похожий больше на всхлип. Конан круто обернулся, по спине пробежал мороз. Смех этот был до того знаком, что Конан был уверен: открой он рот, и губы сами назовут имя. Но женщина уже скрылась, на улице остались одни потаскушки. Носилки поглотила толпа.

Киммериец пошевелил в ножнах меч и поясной кинжал, как будто привычное движение могло вернуть ему

душевное равновесие. Что-то я слишком разволновался из-за Арианы, сказал он сам себе. Надо будет как следует расслабиться вместе с Ордо за кружкой вина, любясь достоинствами этой, как ее, танцовщицы.

Он решительно двинулся внутрь «Полной Луны».

В общей комнате шибало в нос запахом прокисшего вина и несвежих духов. Народу было мало, две трети столиков пустовало. Мужчины сидели, ссутулившись над кружками: горькое вино, горькие мысли... Две пронзительные флейты и цитры сопровождали выступление сразу семи танцовщиц. У каждой в руках было по куску красного полупрозрачного шелка. Девушки попеременно закрывали им то лицо, то обнаженную грудь. На округлых бедрах низко сидели узенькие позолоченные пояса. С них свисали медные пластинки, стыдливо прикрывавшие низ живота. На пластинках была начертана цена, за которую можно было уединиться с девушкой наверху.

Все танцовщицы были прекрасно сложены, но Конан не нашел среди них ни одной, которая могла бы вправду поразить воображение Ордо, как об этом говорилось в послании. Ну, может, есть и другие, думал Конан. Глядишь, еще появятся... Как только он уселся за столик, ближайший к помосту, на котором извивались танцовщицы, у его локтя возникла пухленькая служаночка. На ней только и было, что полоска муслина вокруг бедер.

— Вина, — приказал Конан, и она поспешила прочь.

Только варвар собрался как следует поглазеть на танцовщиц, как почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. К его столику нерешительно подошел тощий философ, Лукас.

— Мне надо... можно мне поговорить с тобой, Конан?

Говоря так, Лукас все время нервно оглядывался, словно боялся, что кто-то станет подслушивать. Но во всем зале не были полностью поглощены вином лишь три темнокожих кофийца; в волосы у них были вплетены

металлические кольца, а к предплечьям пристегнуты карпашские кинжалы. Похоже, они спорили, действительно ли танцовщицы достойны цены, обозначенной у каждой на медной пластинке. Тем не менее Лукас только что не упал на табуретку против Конана, почти лег грудью на стол и, понизив голос до отчаянного шепота, быстро заговорил, словно боялся, что его могут в любой момент прервать, причем самым жестоким образом.

— Мне обязательно надо поговорить с тобой, Конан! Я шел следом... Твой меч! Я сразу все понял, как только увидел его. Только ты! Только ты можешь сделать это... Я... Я не гожусь. Я не человек действия. — По узкому лицу поползли капли пота, хотя в таверне царили тень и прохлада. — Ты ведь все понял, правда?

— Ни единого слова, — сказал Конан.

Лукас крепко зажмурился, бормоча что-то себе под нос. Когда он снова открыл глаза, то, казалось, сумел овладеть собой.

— Но ты согласен, что Гариана пора сместить, ведь так?

— Это ваши планы, — ответил Конан уклончиво.

— Но... — Голос Лукаса встревоженно зазвенел. С видимым усилием он вновь вернулся к шепоту. — Надо все изменить, и немедленно! Мы не можем больше ждать! Помнишь, что случилось на днях? Солнце потемнело! Земля задрожала! Боги отвернулись от Немедии... Это был знак! Это указание нам — убрать Гариана, пока они сами не уничтожили его, а с ним вместе и весь Бельверус!

Бог Конана, Кром, Темный Властелин Курганов, давал человеку жизнь и волю. И все. Конан что-то не замечал, чтобы другие Боги проявляли о своих чадах больше заботы. А что касается потемневшего неба и содроганий земли, это всего лишь означало, что в Бельверусе кто-то забавлялся магией, несмотря на запрет Гариана. Конану не слишком все это нравилось, но он, по счастью, был тут ни при чем. И ввязываться ни в коем случае не собирался.

Он только сказал:

— Думаешь, пора переходить от слов к делу? Но со мной-то что обсуждать?..

— Нет, ты не понимаешь. Не о том речь. Тут другое. И гораздо более срочное... — Теперь тощее лицо Лукаса просто блестело от пота, а голос дрожал, но говорил он тихо. — Понимаешь, нам помогут проникнуть во Дворец. С ножами. Гариан должен умереть! Немедленно! Но сам я не могу. Не такой я. Ты — человек решительных действий. Иди вместо меня!

— Я не наемный убийца, — недовольно проворчал Конан.

Лукас вскрикнул шепотом, глаза забежали по сторонам.

— Тише!.. — почти простонал он. — Ты не понимаешь! Ты должен...

— Да все я отлично понимаю, — холодно бросил Конан. — Повтори еще раз — и получишь в зубы... — Неожиданно совсем другая мысль пришла ему в голову: — Ариана знает об этом?

— Не говори ей! Никому не говори! Ох, не надо было мне с тобой разговаривать... — Лукас встал и начал пятиться прочь от стола, беспомощно разводя руками в воздухе: — Все-таки подумай об этом, Конан, а? Сделаешь это? Ну что тебе стоит? Ты подумай...

Киммериец сделал вид, что встает. Философ, пискнув, ринулся к выходу и вывалился на улицу.

Конан презрительно и зло скривил губы. Что за дела! Вообразить, будто он согласится стать наемным убийцей! Конечно, ему приходилось убивать, скорее всего, и еще придется, но убивал он только потому, что другого выхода не было. А вовсе не потому, что ему за это платили. Ну да ладно с этим. Только как же Ариана?.. Конан понимал: если этот Лукас, обливающийся потом от страха, и попадет как-то во Дворец, то его непременно схватят. А когда ему дадут только понюхать раскаленные кандалы и щипцы, этот философ выболтает все известные ему имена вплоть до прозвания своей матушки. Я-то, в случае чего,

удеру, рассуждал киммериец, но вот Ариана попадет-ся, как лань в ловушку. Ладно, сейчас явится Ордо, решил Конан, мигом разыщем Ариану и предупредим ее о Лукасе...

Думая об Ордо, он вспомнил и о заказанном вине.

Куда же запропастилась служанка? В зальчике ее нет, это уж точно... Во всей таверне никто не двинулся, за исключением танцовщиц да трех кофийцев: те подбирались поближе к помосту, видимо, решили получше рассмотреть все, за что собирались платить.

Конан хотел было уже встать и пойти поискать служанку, но в это время один из кофийцев заорал на него:

— Я уже говорил тебе, варвар, — она моя!

Отточенным движением все трое скрестили руки и вытащили кинжалы. Флейты захлебнулись, танцовщицы с визгом кинулись врассыпную, а трое с кинжалами набросились на могучего киммерийца. Шесть рук — шесть клинков.

Конан швырнул им под ноги стол.

— Глупцы! — закричал он, вскакивая на ноги, — не за того меня приняли!

Два кофийца успели отскочить в сторону, один же упал, подкатился к Конану и вскочил на колени, делая выпад. Конан втянул живот, и лезвия скользнули по кольчуге в разные стороны. Больше кофиец не успел ничего предпринять: колено Конана снизу вверх врезалось в его костлявый подбородок. Зубы и кровь разлетелись веером. Не успели кинжалы выпасть из обесилевших рук, а их хозяин — растянуться на грязном полу, как Конан уже сжимал в руках меч и кинжал, держа их низко, наготове.

— Вы, верно, приняли меня за другого, — повторил он.

Оставшиеся двое, явно мастера своего дела, разошлись в стороны и, приближаясь, по-кошачьи готовились к прыжку. За столиками оживились: посетители бились об заклад — кто кого.

— Никогда не видел ни вас, ни вашу женщину...

Но кофийцы продолжали двигаться, собираясь напасть с разных сторон. Кинжалы они держали опущенными, хотели ударить под кольчугу.

— Нет, нам нужен именно ты... — подал голос один из кофийцев. Конан невольно покосился на него, и в этот-то миг второй прыгнул вперед.

Однако киммериец тоже был настороже. Мало ли куда он смотрел — главное, куда устремился его меч. Нападавший кофиец страшно закричал: его правая кисть внезапно исчезла, вместо нее фонтаном забила кровь. Отчаянно сжимая обрубок, кофиец пошатнулся и стал оседать на пол. С каждым ударом сердца на одежду выплескивалась еще порция крови.

Конан крутанулся навстречу третьему, но у того явно отшибло охоту заканчивать дело. На смуглом лице был написан животный ужас. Остановившимися глазами смотрел он на своих приятелей: один лежал без сознания, второй истекал кровью...

Могучий киммериец наставил на него меч:

— Вот что, давай-ка рассказывай, какого...

Внезапно в дверях выросло не менее дюжины городских стражников. Они ворвались в таверну и с мечами наголо поспешили к месту боя. Шедший первым указал на Конана и закричал:

— Вот он!

Отряд слитной массой ринулся вперед, расталкивая зевак и опрокидывая в спешке столы.

— Кром! — пробормотал Конан. Кажется, они и спрашивать не собираются, кто и почему начал драку. Вскочив на узенький помост, варвар ринулся к двери, в которую убежали танцовщицы. Заперто!

— Взять его! — ревели сзади. — Руби!..

Завсегдатаи таверны рады были бы убраться у стражников из-под ног, но попросту не успевали. А тем было не до учтивости: они кинулись на помост, сметая все на своем пути.

Конан быстро сделал шаг назад и всем телом обрушился на хлипкую деревянную дверь. Полетели щепки: дверь разлетелась вдребезги, и варвар вывалился

в узкий коридор, где столпились верещавшие танцовщицы. В конце коридора киммериец разглядел дверь, выведившую на улицу. Растолкав полуодетых девиц, он живо оказался у выхода. Неожиданно остановившись, он вдруг обернулся назад, сделал зверское лицо и зарычал, потрясая мечом над головой; танцовщицы в панике ринулись обратно на помост. С той стороны послышался злобный мужской рык: стражники, гнавшиеся за Конаном, прочно застряли в толпе женщин, напуганных до истерики.

Это их задержит, подумал Конан. Хотя бы на время. Возвратив меч в ножны, он поспешил на улочку, что была за таверной. Улочка была чуть шире, чем его плечи, она извивалась, как змея, и притом пропахла рвотой и экскрементами. Варвар выбрал направление и двинулся сквозь жужжащие рои мух.

Но не успел он добраться до первого поворота, как сзади закричали:

— Вот он!

Ему хватило одного взгляда через плечо: стражники уже выбирались на улочку. Нет, Боги меня точно покинули, думал варвар. Ну это же надо, чтобы именно мне достались стражники, вздумавшие рьяно исполнять свой долг. Ведь таких в Бельверусе днем с огнем не найдешь! Может, им женщины не понравились?.. Как бы то ни было, команда в черных плащах мчалась за варваром, вопя и оскальзываясь в грязи.

Конан тоже побежал, кое-как удерживая равновесие. Повороты были крутые, и всякий раз он врезался плечом в углы, оббивая с обшарпанных, заплесневелых стен последнюю штукатурку. Другая, столь же извилистая улочка пересекла его путь, и он свернул не раздумывая. Вот и еще какой-то проход, вернее, узкий лаз между темными стенами... Конан юркнул в него. Сзади слышались проклятия преследователей.

На бегу варвар понял, что попал в сущий лабиринт — путаницу древних ходов и выходов, затерявшуюся в стороне от обычных улиц. Дома, казалось, были готовы вот-вот обрушиться и завалить улочки

мусором. Когда-то все эти дома были, несомненно, одноэтажными. Но годы шли, требовались новые помещения. Вширь строить было негде, поэтому начались бесконечные надстройки, одна поверх другой. Теперь все это напоминало непонятно как держащуюся грудой оштукатуренных коробок, крытых серой черепицей.

И вот в таком месте ему выпало удирать от преследователей, как лисице от гончих. Если повезет, он выберется отсюда, прежде чем его схватят. А удача-то сегодня как раз, похоже, и скисла. Был, правда, еще один выход — выход, как раз подходящий для уроженца льдистых хребтов и утесов Киммерии...

Могучим прыжком бросив свое тело вверх, Конан ухватился за край крыши, подтянулся и ничком лег на сланцевую черепицу. Проклятия и крики стражников послышались ближе, зазвучали прямо под ним, начали удаляться...

— Он там, наверху! — закричал вдруг кто-то. — Я вижу его ногу!..

— Потроха и кишки Эрлика! — вырвалось у Конана. Насчет скисшей удачи было еще мягко сказано. Похоже, она попросту сгнила...

Стражники начали карабкаться на крышу. Не теряя времени, киммериец перебежал по черепице, взобрался на следующий этаж, перебежал через него и спрыгнул ниже. Но тут черепица затрещала под ногами, и он, как гиря, провалился внутрь дома.

Слегка оглушенный, Конан кое-как выпрямился среди груды черепичных осколков. Э, да он тут был не один! В тени дальней стены, лица было не разглядеть, стоял крупный мужчина в ничем не украшенном, но явно дорогом синем плаще. От изумления он выругался, как последний житель трущоб. Другой, с рябым от какой-то болезни лицом и короткой кудрявой бородой, просто в недоумении таращился на Конана.

Однако внимание варвара привлек третий, в сером плаще поверх алой одежды. Вся его внешность — хищное лицо, обсидианово-черные глаза, темные волосы, тронутые сединой на висках, — говорили о том, что он

рожден повелевать. Этот человек тут же коротко приказал:

— Убить.

Кром, подумал Конан, доставая меч. Да что сегодня, весь Бельверус сговорился меня убивать?.. Рябой взялся было за меч...

— Вот он! Он провалился!.. — закричали наверху. Люди в комнате застыли, только у рябого подергивалась щека.

— Вон там дыра в крыше! Серебряную монету за первую кровь!

Мрачный, как сама смерть, человек в алом и сером поднял когтистую руку, точно собирался ударить Конана с другого конца отнюдь не маленькой комнаты. Было слышно, как стражники спрыгивали на крышу.

— Некогда, — проворчал хищнолицый.

Повернувшись, он царственной походкой вышел из комнаты. Его спутники тут же исчезли следом за ним.

Конану вовсе не улыбалось ни стражников встречать, ни идти за этими тремя. По счастью, на глаза ему попала старая тряпка, висевшая на стене наподобие шпалеры. Не иначе, за ней что-то есть! Конан отдернул тряпку... и точно, дверь! А за дверью — комната, пыльная и совершенно пустая. Но вот еще одна дверь, а за ней прихожая. Когда Конан прикрыл эту последнюю дверь, стражники со стуком и грохотом спрыгивали через дыру в крыше.

Как ни странно, коридор вывел Конана не обратно в лабиринт, а на вполне нормальную улицу. Улица была совершенно пуста, если не считать неряшливой стареющей толстухи, которая приоткрыла дверь и зазывно улыбнулась варвару. Зубов во рту у нее не хватало. Конан внутренне содрогнулся и поспешил вперед.

Когда он вернулся в гостиницу, то сразу же увидел Ордо, мрачно созерцавшего кружку с вином. Конан опустился на табуретку напротив него.

— Ордо, передавал ты мне записку с просьбой встретиться в «Полной Луне»?

— Что? И не думал... — Ордо покачал головой, не поднимая взгляда от кружки. — Слушай, киммериец, может, хоть ты мне объяснишь что-нибудь? Разбираешься ты в женщинах? Вхожу я, понимаешь, в гостиницу, говорю Керине, что у нее самые прелестные в Бельверусе глазки, а в ответ получаю по морде, и еще она говорит, что она думает, что я думаю, что у нее грудь будто бы слишком маленькая... — Ордо скорбно вздохнул. — А теперь и вовсе разговаривать со мной не хочет.

— Кажется, я могу тебе кое-что объяснить, — сказал Конан и вполголоса рассказал о послании, исходившем якобы от одноглазого, а потом все остальное, что случилось в «Полной Луне».

Ордо понял с полуслова:

— Так, значит, они охотятся за тобой. Кто бы ни были эти «они». Думали, если кинжалышки не прикончат, то Городская стража уж точно...

— Да уж, — сказал Конан. — Стражники так рьяно преследовали меня, что стало ясно — кто-то подкинул им золотишка. Знать бы еще кто...

Ордо провел широким пальцем по луже вина на столе.

— А не кажется тебе, Конан, что лучше будет совсем убраться из Бельверуса? Можно отправиться, допустим, на юг. В Офире нынче тоже намечается потеха, так что Свободный Отряд и там кому-нибудь да пригодится. Говорю тебе, не нравится мне это! Кто-то ищет твоей смерти, а мы и понятия не имеем кто! Я знал с самого начала: надо было тебе послушаться того слепого предсказателя...

— Ты знал... — Конан покачал головой. — Положим, двинусь я на юг. И что? И прощай отряд. Кое-кто не захочет терять заработок, который имел здесь, а остальным я должен буду платить, пока мы не найдем работу в Офире, а золото мое уже тую-тую. И потом, я и сам не все дела доделал здесь, в Бельверусе.

— Дела? Конан, скажи мне скорее, что не собираешься впутывать нас в это... в это пустое ребячество — восстание...

— Не совсем так...

— Не совсем... — с безнадежным видом повторил Ордо. — Скажи мне прямо: что ты затеваешь?

— Хочу заработать немного золота, — ответил Конан. — Выяснить, кто домогается моей смерти, и разобратся с ними. Да и, конечно, спасти Ариану от топора палача. Ты ведь тоже, наверное, не хочешь, чтобы отрубили прелестную головку Керины? А?

— Ну... положим... — ворчливо ответил одноглазый.

Посмотрев по сторонам и отыскав взглядом Керину, Конан помахал ей, приглашая подойти к ним. Поколебавшись, она подошла, сердитая и неприступная.

— Ариана здесь? — спросил ее варвар. Первое, что следовало сделать во имя спасения ее головы, это немедленно сообщить ей о Лукасе. Пусть остановит его, пока не поздно.

— Она вышла, — был ответ. Смотрела Керина только на киммерийца, как будто Ордо не существовало вовсе. — Она сказала, что ей надо организовать тебе какую-то встречу.

— Кстати, о якобы моем послании сегодня днем... — неожиданно произнес Ордо.

Керина грациозно наклонилась вперед и вылила кружку с вином Ордо на колени. Он вскочил на ноги, ругаясь на чем свет стоит, а Керина ушла.

— Отсечение головы — слишком легкая смерть для нее! — проворчал Ордо. — Ну, вот что! Поскольку нас обоих, нохоже, бросили, пойдем-ка мы на улицу Сожаления. Знаю я там одно местечко, стоит назвать его — даже шлюхи краснеют!

— Надеюсь, это не «Полная Луна», — засмеялся Конан.

— Да что ты, киммериец! — И Ордо запел. Его пение, правда, больше напоминало вопли больного осла. — «Знавал я красотку из Альцибина, сосочки ее — что рубины, волосы — мед, жаль, снизу — лед, а...» — В общей комнате вдруг настала гробовая тишина. — Конан, что ж ты не подтягиваешь?

Конан засмеялся и поднялся на ноги. Распевая во все горло совсем уж непристойный второй куплет, они торжественно вышли из гостиницы, провожаемые ошарашенными взглядами онемевшей публики.

Глава 10

— Ты уверен? — строго спросил Албанус.

Закругленный потолок просторной комнаты поддерживали мраморные колонны. С потолка на цепях висали золотые лампы. Игра света и тени на лице Албануса делала его похожим на волка, двоюродным и куда более жестоким братом которому он, в общем, и приходился.

Настроение у Деметра было вконец испорчено: Албанус заставил ждать в прихожей и уже тем порядочно обозлил. А тут еще такой недоверчивый тон!

— Ты сам хотел, чтобы следили за Сефаной, — пробормотал он. — Я и следил. И я уверен. Неужели я пришел бы среди ночи, если бы у меня остались сомнения?

— Иди за мной, — приказал Албанус таким тоном, каким обращаются к слуге.

Он словно и не заметил, что у юного женоненавистника побелели губы и сжались кулаки. Подумаешь, обида ничтожного слуги. Важно, что Деметр пошел следом, как ему велели. Албанус уже полностью вошел в роль короля. В конце концов, это дело всего лишь нескольких дней. Он заканчивал последние приготовления.

Мрачно глядя перед собой, Албанус направлялся прямо в комнату, где столько раз забавлялся с Суларией. Но сейчас женщины там не было. Албанус особым образом подергал парчовую ленточку колокольчика и без промедления подошел к письменному столу.

— Когда? — потребовал он ответа, открывая серебряную чернильницу. Приготовив перо и пергамент, он быстро и размашисто начал писать. — Сколько у меня времени до того, как она начнет действовать?

— Я не посвящен в ее планы, — резко ответил Деметр. — Разве тебе не достаточно, что нынче ночью она собирает к себе всех сообщников?

— Дурак! — проскрежетал Албанус.

Быстрым движением он посыпал не успевшие просохнуть чернила песком из серебряного ларчика. Зажег огонь под маленьким горшочком с воском. Вошел раб. На нем была короткая белая туника, вышитая по краю узором, означавшим принадлежность к дому Албануса. Господин даже не взглянул на раба. Стряхнув песок и сложив пергамент, он капнул на него воском и приложил печать.

— Когда доносчик пришел к тебе, Деметр, там уже собрались все сообщники?

— Он поспешил ко мне сразу же, как появился третий. Она не стала бы собирать этих троих вместе, если бы не намеревалась нанести удар сегодня же ночью.

Проклиная все на свете, Албанус вручил пергамент рабу.

— Передай лично в руки командиру Ведгенту. Срочно. Ответишь жизнью. Иди.

Слуга поклонился и почти выбежал из комнаты.

— Если собрались еще не все, — сказал Албанус, когда раб вышел, — может, удастся остановить ее прежде, чем она попадет во Дворец. — Он быстро подошел к лакированному сундуку и открыл его ключом, висевшим на шее. — И я сумею это сделать...

Деметр с потаенным страхом осматривал сундук и его содержимое.

— Как? Убьешь ее?

— Нет в тебе королевской закваски, — засмеялся Албанус. — Найти наказание, соответствующее и преступнику, и преступлению, — это тонкое искусство. Стань в сторону и молчи...

Второго предупреждения не понадобилось. Знатный юнец спрятал нос в ароматический шарик: ведь всем известно, что колдовству обычно сопутствует зловоние. Но больше всего сейчас он хотел оказаться где-нибудь в другом месте, желательно подальше...

Небрежно смахнув со стола бесценную чашу из джиргизского хрусталя, которая вдребезги разбилась на полу, Албанус положил на ее место круглый серебряный поднос. Гравировка на нем была такая замысловатая, что глазу делалось больно, если кто-либо пытался проследить узор. Албанус торопился. Быстро подтянул ниспадавшие рукава темно-синего одеяния, открыл небольшой пузырек и обвел алой жидкостью часть узора на подносе, нараспев бормоча себе под нос какие-то заклинания. Алая жидкость распространилась по всему подносу, повторяя тончайшие линии гравировки на серебре. Получился все тот же замкнутый замысловатый узор, только красный. Нигде ничего не размазалось.

Давным-давно уже Албанус заполучил волосы Сефаны — подкупленные девушки-служанки отдали ему то, что оставалось на расческе после причесывания госпожи. Измельченные в порошок, они теперь наготове лежали в пакетике. Албанус высыпал содержимое в ступку, изготовленную из черепа девственницы. К этому было добавлено еще несколько составляющих, точно отмеренных в полированной чашечке золотых весов. Все это Албанус смешал пестиком из бедренной кости ребенка.

Получившейся адской смесью он покрыл те линии узора на подносе, в которые не проникла алая жидкость. Порошок и жидкость образовали каждый свою фигуру, но не пересекались, хотя части одной фигуры, казалось, местами были внутри другой, и наоборот. Какие именно части, взгляд не мог проследить. Долго смотрящий на колдовской узор чувствовал: глаза застилает пелена, голова кружится, а к горлу подступает тошнота...

Мгновение Албанус помедлил, наслаждаясь сделанным и предвкушая дальнейшее. Одно дело — засуха; совсем другое — поразить таким образом человека. От подноса исходило нечто, исходило и разливалось по всему телу Албануса. Наслаждение заполняло его, словно в миг обладания женщиной. Все его существо

требовало продлить, продлить это блаженство. Но он знал, что времени мало.

Протянув руки, он нараспев заговорил на давно умершем языке. Голос взывал и приказывал. Порошок и жидкость начали светиться. Слова Албануса зазвучали еще более настойчиво.

Когда тайные заклинания достигли ушей Деметра, он стал пятиться назад, пока не уперся в стену. Он не понимал ни единого слова, но звуки пронзали его голову, а душа, казалось, постигала сказанное. Все злое, что таилось в глубине сознания знатного юноши, откликнулось на призывные слова заклинания и зажглось тоненькой лучинкой рядом с мрачно светящейся глыбой свершающегося колдовства. Деметр наверняка закричал бы, если бы от ужаса не перехватило горло; беззвучные вопли эхом отдавались в темноте содрогнувшегося разума...

Голос Албануса не стал громче, однако от его слов стены будто ходили ходуном. Гобелены волновались, как от ветра, хотя воздух оставался неподвижным. Свечение серебряного подноса становилось все ярче и ярче, пока не стало болезненно резать глаза даже сквозь закрытые веки. На подносе уже не было ни порошка, ни жидкости, только горящий туман, который все еще сохранял форму узора и казался более плотным, чем породившие его вещества.

Раздался хлопок, неожиданный и резкий, как удар грома, и туман исчез. Гравированный поднос остался абсолютно чистым. Глаза некоторое время еще ощущали свечение, затем и это пропало.

Албанус тяжело вздохнул и опустил руки.

— Готово, — пробормотал он. — Все кончено...

Он поднял глаза и встретился взглядом с Деметром; молодой человек невольно содрогнулся.

— Государь мой, Албанус, — сказал Деметр. Смирение и покорность переполняли его. — Дерзну повторить снова и снова, — продолжал он, подгоняемый страхом, — что служу тебе всем, чем могу. И самая заветная мечта моя — увидеть, как ты по праву займешь Трон Дракона.

— Ты хороший слуга? — спросил Албанус, искривив губы в ухмылке.

Лицо молодого человека на мгновение вспыхнуло гневом, но он сдержался:

— Да...

Голос Албануса был спокойным, но резал без ножа:

— Тогда молчи до тех пор, пока снова мне не понадобится.

На сей раз Деметр побледнел как полотно; Албанус заметил это, но не проронил ни слова. Что ж, юнец, похоже, начинает понимать, что к чему и где его настоящее место. С его помощью Албанус многое разузнал. Если он и впредь будет знать свое место, можно будет, пожалуй, даже оставить его в живых...

Очень тщательно Албанус запер лакированный сундук. В глазах его не было и тени милосердия.

— Пошли, — сказал он, отходя от сундука. — У нас мало времени. Надо встретиться с остальными...

Албанус заметил, что с губ Деметра готов сорваться вопрос — кто эти остальные? Но вопроса не последовало, и Албанус позволил себе улыбнуться. Так и следует вести себя с королем, принимать то, что дают. О, какое это будет наслаждение, когда вся Немедия станет вот так же ползать у его ног. А может, и не только Немедия. Что ему границы, неизвестно кем установленные?..

Они быстро надели теплые плащи, так как стояла уже ночь, и вышли из дворца. Четыре раба несли факелы, два впереди, два сзади. Десять стражников, вооруженных и в броне, окружали Албануса, когда он шел по темным улицам. Бряцало железо, поскрипывала кожа. То, что стражники охраняли заодно и Деметра, было чистой случайностью.

На улицах никого не было видно. Хотя довольно часто слышались торопливые шаги: разбойники и прочие люди, скрывавшиеся в потемках, спешили убраться с дороги. Иногда ветер доносил обрывки шума с улицы Сожаления. В основном же люди сидели по домам. Вот только не всем спалось спокойно: тому, кто не мог

нанять охрану, оставалось лишь молиться, чтобы в эту ночь его дом не ограбили.

Вокруг дворца Сефаны раскинулся сад, обнесенный стеной из алебаstra. За стеной высились канелированные мраморные колонны фасада. Когда Албанус и сопровождающие его достигли дворца, с другой стороны улицы появились люди с факелами. Албанус остановился недалеко от ворот, молча ожидая, чтобы его должным образом приветствовали.

— Ты, что ли, Албанус? — донесся ворчливый голос Веджента. — Мерзкая ночь и мерзкое дело — перерезать глотку одному из моих капитанов...

Рот Албануса скривился. А вот этому придется умереть, будь он хоть тысячу раз полезен. Он подождал отвечать, пока Веджент и все, кто был с ним, не подошли вплотную. Командира сопровождали двадцать Золотых Леопардов. Плащи у всех были откинuty, чтобы не мешали сразу вытащить меч. Десять человек несли факелы.

— По крайней мере, тебе удалось избавиться от Баэтиса. Нашел ли ты варвара?

— От Тэраса нет никаких вестей, — сказал рослый воитель. — Судя по тому, как гналась за ним стража, этот варвар, похоже, обыкновенный вор или убийца. Он нам ни к чему.

Албанус смерил Веджента презрительным взглядом.

— Наша встреча была прервана, и это не может не заботить меня. Почему стража так преследовала его? Давно уже не было слышно о подобном рвении с их стороны...

— Это тебе не случай с Мелиусом. У меня нет основания допрашивать стражников!

— Ну так выдумай его, — приказал Албанус. — А сейчас — взломать ворота!

Веджент тихо отдал распоряжение. Шестеро солдат быстро подошли к стене, разделившись на две группы. В каждой тройке двое схватились за руки и подняли третьего. Те двое, что оказались на стене, положили плащи на острые черепки, беспорядочно усеявшие вер-

хушку стены, живо перебрались на другую сторону и прыгнули вниз. Послышались придушенные крики, которые, впрочем, очень быстро оборвались. Проскрежетами мощные засовы, и ворота распахнулись.

Албанус вступил внутрь, не бросив даже взгляда на охранника, что лежал в луже крови, хотя сюда как раз падал свет из сторожки около ворот.

Веджент приказал еще двум солдатам остаться около ворот. Остальные последовали за зловещим колдуном через живописный парк к самому дворцу, украшенному белыми колоннами и узорчатыми карнизами. Широкая мраморная лестница вела на просторную галерею. Несколько солдат побежали вперед: взламывать высокую дверь на бронзовых петлях. Вскоре дверь затрещала и отворилась.

В просторной прихожей, среди множества колонн, стояло около полудюжины напуганных людей. Они с ужасом взирали на ворвавшихся солдат, которые быстро окружили их, держа мечи наготове.

— Всех убрать, — на ходу бросил Албанус. И, не останавливаясь, прошел прямо к алебастровой лестнице. Деметр тащился следом.

За их спинами слышались крики и мольбы о пощаде: схваченных повели прочь.

— Нет! — кричал один человек, тощий, с длинным носом. — Не я должен был сделать это! Я только... — Сапог Веджента отбросил его за пределы слышимости.

Албанус переходил из зала в зал, направляясь в спальню Сефаны. Не в первый раз он проходил здесь. Хотя причины были более приземленные, думал Албанус, открывая дверь, сейчас он насладится, пожалуй, больше прежнего.

Деметр неуверенно вошел следом за Албанусом, со страхом ища следы разрушения, причиненного колдовством. Казалось, все на месте, ничего и не произошло. Только вот Сефана что-то уж слишком неподвижно лежала на роскошной кровати. Она даже не пошевелилась, когда они вошли. Она лежала обнаженная, сжимая в руках рубашку синего шелка, как будто

собиралась надеть ее, да передумала и прилегла. Албанус довольно захихикал. Его сухой смешок более всего напоминал звук трещотки гремучей змеи.

Юноша опасливо подобрался поближе. Глаза Сефаны были открыты, в них была жизнь, они видели! Деметр дотронулся до ее руки, и у него перехватило дыхание. Рука оказалась твердой как камень...

— Да, она жива, — неожиданно сказал Албанус. — Живая статуя. Теперь ей не надо беспокоиться, что красота с возрастом увядает.

Деметр содрогнулся:

— Не проще ли было убить ее?

Хищное лицо знатного господина обратилось к юноше, взгляд должен был изображать благожелательность, но как же страшен он был!

— Король должен заботиться о наглядных уроках для подданных. Тот, кто захочет предать меня, сразу вспомнит об участии Сефаны и задумается о своей собственной. Встретить смерть гораздо легче. Ну что, предашь ты меня, Деметр?

Во рту у любителя благовоний вдруг стало так сухо, что язык не поворачивался. Он смог только покачать головой.

Смеясь, в комнату вошел Веджент:

— Слышали вы, как они кричали и молили о пощаде? Как будто слезы и мольбы могли остановить нас!

— Все уничтожены? — спросил Албанус. — Все, кто был под этой крышей? Слуги, рабы?

На грубом лице рослого солдата появилась жесткая ухмылка, он провел большим пальцем поперек горла.

— Все до одного — в сточной яме. Один из них — он все повторял, что его зовут Лукас, как будто это имело значение, — рыдал, точно баба, и знай твердил, будто не он, а какой-то Конан должен был все сделать. Все по их... Э, да что с тобой, Албанус?

На сей раз хищное лицо побледнело. Глаза Албануса впились в глаза Деметра.

— Конан... Так звали того, у кого ты купил меч! — Деметр кивнул, но Албанус смотрел как будто сквозь него. Он заговорил шепотом, не замечая, что размышляет вслух. — Совпадение? Не иначе, Боги вмешались в это дело! Когда они вот так сплетают судьбы людей в один клубок, тому всегда есть причина. Опасно, очень опасно... Я не могу рисковать...

— Быть не может, чтобы это был тот же человек! — запротестовал Веджент.

— Двое с одним и тем же варварским именем? — резонно возразил Албанус. — Не думаю. Найти его! — Обсидиановые глаза будто пробуравили насквозь по очереди каждого из них. Зло, которым дышали эти глаза, заставляло живых людей каменеть. — Голову Конана мне!

Глава 11

Конан вылил на голову еще один ковш воды и обвел мутным взглядом задний дворик гостиницы «Феста». И первой, кого он увидел, была Ариана. Она стояла, скрестив руки, и очень неодобрительно поглядывала на него.

— Чего еще ждать, если шататься по неведомым тавернам, пить и кутить до рассвета... — сказала она жестко. — Еще не так голова разболится...

— У меня не болит голова, — ответил Конан. Взяв грубое полотенце, он насухо вытер лицо и волосы. Спрятав лицо в полотенце, он скривился от боли. Только бы не начала кричать... Если закричит, череп точно лопнет.

— Я искала тебя вчера вечером, — продолжала Ариадна. — Мы договорились о встрече с Тэрасом, хотя вначале он наотрез отказывался. У тебя мало времени. Я объясню тебе, куда идти.

— А ты не идешь?

Она покачала головой:

— Он и так зол, что мы связались с тобой. Говорит, мол, мы ничего не понимаем в войнах, не знаем, как

отличить плохого от хорошего. Правда, когда я рассказала ему о тебе, он изменил свое мнение. Ну да встретится с тобой сам и решит окончательно. Но из нас больше никто не должен приходить. Этим он дает нам понять, что сердит.

— Ну и шут с ним. — Конан отбросил полотенце и задумался, подбирая слова. — Слушай, надо кое о чем поговорить, а именно о Лукасе. Не подвел бы тебя этот парень под...

— Лукас? — протянула Ариана скептически. — Лукас? Да каким образом?..

— Не далее как вчера он подвалил ко мне в таверне с бредом сивой кобылы — убить Гариана. Он имел в виду нанять меня для убийства. Если он будет продолжать в том же духе, а может, еще и сам попробует...

— Глупости! — перебила Ариана. — Если кто из нас и говорил о решительных действиях, то только не Лукас. Какое убийство? Его не волнует ничего, кроме философии и женщин!

— Женщин! — засмеялся рослый киммериец. — Этот тощий червячок?

— Вот именно, мой мускулистый друг, — ответила она лукаво. — Между прочим, те женщины, что знали его, считают Лукаса бесподобным любовником...

— Может, и ты? — проворчал Конан, невольно сжимая тяжелые кулаки.

Мгновение она молча смотрела на него, потом глаза вспыхнули гневом.

— Я не принадлежу тебе, киммериец! У тебя нет никакого права допрашивать меня, что у меня было или не было с Лукасом или с кем там еще!

— Что это вы тут говорите про Лукаса? — сказал Гракус, быстро входя во дворик. — Вы его видели? Не знаете, где он?

— Нет, — огрызнулась Ариана, непроизвольно краснея. — Что за манера подкрадываться незаметно, точно какой-нибудь соглядатай?

Но Гракус ничего не слышал, кроме того, что Лукаса здесь нет.

— Его не видели с прошлого вечера. И Стефано тоже... Так что когда я услышал его имя... — И Гракус невесело засмеялся. — Может, мы еще переживем потерю одного-двух философов, но если они уже и до скульпторов добрались... — Он снова засмеялся, но лицо у него было болезненно зеленое.

Ариана тут же стала успокаивать его.

— Они вернутся. — Она ласково положила руку на плечо скульптора. — Разве не доводилось им прокутить всю ночь напролет? Вот и Конан только что вернулся...

— А что с ними могло случиться? — спросил Конан. — Чего вы боитесь?

Ариана уничтожающе посмотрела на него, но Гракус уже отвечал, и голос его подрагивал:

— Несколько месяцев назад исчезли наши друзья — художники. Они писали картины, делали наброски... Двоих из них никогда больше не видели; два знакомых тела нашли в грудe мусора за городскими стенами. Видели, как Золотые Леопарды хоронили их там... Мы думаем, Гариан хочет запугать нас, чтобы мы молчали...

— Не больно по-королевски, — нахмурившись, сказал Конан. — Короли чаще пугают публичной казнью или еще чем-нибудь подобным!

Похоже было, что Гракуса сейчас стошнит.

Ариана хмуро посмотрела на Конана:

— Не лучше ли тебе подготовиться к встрече с Тэрасом? — И, не дожидаясь ответа, повернулась к Гракусу и стала тихо говорить ему что-то утешительное, поглаживая по голове.

Конан мрачно натянул стеганую куртку, потом кольчугу, вполголоса обсуждая сам с собой странности Арианы. Когда он в конце концов пристегнул меч, она снова заговорила с ним.

— И что ты по каждому поводу вооружаешься, как на войну? — Ее тон был язвительным, она все еще сердилась на него. — Не драться же ты с ним идешь!

— На то есть причины... — пробурчал Конан.

Даже за бочку золота он не скажет ей, что кто-то в этом городе хочет его убить. Решит ведь, что он увидел ее с Гракусом и приревновал. Эрлик бы побрал баб!..

Конан надел остроконечный шлем и холодно произнес:

— Ну и куда идти к вашему засиженному мухами Тэрасу?

Ариана так же холодно объяснила.

Она направила его на улицу Кузнецов. На этой улице располагались не только лавки, где можно было купить меч или другие изделия из стали, но также лавочки мастеров по золоту, серебру, меди, латуни, бронзе и олову. Звон молотков мешался с криками продавцов, расхваливающих товар. От этого на улице стоял сплошной гул, отдававшийся из конца в конец. Цех кузнецов установил правило, чтобы мастер по одному металлу не работал с другим. Но этот же цех сообща нанимал охрану, круглые сутки следившую за порядком на улице. А посему здесь не осмеливался появиться ни один грабитель. Покупатели разгуливали свободнее, чем где-либо в городе.

Варвар был уже недалеко от места встречи — оставалось только войти в узкую прихожую рядом с лавкой медника и в дальнем конце ее подняться по лестнице. В комнате на втором этаже его будут ждать... Не очень-то ему хотелось соваться в такое место, не разведав сперва, что да как тут вокруг. Вроде бы и причин нет для беспокойства, но что-то уж слишком часто за последнее время его пытались проткнуть мечом...

Недалеко от указанной лавочки Конан сделал вид, будто слоняется здесь без особого дела. Остановился примериться к блестящему мечу, в другом месте потрогал серебряную чашу, на которой был выкован чудесный узор из листьев. При этом он ни на мгновение не упускал из виду дом с кузницей медника, обзоревая его оценивающим взглядом опытного вора.

Два цеховых стражника стали наблюдать за варваром: он стоял как раз перед открытой на улицу лавкой

кузнеца по серебру. Конан поднял серебряную чашу с листьями к уху и щелкнул по ней большим пальцем.

— Олова многовато... — сказал он и, покачав головой, вернул чашу на стол купца. И не торопясь пошел дальше, провожаемый цветистыми пожеланиями взбешенного мастера. Он добился своего: стража перестала обращать на него внимание.

Неподалеку от медной кузницы обнаружил переулочек, пропахший плесенью и застарелой мочой, как, впрочем, и любой другой в этом городе. Варвар незаметно скользнул в узкую щель между домами и поспешил отойти от улицы Кузнецов. Как он и надеялся, камни, из которых здесь когда-то сложили дома, успели оголиться от времени. Известковый раствор и штукатурку разрушили сырость и плесень.

Быстрый взгляд в сторону улицы сказал ему, что за ним никто не смотрел. Пальцы сами нашли трещины между грубо обитыми и небрежно скрепленными раствором камнями. Многие решили бы, что такой подъем попросту невозможен, особенно в тяжелой кольчуге и сапогах. Но для того, кто рожден в горах Киммерии, любые трещины в камнях — столбовая дорога. Если бы кто-то видел, как варвар стоит на земле, а затем отвернулся бы на минутку, то этот человек решил бы, что Конан попросту исчез — так быстро варвар влез по стене.

Когда киммериец подтянулся и вполз на крышу, крытую красной глиняной черепицей, его лицо озарила улыбка: в крыше было устроено потолочное окно — рама, затянутая квадратами рыбьей кожи. Не оставалось сомнений, что внизу была как раз та комната, которую он искал.

Очень осторожно, чтобы какая-нибудь черепица не выскользнула у него из-под ног, да и самому не загреть вниз на улицу, варвар подобрался к окну. Может быть, сквозь кожу и проходил свет в комнату, но разглядеть что-нибудь через это окно было невозможно. Конан быстро вытащил поясной кинжал, проделал щель и припал к ней глазом.

Внизу была плохо освещенная узкая комната. Окно на крыше давало немного света, а две латунные лампы на столе едва ли добавляли что-нибудь. В комнате находилось четыре человека. Двое держали наготове взведенные арбалеты, нацелив их на дверь, через которую должен был войти Конан.

Могучий киммериец зло и недоуменно покачал головой. Одно дело — подозревать беду там, где ее вроде и быть не может, а другое дело — обнаружить: вот она, ждет тебя...

— Да явится он в конце концов или нет? — раздраженно спросил один из тех, кто был без арбалета. Поперек его головы тянулся глубокий шрам. Кто-то нанес ему удар, чудом не ставший смертельным.

— Он придет, — ответил другой, тоже без арбалета. — Девчонка сказала, что пошлет его прямо сюда.

Кровь застыла в жилах у Конана. Ариана! Неужели она нарочно послала его на смерть?..

— Ну и что ты собираешься ей напเลсть? — спросил человек со страшным шрамом. — Она достаточно влиятельна, Тэрас, чтобы всех нас погубить!

— Скажу, что я нанял его, — засмеялся Тэрас. — И отправил за город, к другим, которых, как она думает, я тоже нанял. Это ее успокоит.

Киммериец, лежа на крыше, вздохнул с облегчением. Значит, Ариана просто не ведала, что творила. Тут до него дошло и остальное, о чем говорил Тэрас. «Другие, которых, как она думает, я нанял...» Сбывались его худшие предположения. Юных бунтарей просто дуррачили. Конан отнюдь не отказался бы задать этому Тэрасу вопросик-другой. Меч тихонько выскользнул из ножен, прошуршав о кожу...

— Будьте наготове, — говорил между тем Тэрас арбалетчикам, — стрелять сразу, как только он шагнет в комнату. Этих варваров так просто не убьешь...

— Считай, что он уже мертв, — ответил один из стрелков. Другой засмеялся и ласково похлопал ладонью по арбалету.

Ухмылка Конана все больше походила на волчий оскал. Еще посмотрим, кто умрет в этой комнате. Он беззвучно поднялся, страшный как смерть, и прыгнул навстречу неизвестности...

— Кром! — взревел варвар, проламывая окно в крыше.

Те, кто был в комнате, только и успели, что вздрогнуть.

Конан прыгнул прямо на голову одному из арбалетчиков. Удар был так силен, что послышался хруст сломанного позвоночника. Негодяй рухнул на пол. Другой арбалетчик отчаянно взмахнул своим оружием, пытаясь пустить его в дело. Конан приземлился как кошка, не потеряв равновесия; еще миг — и его кинжал пронзил горло стрелка. Тот, кто называл киммерийца мертвецом, захлебнулся собственной кровью и умер сам, успев перед смертью нажать на спуск. Человек со шрамом уже наполовину вытащил меч, но вдруг захрипел и опрокинулся: из его левого глаза торчала арбалетная стрела.

Используя кинжал, как рычаг, Конан бросил оседающее тело арбалетчика на Тэраса. И тут он вспомнил это рябое лицо! Тэрас был в той комнате, куда варвар провалился через крышу, прервав встречу трех человек!

Рябой пошатнулся под тяжестью отлетевшего трупа и схватился за меч.

— Ты! — выдохнул он, только тут как следует разглядев киммерийца.

Конан зарычал и ударил. Клинок звякнул о рукоять наполовину извлеченного из ножен меча рябого. Тэрас закричал: отрубленные пальцы упали на пол. Но так просто он не сдастся. Кровь потоком лилась из изуродованной правой руки, а левая уже вытаскивала из ножен кинжал. С диким криком Тэрас набросился на Конана.

Варвар запросто мог бы убить его, но ему очень хотелось прежде кое-что узнать. Пропустив ринувшего вперед Тэраса мимо себя, Конан ударил рябого

сзади по шее сжатой в кулаке рукоятью меча. Запнувшись, Тэрас вскрикнул, перевалился через тело человека со шрамом и рухнул на пол. Дернулся разок, испустил долгий вздох и больше не шевелился.

Проклиная все на свете, варвар перевернул рябого на спину. Безвольные пальцы Тэраса выпустили рукоять кинжала, глубоко вошедшего в грудь. В глазах не было жизни.

— Эрлик тебя поberi, — пробормотал Конан. — Ты был нужен мне живой...

Вытерев клинок об одежду Тэраса, он вложил меч в ножны и принялся быстро соображать. Этот человек сам произнес свой приговор, сознавшись, что водил за нос молодых повстанцев. Однако он же встречался с теми двумя, а они по одежде и всему прочему были людьми с достатком и положением. Приходилось признать, что та встреча была как-то связана со всем этим и кто-то в самом деле хотел выступить против Гариана, используя Ариану и других как пешек. А пешек, сделавших свой ход, обычно выбрасывают за ненадобностью...

Когда Конан вытаскивал кинжал из горла арбалетчика, дверь неожиданно распахнулась настежь. Он мгновенно пригнулся и встал в боевую стойку, держа кинжал наготове. Но увидел только Ариану и Гракуса, стоявших по другую сторону кучи трупов.

Приземистый скульптор так и окаменел с выпученными глазами, увидев результаты кровавой резни. Конан встретился взглядом с Арианой: в ее глазах была бесконечная тоска и уныние.

— Я с самого начала считала, что Тэрас не вправе отстранять нас от этой встречи, — сказала она медленно. — Я думала, что мы должны быть здесь и замолвить за тебя словечко... — Она не договорила, лишь тяжело вздохнула.

— Они собирались меня убить, Ариана, — сказал Конан.

Она перевела взгляд с разбитой рамы, валявшейся на полу, на дыру в крыше.

— Кто из них прыгнул сверху, Конан? Ясно, что кто-то вошел именно оттуда. Чтобы убить. Я так удивлялась, что ты вооружаешься, но не говоришь мне для чего. Недоумевала и молилась о том, чтобы ошибиться...

И почему эта дуреха все понимает шиворот-навыворот, сердито думал варвар.

— Я подслушивал у окна, Ариана, это я «вошел» оттуда. После того, как услышал, что они хотят убить меня. Ты что, думаешь, они готовили арбалеты, чтобы стрелять в крыс?

Она смотрела на него спокойно, но во взгляде не было ни жизни, ни надежды. Конан глубоко вздохнул:

— Послушай меня, Ариана. Этот Тэрас вовсе не нанимал никаких ратников для вашего восстания. Я сам слышал, как он говорил это. Ты должна...

— Так это ты убил их! — внезапно закричал Гракус. Лицо его пылало, он дышал прерывисто, словно после тяжелой работы. — Вот этого-то и боялся Стефано! Может, ты и его убил? И Лукаса? Может, ты всех нас собираешься поубивать? Не выйдет! Не сможешь! Нас — сотни! Сначала мы убьем тебя! — Неожиданно он обернулся в сторону лестницы и с пронзительным криком ринулся в противоположную сторону. Ариана осталась неподвижна.

В дверях появился Ордо и коротко посмотрел на убежавшего в панике скульптора. Его единственный глаз быстро обшарил тела на полу.

— Я возвратился в «Фесту» и как раз услышал, как девушка и вон тот говорили, что надо бы пойти следом за тобой. Я, в свою очередь, решил последовать за ними, и, кажется, не зря...

Ариана наконец пошевелилась:

— Теперь ты и меня убьешь, Конан?

Киммериец сердито повернулся к ней:

— Неужели ты до сих пор так и не поняла, что я не смогу даже пальцем тебя тронуть?

— Я думала, что знаю тебя, — сказала она безжизненно. Взгляд ее перебегал с одного трупа на другой.

Она истерически захохотала: — Я не знаю о тебе ничего! Ничего! — Конан потянулся к ней, но она отскочила от его протянутой руки. — Мне с тобой не справиться, — прошипела она, — но только тронь, и я убью себя вот этим кинжалом!

Конан отдернул руку, словно обжегшись. Помолчав, он холодно произнес:

— Не торчи здесь. Трупы привлекают стервятников, в том числе и двуногих. Как бы и тебя за добычу не посчитали... — Она не смотрела на него и не отвечала. — Пошли, Ордо, — проворчал варвар и вместе с одноглазым вышел из комнаты.

На улице прохожие расступались перед стремительно шагавшим Конаном — его потемневшее лицо и лед синих глаз говорили сами за себя. Ордо еле поспевал за киммерийцем. Когда за спиной стих лязг улицы Кузнецов, одноглазый спросил:

— Что там хоть произошло-то? Какого беса девка так окрысилась?

Конан посмотрел на Ордо убийственным взглядом, но все-таки рассказал быстро и сжато, как пошел туда, что услышал и что в конце концов вышло.

— Ох, стар я для всего этого, — простонал Ордо. — Мы должны опасаться не только Гракуса, который того и гляди всадит нож в спину, но еще и не знаем, кто из знати и купцов замешан... К кому мы можем поступить на службу? Куда нам теперь идти, киммериец?

— Нам осталось только одно, — мрачно ответил Конан. — Король!

Глава 12

...Конанов Свободный Отряд двигался по узеньким извилистым улочкам Храмового квартала. Вооруженные люди на боевых конях здесь были редкостью. Какой-то человек, стоявший на широких мраморных ступенях Храма Митры, долго провожал взглядом необычное зрелище, открыв рот от удивления и даже

испуга. Он так и не заметил, что выронил из рук клетку с голубями, предназначенными для жертвоприношения. Клетка сломалась, и голуби, почуввав свободу, весело били белоснежными крыльями, набирая высоту.

Ордо наклонился немного вперед, и седло под ним скрипнуло. Яростный шепот одноглазого долетел до Конана:

— Это безумие! Будет большой удачей, если на холме нас не выйдут встречать все Золотые Леопарды разом!

В ответ Конан только молча покачал головой. Он прекрасно понимал, что приближаться к Королевскому Дворцу с сорока вооруженными всадниками без предупреждения — далеко не лучший способ обращаться с просьбой о приеме на королевскую службу. Но он понимал также, что на обычные способы — вроде подкупов — времени у него не было. Значит, оставалось либо записываться в Немедийскую армию... либо поступить так, как он и поступил.

По правде говоря, волновали его не столько Золотые Леопарды, сколько юные повстанцы. Они могли решить, что он предал их или собирается сделать это, и в отчаянии решиться Бог знает на что. А эти узкие улочки, что ведут вверх, к Королевскому Дворцу, ну прямо созданы для засады...

Улочки так и дышали стариной. Когда-то, в туманном прошлом, на вершине холма стояла крепость.

Вокруг крепости постепенно выросла деревня. Прошли века: крепость превратилась в Королевский Дворец, а деревня — в Бельверус. Давно это было... На смену жалким деревенским лачугам пришли украшенные множеством колонн храмы из алебастра, мрамора и полированного гранита. Узенькие же извилистые улочки остались.

Да и в самом Дворце многое напоминало о том, что он начинался как крепость. Зубчатые стены высились по-прежнему, только теперь они были сложены из белоснежного мрамора. Внутри виднелись башни из порфира и нефрита. Опускные решетки были из железа,

но позолоченные. Разводные мосты перекрывали сухой ров, дно которого было утыкано острыми штырями. По всему склону вокруг Дворца, вплоть до самого Храмового квартала, который охватывал подножие холма, росла трава, коротко подстриженная, как в ухоженном парке. Однако и этот безобидный на первый взгляд газон имел свое военное значение: ко Дворцу невозможно было подойти незамеченным.

Конан остановил отряд как раз там, где начиналась зеленая полоса травы перед Дворцом.

— Ждите здесь, — приказал он.

— С нашим удовольствием, — пробурчал Ордо.

В одиночестве Конан поскакал вперед ко Дворцу. Большой вороной жеребец слегка пританцовывал под ним. Около подъемного моста стояли два стражника в золотых плащах. Когда, приблизившись, Конан натянул поводья, из навесной башни вышел еще один — по шлему, украшенному гребнем, можно было узнать в нем офицера.

— Что тебе здесь надо? — строго спросил офицер. Он внимательно посмотрел вниз, на Свободный Отряд, однако наемников было не так и много, да и стояли они далеко.

— Я хочу привести свой отряд на службу королю Гариану, — ответил Конан. — Я научил этих людей боевому искусству, неведомому никому здесь, в Немедии... да и в остальных западных землях.

Офицер насмешливо улыбнулся:

— Ну конечно! Как же — Свободный Отряд и без якобы тайных приемов! Видали мы таких! И что же у тебя за боевое искусство?

— Я покажу, — сказал Конан. — Лучше один раз увидеть. — Про себя он вздохнул с облегчением. В глубине души он боялся, что, если и удастся добраться до Дворца, то с ним и разговаривать-то не станут.

— Ну хорошо, — медленно проговорил офицер, еще раз смерив взглядом стоявший в отдалении отряд Конана. — Можешь войти и показать. Один. Но предупреждаю: если у тебя секрет, которому обучают лю-

бого новобранца в Немедийской армии, а именно таковы тайные искусства большинства Свободных Отрядов, — тебя разденут догола и будут гнать кнутом от ворот до подножия холма, в назидание твоим молодцам.

Конан слегка тронул сапогами бока жеребца. Конь скакнул чуть вперед; стража нацелила на него пики, а офицер насторожился. Киммериец позволил себе улыбнуться, но одними губами, глаза остались холодными.

— То, что я хочу показать, не известно ни одному из немедийцев, хотя, твоя правда, любого новобранца можно этому научить.

Офицер ответил сквозь зубы:

— Думаю, и другим было бы интересно посмотреть на это, варвар. — Он просунул голову в дверной проем сторожки и неразборчиво отдал приказ.

Появился солдат в золотом плаще, оценивающе посмотрел на Конана и поспешил во Дворец. Киммериец проехал ворота, следуя за офицером. В это время из башенки вышли еще солдаты, некоторые двинулись следом. Интересно, думал про себя варвар, посмотреть они собрались или проследить, чтобы я в одиночку не взял штурмом Дворец?..

Внешний двор был вымощен плитняком. Он насчитывал четыреста шагов в длину и столько же в ширину. Двор окружала сводчатая четырехэтажная галерея. За галереей, как раз против ворот, виднелись башни внутреннего двора и собственно Дворец, где жил король Гариан со своей свитой.

Солдаты, что следовали за Конаном, почтительно отступили назад: откуда ни возмись, навстречу показалось не менее двадцати офицеров, впереди которых шел некто такого же героического сложения, как сам Конан. Командир, впустивший Конана, поклонился рослому воину.

— Почтение полководцу Ведженту, — сказал он. — Осмелюсь предположить, этот варвар покажет нам что-нибудь забавное...

— Да, Тэга, — рассеянно отвечал Веджент, не сводя глаз с Конана. На удивление подозрительный взгляд,

подумал киммериец. Внезапно здоровяк офицер обратился к нему — Эй, варвар! Я знаю тебя? Или ты меня?.. — При этих словах рука его крепко сжала меч.

Конан покачал головой:

— Я не знаю тебя, полководец.

Хотя, если подумать хорошенько, что-то было знакомое в этом Ведженте, но смутно, так, словно киммериец вправду видел его где-нибудь мельком. Ну да ладно, подумал Конан. Если это важно, память рано или поздно подскажет.

Веджента, похоже, несколько успокоил его ответ. Приняв решительный вид, он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, посмотрим. Тэга, пусть варвару дадут все, что ему может потребоваться.

— Мне нужна соломенная мишень, — сказал Конан офицеру. — Или что-нибудь в этом роде.

Когда Тэга приказал двум солдатам достать мишень, среди офицеров поднялся хохот.

— А-а, стрельба из лука, — громко засмеялся кто-то из них. — Я видел лук у его седла, но думал, что такой годится только для ребенка!

— Может, он стреляет одной рукой? — предположил кто-то другой.

Замечания окружающих становились все более дерзкими, но Конан хранил молчание, только плотно сжал зубы. Достав короткий лук из лакированного саадака, он тщательно проверил натяжение тетивы.

— Э, да это арфа! — закричал кто-то. — Смотрите, он играет на нем, как на арфе!

Конан ощупью проверил все сорок стрел в колчане у седла, убедившись еще раз, что с оперением все в порядке.

— Сколько у него стрел! Наверное, мажет то и дело...

— Да нет, перышками он щекочет женщин! Берешь ее, понимаешь, за пяточку, поворачиваешь...

Хохот и едкие замечания бездельников продолжались. Примолкли они, только когда возвратились солдаты и притащили соломенную мишень.

— Поставьте ее вон там, — приказал Конан, указывая на место шагах в пятидесяти от себя. Солдаты с охотой подчинились и быстро все сделали. Им, как и их начальникам, не терпелось посмотреть на потеху и посмеяться над посрамленным варваром.

— Не слишком ли далеко мишень, варвар?

— Да у него детский лук!

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Конан отъехал от кучки офицеров, остановившись в двухстах шагах от мишени. Приложив стрелу к тетиве, он помедлил. Он должен показать лучшее, на что способен. Поэтому думать надо только о мишени. Надо забыть о гнев и этих пустомелях, которые считают себя офицерами.

— Что ж ты медлишь, варвар? — крикнул Веджент. — Слезай с коня и...

С диким криком Конан вскинул лук и выстрелил.

В тот момент, когда стрела с глухим звуком вонзилась в мишень, Конан сжал сапогами бока жеребца и галопом помчался вперед. Копыта боевого коня дробно застучали о плитку двора, высекая снопы искр. Варвар же на полном скаку выпускал стрелу за стрелой, только успевая доставать их и натягивать лук. Боевой клич варвара, не раз наводивший ужас на солдат Гандерланда, Гипербореи и Боссонских Пределов, огласил королевский двор.

Стрелы вонзались точно в цель. В ста шагах от мишени киммериец двинул коленом, и могучий жеребец безошибочно повернул вправо. Конан стрелял снова и снова, сосредоточив все внимание на луке, стрелах и мишени. Снова нажал коленями, и ученый конь заплескал на месте, становясь на дыбы и разворачиваясь обратно. Послав коня на то место, откуда начал, Конан продолжал стрелять и на обратном пути. Когда наконец он снова взялся за поводья, в колчане за седлом оставалось только четыре стрелы. Киммериец был уверен: если бы кто-нибудь удосужился пересчитать стрелы, усеявшие мишень, он насчитал бы ровно тридцать шесть.

Легким галопом он направил коня к умолкнувшим офицерам.

— Что за колдовство? — потребовал ответа Веджент. — Кто заколдовал твои стрелы, повелев им лететь прямо в цель, пока ты носишься как сумасшедший?

— Никакого колдовства, — посмеиваясь, ответил Конан. Ничего не скажешь, пришла его очередь смеяться над ошарашенными офицерами. — Поразить бегущего оленя стрелой из лука — это умение, хотя и не Бог весть какое. То, что я тут показал, — следующий шаг. Когда учили меня самого, я не умел даже лука натянуть.

— Учили? — воскликнул Тэга, не замечая выразительного взгляда Веджента. — Кто учил? Где?

— Далеко на востоке, — сказал Конан. — Там, где лук — главное оружие легкой кавалерии. В Туране...

— Что бы они там ни делали в тех чужих краях, — грубо оборвал его Веджент, — здесь нам это ни к чему. Нам не нужны твои заморские штучки. Фаланги доброй старой Немедийской пехоты очистят любое поле, не нуждаясь в пустой суете верховых лучников...

Конан как раз собирался рассказать, что сделают несколько тысяч верховых туранских лучников с этой самой пехотой, но не успел и рта открыть, как увидел, что приближаются еще какие-то люди, а офицеры склоняются в низком поклоне.

Впереди всех шел высокий человек с квадратным лицом. Корона на его голове — золотой дракон с рубиновыми глазами и большой жемчужиной в латах — говорила о том, что он-то и есть король Гариан.

Конану, правда, сразу стало не до короля. Он почти не видел ни советников, толпившихся вокруг Гариана, ни придворных, следовавших за ним; внимание варвара приковала женщина из свиты короля — длинноногая и пышногрудая блондинка. Но одежде ее нельзя было признать за даму знатного происхождения. Знатные дамы одевались иначе. Красное платье из полупрозрачного шелка держалось на плечах красавицы при помощи жемчужных застежек и уютно охватывало осиную

талию, перетянутую поясом из жемчужин, оправленных в золото. Чья-то наложница. Но, видимо, покровитель не уделял ей должного внимания, ибо она ответила Конану взглядом, пусть и не столь же откровенным, но все-таки полным тайного жара, отчего кровь варвара быстрее побежала по жилам.

Конан с некоторым запозданием понял, что Гариан направлялся именно к нему, и торопливо снял шлем, надеясь, что король не заметил, куда он устался.

— Я все видел с галереи, — дружески и совсем запросто сказал король. — А ты молодец! Ничего подобного в жизни не видел! — Карие глаза смотрели приветливо. Значит, не заметил, как Конан пялился на блондинку. Впрочем, взгляд был не столь открытым, как бывает у простых смертных. — Как тебя зовут?

— Я — Конан, — ответил варвар. — Конан из Киммерии.

Он не видел, как с лица Веджента разом сошла вся краска.

— Ты пришел просто развлечь нас, Конан?

— Я пришел поступать на службу, — сказал Конан. — Со мной офицер и сорок человек, и все владеют луком так же, как я.

— Прекрасно, — сказал Гариан, похлопав жеребца по холке. — Меня всегда интересовали военные новшества. Я, можно сказать, вырос в войске, в походной палатке... А теперь, — с оттенком горечи добавил он, — у меня и с мечом поразиться времени нет...

— Мой государь, — почтительно начал Веджент, — ведь это просто надувательство, детская забава, совершенно бесполезная на войне. — Говоря так, командир Золотых Леопардов перевел взгляд на Конана. Киммериец не сразу поверил собственным глазам: почему полководец смотрел на него с такой ненавистью и... страхом?

— Нет, мой добрый Веджент, — сказал Гариан, покачивая головой. — Я очень ценю твое мнение по военным вопросам. Но сейчас ты ошибаешься.

У Веджента открылся рот: Гариан не внял его совету!

— Слушай меня, Конан из Киммерии, — продолжал король. — Если ты поступишь ко мне на службу, каждый из твоего отряда получит три золотые монеты и еще три — каждые десять дней. Тебе — десять золотых монет для начала и еще по одной за каждый день службы.

— Согласен, — спокойно ответил Конан. Ни один купец не положил бы и полстолько!

Гариан кивнул:

— Значит, решено. Только ты должен каждый день по полчаса заниматься со мной фехтованием. По вытертой рукоятке твоего меча видно, что ты и этим оружием неплохо владеешь. Веджент, проследи, чтобы Конану выделили помещение во Дворце. Да попросторнее.

И, как полагается королю, отдавшему приказание, Гариан зашагал прочь, не проронив больше ни слова. Солдаты дружно склонились вслед. Придворные и советники потянулись за королем. Ушла и блондинка, не забыв, впрочем, одарить Конана жгучим взглядом.

Уголкем глаза Конан заметил, что и Веджент собирается уходить.

— Полководец Веджент, — позвал варвар, — моему, король приказал дать помещение для моего отряда...

Ответ Веджента походил на рычание злого цепного пса:

— Король приказал выделить комнату тебе, варвар. Он ничего не сказал о той шусере, что ты называешь отрядом! Пусть ночуют хоть в канаве!

И Веджент тоже решительно зашагал прочь.

Радости у Конана немного поубавилось. Не бежать же за королем жаловаться на Веджента и требовать достойно разместить отряд. Внизу, у подножия холма, полно гостиниц. Другое дело, что даже в самой дешевой варвару придется платить за всех из собственного кармана. Что будет довольно чувствительно для его кошелька даже при новых доходах. Но не это беспокоило

Конана. Почему Веджент с ходу его невзлюбил?.. Надо разобраться в этом, и поскорее, не то кабы не пришлось прикончить его. И блондинке нельзя давать вскружить ему голову. Вскружить, а потом погубить. А вот пользоваться ее расположением — это пожалуйста. Ну что же, тому, кто родился на поле боя, к опасностям не привыкать. Когда это он искал спокойной жизни?

Довольный, Конан поскакал к воротам — рассказывать остальным об удаче.

Глава 13

Сводчатый потолок из простого серого камня был залит светом множества факелов, вставленных в латунные скобы. Кроме них, на стенах комнаты не было ничего. Не было даже окон. Единственная дверь надежно охранялась снаружи. Албанус тщательно следил, чтобы комната надежно скрывала то, что было в ней заключено. Ему же самому стоило только взглянуть на ЭТО, чтобы ощутить будущую власть. Она придет к нему из этой комнаты. В середине располагалось круглое каменное возвышение, не выше обычной ступеньки. На нем покоился большой прямоугольный кусок глины необычного цвета — цвета человеческой кожи, чуть тронутый загаром. Именно эта глина откроет Албанусу путь к Трону Дракона...

— Господин Албанус! Я все-таки требую ответа: почему меня притащили сюда и держат взаперти?

Албанус с некоторым трудом приклеил на лицо улыбку и повернулся к своему собеседнику. Мужчина с вызовом смотрел на Албануса, сжав кулаки и сердито нахмутив черные брови.

— Досадная оплошность стражников, дорогой мой Стефано. Я просто приказал им доставить ко мне знаменитого скульптора Стефано, а они явно превысили полномочия. Я велю их выпороть, уверяю тебя.

Стефано отмахнулся, сделав вид, что последнее ему совсем не важно. Албанус заметил, однако, что

скульптор не попросил избавить стражников от обещанной порки.

— Ты слышал обо мне? — вместо этого спросил скульптор, выпячивая грудь.

— Ну конечно, — ответил Албанус, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться вслух. Он видит этого Стефано насквозь: читать в его душе легко, словно в книге, переписанной крупными буквами. — Поэтому-то я и хочу, чтобы эту статую сделал для меня именно ты. Как видишь, инструменты все на месте. — Албанус жестом указал на низенький столик — на нем лежали всевозможные инструменты, которыми обычно пользуются скульпторы.

— Ничего не выйдет, — тоном превосходства отвечал Стефано. — Из глины делают маленькие фигуры. Статуи же — из бронзы или камня.

Губы Албануса все еще улыбались, но взгляд стал холоден и тверд.

— Эту глину привезли сюда из самого Кхитая. — Албанус не мог припомнить более отдаленной страны и поэтому объявил глину кхитайской. — После обжиги она становится твердой, как бронза, и в то же время легкой, легче сырой глины. Вот здесь на столике — наброски того, чью статую надо сделать. Посмотри их.

С сомнением покосившись на глину, Стефано развернул пергамент и задохнулся от удивления:

— Но это же Гариан!..

— Наш милостивый король, — еле слышным голосом подтвердил Албанус и чуть не подавился собственными словами. — Это будет подарком ему. Приятной неожиданностью...

— Но как же будет одета статуя? — спросил скульптор, бегло просматривая рисунки. — Здесь везде обнаженное тело...

— Статуя и должна быть нагой. — Видя удивление Стефано, Албанус предупредил возражения, пояснив: — Таков обычай Кхитая. Статуи, сделанные из подобной глины, одевают в настоящую одежду и время от времени меняют ее, чтобы не отстать от

моды. — Албанусу самому понравилась выдумка, мелькнула даже мысль, а не сделать ли свою такую статую, когда он взойдет на трон? Право же, это было бы забавно...

Внезапно Стефано нервно засмеялся, звук был сухой и неприятный.

— А что сделают с голой статуей, если Гариан больше не будет королем?

— Маловероятное событие, — мягко ответил Албанус.

Тут до Стефано дошло, что он сморозил нечто неподобающее, притом вслух. Он испугался.

— Да, да, конечно! — Нахмутив широкие брови, он принял серьезный вид. — И все-таки почему я должен принять это предложение, да еще после того, как просидел ночь запертым у тебя в подвале?

— Прискорбная ошибка, за которую я уже принес свои извинения. Скажем, тысяча золотых монет?

— Меня не интересует золото! — презрительно усмехнулся Стефано.

— Для раздачи бедным, — спокойно добавил Албанус. — Я наслышан о твоей благотворительности в Адских Вратах. — С виду Стефано не смягчился, но Албанус знал, как надо действовать. Он продолжал шепотом, заворачивая и убеждая: — Подумай, сколько добрых дел ты сможешь сделать с помощью тысячи золотых! Подумай, как потянутся к тебе приятели, когда увидят, насколько ты щедр! Могу поспорить, ни один из них не тратит на милостыню и сотой доли такой суммы...

Стефано медленно наклонил голову и уставился на стену, как будто уже видел на ней себя, раздающего милостыню. И благодарную толпу вокруг.

— Как они будут прославлять тебя, вознося молитвы и следуя за тобой по пятам. Как велик ты будешь в их глазах! — И Албанус замолчал, ожидая ответа.

Стефано выпрямился и смотрел уже веселее. Внезапно он встряхнулся и смущенно засмеялся.

— Ты прав: с таким количеством золота можно сделать немало добра. Я просто задумался о тех, кому я мог бы помочь...

— Конечно. — Хищное лицо Албануса озарилось улыбкой. — Но, — продолжал он говорить уже отрывистым, приказным тоном, — для Гариана все это должно явиться полной неожиданностью, поэтому до самого конца никто не должен знать, что ты находишься здесь. Еда и питье будут тебе предоставлены. И женщины, если пожелаешь. Каждый день можешь гулять по саду, но только если будешь держать язык за зубами. А теперь — за работу, время не ждет!

Албанус вышел и остановился перевести дух. Он весь дрожал. Справа и слева от него стояли стражники с мечами наголо, охранявшие дверь. Тошнота, отвращение, досада и злоба переворачивали его внутренности. Разговаривать с этим Стефано почти как с равным!.. Не легко это дается! Но Албанус уже знал, что таких людей, к сожалению, нельзя заставить работать угрозами или пыткой. Иначе работа неизбежно будет испорчена. Ему уже случалось в том убедиться.

Кто-то почтительно тронул Албануса за рукав. Он весь напрягся и грозно оскалил зубы.

Раб, посмеявшийся дотронуться до него, съежился, боясь поднять голову.

— Не гневайся, господин, но тебя ждет полководец Веджент! Он чем-то очень взволнован и приказал мне просить тебя скорее прийти...

Албанус отшвырнул раба и большими шагами направился в приемную. Он так тщательно разработал свой план! Если солдафон умудрился напакостить хоть в чем-то, Албанус его кастрирует. Собственноручно.

Веджент нетерпеливо ходил взад и вперед по прихожей среди множества колонн. Капли пота покрывали его лицо. Стоило показаться Албанусу, как он тут же начал говорить:

— Конан! Тот варвар, что бился с Мелиусом и забрал его меч! Тот самый, про которого Лукас кричал, будто именно он должен был убить короля по замыслу

Сефаны! Сегодня человек с таким именем привлек внимание короля и поступил к нему на службу. Я видел его, я его узнал! Тот самый, что ворвался на нашу встречу с Тэрасом! Уже четыре раза он вмешивался в наши дела, Албанус! Не нравится мне это! Дурной знак!

— Неужто Боги присматриваются ко мне? — прошептал Албанус, не осознавая, что говорит вслух. — Хотят поспорить со мной? — И продолжал уже в полный голос: — Только не говори мне о дурных знамениях! Как раз этим утром предсказатель пообещал мне, что я умру в Короне Дракона. Естественно, пришлось прикончить его, чтобы не распускал язык. С таким предсказанием успеха что мне один какой-то варвар!

Солдат до половины обнажил меч:

— Я мог бы с легкостью убить его! Во Дворце он один, никто не прикрывает ему спину...

— Недоумок! — проскрежетал Албанус. — Убийство во Дворце, и Гариан как следует займется своей безопасностью! Нужно нам это?

Веджент усмехнулся:

— Безопасность короля — в моих руках. Каждый третий Золотой Леопард предан мне, а не Трону Дракона.

— А два из трех — нет. К тому же мой план никак не включает резню в Королевском Дворце. Во мне должны увидеть спасителя Немедии от вооруженного восстания уличной черни!

— Так варвар останется жить? — недоверчиво выпалил Веджент.

— Нет, он умрет. — Может ли быть, лихорадочно думал чародей, чтобы этот Конан был орудием Богов, направленным против него, Албануса? Нет! Ему суждено носить Корону Дракона! Он рожден быть королем, а будучи облачен властью синего шара — живым Богом. — Тэрасу уже приказано убить варвара, — продолжал Албанус вслух. — Передай ему еще: Конан должен умереть достаточно далеко от Дворца. В таком месте, чтобы все посчитали его смерть результатом пьяной драки.

— Тэрас куда-то запропастился, Албанус...

— Ну так найди его! — раздраженно огрызнулся вельможа. — И помни: во Дворце чтобы пальцем к варвару не притронулись! Лишь наблюдать! Но как только выйдет за ворота — убить его!

Глава 14

В одном из небольших внутренних двориков Королевского Дворца звенела сталь. Конан отразил удар опускавшегося меча и спокойно отступил назад, заняв оборонительную позицию. Его широкая грудь блестела от пота, но дышал он ровно, взгляд был тверд, и рука с мечом не дрожала.

Гариан попробовал обойти его слева. Он тоже был обнажен до пояса. Хотя его мускулы покрывал жирок — жизнь короля не столь богата движением, — он лишь немногим уступал Конану. Пот градом катил с покатых плеч государя, а меч едва заметно, но все-таки подрагивал.

— А ты знаешь свое дело, варвар, — тяжело дыша, сказал король.

Конан промолчал. Он слегка переступал на месте, только чтобы оставаться лицом к лицу с королем. Поединок — не время для праздной болтовни, пусть это даже просто разминка.

— Только говоришь мало, — продолжал король, и меч его метнулся прямо в грудь киммерийца.

Конану не стоило большого труда отразить удар. Двигались только жилистые запястья; меч описал дугу вниз, звонко грянул о меч короля и отвел его в сторону. Вместо того чтобы отбросить клинок противника еще дальше — излюбленный прием многих фехтовальщиков, — Конан стремительно присел на правую ногу, оставив левую в сторону. Меч варвара соскользнул с меча противника, устремился вперед и остановился, чуть коснувшись живота Гариана. Король еще и в себя не успел прийти, а Конан гибко вскочил и снова был готов к бою.

Разочарованный неудачей, король отступил.

— Хватит на сегодня, — мрачно сказал он и зашагал прочь.

Конан подобрал свою рубаху и стал вытирать пот.

Когда Гариан скрылся за аркой ворот дворика, из тени под балконом выглянул Ордо.

— Хорошо, что он не знал про меня, киммериец! — качая косматой головой, сказал одноглазый. — А то уж точно не миновать бы нам темницы под этими самыми камнями. Ну до чего не по нраву королям, когда над ними берут верх, даже если никто этого и не видит!

— Если я поддамся даже в таком бою, меня и в настоящей схватке скоро начнут бить все кому не лень.

— Да ну, приятель, неужели тебе так трудно хоть чуточку уступить? Король все-таки. Опять же, грех подставляться, пока еще не все золото...

— Я не знаю других способов драться, Ордо, кроме как до победы. Как там люди?

— Ну, — отвечал Ордо, усаживаясь на карнизный камень, — живут припеваючи, проматывая золото и таскаясь по бабам.

Конан натянул через голову одежду и спрятал меч в ножны.

— Есть какие-нибудь признаки, что Ариана и все остальные собираются звать народ на улицы?

— Ни звука, — вздохнул одноглазый. — Конан, я не собираюсь предавать их — хотя бы потому, что тень Керины преследовала бы меня до могилы, — но, может, хоть сказать Гариану, мол, город полон слухов о восстании? Он отступит нам за предупреждение кругленькую сумму, да и восстание не начнется: он ведь будет настороже. Не нравится мне думать, что Керина и Ариана могут помереть в сточных канавах, но так оно и случится, если каша заварится. Я... Я не смогу пойти против них, киммериец...

— Я тоже, Ордо. Только они все равно поднимутся, будет Гариан настороже или нет. Если я что-нибудь

смыслю в людях, наша Ариана — сущий факел. А чтобы каша не заварилась, надо найти, кто использует юнцов. Тот малый, что встречался с Тэрасом, мог бы многое порассказать...

— Я отдал распоряжение, как ты велел: искать человека с хищным лицом и седыми висками. Но если мы его найдем по таким приметам, это будет просто подарок Богов.

Конан возмущенно потрянул головой:

— Я знаю! Выше головы не прыгнешь, что делать. Слушай, идем ко мне. У меня есть доброе вино...

Он повидал в Туране и Вендии гораздо более пышные дворцы, но и этот был не из бедных. Здесь было множество внутренних двориков и садилов, некоторые — совсем маленькие. Иногда посередине стоял всего-то мраморный фонтан в виде диковинного зверя. Другие дворники были побольше. Там высились белые алебастровые башни с позолоченными подпорками арок и золотыми куполами. Огромные обелиски поднимались к небу, грани их покрывали древние иероглифы, рассказывавшие легенды тысячелетней и более давности, и все о королях Немедии.

Конан и Ордо шли по прохладной галерее рядом с садом, где кричали павлины и важно расхаживали золотистые фазаны. Неожиданно Конан остановился. Он увидел, как впереди них из какой-то двери вышла женщина, закутанная в серые покрывала. Похоже, она не заметила их и направлялась в другую сторону. Киммериец был уверен: это та самая, которую он уже дважды видел в носилках. Самое подходящее время, решил он, пойти и выяснить, почему это она смотрела на него с такой ненавистью. Но только он двинулся вперед, как Ордо схватил его за руку и потащил в сторону, за колонну.

— Я хочу перемолвиться с этой женщиной, — сказал Конан. Он говорил тихо: слышимость в галереях была отличная. — Я ей чем-то крепко не нравлюсь. И еще: где-то я видел ее раньше, причем безо всех этих тряпок. Только вот где?

— Я тоже ее видел, — хриплым шепотом отвечал Ордо, — правда, в покрывалах. Ее зовут госпожа Тиана. Говорят, у нее лицо изуродовано какой-то болезнью. Вот она его ни перед кем и не открывает...

— Больно нужна мне ее физиономия, — нетерпеливо перебил Конан.

— Послушай меня, — взмолился одноглазый. — Однажды я проследил за Эранисом, когда он отправился получать распоряжения. Я знал, что он всегда идет на улицу Сожаления, но каждый раз в другую таверну. В тот раз он и вовсе вышел из города и в лесочке около стены встретился с этой самой госпожой Тианой.

— Значит, она тоже замешана в контрабанде, — сказал Конан. — Это поможет надавить на нее, если она окажется неразговорчивой.

— Ничего ты не понимаешь, киммериец. Я был далеко и не слышал, о чем они говорили. Однако я видел, что Эранис только на брѹхе перед ней не ползал. Он не стал бы так унижаться, не будь она шишкой, очень важной шишкой в шайке. Только тронь ее, и по твою голову сбегутся все контрабандисты Бельверуса, прожженные головорезы, каких мало.

— Может, кто-то из них уже и охотится...

Кто-то ведь пытался его убить; почему, собственно, и не женщина, которая ненавидит его по непонятной причине? Варвар сбросил руку Ордо.

— Она уйдет, если я не догоню ее...

Но Конан так никуда и не двинулся. Госпожа Тиана как раз подходила к концу галереи, когда перед ней возникла та блондинка из свиты Гариана. Конан уже знал, что девку звали Сулария и что она действительно наложница короля. Сейчас весь ее наряд составляли золотые пластинки, едва прикрывавшие грудь, и золотистая шелковая юбочка из двух половинок не шире мужской ладони, что спереди, что сзади. Женщина в покрывале хотела пройти мимо. Сулария заступила ей дорогу.

— Почтение госпоже Тиане, — сказала она. На чувственных губах красавицы играла ядовитая улыбка. —

Зачем столько покрывал в такой ясный денек? Я уверена, ты выглядела бы замечательно, сумей мы только уговорить тебя нарядиться в шелка и надеть браслеты...

Рука женщины в покрывале стремительно метнулась вперед. Звонкая затрещина уложила блондинку на землю. Конан невольно поразился силе удара. Ничего себе госпожа!..

Сулария кое-как поднялась на ноги. Лицо ее исказила ярость.

— Да как ты смеешь бить меня? — Она не говорила, а шипела, как дикая кошка. — Я...

— Убирайся в конуру, негодная сука! — отрезала еще одна женщина, появившаяся рядом с первыми двумя. Высокая и гибкая, она блистала не меньшей красотой, чем Сулария. Но ее шелковистые волосы были черными, а темные властные глаза придавали лицу надменное выражение. На ней было синее бархатное платье, шитое мелким жемчугом. Рядом с ней блондинка выглядела уличной потаскушкой.

— Не говорила бы ты так со мной, госпожа Джеланна, — прошипела Сулария. — Я ведь не служанка. И потом, скоро... — Она неожиданно замолчала, не договорив до конца.

Губы Джеланны искривились в усмешке.

— Ты просто шлюха, и очень скоро Гариан сам поймет это. А сейчас убирайся, пока я не приказала рабу выгнать тебя отсюда кнутом!

Сулария задрожала с головы до ног, лицо дышало злобой. Яростно закричав, она поспешила прочь, мимо колонны, за которой стояли Конан и Ордо.

Варвар посмотрел ей вслед. Когда он повернулся, ни Джеланны, ни Тианы уже не было видно. Нахмурившись, он прислонился к колонне.

— Здесь ее неделю ищи, все равно не найдешь, — проворчал он. — Надо было сразу заговорить с ней. И что ты влез? Утащил меня прочь, как напуганного мальчишку...

— Митра!.. Конан, давай лучше уедем из этого города! — Единственный глаз Ордо умоляюще смотрел

на киммерийца. — Забудь ты о госпоже Тиане. И Гариана забудь с его гребаным золотом! Золота полно и в Офире. Наймемся там на службу, так хоть будем знать, кто наши враги...

Конан покачал головой:

— Я еще никогда не бегал от врагов, Ордо. Это плохая привычка. Иди куда-нибудь, выпей один. А я пойду к себе и подумаю, как разыскать Тиану. Выпью с тобой попозже и, клянусь, перепью — две кружки против одной!

Когда киммериец повернулся и пошел, Ордо крикнул ему вслед:

— Раньше ты всегда знал своих врагов!

Конан продолжал идти не оглядываясь. Умный человек не оставит у себя за спиной неизвестных врагов. Скорее уж он вызовет их на открытый бой. Чем бежать от врагов, лучше умереть. Стоит только начать бегать, как потом остановиться? Рано или поздно враг объявится и вопрос жизни и смерти будет решаться тогда и там, где этот враг пожелает. Нет уж. Пока жизнь продолжается и воля не угасла, никаких отступлений!

Дойдя до своей комнаты, Конан тронул рукой дверь. Она легко подалась. Значит, кто-то открыл замок. Очень осторожно Конан вынул меч и отступил в сторону. Кончиком меча распахнул дверь настежь. Повернувшись на петлях, дверь стукнулась о стену. Никаких других звуков не было, даже намек на движение внутри комнаты.

Зарывчав, огромный киммериец прыгнул как можно дальше в открытую дверь, приземлился на пол, поставил плечо, перекувырнулся и встал на ноги, меч наготове.

На его кровати, томно скрестив поджатые ноги, сидела Сулария. Она насмешливо захлопала в ладоши:

— Наездник, стрелок из лука, фехтовальщик, а теперь и акробат. Какие еще трюки у тебя в запасе, варвар?

Усилием воли сдержав гнев, Конан закрыл дверь. Не такой он был человек, чтобы с удовольствием выставляться дураком перед женщиной, а уж перед красавицей — и подавно. Когда он повернулся к ней снова, его глаза дышали синим холодом ледников.

— Почему ты здесь, женщина?

— Как ты великолепен, — выдохнула Сулария, — я вижу, ты еще не остыл после сражения... Ты ведь победил его, да? Гариану никогда не устоять против такого, как ты!

Конан спешно обыскал всю комнату: отдернул в сторону каждую шпалеру на стене, высунул голову в окно, чтобы убедиться — никакой убийца не цепляется за выступы на стене. Он даже заглянул под кровать, пока насмешливая улыбка Суларии не заставила его с проклятием бросить покрывало на место.

— Что ты ищешь, Конан? У меня нет мужа, никто не выпрыгнет неожиданно и не набросится на тебя...

— У тебя есть король, — проворчал он. Одного взгляда на нее — золотые пластинки едва прикрывают пышную грудь, узенькие полоски золота внизу — было достаточно, чтобы понять: ей негде спрятать оружие, разве только булавку.

— Король! Король, который только и говорит, что о налогах, ценах на зерно или вещах еще более скучных! — Она зазывно улыбнулась и откинулась на спину, глубоко дыша. — Ты не такой, варвар. С тобой не скучно. Я чувствую в тебе власть, пускай еще отдаленную. Интересно, станешь ты королем?

Конан нахмурился. Эти слова пробудили в нем какие-то давние воспоминания. Власть. И то, что он якобы будет королем. Он выбросил все это из головы. Детская забава, больше ничего!

Киммериец положил меч поперек кровати за головой Суларии. Пусть будет под рукой на случай, если кто пожалует. Блондинка изогнулась, чтобы взглянуть на обнаженное лезвие. Похоже, близость меча возбуждала ее. Влажным языком она провела по губам. Конан сжал в руке золотые тесемочки, соединявшие пластинки на

груди, и сорвал с нее все лишнее. Взгляд Суларии метнулся обратно к нему, и глаза их встретились. Ледяной сапфир его глаз повелевал тлеющим голубым огнем...

— Ты сыграла со мной шутку, женщина, — сказал он тихо. — Теперь моя очередь...

Ни один из них не увидел, как тихо приоткрылась дверь. Не видели они и женщины в сером покрывале. Она же немного постояла в дверях, наблюдая за ними. В глазах ее полыхнуло изумрудное пламя...

Глава 15

На следующий день Конан шел по Дворцу. Его догнал Ордо, и они пошли вместе.

— Как же здорово снова видеть тебя живым и здоровым, киммериец! Вчера-то вечером я не нашел тебя ни в одной из таверн, ну и одолели меня глупые страхи...

— У меня нашлось другое дело, — улыбнулся Конан.

По коридорам, держась около стен, то и дело тополиво пробегали рабы. Середина прохода предоставлялась важно шествующим дамам и господам. Среди господ попадались разодетые в пух и прах: бархатные и атласные платья, богато украшенные разным шитьем, множество золотых цепочек, изумрудов и рубинов на шеях, запястьях и талиях. Знать с любопытством поглядывала на двоих воинов: мужчины — высокомерно и презрительно, женщины — задумчиво...

У Ордо ни один из этих богачей не вызывал доверия, он на всех смотрел подозрительно. Наклонившись поближе к Конану, он понизил голос и на ходу стал говорить:

— Может, у тебя было время ночью хорошенько подумать о том, что случилось вчера? Палачи Гариана сейчас уже, может, нагревают железо. Давай-ка по седлам да прочь отсюда, пока еще можно...

— Перестань нести чепуху, — засмеялся Конан. — Не прошло еще и часа, как я кончил фехтовать с Гарианом, и он худого слова мне не сказал. По правде говоря, он то и дело смеялся, пока по кумполу не получил...

Одноглазый споткнулся на ровном месте.

— Киммериец, неужели ты... Митра! Ты что, треснул короля по макушке?!

— Не трогал я никаких макушек, Ордо. Ветер нанес листья, ну Гариан и поскользнулся. А падая, ударился о рукоять собственного меча. Синяк, не больше.

— Таким людям, как ты да я, синяк — пустяки, — сказал Ордо, вздев указательный палец жестом, позаимствованным у одного из философов «Фесты», — для королей же это — смертельное оскорбление сана и достоинства...

— Боюсь, ты прав, — вздохнул Конан. — В самом деле стар становишься...

— Даже слишком, — начал Ордо, но тут же захлопнул рот, одарив варвара убийственным взглядом: до него дошло, что сказал киммериец.

Конан подавил смех, готовый сорваться с губ при виде лица бородатого приятеля. Ордо может сколько угодно болтать о том, что он стар, но готов тут же врезать любому другому, кто осмелится утверждать это. Впрочем, веселье киммерийца длилось недолго.

Они вышли во двор. Двадцать Золотых Леопардов широким кругом стояли вокруг Веджента. Все, включая и командира, голые по пояс. В дальнем конце галереи молчаливо стояла небольшая кучка знати, наблюдавшая за происходящим. Отдельно от них, но тоже среди колонн красовалась Сулария. Стояла и делала вид, что происходившее ее мало интересовало.

Веджент поворачивался, подняв руки над головой и демонстрируя мышцы.

— Кто следующий? — обратился он к тем, кто стоял вокруг него. — Я еще и вспотеть не успел... — Грудь колесом и широченные плечи, покрытые мощ-

ными мускулами, производили впечатление. — Неужели мне так и не удастся поразмяться? Ну-ка, Оксис!

Вперед вышел воин и приготовился к бою. Ростом он был с Веджента, но не столь массивен, хотя, конечно, не какой-нибудь тощий юнец. Веджент, посмеиваясь, пошел по кругу, готовый начать борьбу. Оксис двинулся тоже, оставаясь лицом к лицу с противником, но он не смеялся.

Внезапно они ринулись друг на друга и сцепились. Ноги шаркали по земле, ища удобное положение для упора. Конан видел, что более легкий из борцов знает толк и достаточно проворен. Только киммериец успел это отметить, как Оксис высвободил одну руку, и кулак его устремился к мускулистому животу Веджента. Однако в последний момент он придержал удар: наверное, вспомнил, с кем дерется. Веджент продолжал ухмыляться — ударом вполсилы его было не прошибить.

Сам он действовал без стеснения. Свободной рукой он двинул сбоку по шее противнику. Звук был точно камнем по деревяшке. Оксис зашатался и начал оседать, но Веджент придержал его. Дважды поднимался могучий кулак полководца и опускался на шею солдата. От первого удара Оксис дернулся, после второго — повис безвольно. Веджент отпустил его, и воин рухнул на плитки мощеного двора.

— Кто следующий? — прорычал командир Золотых Леопардов. — Есть здесь хоть кто-нибудь, кто бы потягался со мной?

Два голых по пояс солдата выбежали оттащить своего товарища в сторону. Но никто, похоже, не горел желанием ощутить на себе хватку Веджента. А тот продолжал поворачиваться ко всем по очереди, вызывая улыбки. До тех пор, пока не встретился лицом к лицу с Конаном. Тут он остановился. Улыбка стала зловещей.

— Ты, варвар! Может, повалить тебя по камешкам, а? Или холод севера тебе все кишки заморозил?

Конан разом напрягся. Он явственно ощущал на себе взгляд Суларии. Чтобы он да отступился под

взглядом красивой женщины? Любой не лишенный гордости мужчина в присутствии красавицы становится храбр до самонадеянности. Варвар отстегнул меч и вручил его Ордо. В толпе знатных господ послышался неразборчивый говор: там уже делались ставки.

— Мужества тебе не занимать, а вот здравого смысла... — ворчал одноглазый. — Что даст тебе победа, если, конечно, ты победишь? Могущественного врага?..

— Он и так уже мой враг, — ответил Конан и со смехом добавил: — В числе прочих...

Киммериец стащил через голову рубаху, бросил ее наземь и подошел к кругу солдат. Вельможи по достоинству оценили ширину плеч варвара, и кое-кто изменил первоначальное мнение о том, на чьей стороне преимущество. Веджент зло щерился: он был убежден, что киммериец только что смеялся над ним. Солдаты отодвинулись назад, расширяя круг и освобождая место для подошедшего Конана.

Внезапно Веджент вытянул руки и ринулся вперед, готовый крушить и ломать. Однако не вышло. Могучий кулак варвара боковым ударом в голову заставил полководца остановиться. Слегка пригнувшись, киммериец впечатал второй кулак под ребра противнику — у того перехватило дыхание. Не успел Веджент опомниться, а Конан уже схватил его одной рукой за горло, другой — за пояс, поднял в воздух и перебросил увесистую тушу через голову. Веджент грохнулся плашмя на спину.

С нарастающим страхом и благоговением смотрели на это солдаты. Никогда еще им не приходилось видеть своего командира сбитым с ног. Знать снова оживилась, обсуждая, кто победит.

Конан ждал. Дышал он ровно, на ногах стоял твердо.

Наконец, пошатываясь, Веджент поднялся. Потрясение явственно читалось у него на лице, но ярость все-таки взяла верх.

— Ублюдок варвар! — взвыл полководец. — Твоя мать подохла неизвестно где, плевал я на ее могилу! —

И он отвесил удар, который сразил бы наповал любого обыкновенного человека.

Но тут уже и Конан пришел в бешенство. В глазах его метался ледяной ураган смерти. У него и мысли не возникло о том, чтобы защищаться. Варвар принял удар, едва не сбивший его с ног, но и его ответ мгновенно достиг цели, раскрошив Ведженту несколько зубов. Долго эти две глыбы стояли друг против друга, нога к ноге, нанося и принимая удары. Такое не выдержал бы ни один обычный человек.

Затем Конан сделал шаг вперед, а Веджент подался на шаг назад. Он был близок к отчаянию, зато глаза Конана тлели холодным беспощадным огнем. Киммериец заставлял противника отступать назад. Еще и еще. Тяжелые удары следовали без остановки. Веджент отступал в сторону галереи. Там собралась уже изрядная толпа знати, забывшей всю свою важность: вельможи возбужденно кричали. Поистине сокрушительный удар — и варвар заставил противника окончательно дрогнуть.

Пытаясь сохранить равновесие, Веджент шатнулся назад. Знать расступилась перед ним. Полководец остановился, только наткнувшись на стену в тени галереи. Собрав последние силы, командир Золотых Леопардов заставил себя выпрямиться, сделал несколько неверных шагов и упал у края галереи. Нога его пошевелилась, как будто остатками сознания он еще приказывал себе встать. Потом он затих.

Солдаты окружили Конана, восторженно приветствуя его и совсем забыв про поверженного начальника. Похоже, особой любви к нему они не питали. Улыбающиеся господа и дамы ринулись вперед. Всем хотелось дотронуться до него: так зеваки опасно тянутся погладить тигра...

Но Конан остался глух к их восторгам. В то краткое мгновение, пока Веджент стоял в тени галереи, варвар вспомнил, где он раньше видел этого человека. Раздвинув шумную толпу, он протолкался на свободу, подобрал одежду и возвратился к Ордо.

— Помнишь, — тихо спросил он одноглазого, — я рассказывал тебе, как впервые увидел Тэраса, ну, когда я еще проломил крышу и ввалился напрямик на секретную встречу? Я говорил о каком-то здоровяке, стоявшем в тени...

Ордо метнул быстрый взгляд на Веджента. Того как раз поднимали солдаты. Знать расходилась.

— Неужто он? — недоверчиво спросил Ордо.

Конан кивнул, а бородатый угрюмо присвистнул:

— Киммериец, нам точно пора в Офир! Живенько собираем отряд и...

— Нет, Ордо. — Конан еще не отошел после поединка и смотрел холодно и мрачно, как волк на охоте. — Мы наконец учуяли след врага. Время нападать, а не бежать.

— Митра! — выдохнул Ордо. — Если я помру из-за этой глупой затеи, моя тень будет ходить за тобой по пятам, так и знай! Нападать, говоришь?

Ответить Конан не успел. Появилась девушка-рабыня и преклонила перед Конаном колени.

— Мне велено передать тебе приказ со всей поспешностью явиться к королю Гариану...

Одноглазый так и застыл на месте.

— Все в порядке, Ордо, — сказал ему Конан. — Если бы королю была нужна моя голова, он не послал бы за ней пару таких стройных ножек.

Девушка-рабыня вдруг с интересом посмотрела на него.

— Никому не желаю верить, — проворчал Ордо, — пока мы не узнаем, кто же это хочет убить тебя. Или пока Немедия не останется далеко позади.

— Когда придет пора скакать к границе, я тебе сразу скажу, — засмеялся Конан. — Веди, девочка.

Та резво пустилась во Дворец, киммериец — за ней.

Король Гариан ждал его в комнате, увешанной охотничьими трофеями и оружием. Но не охота занимала сейчас короля. Листы и свитки пергамента беспорядочной грудой устилали множество столов, наставленных там и сям, валялись даже и на полу. Как раз когда Конан входил, Гариан с отвращением запустил свитком

через всю комнату и что-то сердито выкрикнул. Лицо короля покраснело от гнева, а синяк на щеке проглянул еще отчетливей.

— Ох, не лезь в короли, Конан... — было первое, что сказал Гариан варвару.

Ошарашенный, Конан едва выдавил:

— А что такое?..

Грубовато-добродушное лицо Гариана стало маской омерзения, когда он обвел рукой груды пергамента, заполнившие комнату.

— Думаешь, это планы какой-нибудь блистательной войны? Или великолепной церемонии в честь памяти моего отца? А?..

Конан только головой покачал. Много раз менялась его жизнь из-за планов того или иного короля. Но участия в составлении этих планов ему принимать еще не приходилось. Варвар присмотрелся к пергаменту, лежавшему прямо у его ног. Листок испещряли вроде как колонки каких-то цифр.

Гариан зашагал по комнате. Он поднимал то один пергамент, то другой, потом швырял их на пол.

— Городекая канализация нуждается в очистке. В противном случае Гильдия Лекарей предрекает нам чуму. Еще нам советуют разведать все подземные коридоры и закопать их, чтобы Дворец был в безопасности. Необходимо также перестроить часть городской стены. Солдатам не платят жалованья. Нужно купить зерно! Каждый раз требуют больше зерна! — Он замолчал, уставившись на развесистые рога крупного оленя, приделанные к стене. — Этого я убил в диких лесах на бригунской границе. Как бы я хотел снова оказаться там, прямо сейчас!

— А твои советники не могут со всем этим справиться? — спросил Конан.

Король только горько засмеялся:

— Они могли бы, если бы дело не упиралось в золото. Золото, Конан! Я должен вытягивать его всюду, словно жадный купец!

— Но казна...

— Она почти пуста. Чем больше я вынужден покупать в Офире и Аквилонии, тем выше растут цены, а надо возместить почти весь урожай, он ведь потерян. К тому же какие-то охреневшие головорезы жгут чуть не все повозки, следующие без охраны армии, а таких много. Я уже приказал переплавить некоторые дворцовые украшения. Но даже обдери я весь Дворец, этого едва ли хватит...

— Ну и что ты думаешь делать? — спросил Конан. Он-то всегда считал богатства королей несметными. Чтобы король не меньше его самого беспокоился, где бы достать золотишка, только что в больших количествах? Это что-то новенькое...

— Думаю занять, — ответил Гариан. — Кое-кто из знати и кушцов ничуть не беднее меня. Пусть-ка раскошелятся, чтобы народ вконец от голода не передох. — Он порылся среди пергаментов, нашел один, сложенный и запечатанный Печатью Дракона Немедии. — Ты отнесешь это господину Кантаро Албанусу. Он один из самых богатых в Немедии. Поэтому будет среди первых, кого я попрошу помочь. — Лицо короля посуровело, он вручил пергамент Конану и добавил: — А не помогут по-хорошему — прижму их налогами!

И король жестом приказал Конану удалиться, но киммериец не тронулся с места. Он чувствовал себя в затруднительном положении. Надо было очень тонко рассказать королю нечто, а Конан разным там тонкостям обучен не был и чувствовал себя не в своей тарелке. Гариан уже смотрел на него с неподдельным удивлением: почему это варвар не уходит?

— Ты полностью доверяешь Ведженту? — наконец брякнул Конан.

— Достаточно, чтобы держать его командиром королевской охраны, — отвечал Гариан. — А почему ты спрашиваешь об этом?

Варвар глубоко вздохнул и начал рассказывать так, как пришло ему в голову по дороге сюда.

— С тех пор, как я здесь, я все время ломал голову, где же я раньше видел Веджента. Сегодня я вспомнил.

Я видел его в одной из таверн города. Он разговаривал с человеком по имени Тэрас, разговаривал как со старым знакомым. Про Тэраса же известно, что, по его мнению, другой человек на твоём месте справился бы лучше...

— Серьезное обвинение, — медленно проговорил Гариан. — Веджент безупречно служил мне, а до этого — моему батюшке, причем многие годы. Вряд ли он замышляет что-то против меня.

— Ты король, ты и решай, но все же я знаю одну вещь, необходимую каждому королю. Человеку с короной на голове, как никому другому, следует опасаться честолюбия приближенных...

Гариан откинул голову и расхохотался:

— Ты хороший фехтовальщик, Конан, но быть королем предоставь мне. У меня все-таки больше опыта ношения короны, чем у тебя... Ступай же. Албанус должен получить это послание как можно скорее.

Конан поклонился и вышел. Он все-таки надеялся, что заронил червь сомнения в душу Гариана. Но вот в чем он окончательно убедился, так это в том, что словесные выкрутасы не для него. Встретить врага лицом к лицу с мечом в руке — это да! Варвар надеялся, что скоро так оно и будет...

Глава 16

Ордо ждал его у ворот. Он привел коня для варвара и двадцать воинов из Свободного Отряда, в том числе Махаона и Наруса. Увидев такую свиту, киммериец вопросительно посмотрел на Ордо, но тот только плечами пожал.

— Я услышал, что тебе приказали передать послание какому-то важному господину, — сказал он Конану. — Митра! Откуда нам знать, может, он как раз тот, с кем шушукался Тэрас. Или тот, кто ищет твоей смерти. Или вовсе един в двух лицах...

— Ты становишься подозрительным, как старуха, Ордо, — сказал Конан, вскакивая в седло.

И тут в воротах показался Веджент, изрядно потрепанный, но при полном вооружении, с алым гребнем на шлеме. По пятам за ним следовал десяток Золотых Леопардов. Когда полководец увидел всадников Конана, он остановился и вытаращил на них глаза. Потом круто повернул, грубо и сердито растолкал солдат и стремительно пошел обратно во Дворец.

— Ладно, пусть я подозрительный, — спокойно сказал Ордо, — но, по крайней мере, у меня хватает ума помнить, что некоторых врагов мы таки знаем в лицо. Да и город изменился в последние несколько дней. Увидишь сам.

Конан повел отряд по пустынным улицам. Да, перемены были налицо! Изредка попадались тощие, с торчащими ребрами собаки: они боязливо вынюхивали что-то по углам. Порой встречались и люди, но они так спешили поскорее исчезнуть в какой-нибудь боковой улице, словно за ними гнались. Больше вокруг не было ни души. Окна — закрыты наглухо, двери — на засовах. Лавочки — закрыты все до одной. Не слышно криков лоточников. На улицах — мертвая тишина...

— Это началось вскоре после того, как мы двинулись во Дворец, — пробормотал Ордо. Он с неприязнью посмотрел вокруг и невольно поежился, нахолодившись, как будто ехал не днем по улице, а ночью через кладбище. — Сначала перестали выходить из дому простые люди. Только и видно было что сорвиголов, попрошаек и проституток. Ну, эти-то быстренько убрались: никто не подавал милостыни, и шлюхи никому не были нужны. В городе царил жулье. Набрасывались на каждого, кто осмеливался высунуть нос из дома! Но вчера пропали и они. — Ордо многозначительно посмотрел на Конана. — Причем в течение какого-то часа!

— Ни дать ни взять по команде?

Одноглазый кивнул:

— Может быть, Тэрас все-таки нанимал вооруженных людей. В некотором роде...

— И совсем не для того, на что надеялась Ариана. — Киммериец с минуту помолчал, уставясь на безлюдные с виду дома. — Что слышно про нее? — спросил он наконец.

Ордо не надо было объяснять, кого он имеет в виду.

— Жива-здорова, — сказал он. — Я был в «Фесте» дважды; пилились там на меня, как на прокаженного, явившегося на обед. Керина, между прочим, увлеклась Гракусом...

Конан только кивнул. В молчании они доехали до ворот дворца Албануса. Варвар спрыгнул с коня и кулаком постучал в закрытые ворота.

Открылось окошечко размером в мужскую ладонь. Оттуда на прибывших подозрительно посмотрел человеческий глаз.

— Что вам здесь надо? Кто вы?

— Меня зовут Конан. Открывай ворота, мужик! У меня послание для твоего господина от самого короля Гариана!

За воротами шепотом посоветовались. Затем проскрежетал отодвигаемый засов, ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы смог пройти один человек.

— Можешь войти, — позвали изнутри, — но только один.

— Конан... — начал Ордо.

Киммериец жестом успокоил его.

— Не дергайся, Ордо. Здесь безопаснее, чем в постели возлюбленной.

Ворота захлопнулись за ним с глухим звуком, и Конан оказался лицом к лицу с четырьмя охранниками. Мечи у всех были обнажены; еще один появился сбоку и приставил конец меча к ребрам киммерийца, даже проколол рубаху.

— А ну говори, кто ты? — проскрежетал этот последний.

Конан пожалел, что перед уходом из Королевского Дворца у него не хватило ума надеть кольчугу. Варвар немного повернул голову и разглядел говорившего: это был человек с узким лицом, широко расставленными глазами и отрубленным когда-то кончиком носа.

— Я уже говорил, кто я. — Киммериец полез за пазуху, но застыл, почувствовав, что конец меча сильнее надавил под ребра. — Я только хочу показать вам послание. Что, по-твоему, я могу сделать с мечом возле брюха?

Про себя же варвар подумал, что безносый стоял слишком близко. Если собираешься на самом деле нанести удар, никогда не следует упираться клинком в человека. Одно быстрое движение рукой — и меч отлетит в сторону. Потом можно повалить безносого на соседа, потом... Киммериец улыбнулся, охрана же, увидев это, почувствовала себя крайне неудобно: и чему это варвар радуется, нечему вроде...

— Дай мне посмотреть послание, — потребовал Обрезанный Нос.

Конан вытащил из-под рубахи сложенный пергамент. Обрезанный Нос потянулся было, но варвар держал пергамент так, что рукой было не достать.

— Видишь печать? — сказал киммериец. — Послание предназначено господину Албанусу, а не тебе.

— И вправду Печать Дракона, — пробормотал безносый. И с явным сожалением убрал меч из-под ребер варвара. — Иди за мной, да не вздумай шалить!

Они зашагали по каменной дорожке в сторону дворца. Это было величественное здание с множеством колонн и увенчанное позолоченным куполом, зеркально блестевшим на солнце. Конан задумчиво покачал головой. Подозрительность стражи можно оправдать, учитывая обстановку в городе. Но отношение к нему должно было немедленно измениться, как только они узнали, что он королевский посланник. Да, что-то выйдет у Гариана! Ведь челядь такова, каков у нее хозяин. Так уж оно само собой происходит.

В прихожей, куда они вошли, тоже было множество колонн. Там, отойдя в сторонку, безносый посоветовался с седобородым человеком. Конану не было слышно, о чем они говорили, он видел только, что одежда седобородого была украшена знаком принадлежности к дому Албануса. Еще у него был при себе большой ключ, значит, слуга был не простой. Потом Обрезанный Нос ушел обратно на свой пост к воротам, а седобородый приблизился к Конану.

— Я — управляющий господина Албануса, — не слишком учтиво сказал он, даже не потрудившись представиться. — Давай сюда послание!

— Я отдам его только в руки господину Албанусу, — невозмутимо ответил Конан.

Вообще говоря, причин не отдавать послание управляющему у него не было. Это ведь помощник и поверенный господина во всех делах. Однако варвар был раздосадован. Посланника короля, по его мнению, должны были встречать совсем не так. Где охлажденное вино, где влажные полотенца, чтобы обтереть уличную пыль?

Лицо управляющего посуровело. В первый момент Конан решил, что тот начнет спорить, но вместо этого слуга отрывисто бросил:

— Следуй за мной! — И повел киммерийца по мраморной лестнице в маленькую комнату. — Жди здесь, — приказал он варвару и вышел, осмотрев перед уходом всю комнату, как будто запоминая, что где стоит. Дескать, кто его знает, вдруг посетитель нечист на руку...

Хоть и маленькая, а комната была симпатичная. Стены в гобеленах, пол мраморный, вся мебель инкрустирована перламутром и лазуритом. Арка вела на балкон, выходивший в сад с фонтаном. И все-таки не было ни вина, ни полотенца! Такое неуважение к посланцу явно не предвещало ничего хорошего и самому Гариану...

Недовольно бормоча себе под нос, Конан вышел на балкон и посмотрел вниз. И тут же чуть не вскрикнул

от удивления, напрочь забыв про неуважительный прием. Через сад, пошатываясь, брел вдребезги пьяный Стефано. С двух сторон его поддерживали девицы, едва прикрытые узенькими полосками шелка.

Вот скульптор наклонился к фонтану поплескаться рукой да чуть и не рухнул туда совсем.

— Никакой воды! — смеялся он, когда девицы оттаскивали его назад. — Не надо воды, хочу еще вина!

Громко хихикая, вся троица, пошатываясь и выделывая кренделя, двинулась прочь от фонтана и скрылась в каком-то невиданном кустарнике.

За спиной у Конана кто-то кашлянул, прочищая горло. Киммериец резко повернулся. В комнате стоял весьма упитанный мужчина среднего роста. Бархатная одежда явно плохо сидела на нем, и одной рукой он тербил ее у горла.

— У тебя есть послание для меня? — спросил он.

— Господин Албанус? — спросил в ответ Конан.

Упитанный мужчина коротко кивнул и выбросил вперед руку. Варвар медленно протянул ему запечатанный пергамент. Пухлая рука крепко зажала пергамент, как будто захлопнулась ловушка.

— Можешь идти, — сказал толстяк. — Я получил послание. Уходи!

Конан вышел.

За дверью его уже ждал седобородый управляющий. Он провел киммерийца к выходу из дворца. Там стояли Обрезанный Нос и еще один охранник, готовые сопроводить его до ворот.

Как только варвар вышел на улицу, к нему подъехал на коне Ордо. Изуродованное шрамом лицо так и расплылось в улыбке. Он испытывал явное облегчение, видя друга живым и здоровым.

— Я чуть не прыгнул за тобой через стену, — сказал одноглазый.

— Все в порядке, — ответил Конан, вспрыгивая в седло. — У меня же было королевское послание. Да, когда в следующий раз увидишь Ариану, скажи ей, что Стефано, против ее опасений, живехонек. Он обитает

в этом дворце и в ус не дует, развлекаясь с девицами из прислуги.

— Я как раз собирался встретиться с ней сегодня, — ответил Ордо, задумчиво разглядывая ворота. — Странно... Почему он до сих пор не послал весточку своим друзьям, не успокоил? Они же волнуются...

— Это еще цветочки! А ягодки — это знатный вельможа с поломанными ногтями и мозолями на руках! Как тебе? — спросил киммериец.

— Может, он меч из рук не...

— Нет, Ордо. Я знаю, какие мозоли бывают от меча, а какие — от тяжелой работы. Ладно, хрен с ними, не наше дело! Главное сейчас — это Веджент. Сегодня ночью я собираюсь немного побеседовать с этим доблестным полководцем один на один... — Киммериец покачал от ворот, мрачно глядя вперед. Остальные двумя колоннами последовали за ним.

Албанус с силой отшвырнул толстяка, так, что тот упал на колени, уткнувшись лицом в мраморный пол. На нем были теперь только грязные ободранные штаны.

— Ну что, Варус? — требовал отчета Албанус у своего управляющего. Он был зол и раздражен до предела, что ясно читалось на его лице. Албанус нетерпеливо вырвал пергамент из рук слуги и смял его в кулаке. — Он что-нибудь заподозрил? Принял он эту собаку за меня? — Албанус пнул ногой стоявшего на коленях мужчину. — Признал он тебя за господина, собака? Что он сказал?

— Да, господин, он признал. — Голос толстяка был полон страха, он не смел поднять головы от пола. — Он спросил только, я ли господин Албанус, отдал мне пергамент и ушел...

Албанус прорычал что-то нечленораздельное. Боги насмеялись над ним! Прислать к нему в дом человека, которого он собирается умертвить! Если бы с варваром под этой крышей что-то случилось, подозрение пало бы прямо на Албануса. Подумать только, Албанусу

пришлось еще и прятаться. И где? В собственном доме! А что делать, ведь иначе варвар мог узнать его. И это в первый день настоящего успеха! Взгляд господина упал на дрожащего коленопреклоненного слугу.

— Ты что, не мог найти кого-нибудь получше, чтобы представить вместо меня, а, Варус? Этого слизняка приняли за хозяина дома! Пусть даже варвар! Я оскорблен...

— Прости меня, господин мой, — сказал управляющий, кланяясь как можно ниже, пытаясь загладить свою вину. — Я торопился, а надо было найти человека, которому подошла бы твоя одежда.

Губы Албануса скривились.

— Сжечь эту одежду! Я больше не надену ее! А это создание отошли обратно на кухню. Самое лицемерие его меня унижает...

Варус сделал едва заметный жест; толстяк мигом удрал из комнаты на полусогнутых.

— Еще что-нибудь, господин мой?

— Да. Найди этого пьяного идиота Стефано и срочно доставь в мастерскую. Только сначала приведи его в чувство.

Албанус жестом отпустил из комнаты Варуса. Тут он вспомнил про послание и сломал печать. Интересно, что понадобилось Гариану?

Милостивый государь Наш Кинтаро Албанус!

Выражаем тебе Наше почтение. Мы призываем тебя предстать перед Троном Дракона, ибо полагаем, что ты можешь дать Нам совет в некоторых вещах, которые трогают Наше сердце. Мы уверены, что, любя Нас и Немедию, ты поспешишь.

Гариан, Владыка Немедии.

Если бы король заглянул сейчас в глаза Албанусу, он прочел бы в них свой смертный приговор. Албанус комкал пергамент, и пальцы его походили на крючковые когти.

— О да, я поспешу к тебе, — шептал он. — Я докажу свою любовь, надев на тебя цепи. Каленое железо поставит тебя на колени и заставит признать королем меня! Меня, Албануса, Властелина Немедийского! Ты будешь молить, как о милости, о смерти от моей руки!

Отшвырнув в сторону скомканный листок, Албанус направился в мастерскую. Четыре стражника у двери почтительно застыли перед ним. Албанус миновал их, не удостоив взглядом.

В центре комнаты, на круглом каменном возвышении, стояла глиняная статуя Гариана. Наконец-то она была закончена. Или почти закончена, улыбаясь, подумал Албанус. Все части статуи в точности соответствовали оригиналу. Она была лишь чуть больше. Стефано что-то запутанно объяснял на этот счет: дескать, статуя должна либо в точности повторять размеры живого человека, либо обладать, внушительности ради, героическими пропорциями. Статуя изображала Гариана, идущего вперед, рот открыт, как будто король что-то произносит. В этой статуе, однако, было больше от Гариана, чем просто внешнее сходство. В глину, из которой она состояла, с соблюдением сложных тавматургических ритуалов были тщательно вмешаны волосы Гариана и обрезки ногтей, а также его пот, кровь и семя. Все это, следуя своим темным замыслам, Албанус достал с помощью Суларии, действовавшей по его приказу.

Чуть сзади от возвышения громоздилась печь для обжига, а перед ней — сложное устройство из деревянных полозьев и рычагов для перемещения статуи. Ни печь, ни полозья никогда не будут использованы. Албанус разрешил Стефано построить все это лишь затем, чтобы скульптор ничего не заподозрил.

Забравшись на возвышение, Албанус принялся сбрасывать деревянные части механизма на пол. Обычно Албанус даже пальцем не пошевелил бы, чтобы делать такую работу самому. Как, впрочем, и любую другую. Но сейчас у него не было выбора. Следовало

бы, конечно, заставить поработать самого Стефано, но он начнет задавать вопросы. Обычно Албанус уходил от ответа с помощью тщательно разработанной лжи. Однако ему уже давно опротивело носиться с тщеславием скульптора и делать вид, будто вопросы Стефано стоили того, чтобы на них отвечать. Одним словом, сейчас лучше все сделать самому.

Сбросив с возвышения последний рычаг, Албанус прыгнул на пол. При этом он одной рукой для верности оперся на печь, ощутив шершавую поверхность... И резко отдернул руку. Проклятие! Она была горячей!

Открылась дверь, и, едва держась на ногах, вошел Стефано. Лицо у него было совершенно зеленое, но винные пары немного улетучились.

— Я хочу, чтобы их всех выпороли, — пробормотал скульптор, потирая рот рукой. — Знаешь ты, что сделали твои рабы со мной, а Варус ими командовал? Они...

— Глупец! — прогремел Албанус. — Ты нагрел печь! Приказывал я тебе или нет ничего не делать без моего соизволения?

— Но статуя готова, — запротестовал Стефано. — Ее сегодня же надо поставить в печь, иначе она покроется трещинами, вместо того чтобы затвердеть. Вчера вечером я...

— Ты что, не слышал моего приказа ни в коем случае не зажигать огня в этой комнате? Ты думаешь, я ради развлечения сам зажигаю здесь светильники, утруждая себя рабской работой?

— Если масла в этой глине такие горючие, — заплетающимся языком настаивал на своем скульптор, — как же она тогда выдержит, если ее поместить...

— Заткнись! — На сей раз это был не крик, а тихое шипение. Под обсидиановым взглядом Албануса язык Стефано прилип к гортани, а самого его точно пригвоздило к месту.

Албанус с презрением отвернулся от скульптора. Он ловко извлек откуда-то три маленьких пузырька, полоску пергамента и гусиное перо. Албанус открыл первый

пузырек. В нем было немного крови Гариана, сдобренной особыми снадобьями, чтобы не сворачивалась. Албанус обмакнул перо в кровь и старательно вывел имя короля вдоль всего куска пергамента. Потом присыпал порошком из другого пузырька — кровь тут же почернела и высохла. В последнем пузырьке была собственная кровь Албануса, добытая только сегодня утром. Ею он написал свое имя более крупным шрифтом, поверх королевского. И снова порошок высушил кровь.

Бормоча заклинания, Албанус тщательно сложил пергамент особым образом. Поднявшись на возвышение, он вложил пергамент в рот глиняной статуе.

Стефано стоял теперь, прислонившись к стене. Увидев, что сделал Албанус, он глупо захихикал.

— А я-то удивлялся, зачем тебе нужен был такой рот...

Под тяжелым взглядом Албануса Стефано с трудом сглотнул и прикусил язык.

Достав мел, тайно привезенный из Стигии, страны колдунов далеко на юге, Албанус начертил вокруг ног статуи замкнутую пентаграмму: звезду внутри пятиугольника, помещенного внутри круга. В те места, где встречались три фигуры, он поставил отвратительные черные свечи. В мгновение ока свечи были зажжены, а пентаграмма закончена. Широко разведя вытянутые руки, Албанус сошел с возвышения и возвратился на прежнее место. При этом он не переставал говорить заклинания:

— *Злонаи ме-роф санкти, Урд-васс теохимм...*

Магические слова срывались с языка Албануса, и воздух в комнате наполнился серебряным мерцанием и как будто сгустился. Пламя страшных свечей стало ярким и неровным. Маленькое зернышко страха проросло в душе колдуна. Огонь! Не может быть, чтобы все повторилось, как в прошлый раз. Не может быть! Не может быть! Не может быть!

Усилием воли он отогнал от себя тревожные мысли, нельзя поддаваться страху: сейчас — только власть!

— *...араллайн Самди ком-цель морт-расс...*

Пламя свечей росло, но в комнате становилось все темней. Свечи как будто не давали свет, а, наоборот, вбирали его в себя. Языки огня тянулись вверх. Заклинания, произносимые нараспев, заставили огонь подняться выше головы статуи. Медленно, словно под напором сверхъестественного ветра, бесшумные языки пламени стали наклоняться внутрь, пока не встретились над головой глиняной фигуры. Как только это произошло, из места их соприкосновения вырвался яркий, подобный молнии луч света и упал как раз на голову статуи, обволакивая изваяние Гариана с головы до ног равномерным свечением. В конце концов фигуру окружило ослепительно белое сияние, вобравшее в себя все тепло из воздуха в комнате.

Стало так холодно, что дыхание Албануса превращалось в пар, когда он громким, почти нечеловеческим голосом заканчивал заклинание:

— Черной властью Трех я заклинаю тебя! Кровью, потом и семенем, оскверненными и помянутыми, я заклинаю тебя! Пробудись, ходи и повинуйся, ибо я, Албанус, заклинаю тебя!

Вместе с последним звуком ледящих душу слов пламя исчезло, а с ним заодно и свечи. Статуя стояла, как и прежде, только высохла и вся растрескалась.

Албанус потерял замерзшие руки и засунул их под мышки, чтобы согрелась. Только бы на этот раз все прошло правильно!.. Он бросил взгляд на Стефано. Тот, замерзший и перепуганный, дрожал как осиновый лист и не смел отлепиться от стены, усеянной блестками инея. От всего увиденного у бедняги глаза лезли на лоб. Не было причин медлить. Черный маг глубоко вздохнул.

— Я приказываю тебе, Гариан, пробудись!

Кусочек глины отвалился от одной руки и вдребезги разбился о каменный постамент. Албанус нахмурился:

— Гариан, я приказываю тебе пробудиться!

Тут по всей статуе прошла дрожь; крошась и насыщая воздух пылью, глина осыпалась на каменное возвышение. Содержимое глиняной оболочки осталось сто-

ять на месте, но это было нечто живое, оно дышало — точная, без малейшего изъяна, копия Гариана. Двойник стряхнул пыль со своего плеча и вопросительно уставился на Албануса.

— Ты кто? — осведомился он.

— Я — Албанус, — ответил чародей. — А сам ты знаешь, кто ты такой?

— Конечно. Я — Гариан, король Немедии.

Албанус улыбнулся, но улыбка была полна чудовищной злобой.

— На колени, Гариан, — тихо сказал он.

Двойник короля невозмутимо опустился на колени.

Не удержавшись, Албанус засмеялся. Дальнейшие его команды были подсказаны жаждой поскорее увидеть беспрекословное повиновение «короля».

— Лицом на пол! Унижайся!.. Встать! Беги на месте! Быстрее! Еще быстрее!

Королевский двойник бежал и бежал...

По щекам Албануса катились слезы, но смех его сразу оборвался, стоило ему взглянуть на Стефано.

Скульптор медленно заставил себя выпрямиться. Неуверенность и страх чередовались на его лице.

— Остановись, Гариан, — приказал Албанус, глядя прямо в глаза Стефано. Двойник перестал бежать и встал спокойно, он нисколько не запыхался.

Стефано с трудом сглотнул.

— Моя... моя работа закончена. Я пойду... — С этими словами скульптор повернулся в сторону двери. Голос Албануса заставил его вздрогнуть, как от удара хлыстом, и остановиться.

— А золото, Стефано? Неужели ты забыл про него? — Албанус достал откуда-то из складок одежды коротенький толстый цилиндр, плотно обернутый кожей. Он взвесил его на ладони: — Пятьдесят золотых!

Жадность и страх боролись в Стефано. Он нерешительно облизал губы:

— Мы договаривались о тысяче...

— Я не одет, — вдруг заявил двойник короля.

— Конечно, — сказал Албанус, отвечая сразу обоим.

Он поднял с пола кусок грязной тряпки, которой, лепя статую, пользовался Стефано, и тщательно стер ею часть пентаграммы. Он знал: если кто-нибудь попробует вступить в замкнутую пентаграмму, дышащую волшебством, на него обрушится масса бед, одна страшнее другой. Албанус ступил на возвышение, подал тряпку двойнику, и тот обернул ею бедра.

— Это лишь первая выплата, Стефано, — вновь обратился Албанус к скульптору. — Остальное чуть позже. — Он сунул кожаный цилиндр в руку двойника. — Отдай это Стефано. — И, наклонившись ближе, добавил что-то шепотом...

Стефано заерзал на месте от страха, глядя, как спускается с возвышения двойник короля.

— Сколько раз я был вынужден терпеть твою бессмысленную болтовню... — тихо проговорил Албанус.

Сощурив глаза, скульптор беспомощно переводил взгляд с Албануса на приближающуюся статую. Потом изо всех сил бросился к двери.

Невероятно быстро двойник ринулся вслед. Стефано еще и шага не успел сделать, а «король» уже догнал его. Каменная рука сжала горло скульптора. Пальцы, наделенные нечеловеческой силой, настойчиво вдавились в мускулы по обеим сторонам челюсти, заставляя рот открыться. Стефано закричал и в отчаянии вцепился в руку двойника. С таким же успехом он мог бы царапать кожаный щит. Одной рукой двойник заставил его опуститься на колени. Он проделал это с такой легкостью, как если бы скульптор был ребенком.

Слишком поздно Стефано заметил цилиндр, опускающийся прямо ему в рот, и понял последние слова Албануса. Изо всех сил он ухватился за приближающуюся руку, но это было все равно что пробовать установить рычаг катапульты. Безжалостно и невозмутимо статуя запихивала золото все глубже и глубже в глотку скульптора...

Когда наконец двойник Гариана отпустил свою жертву, изо рта Стефано вырывались хрипы удушья, глаза вылезали из орбит, лицо посинело, он беспомощно хватался руками за горло. Тело выгнулось так, что пола касались только голова и пятки, выбивавшие непрерывную дробь...

Албанус спокойно наблюдал агонию. Когда ноги задушенного перестали дергаться, он тихо сказал:

— Остальные девятьсот пятьдесят золотых уйдут с тобой в безымянную могилу. Я выполняю свои обещания.

Его плечи затряслись от беззвучного смеха. Когда приступ прошел, он деловито повернулся к подобию короля, безучастно стоявшему над телом убитого.

— Что касается тебя, тебе надо многое узнать, а времени у нас мало. Слушай же. Сегодня вечером...

Глава 17

Ариана сидела в общей комнате гостиницы «Феста», уныло уставившись в пустоту. Вся комната вокруг нее была наполнена заговорщицким бормотанием. Ни один музыкант не брал в руки инструмента. Мужчины и женщины непрерывно шушукались, поближе придвинувшись друг к другу над столиками. Приняв наконец какое-то решение, Ариана встала и пробралась между сидевшими к Гракусу.

— Мне надо поговорить с тобой, Гракус, — сказала она негромко. Отсутствие привычного гама, казавшееся гробовой тишиной, усугубляло ее подавленность.

— Потом, — даже не посмотрев на нее, недовольным тоном ответил приземистый скульптор. И продолжал прерванный разговор, тихо, но настойчиво обращаясь к сидевшим рядом с ним: — Говорю вам, не важно, что Тэрас мертв. Я знаю, где хранится оружие. Мне хватит полдня, чтобы...

Остаток былого огня вдруг вспыхнул в Ариане с новой силой.

— Гракус!

В комнате, где шептались, это прозвучало как крик. Все так и устали на нее.

— А не приходила тебе в голову мысль, — продолжала девушка, — что нас, должно быть, предали?

— Конан, — начал было Гракус, но Ариана резко перебила его.

— Не Конан!

— Но ведь это он убил Тэраса, — встала бледнокожая пухленькая брюнетка. — Ты же сама видела. А сейчас он открыто служит Гариану.

— Верно, Галлия, это так, — терпеливо начала объяснять Ариана. — Но если бы предал Конан, нас давно бы уже схватили Золотые Леопарды! — Никто не смог возразить девушке, все только молча смотрели на нее. — Он не предавал нас! — продолжала она. — А что, если он был прав насчет Тэраса? Если нет никаких вооруженных людей, ждущих только приказа, чтобы пойти впереди восставшего народа. Может, мы просто подставные пешки в чьей-то игре?..

— Клянусь троном Эрлика, — заворчал Гракус, — ну что за чушь ты несешь, Ариана!

— Пускай это чушь, — она устало вздохнула, — но хоть обсудите ее со мной! Рассейте мои сомнения, если сможете. Или у вас их и вправду нет?

— Знаешь что, иди-ка ты со своими сомнениями обратно в тихий уголок, — ответил ей Гракус. — Пока ты сидишь тут и изнываешь в сомнениях, мы свергнем Гариана.

Галлия громко фыркнула:

— Чего еще ожидать от тех, кто все время проводит в обществе одноглазого головореза...

— Спасибо, Галлия, — сказала Ариана. И улыбнулась впервые с тех пор, как она увидела Конана над трупом Тэраса. Отвернувшись от стола и собеседников, девушка пошла за своим плащом. Гракус и остальные посмотрели ей вслед — сумасшедшая, да и только!

Ордо — вот ответ на мои вопросы, думала Ариана. С ним, правда, не больно-то поговоришь. Стоит ей упомя-

нуть при нем о своих беспокойствах, он тут же разворчит и буркнет, что Конан, мол, никого еще не предавал, не тот человек. Потом непременно ущипнет пониже спины и попробует забраться к ней в постель.

Всякий раз одно и то же. Зато сегодня днем Ордо заглянул к ней и рассказал, что Стефано жив и находится во дворце господина Албануса. Вот с кем неплохо бы перемолвиться! Голова у Стефано всегда хорошо работала и за словом он в карман не лез, пока ревность к Конану не пришибла его. Он или рассеет ее сомнения и убедит в виновности киммерийца, или она сумеет доказать ему обратное. Тогда они вместе вернутся в «Фесту» и Стефано поможет убедить остальных... Ариана плотнее закуталась в плащ и поспешила прочь из гостиницы.

Едва вступив на улицу Сожаления, она начала раскаиваться, что вообще вышла из «Фесты». Всегда оживленная фальшивым весельем, ярко расцвеченная дешевыми украшениями, эта улица была теперь представлена только ветру. И ветер развлекался, играя жалкими остатками праздника. Вот по мостовой, подгоняемая вихрем, покатила разноцветная шапочка жонглера. За ней — шелковый шарф, рваный и грязный... В довершение всего где-то завyla собака. Эхо разнесло ее вой по пустынным улицам. Стуча зубами, но совсем не от холода и ветра, Ариана ускорила шаги...

Ко дворцу Албануса она уже подбежала, хотя никто за ней не гнался. Кроме нее, на улице вообще не было ни души. Задыхаясь, она припала к воротам и маленьким кулачком забарабанила по доскам, окованным железом:

— Впустите меня!

Из небольшого окошечка ее подозрительно осмотрел человеческий глаз. Кто-то заглядывал и так и эдак: одна ли она пришла?

— Во имя милосердного Митры, впустите меня!..

Проскрежетали отодвигаемые засовы, и стражник приоткрыл ворота. Ариана едва протиснулась в образовавшуюся щель.

Но не успела она сделать и шагу внутрь, как чья-то рука схватила ее за талию и подняла в воздух. Это сопровождалось грубым смехом. Ариана задохнулась от возмущения, когда другая рука бесцеремонно стиснула ее ягодицы. Перед ней возникла чья-то узкая физиономия. Кончик носа отсутствовал.

— Лакомая штучка, — смеялся стражник, державший Ариану. — Право слово, она согреет всех нас даже на таком ветру!

С десятков стражников, стоявших рядом, бурно разделили его веселье.

Однако радость Обрезанного Носа как рукой сняло, когда он почувствовал у себя под ухом острие короткого кинжала Арианы.

— Я — госпожа Ариана Пандариан, — холодно прошипела девушка. Митра, когда же это она последний раз произносила свое полное имя? — Если господин Албанус и оставит от вас что-нибудь, мой отец, без сомнения, позаботится об остатках!

Руки стражника разжались, как будто он обжегся; девушка почувствовала под ногами твердую землю.

— Простите, простите, госпожа моя, — запинаясь, выдавил горе-войка. — Мое почтение... Я не хотел...

— Я сама найду дорогу, — высокомерно заявила она и ускользнула прочь, оставив Обрезанный Нос подбирать слова для извинения. Его дружки остались стоять с вытаращенными глазами и открытыми ртами...

Надменность и наглость, решила Ариана, поднимаясь по дорожке, выложенной каменными плитками, надменность и наглость, только это мне и осталось. Иначе никто не поверит, что я знатная дама. Ничего себе дама, явилась во дворец вельможи без слуг и охраны! В арочном проеме открылась дверь, из нее появился седобородый мужчина со знаком управляющего на одежде. Большие карие глаза девушки смотрели на него твердо и непреклонно.

— Я — госпожа Ариана Пандариан, — заявила она. — Проведите меня к скульптору Стефано Меллиарусу.

У седобородого отвисла челюсть. Он пытался заглянуть ей за спину, стараясь разглядеть, есть ли у нее свита или нет?

— Простите меня... моя госпожа... но я... я не знаю человека по имени Стефано.

Ариана бесцеремонно протиснулась мимо управляющего в колонный зал, который служил прихожей в этом дворце.

— Тогда проведите меня к господину Албанусу, — приказала девушка. Внутри у нее все дрожало. Что, если Конан ошибся? Вдруг Стефано здесь действительно нет?.. Одна мысль о том, чтобы вернуться на пустынные улицы, пугала ее еще больше и подталкивала вперед.

Управляющий силился что-то ответить, губы его шевелились, а борода дергалась. Окончательно растерявшись, он все-таки произнес:

— Следуйте за мной, пожалуйста, — потом спохватился и решил добавить, — моя госпожа...

Комната, куда управляющий привел Ариану, была довольно просторной. Сам он вышел, чтобы, по его словам, доложить о ней господину Албанусу. Стены комнаты украшали яркие шпалеры. Трепещущее пламя золотых ламп заливало комнату теплым сиянием, особенно славным после унылых, сумрачных улиц. Но уютная обстановка не рассеяла растущих опасений Арианы. Что, если она ищет того, кого здесь нет, выставляя себя полной дурой перед незнакомым вельможей? Мало-помалу с нее начала сходить маска неприступной уверенности. Остатки ее исчезли под жестким взглядом входившего господина Албануса.

— Ты ищешь человека по имени Стефано, — без лишних вступлений начал хозяин дома. — Почему ты решила, что он здесь?

Ариане хотелось отчаянно заломить руки. Вместо этого она плотно сцепила их под плащом, но не смогла остановить рвавшегося наружу потока слов и лихорадочно принялась объяснять:

— Я должна поговорить с ним! Мне больше не к кому обратиться... Тэрас мертв... А Конан говорит, что

нас предали! И к тому же... — Ариана судорожно вздохнула. — Простите меня, господин Албанус. Если Стефано здесь нет, я уйду.

По мере того как Ариана сбивчиво объясняла, темные глаза Албануса округлялись все больше и больше. Теперь он что-то нащупывал в мешочке у пояса, говоря:

— Подожди... Видела ты что-нибудь подобное?

Албанус вытащил какой-то самоцвет, до того прозрачный и чистый, что, казалось, от него исходило сияние. Хозяин дома что-то пробормотал — Ариана не слышала, что именно, — и протянул руку с камнем к ней.

Взгляд девушки против ее воли притянуло к самоцвету, как железо к магниту. Внезапно из камня вырвался бледный луч и осветил лицо Арианы, и она охнула, как будто ее кто-то ударил. Паника охватила ее. Бежать, скорее бежать!.. Но девушка не могла и с места сдвинуться. Она только дрожала всем телом, приплясывая на месте. Белый свет застилал ей глаза.

Бежать! — кричало все ее существо. Но почему, вдруг спросил еще один голос, и паника прошла. Воля пропала. Белый луч исчез. Она стояла, по-прежнему уставившись на камень, который сиял белизной ярче прежнего. Дышала Ариана совсем ровно.

— Готово, — услышала она бормотание Албануса. — Но на всякий случай проверим... — Уже громче он добавил: — Разденься, девочка!

Легкое смущение выползло из дальних уголков сознания, и щеки ее порозовели. А в остальном приказание не показалось ей странным. Она тут же сбросила плащ и расстегнула брошки, на которых крепилось платье, и одежда упала к ногам. Ариана стояла, положив руки на бедра, чуть согнув одно колено, и ждала.

Албанус обежал взглядом прелестную обнаженную фигуру и улыбнулся. Если это можно было назвать улыбкой.

— Если ты с такой готовностью разделась, значит, сейчас выложишь всю правду, хотя бы она явилась

твоим смертным приговором. Тэрас, девочка. Он на самом деле мертв? Как он умер?

— Конан убил его, — ответила она совершенно спокойно.

— Эрлик побери проклятого варвара! — выругался черный маг. — Теперь ясно, почему Веджент нигде не мог найти Тэраса! Как же мне теперь передать приказ... — Злость понемногу прошла. Он смотрел на Ариану, начиная понимать, что она может помочь ему. — Так ты из гостиницы «Феста», одна из этих блаженных, которые только и могут, что болтать о восстании? Так, что ли?

Девушка немного поколебалась, но все же ответила:

— Да.

Что-то было не так в словах Албануса; смутный протест возник в мозгу Арианы, но голос тревоги прозвучал слишком далеко и сознания не достиг.

Албанус вцепился пальцами в подбородок девушки и заставил приподнять голову; пальцы вельможи болезненно впились в щеки, но у нее не возникло мысли о сопротивлении. Большие карие глаза открыто встретили обсидиановый взгляд колдуна.

— Когда я пожелаю, чтобы улицы заполнила вопящая чернь, — тихо сказал Албанус, — ты пойдешь в «Фесту» и передашь мои слова: скажешь именно то, что я прикажу, и ни слова больше.

— Я передам, — ответила она. Возник позыв к борьбе, похожий на слабый укус комара. Комар улетел, и она не стала бороться.

Албанус кивнул:

— Хорошо. Теперь о Конане. Что он говорил тебе о предательстве?

— Он говорил, что Тэрас не нанимал вооруженных людей в помощь народу. Что кто-то использует нас для своих целей.

— Он назвал человека, который использует вас? — резко спросил Албанус.

Ариана покачала головой. Она устала от разговоров, ей хотелось спать.

— Ну да все равно, — невнятно произнес Албанус. — Оказывается, я недооценивал варвара. С каждой минутой он становился все опаснее... Варус! Посланника к полководцу Ведженту! Да пошевеливайся, коли шкура дорога! Стой прямо, девочка!

Ариана послушно выпрямилась, наблюдая, как Албанус размашистым почерком небрежно царапал что-то на пергаменте. Она мечтала только добраться до подушки, но твердо знала: нельзя, пока хозяин не разрешит. Девушка полностью подчинилась его воле; последние искры сопротивления угасти...

Глава 18

Басовитый раскат бронзового гонга возвестил, что наступил час первой ночной стражи. Не зажигая светильника, Конан тихо выскользнул из-под одеяла. Он загодя приготовился к ночному путешествию. На нем была лишь легкая рубаха и пояс с кинжалом. Меч и латы только стесняли бы движение.

Неслышно ступая босыми ногами, киммериец подошел к окну, выбрался на карниз и изогнулся, как кошка, ища, где бы зацепиться пальцами, чтобы забраться повыше. Люди редко смотрят вверх, даже если ищут кого-то. Хочешь остаться незамеченным — путешествуй по крышам. Лиловые облака, гонимые ветром, то закрывали, то открывали почти полную луну. Свет и темнота постоянно сменяли друг друга. По Дворцу ползли и приплясывали причудливые тени. Конан слился с тенями...

Камень, из которого сложили когда-то Дворец, был гладко обтесан, но привычные к такому делу руки и ноги варвара сами находили щели и трещины, а уж каменные карнизы и ободки украшений — это была для него настоящая тропинка на крышу. Быстро, но осторожно киммериец пересек черепичное покрытие и спрыгнул на крепостную стену. Здесь, в самом сердце дворцовых построек, часового не ставили. Протиснув-

шись между двумя зубцами стены высотой в человеческий рост, Конан спустился на крышу колоннады. Под ногами, тремя этажами ниже, были каменные плиты дворца.

Во дворе за его спиной внезапно поднялась тревога. Забили в сигнальный колокол. Варвар застыл на месте, скрывшись в перемежающихся тенях. До его слуха донеслись крики, но слов он не мог разобрать. Конан нахмурился. По такой тревоге Веджента призывают несомненно. Однако крики «держи, лови!» оглашали не весь Дворец. Во внешней части Дворца не было видно мельтешащих огней, не слышалось топота ног. Возможно, все скоро стихнет, и тогда Веджент наверняка вернется к себе. Волчья улыбка обнажила зубы киммерийца. Пусть, пусть явится. Кое-кто будет терпеливо ждать его, а потом потребует ответа на кое-какие вопросы!

Конан поспешил дальше. Он пробежал вдоль крыши, в конце ее с легкостью обогнул еще одну стену и побегал дальше. Внизу его подстерегали темнота и каменные плиты; казалось, они с нетерпением ждали, чтобы он поскользнулся или ослабил хватку. Но варвар не обращал на опасность никакого внимания. Остановившись, он улегся ничком, перебросил ноги через край крыши и сполз немного вниз, к окну спальни Веджента.

В полной тишине, как беззвучная смерть, киммериец забрался в комнату, на ходу вытаскивая кинжал из ножен. Несколько зажженных бронзовых ламп тускло освещали спальню и внешнюю комнату. Как варвар и опасался, обе были пусты. Непреклонный в своем решении, Конан встал за дверью спальни и стал ждать.

Стоять пришлось долго. Конан ждал и ждал, молча и неподвижно, терпеливый, как зверь в засаде. Даже когда он услышал, что дверь первой комнаты открылась, шевельнулась только рука на кинжале, сильнее сжав рукоять. Однако вошел всего один человек. Когда шаги приблизились, Конан в полной готовности распластался по стене рядом с дверью.

В комнату вошел кто-то высокий, в золотом плаще и с красным гребнем на шлеме, как у командира Золотых Леопардов. Не обнажая оружия, киммериец ударил вошедшего сзади по шее, и тот со стоном упал, перевалившись на спину. Конан уставился на него в полном недоумении: *это был не Веджент!*

И тут же завывающая орава золотых плащей ввалилась в комнату и набросилась на варвара. Взревав, Конан ринулся в бой. Его кинжал пронзил чью-то глотку и ушел вместе с падающим телом. Зубы и челюсти трещали и крошились под тяжелыми ударами кулака варвара. Одного из воинов Конан выбросил в окно, через которое влез сам, и тот с воплем канул в темноту. Однако нападавших было слишком много. Только этим его и взяли. Спустя некоторое время киммериец лежал на спине, и каждую его руку и ногу держали по три человека. Все они были побиты и отплевывались кровью. Конан корчился, изо всех сил напрягая каждый мускул. Но ему удавалось разве что пошевелить державших. Вырваться на свободу было невозможно.

Веджент, без шлема, очень довольный, появился в дверном проеме.

— Теперь ты видишь, что я был прав, — сказал он кому-то в другой комнате. — Он хотел в первую очередь убить меня. Если бы негодяй не успел выбраться из Дворца, когда стало бы известно о твоей смерти, отсутствие командира Золотых Леопардов было бы ему весьма на руку.

В комнату вошел Гариан. Он кутался в плащ. На побледневшем лице темным пятном выделялся синяк. Он уставился на Конана с ужасом и удивлением.

— Даже когда те, другие, сказали мне, я едва мог поверить своим ушам, — прошептал король. И содрогнулся: — Сколько раз я был у него на кончике меча!..

— Но тогда его точно признали бы за убийцу, — спокойно сказал Веджент.

— Лжешь! — крикнул Конан в лицо здоровяку полководцу. — Это я пришел сюда, чтобы заставить тебя признаться в гнусном предательстве!

Лицо Веджента потемнело, он схватился за меч, но Гариан жестом остановил его. Король подошел ближе к Конану и обратился к нему:

— Вот что, киммериец. Сегодня, еще до сумерек, Веджент схватил тех, кто был с тобой в сговоре. Мужчину по имени Гракус. И женщину — Галлию. И еще трех-четырех. Будешь отрицать, что они знакомы тебе? Будешь отрицать, что знал об их замыслах против трона?

В голове у Конана помутилось. Значит, они и Ариану?.. Однако спросить об этом значило назвать имя и тем самым отдать ее в руки палачей, если она была еще на свободе.

— Это всего лишь глупые юнцы! — сказал варвар. — Они болтают, и только! И будут болтать, не принося никому вреда, пока от старости не помрут. Совсем другое дело — те, кто их использует...

Он хрипло охнул и смолк: Веджент ударил его сапогом под ребра.

Гариан рукой приказал полководцу отойти и продолжал:

— Веджент допросил этих безвредных, как ты полагаешь, юнцов. Ему не потребовалось особых усилий, чтобы сломать их. Их привели ко мне, тех, кто еще мог говорить. Я лично слышал от них признание в покушении на мое убийство. И поработать мечом должен был именно ты!

— Я не убийца! — дернулся Конан, но Гариан продолжал, как будто не слыша:

— Забили тревогу; тебя искали. И нашли здесь, в засаде, с кинжалом в руке. Так что твои действия говорят сами за себя.

— Его голова украсит пику еще до рассвета, — сказал Веджент.

— Нет, — тихо ответил Гариан. — Я доверял этому человеку. — Он вытер руки о край плаща, как будто

совершал обряд. Глаза его холодно смотрели на Конана. — Давно уже не использовалась древняя казнь для тех, кто замыслил убийство особы, носящей Корону Дракона. Пусть теперь возобновится этот обычай.

Запахнув плащ, король отвернулся от Конана и зашагал прочь.

Веджент уставился ему вслед, затем посмотрел на Конана. Неожиданно он захохотал, откинув голову:

— Древняя казнь, варвар! О, это как раз то, что надо! В темнице его!

Один из тех, что держал киммерийца, сделал какое-то движение. Конан увидел опускающуюся на него рукоять меча — и сразу наступила темнота.

Глава 19

Албанус улыбался сам себе, сидя в крытых носилках. Была ночь. Рабы несли его вверх по извилистым улочкам Храмового района в сторону Королевского Дворца. Теперь уже совсем скоро! Победа близка и неизбежна! Он смаковал каждый шаг носильщиков, ведь это приближало его к заветной цели.

Впереди носилок шагали два факельщика. Хотя улицы были пусты, как давно заброшенное кладбище, Албануса окружали двадцать вооруженных охранников. А по обе стороны от него шли те, кто был особенно важен для его замысла. Две фигуры, плотно укутанные в плащи с низко надвинутыми капюшонами, мужская и женская. Скоро свершится!

Когда процессия достигла дворцовых ворот, Албанус отдал команду. Его носилки опустили на землю. Не успел еще волшебник ступить на мостовую, а к нему по подъемному мосту уже подходил Веджент. Албанус посмотрел на стражу у ворот и вопросительно поднял бровь.

— Все как договорились, — спокойно сказал полководец. — Этой ночью вся охрана — мои люди, при том самые лучшие.

— Прекрасно, — сказал Албанус. — Что Конан?

— В темнице. Гариан так ратовал за то, чтобы возобновить древнюю казнь, что я не смог прикончить варвара прямо на месте. К тому времени тревога уже многих подняла на ноги. — Веджент возмущенно сплюнул, и красный султан качнулся на его шлеме. — Отправим его в безымянную могилу вместе с Гарианом!

Хищнолицый вельможа тихо засмеялся:

— Нет, Веджент. Древняя казнь — это именно то, чего заслуживает наш варвар,

— По мне, лучше просто прикончить его к шутам собачьим, — проворчал Веджент, но распространяться на эту тему дальше не стал. Наклонившись, он попытался заглянуть под капюшон мужской фигуры, стоявшей за Албанусом. — Так он что, правда похож на...

— Идем, — перебил Албанус и уверенно зашагал вперед. Ариана и двойник следовали за ним по пятам. Ведженту ничего не оставалось, кроме как присоединиться.

Черный маг поспешно прошел через подъемный мост и дальше во Дворец, и внутри у него все ликовало. Много раз он проходил этими залами, но только теперь он вступал сюда как завоеватель, победитель, властелин! В это время от стены отделилась тень, и перед ним возникла Сулария. Албанус наградил ее бешеным взглядом:

— Почему ты здесь, женщина? Я приказал тебе оставаться у себя, пока я не пошлю за тобой!

Сулария встретила его взгляд не дрогнув. Даже в полумраке видно было, как нетерпеливо сверкали ее глаза.

— Я хочу видеть, как он падет пред тобой!

Албанус медленно кивнул головой. Да, это будет приятный момент.

— Только ни звука, — предупредил он. И пошел дальше, расправив плечи и высоко подняв голову, как пристало королю в собственном Дворце.

Перед личными покоем Гариана стояли четверо стражников. Когда Албанус со свитой приблизился к ним, они почтительно вытянулись.

Веджент вышел вперед:

— Спит?

Один из четырех кивнул.

— Кто еще с ним?

— Только служанка — принести вина, если проснется, — ответил тот, кто кивал.

— Убить ее, — приказал Албанус. Веджент содрогнулся.

— Ты же говорил, что можешь лишить ее памяти. Если девушка исчезнет, начнутся вопросы.

— Это можно сделать только с одним человеком зараз, — ответил Албанус, рассеянно поглаживая кошель, в котором лежал белый самоцвет. — Убить ее.

Веджент кивнул стражнику, с которым разговаривал.

Тот проскользнул в дверь. Вскоре он вернулся с окровавленным клинком и снова занял свой пост.

Албанус повел всех внутрь. Он даже не взглянул ни на смятую фигурку женщины, ни на перевернутый табурет. В следующей комнате, непосредственно спальне Гариана, свет был притушен, фитили ламп низко прикручены. Гариан раскинулся на кровати среди смятых одеял...

— Прибавь света, Сулария, — негромко приказал Албанус. Не спуская глаз с человека на кровати, светловолосая красавица поспешила выполнить приказание. — Снимите плащи, — велел колдун тем двоим в капюшонах.

Двойник повиновался, и у Веджента перехватило дыхание.

— Ух ты! Копия Гариана!

Сулария как раз повернулась к ним от золотой лампы, которую разжигала, и чуть не вскрикнула от удивления при виде королевского двойника, но, заметив Ариану, тотчас сузила глаза и сурово спросила:

— А это еще что за?..

Ариана стояла неподвижно и смотрела прямо перед собой, ожидая новой команды. Двойник же с любопытством оглядывался кругом.

Неожиданно Гариан рывком сел на кровати. Взгляд его перескакивал с Албануса на Суларию, с Суларии на Веджента. Изумление короля росло с каждым мгновением.

— Что?.. — начал было Гариан, но так и не договорил. Челюсть у короля отвисла: он увидел своего двойника. Тот, в свою очередь, невозмутимо и любознательно рассматривал короля.

Албануса так и подмывало рассмеяться.

— Гариан, — насмешливо сказал он, — перед тобой тот, кто будет сидеть на Троне Дракона последние денечки, отпущенные вашей династии. Твой род незаконно захватил власть. Сейчас этому приходит конец!

— Стража! — крикнул Гариан. Он выхватил из-под подушки кинжал и вскочил с кровати. — Стража!

— Взять его, — приказал Албанус двойнику, — как я тебя учил.

Двойник двинулся вперед. Гариан нанес кинжалом быстрый и точный удар; все-таки он был прекрасным воином. Но двойник с легкостью перехватил его руку и с нечеловеческой силой сжал запястье короля. Двойник еще усилил хватку, и удивление на лице Гариана сменилось страданием. Кинжал выпал из онемевшей руки...

Не успел клинок звякнуть об пол, как двойник свободной рукой схватил настоящего короля за горло и приподнял так, что ноги жертвы беспомощно задержались в воздухе. Все это двойник проделал без малейшего напряжения. Он спокойно наблюдал, как лицо человека, так похожее на его собственное, медленно начинает синеть. Гариан бился все слабее и наконец затих совсем. Двойник небрежно разжал пальцы, и безвольное тело рухнуло на пол.

Албанус торопливо склонился над королем, на шее которого отчетливо виднелись яркие фиолетовые синяки. На щеке Гариана темнел еще один кровоподтек,

хотя Албанус вроде и не припоминал, чтобы двойник бил его по лицу. Широкая грудь поднималась и опускалась, хотя и слабо: Гариан был еще жив.

С того момента, как двойник сделал первое движение, Веджент наблюдал за происходившим широко раскрытыми глазами, наполовину вытащив из ножен клинок. Теперь он загнал меч обратно в ножны и прокашлялся. Он не сводил взгляда с двойника.

— Теперь, — спросил Веджент, — ты велишь, чтобы он... оно... его добило?

— Я — король Гариан, — сказала Албанусово создание Ведженту. Тот вполголоса выругался в ответ.

— Тихо, — приказал Албанус, выпрямляясь. — Этот, — он ткнул бесчувственного Гариана ногой, — в полной мере признает мои права на трон, и только тогда я позволю ему умереть.

— Это опасно, — запротестовал Веджент. — Мы же собирались убить его прямо сейчас...

— Довольно! — огрызнулся Албанус. — Заковать его в цепи и препроводить в темницу под моим Дворцом. И не желаю больше ничего слышать об этом!

Полководец неохотно кивнул и повернулся уходить.

— И вот еще что, Веджент, — добавил жестокий вельможа, — проследи, чтобы потом уничтожили всех, кто будет с ним возиться. Меньше языков — меньше болтовни...

Рослый воитель на мгновение застыл в дверях, потом вышел, не сказав ни слова. Однако Албанус знал, что Веджент все сделает как сказано, не пожалеет даже своих любимых Золотых Леопардов.

— Кто эта женщина? — вновь спросила Сулария.

Албанус искоса взглянул на блондинку. Забавно, столько всего произошло у нее на глазах, а ее интересует только Ариана. Наверное, двум мыслям в этой прелестной головке уже тесно.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал он ей. — Не далее как утром тебя провозгласят госпожой Суларией. А это, — он коснулся застывшего лица Арианы, — всего лишь послушное оружие, которым я про-

кладываю себе путь к Трону Дракона. Когда оружие использовано, его выбрасывают.

Албанус перевел взгляд на Суларию и ободряюще улыбнулся ей. Да, повторил он про себя, отслужившие инструменты выбрасывают...

Глава 20

Очнувшись, Конан обнаружил, что висит на цепях посреди мрачного подземелья, растянутый за руки и за ноги. Два высоких треножника заливали желтым светом пол вокруг ног, но стен Конан разглядеть не мог. Цепи от запястий уходили куда-то во мрак наверху, а те, что тянулись от щиколоток, крепились к толстым железным скобам, вделанным в грубые камни пола. Рубаха Конана бесследно исчезла, а с ней и штаны. Наготу прикрывала только набедренная повязка.

Варвар напряг мускулы, впрочем, без особой надежды на успех. Пот выступил у него на лбу, усеял каплями плечи и градом покатился по широкой груди... Все тщетно. Цепи не поддавались. В них не было ни малейшей слабости. Да и сам он был растянут так, что только-только не рвались суставы.

Где-то в темноте прошуршали одежды, и варвар услышал мужской голос.

— Он очнулся, моя госпожа. — И после некоторого молчания голос добавил: — Прекрасно, моя госпожа.

Двое мужчин могучего сложения ступили в круг света. Оба бритоголовые и голые по пояс. У одного из двоих поперек безволосой груди тянулся след от ожога. Ни дать ни взять какая-то жертва сумела воспользоваться раскаленным железом, ей предназначенным. Другой мужчина был сплошь волосат, как обезьяна. Его круглое, не к месту добродушное лицо сияло улыбкой. Каждый держал в руках свернутый кнут.

Не проронив ни слова, они заняли места по обе стороны от киммерийца. Конан же изо всех сил

напрягал зрение, вглядываясь в темноту. Кто эта «госпожа»? Кто она?

Первый кнут просвистел и хлестнул варвара по груди. Пока им замахивались снова, второй оставил след на бедре. И снова первый — обвился вокруг щиколоток. Удары сыпались как попало. Невозможно было предугадать, куда придется следующий. Хлысты раз за разом въедались в плоть, оставляя на коже горящие полосы...

Конан изо всех сил сжимал челюсти, чтобы не закричать. Он не решался даже открыть рот, чтобы вздохнуть полной грудью, как того требовало судорожное напряжение тела. Откроешь рот — непроизвольно вырвется стон. Пусть тихий, но от него до истошного крика — один шаг. Так недолго и завопить во все горло. Нет уж. Не дождетесь.

Двое палачей продолжали свое дело, пока Конан совсем не обмяк на цепях. Голова безвольно поникла на грудь. Пот огнем разъедал следы ударов, покрывавшие его от плеч до щиколоток. Во многих местах сочилась кровь.

Варвар слышал, как где-то в темноте звякнули монеты и тот же самый, что и раньше, человек сказал:

— Ты очень щедр, моя госпожа. Мы будем там, снаружи... Мало ли, вдруг понадобится.

Потом тишина. Ее нарушил скрип тяжелой двери, которая нехотя повернулась на ржавых петлях, чтобы с лязгом захлопнуться.

Конан приподнял голову.

В круг света медленно вошла женщина. Она стояла и смотрела на него. Женщина в сером покрывале...

— Ты! — прохрипел Конан. — Значит, это ты пыталась убить меня? Или ты та, кто использует молодкососов из «Фесты»? Это ты засадила меня сюда, оболгав?

— Я и вправду пыталась сделать так, чтобы тебя убили, — тихо сказала она. Конан сощурил глаза. До чего знакомый голос! Но чей? — Надо было бы мне знать, что в Немедии не найдется человека, способного

убить тебя, — продолжала она. — Но то, что ты висишь тут, не моя заслуга, хотя я и рада этому. О, как я рада, Конан-киммериец!

— Кто ты?! — требовательно спросил варвар.

Она подняла руку и откинула покрывало. Ничего похожего на изуродованное болезнью лицо! Прекрасные черты и нежная кожа цвета слоновой кости в обрамлении гривы темно-рыжих волос, мягкими волнами падающих на плечи. Изумрудно-зеленые глаза в упор смотрели на Конана.

— Карела! — только и мог выдохнуть Конан.

Уж не привиделось ли ему это от боли? Карела, больше известная как Рыжий Ястреб, неистовая разбойница равнин Заморы и степей Турана! Здесь, в Бельверусе, в обличье знатной дамы! Нет, этого быть не могло.

Она смотрела на него, и прекрасное лицо ее было невозмутимо. Потом она заговорила, сдерживая волнение:

— Я думала, мы никогда больше не встретимся, киммериец. Когда я увидела тебя в тот день в Торговом районе, думала — умру на месте!

— А Ордо ты видела? — спросил он. — Ордо тоже здесь и все еще надеется найти тебя, да ты, наверное, знаешь... — Конану удалось криво улыбнуться. — Он с контрабандистами, которыми ты управляешь.

— Так ты и об этом дознался, — удивилась Карела. — Нет, чтобы держать тебя за глупца, надо самому быть идиотом. Ордо, впрочем, удивил меня не меньше, чем ты, внезапно появившись в Хоршемише, когда я была там. Однако я ему не открылась. Да, он был самым преданным моим псом. Но другие, при всей их верности, никак не могли позабыть, что за мою голову в Заморе и Туране назначена награда. Думаешь, я из удовольствия эти занавески на себя намотала?

— Все это было уже давно, Карела, — сказал Конан. — Сейчас небось все уже позабыли.

Напускиного спокойствия как не бывало.

— Никто и никогда не забудет Рыжего Ястреба! — Изумрудные глаза яростно вспыхнули. Она стояла перед ним в воинственной позе, подбоченившись и сжав кулаки. Не хватало только кривой сабли, украшенной драгоценными камнями.

— Ну, раз уж ты больше не госпожа Тиана, — мрачно проговорил варвар, — может, скажешь, во имя девяти преисподних Зандры, на кой тебе моя смерть?

— Почему?! — От ярости голос Карелы охрип и сорвался на визг. — Быстро же ты забыл, как бросил меня на произвол судьбы, раздетую и в цепях, по пути на невольничий рынок, где меня собирались продать первому, кто больше даст?

— Ты же заставила меня поклясться, Карела. Помнишь? Никогда не поднимать руки для твоего спасения...

— Разрази Держето тебя и твои клятвы, киммериец!

— ..А кроме того, у меня всего-то было при себе пять медяков. Неужто тебя продали бы за такую ничтожную цену?

— Лжешь! — сплюнула Карела. — Я не подчинилась тебе, и ты позволил продать меня!

— Говорю тебе...

— Лжешь! Лжешь!

Конан только зарычал и сжал зубы. Бесполезно объяснять, если тебя не слушают. Он не станет спорить с ней. Тем более оправдываться. Вот уж чего он никогда не умел делать...

Сердито расхаживая, Карела метала в варвара слова, как кинжалы, но ни разу не взглянула ему прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы ты узнал о моих унижениях, киммериец. Узнал и запомнил! Память о них будет вечно жечь тебя, когда ты окажешься на рудниках. И запомни вот еще что: у короля в обычае миловать тех, кто пробыл там некоторое время, так вот, я окажусь в нужном месте и подкуплю кого надо, чтобы про одного узника забыли. Догадываешься про кого?

— Я знал, что ты удерешь, — пробормотал Конан. — И похоже, это тебе удалось.

— На секунду Карела плотно сжала веки, потом вновь открыла глаза и решительно заговорила:

— Меня продали купцу по имени Хафиз и поместили в женской половине дома с сорока другими женщинами. Я убежала в тот же день. И в тот же день меня поймали, и я узнала, что такое бастинадо, как бьют палками по подошве. Я не кричала, но десять дней с трудом передвигалась, хромя. После второго побега я пробыла на свободе три дня. По возвращении меня заставили чистить кастрюли и выполнять всякую грязную работу на кухне...

Конан не удержался, несмотря на свое положение, и хмыкнул:

— Боги, да у него, видать, совсем мозгов не было. Он что, думал тебя таким образом приручить?

Она наконец посмотрела ему прямо в лицо. И заговорила тихо, но взгляд был убийственным:

— В третий раз меня схватили, когда я пыталась перелезть стену. Я плюнула Хафизу в лицо, я сказала, что он может убить меня, но сломить — никогда. Хафиз засмеялся... Ты сама себя считаешь женщиной, сказал купец. Надо, сказал он, объяснить тебе, что к чему. С тех пор меня постоянно одевали так, будто собирались вот-вот послать в постель к хозяину. Легчайший шелк, лучшие духи и прочая дрянь. Заставляли красить веки, щеки и губы. Я должна была учиться танцевать, играть на музыкальных инструментах и читать стихи!.. А если у меня что-нибудь не получалось, наказывали немедленно. Но, поскольку я была на положении ребенка, которого только учат быть женщиной, то и наказание было такое, какое полагалось бы ребенку. Как хохотал Хафиз, глядя на меня!

Конан откинул голову и тоже расхохотался:

— Ну ничего себе ребеночек!..

Карела замахнулась на варвара кулаком, ни дать ни взять желая вышибить из него дух. Она бушевала, гнев переполнял Рыжего Ястреба.

— Да что ты, козел, знаешь об этом? Десять раз на день подставлять задницу под розги! Открывать

рот и глотать по ложечке это мерзкое масло! И тысяча других вещей, о которых даже подумать стыдно. Смейся, засранец!.. А я целый год это терпела!.. Вот бы каждый день того года зачелся тебе годом на рудниках!..

Усилием воли Конан подавил веселье:

— Я думал, ты удерешь самое позднее через полгода. Но, я смотрю, Рыжий Ястреб попал в серебряную клетку и превратился в дрозда...

— За мной следили день и ночь, — возмутилась она. — И все-таки я убежала! С мечом в руке!..

— Надоело терпеть, когда отсылают спать без ужина? — Конана трясло от еле сдерживаемого смеха.

— Деркетю тебя ослепи! — взвыла Карела. Она бросилась к нему и маленькими кулачками забарабанила по широкой груди. — Эрлик заведи тебя, киммерийский ублюдок! Ты... ты... — Внезапно она сникла и ухватила за него, чтобы не упасть. Щека Карелы прижалась к его груди, Конан онемел от изумления: в глазах Рыжего Ястреба стояли слезы.

— Я любила тебя, — прошептала она. — Я любила тебя.

Киммериец только покачал головой. Значит, и это все она вытворяла из любви к нему? Какова же в таком случае ее ненависть?

Оттолкнувшись от него, Карела отступила на шаг.

Она упорно отказывалась замечать слезы, повисшие на ее длинных ресницах.

— В тебе нет страха, — прошептала она. — Ты не дрожишь. А не приходит тебе в голову мысль: «Если она так страдала, что же она за это сделает со мной?»

Варвар негромко ответил:

— В том, что случилось с тобой, моей вины нет, Карела.

Но она, похоже, даже не слышала его.

— Пусть ты и не боишься, но ты все-таки мужчина. — На губах Карелы играла странная улыбка.

Внезапно она подняла руки к застежкам на платье: в одно мгновение серый шелк упал к стройным ногам

разбойницы. Изысканным движением она перешагнула через него. Карела и сейчас была точно такой, какой Конан ее помнил: полная грудь и округлые бедра, длинные ноги и осиная талия. Настоящее пиршество для мужских глаз.

Карела подняла руки и, стоя на цыпочках, медленно повернулась. Длинные пряди то спадали на сливочно-белые плечи, то ласкали атласную грудь. Слегка покачивая бедрами, она подошла к варвару и остановилась, когда ее грудь коснулась его чуть ниже ребер. Проведя языком по полной нижней губе и глядя на него снизу вверх сквозь ресницы, она заговорила мрачно и страстно:

— Когда ты окажешься в рудниках, помни, выйдешь оттуда только мертвым. Оставшуюся жизнь будешь дышать промозглой вонью, и тусклый свет коптящих факелов заменит тебе солнце. Там, конечно, будут женщины, если только их можно так назвать. Руки их в мозолях почище, чем у любого мужчины... — Пальцы Карелы прошли по железной груди киммерийца. — Их волосы и кожа заросли грязью и коростой, от них мерзко воняет, а их поцелуй...

Стройные руки Карелы вытянулись вверх и обвили его шею. Карела подтянулась, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Так сладко, как я, они никогда не поцелуют, — прошептала она и прижалась губами к его губам. Он яростно ответил на ее поцелуй, так что в конце концов она со стоном отпрянула. Взгляд ее зеленых глаз трепетно затуманился. Синие глаза Конана были подобны северным небесам, продутым всеми ветрами.

— Тебя никто никогда так больше не поцелует, — задыхаясь, повторила Карела.

Внезапно она разжала руки, соскользнула на пол и попятилась прочь, покусывая губу. Некая неуверенность появилась в ее взгляде.

— Вот теперь ты до конца своих дней будешь вспоминать только меня, — сказала она. — Только меня... до конца дней... — Схватив с пола одежду,

она убежала в темноту. Спустя некоторое время Конан услышал скрип и затем лязг. Это раскрылась и вновь захлопнулась дверь.

А она все такая же, подумалось Конану. Все тот же Рыжий Ястреб. Пылкая и неистовая, как хищная птица. Только вот если Карела думает, что он смиренно отправится на рудники или вытерпит какую-то древнюю казнь, о которой говорил Гариан, то она сильно ошибается. Очень даже сильно.

Конан еще раз осмотрел цепи, на которых висел, но разорвать их больше не пытался. Среди уроков, выученных им меж покрытых снегом и порою весьма коварных хребтов Киммерийских гор, был и такой: когда бороться невозможно, бесполезное трепыхание только приблизит смерть; ждать, сохраняя силы, — вот шанс выжить. И киммериец висел на цепях с терпением хищника на охоте, ждущего, чтобы дичь подошла поближе.

Глава 21

Цепи, державшие руки Конана, со скрипом и грохотом начали опускаться. Перемена положения тела оказалась сущей пыткой, и варвар не смог подавить стоны. Он не имел понятия, сколько часов он провисел. Круг света на полу и темнота вокруг не менялись и не давали представления о ходе времени.

Ноги Конана коснулись пола, и колени, не выдержав, подогнулись. Конан растянулся на каменном полу во весь рост. Сделав усилие, он попытался хотя бы опереться на руки, но кровь отхлынула от них так давно, что они совершенно онемели и только беспомощно подергивались.

Те самые люди, что недавно поработали над ним с кнутами, торопливо вошли в круг света и стали снимать цепи. Ослабевший киммериец попытался сопротивляться, но ничего поделать не смог. Тюремщики тем временем сковали ему руки за спиной, а щиколотки со-

единили тяжелой железной цепью. Человек со шрамом от ожога помалкивал и держался по-прежнему бесстрастно, зато второй, с неуместно добродушной рожей, болтал чуть ли не дружески.

— Я уж думал, ты еще денек провисишь, за всеми хлопотами! Затяни-ка вот тут потуже, — добавил он, обращаясь к напарнику. — Этот малый очень опасен... — Молчаливый только буркнул что-то и продолжал забивать молотком заклепку в кандалы на левой руке Конана.

— Мои люди?.. — прохрипел киммериец. В горле у него было сухо, как в гончарной печи.

— О-о, твои люди наделали шуму. — И круглолицый неодобрительно рассмеялся. — Отбились от Золотых Леопардов, которых послали арестовать их. Отбились и исчезли. Недооценили Леопарды твоих молодцов! В другое время небось тарарам был бы еще тот, да только сегодня с восходом солнца успело случиться больше, чем со дня восшествия Гариана на трон. Можешь себе вообразить: для начала король изгнал из города под страхом смерти всех своих старых советников. Потом учредил титул Верховного Советника Немедии. Полномочий у этого Советника — почти как у короля. И кого же он назначил на эту должность? Господина Албануса, того самого, у которого глаза — бр-р! — больше я ни у кого таких не видал. И до кучи объявил наш король свою наложницу знатной дамой! Вообрази только, эта белобрысая шлюха — хлоп! — и знатная госпожа! И что? А ничего. Хотя бы кто из знати слово сказал. А все потому, что она, чего доброго, еще королевой станет. Н-да. Ну, про беспорядки на улицах я уж и вовсе молчу... Давай остальное, Струто!

Молчаливый опять неразборчиво бормотнул и неуклюже двинулся прочь.

Конан еще раз облизнул пересохшие губы: во рту не было ни капли слюны.

— Беспорядки?.. — наконец выдавил он.

Круглолицый кивнул:

— По всей столице. — Осмотревшись, как будто кто-нибудь мог их подслушать, он шепотом добавил: — Требовали, чтобы Гариан отрекся от престола! Во дела, а? Может, поэтому Гариан и избавился от старых советников. Так сказать, кинул им кость. Пускай скажут спасибо, что Золотых Леопардов на них не спустил...

Люди Арианы все-таки перешли к действиям, подумал Конан. Может, даже перемен каких-то добьются, — если верить тюремщику, кое-чего вроде уже и добились, — вот только к лучшему или к худшему будут те перемены? Каждое слово стоило Конану невероятных усилий, но все-таки он спросил:

— У них... были... вооруженные... люди?

— Все думаешь о своем отряде, парень? Нет, обычная уличная чернь, хотя, как я слышал, на удивление многие были с мечами или другим оружием. Эй! Струто! Пошевеливайся!

Тюремщик со шрамом возвратился и принес длинный шест, который они вдвоем всунули Конану между спиной и руками. Широкими ремнями шест привязали к его рукам выше локтей. Из мешочка на поясе круглолицый достал кожаный кляп и засунул его варвару в рот. Тесемки от кляпа завязали на затылке.

— Пора вести тебя к королю, — сказал волосатый Конану. — Что уж там они собираются над тобой сотворить, не мое дело, но, честное слово, лучше бы тебе остаться под крылышком у госпожи Тианы. Верно, Струто? — Он затрясся от смеха. Струто равнодушно взирал на напарника. — Так что, варвар, советую тебе поскорее примириться со своими Богами. Двинулись, Струто!

Ухватившись за концы шеста, тюремщики подняли Конана на ноги. Они наполовину несли его, наполовину подталкивали. Одолев грубо вытесанные каменные лестницы подземелий, они вступили на мраморные полы Дворца. К тому времени, когда они добрались до парадных залов, киммериец почувствовал, что ноги вновь стали как следует слушаться его. Тогда он гордо отверг поддержку тюремщиков и

пошел сам, мелкими шажками, насколько позволяла цепь на ногах.

Круглолицый посмотрел на него и засмеялся:

— Торопись поскорее разделаться со всем этим, а?

Тюремщики позволили Конану самому волочить ноги, но шест не отпустили... Губы варвара тронула мрачная улыбка. Они думают, что удержат его своим шестом! Пусть думают. Да захоти он, он этим же дрыном снесет с ног-обоих. Вот только зачем? Он в цепях и в самом сердце Дворца. Терпение... Конан принялся потихоньку шевелить связанными руками, оживляя мышцы. Мало ли, вдруг пригодятся.

Тюремщики и Конан шли необычно пустынными коридорами. Только рабы, как всегда, торопливо пробегали, прижимаясь к стенам. Знать, разодетая в шелк и бархат, вся куда-то подевалась. Трое мужчин шли прямо по середине коридора...

Вот они свернули в просторный зал, высокий сводчатый потолок которого поддерживали пилястры, и здесь навстречу им попалась другая группа людей. Под бдительным надзором двух стражников ковылял Гракус, Галлия и еще трое из «Фесты». Все пятеро были с кляпами во рту и с руками, связанными за спиной.

При виде Конана глаза Гракуса полезли на лоб, а Галлия так и шарахнулась от могучего киммерийца.

Один из стражников крикнул тем, что держали Конана:

— Этих отправляют на рудники!

— Все лучше, чем то, что ждет нашего парня, — засмеялся круглолицый.

Стражники дружно заржали и подтолкнули узников дальше. Молодые повстанцы, оборванные и грязные, поспешили пройти мимо Конана; похоже, они боялись его не меньше, чем стражи.

Киммериец не обратил на них особого внимания.

Он не собирался сводить с ними счеты за то, что они его оболгали. Мало кто из мужчин, а уж о женщинах и говорить нечего, устоит, оказавшись в

руках умелого палача. К тому же Веджент и без них засадил бы его в тюрьму. Уж придумал бы какой-нибудь способ...

Впереди, в конце зала, распахнулись резные створки огромных дверей. Отодвинулись в стороны шестеро стражей в золотых плащах, и Конан вступил в тронный зал Немедии.

Куполообразный алебастровый потолок поддерживали двойные ряды изящных канелированных колонн. С потолка на серебряных цепях свисали золотые лампы. Полированные мраморные стены сияли, отражая яркий свет. Весь пол был одной большой мозаикой, представлявшей картины из немедийской истории. Тут Конан наконец понял, почему Дворец был так пуст. Все вельможи при полном параде собрались здесь. Темноглазые господа в бархатных одеяниях и с золотыми цепями на шее. Ухоженные дамы, чьи шелковые платья переливались драгоценными самоцветами. От высоких дверей к Трону Дракона был оставлен широкий проход. Золоторогая голова Дракона возвышалась над сидящим на троне человеком. Крылья Дракона, все в драгоценных камнях, были приспущены и как бы обнимали сидящего. А на голове у того была Корона Дракона.

Конан медленно пошел по проходу. Тюремщики хотели поторопить его, но не вышло. Киммериец не собирался спотыкаться и путаться в цепях, потешая придворных. Достигнув трона, варвар дерзко выпрямился и посмотрел прямо в лицо Гариану. Тюремщики попытались поставить Конана на колени, но он остался стоять. По залу пробежал шепот. Бросившись вперед, стражники стали бить киммерийца черенками копий по спине и ногам. Как Конан ни сопротивлялся, встать на колени ему все же пришлось.

Гариан безучастно взирал на все происходившее. Когда возня завершилась, он встал с трона, поправил затканный золотом плащ.

— Этого варвара, — провозгласил он громко, — мы взяли во Дворец и удостоили нашего внимания. Увы,

мы пригтели змею на груди. Наше доверие было самым отвратительным и подлым образом предано...

Король продолжал бубнить дальше, но тут внимание Конана привлек вельможа, стоявший чуть позади Трона Дракона. Одна рука его вполне по-хозяйски покоилась на спинке трона. Король говорил, а вельможа кивал головой, как учитель, одобряющий ответ ученика. На шее этого господина на золотой цепи висела Печать Немедии... Значит, это и есть Высший Советник Немедии, господин Албанус. Конан без труда узнал его лицо, отмеченное печатью жестокости и властолюбия. Это был тот, третий, чью тайную встречу с Тэрасом и Веджентом он когда-то нарушил. Да что они, с ума все посходили в этой Немедии?..

— Итак, за его преступление мы назначаем древнюю казнь, — похоронным голосом и почти нараспев заключил король.

Тут Конан как будто очнулся. И обратил внимание, что лицо Гариана совершенно ничего не выражало. Полное спокойствие, и все! А ведь как он печалился и переживал, когда варвара брали!

— Когда в следующий раз солнце взойдет и поднимется к зениту, пускай неудачливого царевубийцу бросят волкам. Да разорвут звери зверя!

Как только замер последний звук, Конана подняли на ноги и поспешно увели из тронного зала. Даже круглолицый болтун тюремщик не промолвил ни слова. Киммерийца снова водворили в темницу, на сей раз — в маленькую камеру, каменный пол которой был устлан грязной соломой. Палку из-под рук и кляп вынули, но все цепи оставили. Даже добавили еще одну, от лодыжек к кольцу в стене...

Тюремщики ушли, и Конан принялся осматривать новое помещение. Вытянувшись во весь рост на животе, он мог бы достать до тяжелой деревянной двери, да вот беда — руки были скованы за спиной. И даже окажись они свободны, ухватиться было решительно не за что. К тому же варвар сильно сомневался, что сумел бы выломать мощные железные петли. Стены

камеры были сложены из грубого камня. От времени узенькие полоски извести между камнями уже начали крошиться и осыпаться. Будь под рукой инструменты, можно было бы вытащить несколько камней и убежать... годика этак через два. В гнилой соломе не нашлось ничего, кроме наполовину обглоданной дохлой крысы. Киммериец невольно задумался: кто не доел крысу — другие такие же крысы или его предшественники? Отбросив ногой крысиные останки в дальний угол, варвар в душе понадеялся, что ему не придется долго сносить вонь.

Едва он успел прислониться спиной к стене и кое-как устроиться, как в большом железном замке загремел ключ и дверь скрипнула, открываясь. Киммериец искренне удивился, увидев, что к нему в камеру, подбирая полы бархатных черных одежд, чтобы не запачкаться о грязную солому, входит Албанус. За ним в дверях маячила фигура короля в золотой парче. Гариан вертел головой, с интересом разглядывая солому и каменные стены. Один раз он взглянул и на Конана, но мельком, как будто варвар был неотъемлемой частью камеры, вроде соломы и камня стен.

Первым заговорил Албанус:

— Ты знаешь меня, не так ли?

— Ты — господин Албанус, — уклончиво ответил Конан.

— Ты знаешь меня, — продолжал чародей. На этот раз он не спрашивал, а утверждался в своих подозрениях. — Этого-то я и боялся. Хорошо, что я не стал медлить...

Конан напрягся всем телом.

— Ты? — Варвар перевел взгляд на Гариана.

Зачем это понадобилось Албанусу делать такие признания в присутствии короля?

— Не жди от него помощи, — засмеялся Албанус. — Некоторое время, варвар, ты мне сильно мешал. Не больно-то, однако, похоже, чтобы ты в самом деле был орудием Богов. Волки покончат с тобой! Ты сумел доставить мне только одну настоящую неприятность,

да и ту вполне исправила девушка, которую ты подослал ко мне искать скульптора. Нет, ты не орудие Богов. Ты — ничтожная козявка...

— Ариана! — резко перебил Конан. — Что ты с ней сделал?

Вельможа с обсидиановыми глазами жестоко засмеялся:

— Пойдем отсюда, король Гариан!

— Что ты сделал с Арианой? — закричал варвар вслед уходящему Албанусу. Король чуть задержался, оглядываясь на киммерийца. Конан почти готов был умолять короля об ответе, насколько он вообще был способен молить.

— Скажи мне, что он сделал...

Конан не успел толком договорить: король бесстрастно повернулся и вышел. Скрипнула и закрылась дверь. Ошеломленный варвар откинулся обратно к каменной стене...

С первого же мгновения, когда, войдя в коронный зал, он увидел короля, он почувствовал, что с тем что-то не так, Гариан какой-то странный. Тогда киммериец подумал, что ему показалось. Когда тебе зачитывают смертный приговор, еще и не то может почудиться. Но теперь Конан отчетливо заметил кое-что определенное. *На щеке Гариана не было синяка!* Не такой человек король, чтобы по-женски скрывать синяк на щеке при помощи пудры и притираний. Нет у него и придворного колдуна, способного быстренько стереть синяк при помощи заклинания и горящей свечи. И сам по себе синяк еще не успел бы пройти... Мелочь, казалось бы.

Однако из нее следует, что тот, кто сидел на Троне Дракона и вынес варвару смертный приговор — вовсе не Гариан.

Голова киммерийца пошла кругом от таких мыслей. Надо разобраться, и поскорее. Албанус замышлял восстание. Так. И он же стал Советником короля, который вовсе не Гариан. Но только прошлой ночью в комнатах Веджента варвар видел настоящего Гариана. В этом Конан был уверен. Дело нечисто, не обошлось без кол-

довства, киммериец чуял это так же ясно, как вонь гниющей соломы под ногами...

Терпение, одернул Конан сам себя. Все равно ничего нельзя сделать, пока я закован в цепи и заперт в камере. Все будет зависеть от того, снимут ли эти оковы, перед тем как бросить волкам. Если воля человека не порабощена, а руки свободны, то даже среди волков можно натворить дел. О чем, вполне возможно, Албанусу и придется в итоге пожалеть...

Сулария лежала лицом вниз на усталенной полотенцами скамье. Умелые руки рабыни втирали в ее спину душистые масла. Госпожа Сулария, думала про себя светловолосая красавица, с наслаждением потягиваясь. Как же это восхитительно — стоять в тронном зале среди знатных вельмож и дам. Это вам не в толкучке у задней стены среди прочих наложниц. Сулария понимала, что если ее и признали, то только из страха. Все теперь приветствовали ее с рабской почтительностью и стыдливо, заискивающе улыбались. Ну что ж, так, пожалуй, еще и приятнее. Те самые люди, которые раньше часто обращались к ней как к рабыне, теперь волей-неволей поменяли тон и почтительно разговаривали с госпожой Суларией. А то ли еще будет!.. В самом деле: если уж она сумела подняться от любовницы до знатной дамы, почему бы потом не встать рядом с Албанусом? Королева Сулария...

Улыбнувшись этой мысли, она повернула голову на сложенных руках и посмотрела на служанку, пухлую седовласую женщину. Та была единственной во Дворце, кому Сулария доверяла... Вернее сказать, меньше всего не доверяла.

— Что, Латона? Она все еще ждет? — спросила Сулария.

Седая женщина деловито кивнула:

— Уже час как ждет, госпожа. Никто не посмеет ослушаться, если ты приказала прийти.

Сулария самодовольно кивнула:

— Позови ее сюда, Латона. Потом займись моими волосами.

— Да, хозяйка. — Служанка хихикнула и поспешила за дверь. Возвратилась она вместе с госпожой Джеланной.

Вошедшая дама подозрительно покосилась на служанку, уже трудившуюся над волосами своей хозяйки.

Сулария же сияла довольством, как кошка перед мисочкой, до краев наполненной свежих сливок. Слуги оставались в комнате, только если прием оказывался кому-нибудь ниже по чину. Джеланне опять пришлось стоя ждать, и было видно, что высокомерия у нее значительно поубавилось.

Но не до конца. Она требовательно спросила:

— Зачем ты позвала меня сюда, Сулария?

Блондинка только вопросительно подняла бровь.

Джеланна мгновенно поправилась:

— Госпожа Сулария! — При этом губы женщины скривились, как будто в рот попала какая-то гадость.

— Ты с детства росла во Дворце, не так ли? — начала Сулария самым любезным тоном.

— Так, — коротко ответила Джеланна.

— Играла в прятки в его коридорах, резвилась в садах, плескалась и брызгалась в его фонтанах. Все твои желания исполнялись по первому слову...

— Ты пригласила меня, чтобы вспомнить детство? — спросила Джеланна.

— Нет, — резко возразила Сулария. — Не пригласила. Я приказала прийти. Знаешь ли ты Энаро Остриана?

Если властная красавица и была удивлена вопросом, то не подала виду.

— Эту омерзительную маленькую жабу? — презрительно фыркнула Джеланна. — Я слышана о купцах, но сама с ними не знакома.

— Он подыскивает себе жену. — К Суларии вернулась довольная кошачья улыбка.

— В самом деле?

— Молодую жену знатного происхождения. — Сулария увидела, что стрела попала точно в цель, и

продолжала загонять ее все глубже: — Он не в состоянии купить титул, поэтому хочет хотя бы жениться на знатной. И, конечно, ему нужны сыновья. Много сыновей. Гариан, — солгала она, — просил меня подыскать подходящую невесту...

Джеланна в нерешительности облизала полные губки.

— Я бы хотела, госпожа Сулария, — сказала она с дрожью в голосе, — извиниться, если я тебя чем-нибудь обидела...

— Знаешь ты человека по имени Дарио? — властно спросила Сулария. — Королевского псаря?

— Нет, моя госпожа, — кое-как выговорила Джеланна.

— Мне говорили, он гадок и вонюч и в прямом смысле, и в переносном. Рабыни, живущие во Дворце, прячутся от него. Он не просто груб с женщинами, он любит причинять боль. — Сулария помолчала, наблюдая, как проявляется на лице Джеланны охвативший ее ужас. — А теперь подумай, что лучше: одна ночь с Дарио или вся жизнь с Осторианом?

— Ты сошла с ума, — с трудом разлепила губы стройная дама. — Не желаю больше слушать тебя. Я уезжаю в свое поместье за городом. И даже будь ты королевой, ты могла бы катиться в любую из преисподних Зан...

— За дверями тебя ждут четыре солдата, — перебила ее Сулария. — Они проводят тебя к Дарио или к брачной постели. Больше никуда.

Остатки высокомерия исчезли с лица Джеланны.

— Пожалуйста, — прошептала она в отчаянии. — Я буду унижаться, если ты пожелаешь. Перед всем двором я на коленях буду просить прощения за...

— Выбирай скорей, — промурлыкала Сулария, — иначе за тебя решу я. Солдаты сегодня же могут доставить тебя к Осториану. С записочкой, что ты, мол, считаешь его омерзительной гадиной. — В голосе ее зазвенела сталь. — Выбирай!

Джеланна покачнулась и чуть не упала.

— Я... Я выбираю Дарио, — прорыдала она.

Несколько мгновений Сулария смаковала слова, которые ей так давно хотелось произнести. И наконец она произнесла их вслух:

— Убирайся, сука, в свою конуру!

Джеланна выбежала из комнаты. Смех Суларии звонко отдавался в стенах комнаты. Нет, что за изумительная штука власть!

Глава 22

Когда вновь открылась дверь его камеры, Конан сперва подумал, что Албанус решил прикончить его на месте, пока еще не сняты кандалы. Двое мужчин с натянутыми арбалетами проскользнули в открытую дверь и встали по обе стороны, нацелив на варвара свое оружие.

Киммериец только начал размышлять, как бы постоять за себя в этой ситуации, но тут в дверях появился круглолицый тюремщик и, по обыкновению, сразу начал болтать:

— Солнце уже высоко, варвар. Пора тебе собираться к волкам в яму. Мы со Струто сейчас снимем с тебя цепи, но учти: если вздумаешь проказничать, эти двое прострелят тебе ноги. Так что либо пойдешь сам, либо тебя потащат. Дошло?

Конан угрюмо покосился на него и сделал вид, что его все это мало интересует.

— Валийте, снимайте цепи, — проворчал он, кровожадно сверкая глазами на арбалетчиков.

Расковывая варвара при помощи молотка и зубила, тюремщики располагались так, чтобы арбалетки могли в любой момент выстрелить. А киммериец недоумевал про себя: неужели они в самом деле держали его за непроходимого дурака? Он вполне мог бы свалить обоих тюремщиков, а с ними и арбалетчиков, несмотря на их выгодную позицию. Но до его слуха уже доносились размеренные шаги: насколько можно

было судить, к камере приближался не очень большой, но и не маленький отряд людей. Помереть проще пареной репы, но только дурак выбирает бесславный конец.

Потирая запястья, Конан гибким движением поднялся на ноги и позволил вывести себя из камеры. За стенами камеры стояли в ожидании целых два десятка Золотых Леопардов.

— Куда столько много, — внезапно сказал Струто.

Конан только моргнул. Он-то уже думал, что у этого тюремщика просто нет языка.

Круглолицый был удивлен ничуть не меньше Конана: надо же, его напарник заговорил. Он ответил:

— В ту ночь, что его брали, он чуть не расшвырял почти такой же отряд. Ты знаешь, я не люблю, когда узники сбегают. Поэтому я и попросил удвоить стражу. Ладно, пошевеливайтесь! Король ждет!

Половина солдат зашагала впереди варвара, половина — сзади, тюремщики — по обе стороны от него. Арбалетки замыкали шествие. Оттуда им удобно было стрелять, куда бы киммериец ни побежал. В таком порядке они и прошли наверх во Дворец и дальше по коридорам, в которых опять не было видно никого из придворных.

Конан шагал среди солдат, как посреди почетного караула. Со стороны могло показаться, что шел он вовсе не на казнь, а на собственную коронацию. Между тем у киммерийца не было и тени надежды на спасение. К волчьей яме наверняка придут Албанус и лже-Гариан. Умереть, убив при этом и их двоих, — чем не достойная смерть?

Конвой миновал знакомые Конану покои Дворца и двинулся дальше. Полированный мрамор и алебастр сменились простым тесаным гранитом, а потом и вовсе диким камнем, вроде того, в котором были вырублены темницы. Лампы из золота и серебра уступили место факелам в железных скобах.

Бросить преступника в волчью яму на растерзание зверям — эта казнь была, действительно, древней. Ее

не использовали со времен Брагораса, правившего девять столетий назад. Судя по тому, как здесь все выглядело, несколько веков в эту часть Дворца вообще никто не заходил. Чертоги носили следы поспешной приборки: здесь и там с потолка свисали остатки паутины, возле стен сохранились хлопья пыли. Конан успел задуматься, зачем Албанусу понадобились такие хлопоты с казнью, ведь Гариан был заменен двойником?.. И в это время процессия с варваром вошла в круглый зал, где помещалась волчья яма.

Зал этот был сложен из того же дикого камня, но настолько искусно, что едва ли не превосходил любую из алебастровых комнат Дворца. Круглый купол потолка поднимался высоко вверх без каких-либо опор или колонн. Внизу, посреди зала, была устроена яма, а вдоль стен тянулся широкий круговой проход, отгороженный от ямы каменными перилами высотой человека по пояс. Здесь стояли огромные, высотой в два человеческих роста, трехногие лампы. В проходе толпилась немедийская знать. Вельможи весело смеялись, и мужчины и женщины. Они как будто пришли в цирк посмотреть веселое представление...

При появлении Конана все расступились, освобождая дорогу к перилам. Солдаты следовали за варваром по пятам. Не ожидая приказа, киммериец вскочил на перила и оттуда неторопливо обозрел тех, кто пришел полюбоваться его смертью. Под его ледяным синим взглядом весело галдевшая знать постепенно замолкла. Они чувствовали, что Конану было глубоко наплевать на их титулы и родословные. Они были стаей павлинов; он был орлом.

Прямо напротив киммерийца, по другую сторону каменной ямы, стоял двойник короля. По правую руку лже-Гариана красовался Албанус в одежде цвета полуполночного неба, по левую — Веджент. На его лице под шлемом с красными перьями все еще видны были синяки. И Сулария, разодетая в алый шелк и рубины, тоже была здесь. Конан удивился про себя: и с чего это он взял, будто она не придет?..

Как раз под ногами королевского двойника виднелись ворота в рост человека. Оттуда в яму выпустят волков. Однако покамест не было видно ни одного приносящегося носа, просунутого между железными прутьями ворот, не было слышно голодного визга и ворчания. Варвар пригляделся: решетку отодвигала в сторону сложная система цепей. А что, сказал себе Конан, может, и не придется ныне умирать?

Албанус тронул за руку человека с Коронай Дракона на голове, и тот послушно заговорил:

— Мы собрали вас здесь, дабы...

Боевой клич Конана раскатился под каменным сводом. Из толпы донеслись крики и визг: киммериец вскинул над головой могучие руки и прыжком бросился вниз. Солдаты протиснулись к самым перилам, растолкав господ; арбалетки снова прицелились. Конан прошелся по устланному соломой дну ямы со всей самоуверенностью молодости, которая не знавала поражений в равных схватках и даже в неравных — далеко не всегда. Албанус дал знак, и стража отодвинулась назад.

— Глупцы! — насмеялся Конан над высоким собранием. — Пришли посмотреть, как умирает настоящий мужчина? Среди вас я, признаться, ни одного стоящего мужика что-то не вижу. Только я тут не затем, чтобы этот шут в короне меня до смерти заговорил. Валяйте казните, мать вашу! Что, печенки ссохлись? Кишка тонка?

Варвару ответили из толпы возмущенными криками.

Албанус шепнул что-то подставному королю. Тот, в свою очередь, произнес вслух:

— Раз ему так не терпится умереть, выпускайте волков.

— Выпустить волков, — закричал кто-то еще, передавая королевскую команду. — Быстро! — И ворота плавно заскользили вбок.

Конан не стал ждать появления первого волка. К несказанному изумлению публики, он ринулся прямо в туннель, во все горло выкрикивая военный клич свое-

го народа. Позади него с криками ярости прыгивали в яму вельможи, готовые схватить и своими руками убить варвара, осмелившегося подвергнуть сомнению их мужество.

Ворвавшись в темноту туннеля, Конан оказался посреди рычащей, огрызающейся стаи. Звери класали на него острыми, как бритвы, зубами. Другого человека разорвали бы мгновенно, но только не Конана! Он отвечал на рычание рычанием не менее яростным. Пудовые кулаки киммерийца крушили налево и направо, только хрустели кости огромных, с тельца, зверей. Стиснув мертвой хваткой очередную рычащую глотку, Конан изо всех сил бил волка головой о низкий каменный потолок, вышибая мозги...

Ну и досталось же волкам в адской трубе темного туннеля! Молодой великан, противостоящий зверям, был столь же дик, свиреп и жесток, как и они сами. Конан неудержимо прокладывал себе путь через стаю в глубь туннеля, а волки понемногу стали проскальзывать мимо него в сторону ямы, ища добычу полегче. Гневные крики вельмож превратились в неразборчивые вопли ужаса: обрызганные кровью волки стали гоняться за ними по яме, настигая и сшибая с ног.

Конан увидел впереди свет.

— Засранцы лохматые, — донесся оттуда ворчливый голос. — Вас спустили убить какого-то безмозглого варвара, вот и рвали бы его, а не один другого...

Тут говорящий запнулся, увидев приближавшегося киммерийца. Человек этот стоял возле приоткрытых ворот на другом конце туннеля. В руке он держал копье; вместо того чтобы отступить назад и захлопнуть ворота, человек сделал глупость: ткнул в Конана копьем.

Киммериец перехватил копье обеими руками и с легкостью вырвал его у нападавшего. Тот только рот открыл от удивления, а Конан уже выпихнул его за ворота, как следует наподдав черенком копья в грудь, и сам выскочил следом. Волчий хранитель живо вскочил: в руке он сжимал кривой клинок в локоть длиной. Он попытался ударить...

Копье плавно повернулось в сильных руках киммерийца. Ему и делать ничего не пришлось. Нападающий сам набежал на острие, да так, что весь наконечник вышел у него из спины. Предсмертный крик ужаса, удивления и боли вырвался из глотки волчьего хранителя.

— Этого варвара твои волки не задерут, — проворчал Конан, потом осознал, что его уже никто не слышит.

Киммериец опустил копье, и проколотый человек рухнул на пол. Потом Конан тщательно закрыл ворота: поставил на место толстую железную задвижку и закрепил ее болтами. Пусть-ка попробуют отпереть с той стороны, на это уйдет время. А он пока убежит. Впрочем, судя по крикам, воплям и рычанию, которые все еще эхом отдавались в туннеле, пройдет не так уж мало времени, пока солдаты справятся с волками и охваченными паникой вельможами, минуют туннель и достигнут ворот.

В помещении, где оказался Конан, не нашлось почти ничего подходящего для беглеца. На стенках, в ржавых железных скобах, коптели кое-как связанные тростниковые факелы. Они освещали шесть больших железных клеток на колесах. Никакого оружия, кроме кривого кинжала. Киммериец взял его себе. Было еще копье, но он оставил его торчать из тела волчьего хранителя. В узких древних каменных коридорах громоздкое оружие будет только обузой. Не нашлось даже тряпки, чтобы перевязать рваные раны, оставленные волчьими зубами. Только если оторвать от собственной набедренной повязки или от грязной, набухшей кровью рубахи мертвеца.

Спасибо и на том, что волчарник притащил сюда глиняный кувшин с вином и большую наперченную колбасу, чтобы было чем перекусить, пока его подопечные делают свое кровавое дело. Конан с жадностью набросился на еду. Он рвал колбасу зубами и запивал ее большими глотками кислого вина. Во рту у него не было ни крошки, ни капли с тех пор, как его арестовали. Тюремщики, без сомнения, полагали, что кормить

смертника — пустая трата. Оттолкнув опорожненный кувшин в сторону и сунув в рот последний кусок колбасы, киммериец прихватил с собой один из факелов и пошел искать выход из Дворца.

Очень скоро он понял, что идет по древнему и весьма запутанному лабиринту. Туннели поворачивали то влево, то вправо, петляли, множество раз пересекая сами себя и друг друга. Не удивительно, что тайные ходы под Дворцом оказались заброшенными; поди разберись в этой путанице, а толку...

Спустя некоторое время, проходя по какому-то темному залу, Конан увидел, что его следы пересекались с другими, тоже свежими отпечатками. Он наклонился, чтобы поближе рассмотреть их, и тут же с проклятием выпрямился. Это были его собственные следы... Он идет здесь уже второй раз! М-да, так можно ходить кругами сколько угодно, пока с голоду не помрешь.

С мрачной решимостью варвар двинулся дальше по своим следам, пока не дошел до развилки. След в пыли вел налево. Он пошел вправо. И что же? Немного погодя Конан снова увидел собственные следы. На этот раз он не стал тратить время на ругань. Поспешив к очередному повороту, варвар снова выбрал противоположное направление. И снова. И еще раз, и еще...

Ему показалось, что коридоры вели куда-то вниз, тем не менее Конан настойчиво продолжал идти. Ему приходилось прожигать себе дорогу через залы, сплошь забитые паутиной. От огня паутина с легким шорохом вспыхивала, освобождая дорогу. Если он повернет назад, шансов на спасение ведь не прибавится, а вот Золотых Леопардов он встретит почти наверняка.

Дойдя до очередной развилки, варвар машинально повернул вправо — влево уже вели его следы — и вдруг остановился. Впереди он увидел тусклое сияние, но это не был дневной свет. Легонько подскакивая, свечение приближалось.

Конан быстро повернул назад и нырнул в другой коридор. Неслышно ступая, он отбежал шагов двадцать и швырнул факел как можно дальше вперед. Пламя ярко вспыхнуло в полете, затем погасло. Киммериец остался в крошечной тьме.

Конан хищно пригнулся, повернувшись лицом к развилке и держа наготове кинжал. Если они пройдут мимо, он будет без света, но живой. Если же нет...

Рассеянный свет достиг развилки, потом стал ярче. Наконец появились двое, несшие факелы. В свободных руках у них было по мечу. Киммерийца чуть смех не разобрал. Ордо и Карела! Перед ним была та самая Карела, какой он знал ее давным-давно. Исчезли покрывало и серая одежда знатной немедийки. Их заменили золотые пластинки на груди и узкий пояс из золота и изумрудов, низко сидящий на округлых бедрах красавицы. С пояса свисали полоски бледно-зеленого шелка. Плечи Карелы окутывала изумрудно-зеленая туранская накидка.

— Ордо! — позвал Конан. — Если бы я знал, что ты придешь, я бы оставил тебе вина. — И как ни в чем не бывало варвар вышел им навстречу.

Те двое мгновенно повернулись, подняв мечи и факелы. Из другой развилки к ним уже спешили воины в кольчугах. Махаон, Нарус и еще множество знакомых лиц из Свободного Отряда. Они спешили в круг света, слышав голос своего вожака.

Ордо заметил рваные раны Конана, но не сказал о них ни слова.

— Непохоже на тебя, — голос одноглазого оказался чуть хриплым, — неужели-таки все и выпил один? Если поискать, может, найдется еще?..

Карела послала Ордо убийственный взгляд и сунула свой факел в руки Махаону. Нежными пальцами она прикоснулась к ранам варвара, морщась при виде синяков и запекшейся крови.

— Я был уверен, что ты передумаешь, — сказал Конан и потянулся к ней... чтобы получить весомую

пощечину. Карела мягко отступила назад, чуть приподняв клинок.

— Я так бросила бы тебя обратно к волкам, — прошипела она.

Откуда-то из темноты за спинами воинов послышался неразборчивый крик. Похоже, кого-то звали.

Потом прозвучал ответ. Наконец звуки замерли: перекликавшиеся люди прошли мимо.

— Они выслеживают меня, — спокойно сказал Конан. — Если вы знаете, как отсюда выбраться, давайте-ка сматывать удочки. Иначе будем иметь дело с сотней Золотых Леопардов, если не больше.

Бормоча что-то себе под нос, Карела вновь схватила свой факел, растолкала воинов Свободного Отряда и исчезла в коридоре, откуда все они только что вышли.

— Она одна знает дорогу, — быстро сказал Ордо. И поспешил за Карелой, за ним — Конан. Махаон и остальные потянулись следом, шаркая сапогами в многовековой пыли.

— Как ты пробрался во Дворец? — накинулся киммериец с расспросами на одноглазого. Они почти бегом поспевали за рыжеволосой красавицей. — И с чего бы это Карела решила открыться тебе?

— Лучше мне начать с самого начала, — пропыхтел Ордо. — После того как тебя арестовали, за нами сразу явились Золотые Леопарды и...

— Это я знаю, — перебил Конан. — Вы скрылись. Что дальше?

— Так ты слышал об этом?.. Ох, стар я стал для такой беготни, киммериец... — Впрочем, бородач хоть и отдувался, но с легкостью держался с Конаном наравне. — Я привел отряд в «Фесту», — продолжал он. — В эти дни Адские Врата стали едва ли не самым безопасным местом в Бельверусе. Все его жители ушли размахивать мечами и кричать на Верхних улицах о революции. Ну и, конечно, пограбить, когда удастся...

— А что ты хотел? — Конан мрачно усмехнулся. — Они бедняки, а тут такая возможность добраться до богачей. Давай лучше про Карелу...

Ордо потряс косматой головой.

— Она явилась в «Фесту» сегодня утром. Да нет, какое явилась! Вступила! Вплыла!.. Ну и видок у нее был! Как будто Рыжий Ястреб сейчас возглавит своих верных псов и отправится потрошить караван с золотом. Как я понимаю, ты уже знал, что она давно в Бельверусе?

— Я узнал об этом только в темнице, — ответил Конан. — Потом объясню.

Внезапно Карела остановилась и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до ржавой скобы для факела. Потом вроде как попыталась повернуть ее.

— Похоже на место, где входили, — вполголоса пробормотал Ордо. — Как и на двадцать других мест, где мы проходили.

Изумрудные глаза презрительно блеснули, и одноглазый сник...

Конан уже собирался было подойти и помочь Кареле, но тут скоба наконец с резким щелчком повернулась.

Немного поодаль на этой же стене виднелась еще одна скоба. Карела повернула и ее. За легким щелчком последовал более мощный звук из глубины стены: скрежет какого-то механизма, которым никто давным-давно не пользовался. Под эти звуки кусок каменной стены высотой в человеческий рост отошел, подрагивая, в сторону, и образовался проход, куда могли шагнуть разом не более двух человек. Дальше виден был уходящий вниз пролет лестницы, сложенный из грубых кирпичей.

— Если вы двое способны хоть ненадолго перестать болтать, как старухи, — язвительно заметила Карела, — идите за мной. Только осторожно. Некоторые кирпичи крошатся. Мне будет жаль, если ты сломаешь себе шею, киммериец. Я оставляю это удовольствие для себя... — И с этими словами она устремилась вниз по ступенькам.

Ордо неуверенно пожал плечами:

— Я же говорил, только она и знает дорогу.

Конан кивнул.

— Идите за мной, — сказал он Махаону, — и передай остальным, что ступеньки крошатся.

Седой сержант начал вполголоса передавать через плечо слова Конана тем, кто стоял сзади.

Вдохнув поглубже, киммериец пошел следом за Карелой вниз по темной лестнице. Единственный факел был в руках у Рыжего Ястреба, а она спустилась уже далеко вниз, и оттуда едва доходил тусклый свет. Вообще говоря, Конану не очень-то верилось, чтобы она явилась заманить его в западню и убить своей рукой, никому не уступив этой чести. А впрочем... сколько он ее знал, она и не такие номера откалывала.

Карела нетерпеливо ожидала в конце длинной лестницы.

— Все прошли? — властно спросила она, когда варвар появился в свете ее факела. Не ожидая ответа, она крикнула вверх: — Все прошли через вход?

Послышалось шарканье ног по камню, потом хриплый голос ответил:

— Мы прошли, но я слышу за нами топот сапог!

Карела преспокойно встала обеими ногами на какой-то камень. Под тяжестью ее тела камень опустился примерно на палец. Снова послышался скрежет механизма.

— Закрывается! — с радостным изумлением прокричал сверху тот же голос.

Карела подняла глаза на Конана.

— Дурачье, — сказала она. Похоже, она имела в виду всех мужчин вообще, но в первую очередь, конечно, киммерийца. — Оставайтесь или догоняйте, мне все равно, — проговорила Карела и быстро ушла в длинный туннель. Свет ее факела играл на влажных стенах.

Даже воздух здесь пропитан плесенью, подумал Конан, двинувшись за ней.

— Как я уже говорил, — продолжал Ордо, шагая рядом с киммерийцем, — она вошла в «Фесту», готовая возглавить отряд. Ни слова не сказала, где пропадала

и как узнала, что я здесь. Только пригрозила украсить мне шрамом другую щеку, если не отвяжусь со своими вопросами.

Единственный глаз бородатого выжидательно покоился на Конана, но молодой великан не отрывал взгляда от Рыжего Ястреба. Киммерийцу очень хотелось узнать, что на уме у рыжей красавицы. Почему все-таки она примчалась спасать его?

— А дальше? — рассеянно спросил варвар, когда до него дошло, что Ордо молчит.

Одноглазый обиженно буркнул:

— Ну никто ничего мне не рассказывает! С ней была другая женщина. Помнишь госпожу Джеланну? Так это была она. Только не такая надменная, как раньше. Ха, ее точно злые собаки кусали! Вся грязная, с синяками на шее и на руках, запуганная до слез. «Она не остановится! — стонала эта Джеланна. — Не остановится, пока совсем не сломит меня!» Карела все утешала дамочку, а на нас так сверкала глазами, будто это мы во всем виноваты.

— Кром! — вырвалось негромко у Конана. — Нельзя ли покороче? Какое отношение имеет Джеланна ко всей этой истории?

— Самое прямое. Это ведь она рассказала Кареле, как сюда пробраться. Госпожа Джеланна, похоже, выросла во Дворце. Играла в прятки и все такое прочее, как все дети. Так вот, иногда они играли в старой части Дворца, тогда-то она и обнаружила несколько тайных ходов. По одному из них она сама сбежала сейчас из Дворца. Уж так она рвалась поскорее уехать из столицы, ну, я и послал двоих из отряда проводить женщину до ее поместья за городом. А что я еще мог для нее сделать? Вот ведь показала нам, как найти тебя... Признаться, я уж думал, что в следующий раз мы с тобой встретимся за кружкой только в преисподней...

— И все-таки не возьму в толк, с чего это она мне помогает, — сказал Конан, кивком головы указав на Карелу, чтобы было понятно, кого он имеет в виду.

Не успел варвар закрыть рот, как рыжеволосая круто обернулась к нему.

— Волки слишком хороши для тебя, уродина, дылда из Киммерии! Если надо разорвать тебя на куски, я хочу сделать это собственными руками. Я хочу услышать, как ты будешь просить прощения, ты, варвар-ублюдок! Я первая наточила зуб на тебя, еще прежде этого козла Гариана!

Конан ответил ей спокойным взглядом, едва заметно улыбаясь:

— Карела, что ты остановилась? Дорогу потеряла? Если хочешь, я могу пойти впереди...

Она фыркнула и замахнулась факелом, будто собираясь огреть им варвара.

— Вон оно! — крикнул Ордо, показывая на несколько ступенек вверх, только что освещенных факелом Карелы. Ступеньки вели к потолку и кончались там. В голосе Ордо звучало величайшее облегчение. — Пойдем, киммериец, — продолжал одноглазый, быстро ведя Конана мимо разъяренной разбойницы. — Мы с трудом положили эту штуку на место. А то вдруг сверху посмотрят и заметят что-нибудь. Думаю, мы с тобой вместе сможем поднять плиту... — И добавил свирепым шепотом: — Придержи язык, приятель. Она и так взбесилась, как ошпаренная кошка, еще с тех пор, как Махаон и остальные балбесы заявили ей, что знать не знают Рыжего Ястреба и никогда про него не слыхали...

Конан едва не захохотал в голос, но заметил свирепый оскал Карелы, наблюдавшей за ними, и спрятал смех за приступом притворного кашля.

— Что там, с другой стороны? — спросил варвар. — Где это? Есть ли там люди? Драться придется?

— Боже упаси, — засмеялся Ордо. — Ну-ка, подставляй плечо.

Ступеньки, казалось, просто уходили в каменную плиту потолка. Сюда-то Ордо и позвал Конана. Нажав плечом на плиту, варвар приподнял ее. Потом с помощью Ордо отодвинул камень в сторону и

осторожно выбрался наверх. Густой аромат благовоний наполнял воздух. За киммерийцем вылезли воины с факелами, и стало видно, что помещение без окон и сплошь заполнено бочками и тюками. Несколько тюков было развязано, и наружу торчали ароматические палочки.

— Никак храм? — недоверчиво спросил Конан. — Коридор выходит в погреб храма?..

Ордо засмеялся и кивнул. Жестом призвав всех к тишине, одноглазый взобрался на деревянную лестницу, приделанную к стене, и осторожно поднял крышку люка. Он высунул только голову и быстро осмотрелся. Потом показал всем, что можно вылезать, и вскарабкался наверх.

Конан поспешил за ним. Серебряные лампы распространяли неяркий свет. Варвар оказался между большой прямоугольной глыбой мрамора и уходящей ввысь затененной статуей, и тут до него дошло, что он стоит между камнем алтаря и изображением Эребуса. Киммериец вздрогнул. Открытие было не из приятных. Сюда допускались только посвященные жрецы. А, да что там! Одним смертным приговором больше, одним меньше, какая разница?

Остальные тоже не замедлили выбраться из погреба. Дальше путь их лежал через узкие залы, отделанные бледным мрамором, во дворик за храмом. Там их ждали еще двое из Свободного Отряда, охранявшие лошадей. Конан несказанно обрадовался, что и для него припасли кольчугу, шлем и кривую саблю. Он быстро облачился в доспехи.

— К тому времени, — сказал Ордо, вскакивая в седло, — когда они додумаются искать тебя вне пределов Дворца, мы будем уже за стенами города.

— Рано уезжать, — спокойно возразил Конан. Он поправил на голове шлем и тоже вскочил на коня. — Ариана в руках Албануса.

— Еще одна женщина? — с угрозой сказала Карела.

— Она немало помогла Ордо и мне, — объяснил ей Конан, — и у Албануса в лапах оказалась, в общем,

из-за нас. Я поклялся, что в любом случае вытащу ее оттуда живую и невредимую. И я сделаю это.

— Да чтоб ты сдох со своими клятвами, — пробормотала Карела. Тем не менее, когда варвар поскакал прочь из Дворца, она первая последовала за ним...

Глава 23

Солнце заливало ярким светом послеполуденный Бельверус. То тут, то там в безоблачное небо поднимались темные клубы дыма. Это горели дома богатей, до которых добралась охваченная революционным порывом чернь. Иногда ветер доносил далекий шум разъяренной толпы. Шум был невнятен, но больше всего напоминал рык голодного зверя.

Конан с отрядом скакал через столицу ко дворцу Албануса, и по дороге им пришлось увидеть одну из таких толп достаточно близко. Чуть поменьше сотни оборванцев, мужчин и женщин, ломилось в запертые двери и зарешеченные окна какого-то дома. Орудовали они топорами, мечами, камнями и просто голыми руками. Грабители и Свободный Отряд заметили друг друга почти одновременно. Сердитое ворчание пробежало по толпе: казалось, подобные звуки не могли исходить из человеческих глоток. Как крысы из сточной канавы, ринулись они на всадников. Глаза их горели ненавистью к любому, кто имел хоть немного больше, чем они сами. Даже если это небольшое было просто оружием. На бегу оборванцы размахивали мечами, и многие клинки были уже окровавлены.

— Луки приведут их в чувство, — крикнул Ордо.

Конан не был так в этом уверен. На лицах людей было отчаяние идущих на смерть.

— Вперед! — отдал команду варвар.

Проскакав дальше, отряд быстро оставил разъяренную чернь позади. Оборванцы, однако, оказались упорными преследователями. Позади всадников никого уже

не было видно, а возбужденные крики доносились еще немалое время.

Достигнув дворца Албануса, Конан не стал терять времени даром.

— Каждый третий остается с конями, — четко отдавал команды киммериец. — Остальные — через стену. Возьмите луки. Ты останься, — добавил он, увидев, что Карела направила коня к самой стене.

— А ты мне не указ, киммериец, — как плевок, полетело в ответ. — Иду куда хочу!

— Эрлик побери упрямых баб, — тихо сказал Конан, но спорить не стал.

Встав ногами на седло, он осторожно ощупал верх стены, ища место среди острых глиняных осколков, где можно было бы ухватиться, и взобрался наверх. Ордо, Карела и двадцать четыре воина последовали за ним с такой легкостью, как будто всю жизнь только этим и занимались. Со стены они увидели, как из сторожки выбежало с десятков воинов. Но несчастные успели сделать только несколько шагов. Прожужжав как шершни, стрелы уложили их наземь.

Глаза Конана сверкали, как синий лед. Он прыгнул внутрь двора и побежал мимо убитых. Краем уха он услышал, что остальные тоже прыгнули, но не это заботило его. Ариана! Ведь это его слова погнали ее к Албанусу. Долг чести требовал освободить ее. Хотя бы и ценой собственной жизни.

Подбежав ко дворцу, варвар одним ударом могучей руки распахнул запертую дверь. Она с треском ударилась о мраморную стену, и эхо многократно повторило грохот удара среди колонн прихожей. Звук еще не затих, когда перед Конаном вырос один из Золотых Леопардов, в шлеме и плаще. С мечом в руке он бросился на киммерийца...

— Ариана! — во все горло звал Конан, отражая атаки солдата. — Где ты, Ариана? — Меч варвара снес противнику полчерепа. Оттолкнув падающее тело ногой прочь с дороги, Конан поспешил дальше во дворец. — Ариана!..

Тут на киммерийца ринулся целая свора Золотых Леопардов. Конан неистово атаковал их. Его дикий военный клич звенел под сводчатыми потолками. Меч киммерийца резал и колол, как будто принадлежал демону или направлялся им. Солдаты в замешательстве отступили, причем трое из них остались лежать на полу мертвыми или умирающими. Как противостоять этому дикарю, великану из северных стран?.. Тем временем подоспели Ордо и остальные. Со свежими силами они накнулись на Леопардов. Свиристый оскал одноглазого вполне соответствовал ярости его атаки. Карела дралась с прирожденным изяществом, словно танцуя, клинок ее жалил как оса. И каждый раз возвращался к хозяйке окровавленным.

Последний Леопард упал на пол. Конан закричал:

— Вперед! Обыскать каждую комнату, каждый закоулок! Найти девушку по имени Ариана!

Сам он шагал по залам, как грозовая туча, как Бог мщения. Завидя его, слуги и рабы разбегались кто куда: одним своим видом Конан мог перепугать хоть кого. Пусть бегут, варвара интересовала только девушка. Но тут он заметил человека, который привлек его внимание. Седобородый управляющий пытался бежать, но Конан живо догнал его, сгреб за одежду и приподнял. Управляющий едва доставал ногами пол.

Весь вид варвара говорил, что неповиновение грозит смертью.

— Говори, управляющий! Где девушка по имени Ариана?

— Я... я не знаю никакой девушки...

Рука киммерийца вздулась мускулами, и ноги старика затрепыхались в воздухе.

— Девушка, — тихо проговорил Конан.

Бисерины пота усеяли лицо управляющего.

— Господин Албанус, — задыхаясь, выговорил он. — Он увел ее в Королевский Дворец...

С тяжким стоном киммериец отпустил старика, и того только и видели. Пусть бежит. Дворец!.. Как же пробраться к ней туда? Сможет ли он снова пройти по

тайным ходам из храма Эребуса? Ох, скорее всего, он проведет остаток жизни в этих древних лабиринтах и никогда не найдет выхода в новую часть Дворца...

За спиной варвар услышал шаги. Обернулся и увидел устремившегося к нему Ордо. Махаон и Карела шли следом.

— Махаон нашел кое-кого в темнице, — торопливо сказал Ордо. — Нет, не девушку! Мужчину, ну точь-в-точь король Гариан! И, что самое занятное, он божится, что он, мол, и есть...

— Ведите! — сказал Конан. Надежда вновь ожила в его сердце.

Темница под дворцом Албануса мало чем отличалась от любой другой. Грубый камень, мощные деревянные двери на ржавых петлях и тяжелый запах застарелой мочи и предсмертного пота. Но стоило киммерийцу заглянуть в камеру, к которой его привел Махаон, лицо варвара разгладилось, как будто перед ним был не застенок, а цветочный сад с фонтанами.

Оборванный, грязный мужчина, прикованный к стене, нерешительно пошевелился.

— Что, Конан, — сказал узник, — никак и ты заодно с Албанусом и Веджентом?

— Дэркетю! — вырвалось у Карелы. — Ну вылитый Гариан!

— Это и есть Гариан, — сказал Конан. — Синяк на его лице говорит сам за себя.

Гариан дотронулся до синяка, зазвенев цепями, и растерянно засмеялся:

— Ну и судьба: быть узанным по такому пустяку...

— Раз это Гариан, — спросила Карела, — то кто же тогда на Троне Дракона?

— Двойник, — ответил Конан. — У него нет синяка... Дайте-ка мне сюда молоток и долото. Быстро! — Махаон исчез и тут же вернулся со всем требуемым.

Конан встал на колени, чтобы долотом расклепать ножные кандалы. Король сказал:

— За это тебя ждет награда, варвар. Когда я возвращу себе трон, все, чем владеет Албанус, будет твоим.

Конан промолчал. Один мощный удар молотка — и заклепанный браслет распался. Конан занялся следующим.

— Вы должны помочь мне выбраться из города, — продолжал Гариан. — Если я доберусь к армии, все будет хорошо. Я вырос среди солдат. Они признают меня. Я вернусь во главе десяти тысяч клинков и вышвырну Албануса из Дворца...

— И начнешь гражданскую войну, — проговорил Конан. И освободил вторую ногу короля, как и первую, одним ударом. — Двойник — твоя копия. Многие поверят, что он и есть ты. И в особенности потому, что на Троне Дракона именно он. Может быть, даже армия не окажется столь великодушна, как ты думаешь.

Ордо застонал:

— Нет, киммериец! Это совсем не наше дело. Давай лучше сматываться, и чем дальше отсюда, тем лучше...

Но Конан и король не обратили на него внимания.

Король молчал, пока варвар снимал с него ручные кандалы. Потом Гариан негромко спросил:

— Что ты предлагаешь, Конан?

— Войти снова во Дворец, — киммериец сказал это так, будто речь шла о самой простой вещи. — И открыто изобличить двойника. Не все же Золотые Леопарды переметнулись. Ты можешь вернуть себе трон, не пустив в ход ни одного меча вне стен Дворца...

Варвару показалось неблагоприятным упоминать о черни, бесчинствующей на улицах.

— Дерзкий план, — задумался Гариан. — Полагаю, большинство Золотых Леопардов в самом деле осталось мне верно. Я подслушал разговор тех, кто караулил меня здесь... Что ж, так мы и сделаем. Я отвоюю трон, киммериец, но ты уже завоевал мою бесконечную благодарность! — Царственная манера держаться постепенно возвращалась к Гариану. Он оглядел грязные отрепья, что были на нем, и было похоже, что его позабавил собственный вид. Улыбнув-

шись, он сказал: — Но если мне придется идти во Дворец, надо, по крайней мере, умыться и одеться, как подобает королю.

И Гариан пошел вон из темницы, громко требуя горячей воды и чистой одежды. Конан нахмурился. Он и сам не понимал, почему последние слова короля вызвали в нем такое беспокойство. Но времени размышлять об этом у него не было. Главное сейчас — Ариана!

— Киммериец, — мрачно сказала Карела, — если ты воображаешь, будто я так прямо и поскачу бок о бок с тобой обратно во Дворец, то ты даже глупее, чем я думала. Это же смертельная ловушка!

— А я тебя не просил со мной скакать, — ответил он. — Я только и слышу от тебя, что ты идешь куда хочешь...

Сердитый вид рыжей красавицы говорил: не такого ответа она ждала, совсем не то она хотела услышать.

— Ордо, — продолжал варвар, — приведи сюда с улицы всех людей. Пусть узнают, куда мы идем. Отпусти тех, кто не хочет последовать за нами. Сегодня за мной должны пойти одни добровольцы!

Ордо кивнул и вышел. За спиной у Конана неразборчиво выругалась Карела. Варвар не обращал на нее внимания. Он думал, каким способом лучше войти во Дворец. И, что было для него важнее возвращения трона Гариану, — как освободить Ариану...

Конан вышел из дворца вместе с Гарианом. Теперь король был великолепен в алом бархатном одеянии, лучшем из всех, что подошли ему. Все тридцать восемь воинов Свободного Отряда уже ждали их, сидя в седлах. Не захотели уходить даже те, кто был только что ранен. Конан не особенно этому удивился. Варвар знал, что парни в отряде подобались отличные. Удивился он, лишь увидев Карелу и рядом с ней — Ордо. Свирепый взгляд зеленых глаз заставил Конана воздержаться от расспросов. Он молча вспрыгнул в седло. Что зря спорить с ней? Забот нынче и так полон рот.

— Я готов, — объявил Гариан, садясь в седло. Большой меч висел на ремне поверх его одеяния.

— Вперед! — скомандовал Конан и первым поскакал за ворота.

Глава 24

Приблизившись к Королевскому Дворцу, отряд Конана поехал шагом. Так они одолели последние кривые улочки Храмового квартала, карабкавшиеся на холм, и пересекли зеленое поле. Вот и подъемный мост... Гариан ехал чуть впереди варвара. Король должен быть впереди своей армии, сказал он, даже если она такая маленькая. Киммериец согласился. Он надеялся, что вид Гариана произведет должное впечатление на стражу и отряд пропустят внутрь.

У моста все спешили. Открыв рот от удивления, стражники во все глаза смотрели на подходившего к ним Гариана.

— Узнаете меня? — строго спросил Гариан.

Оба стражника кивнули, а один добавил:

— Ты — король. Но как ты вышел из Дворца? Мы не слышали распоряжения о почетном карауле...

Конан с облегчением вздохнул. Эти — не люди Веджента. Стража косилась на тех, кто стоял за спиной короля, особенно их взгляды притягивала Карела. Но основное внимание они уделяли все-таки королю.

— Вы думаете, король не знает потайных ходов под холмом? — Гариан улыбнулся, как будто мысль эта была забавной. Только стражники расплылись в ответ, как король принял самый серьезный вид: — Вы верные люди? Верны своему королю?

Оба разом вытянулись и хором прочитали клятву Золотых Леопардов, как будто хотели напомнить ее Гариану:

— Мой меч послушен тому, кто носит Корону Дракона. Моя плоть есть щит Трона Дракона. Король приказывает — я повинуюсь, до самой смерти!

Гариан кивнул:

— Тогда знаете: вельможа Албанус и полководец Веджент встали на путь предательства и устроили заговор против Трона Дракона.

Солдаты вздрогнули, и Конан тут же схватился за меч. Но охранники только уставились на короля во все глаза, больше ничего.

— Что мы должны делать? — спросил наконец один из солдат.

— Оставьте двух человек опустить решетку и охранять ворота, — приказывал Гариан. — Выведите остальных из башни. Идите с ними в казармы. Там всех поднимите на ноги. Кричите: «Смерть Албанусу и Ведженту!» Те, кому не понравятся эти слова, — враги Трона Дракона. Даже если на них золотые плащи!

— Смерть Албанусу и Ведженту! — крикнул один стражник, другой тут же подхватил.

Когда солдаты исчезли в башне, Гариан позволил себе немного расслабиться.

— Я не думал, что будет так просто, — сказал он Конану.

— Это и не будет просто, — обнадежил короля Конан.

— По-моему, надо было все-таки сказать им про двойника, киммериец.

Конан отрицательно покачал головой:

— Это только вызовет неразбериху среди солдат. Если нам повезет, они обо всем узнают после его смерти.

На самом деле варвару было все равно, когда и каким образом солдаты обнаружат двойника. Главное, чтобы его план не сорвался. Киммериец нетерпеливо поглядывал на дверь башни. И что они там так копаются?..

Внезапно из каменной башни раздался крик и сразу же оборвался. Один из уже знакомых стражников появился в дверях, сжимая окровавленный клинок.

— Нашелся один, кто не стал повторять наш клич, — сказал он.

Один за другим солдаты выскакивали через дверь с мечами наголо. Каждый на мгновение задерживался и говорил королю:

— Смерть Албанусу и Ведженту!

Потом поворачивался и бежал во Дворец.

— Вот видишь, — сказал Конану Гариан, когда они со Свободным Отрядом проходили через ворота. — Все будет просто.

Когда за спинами с шумом опустилась решетка, со стороны казарм Золотых Леопардов донеслись крики и звон мечей. Кто-то начал бить в гонг, оповещая весь Дворец о тревоге. Потом звон внезапно оборвался, что, вероятно, свидетельствовало о смерти звонившего. Шум общей драки нарастал.

— Я хочу найти Албануса, — сказал Гариан. — И Веджента.

Конан лишь молча кивнул. Ему тоже нужен был Албанус. А Веджент — только если попадется по дороге. Варвар спешил вперед, Свободный Отряд разворачивался за ним. Первым делом — в тронный зал...

Тут впереди показалось десятка четыре солдат в золотых плащах.

— За Гариана! — крикнул Конан, не сбавляя хода. — Смерть Албанусу и Ведженту!

— Убить их! — послышалось в ответ. — За Веджента!

И два отряда сцепились, ревя и размахивая мечами.

Конан вспорол глотку первому противнику, даже ни разу не скрестив с ним мечи. А потом он только успевал, как машина, поднимать и опускать, поднимать и опускать меч, все пуще заливая его кровью. Вперед, только вперед! Конан прорубал себе путь, идя сквозь врагов, как крестьянин с серпом через поле пшеницы. Там, где он проходил, оставалось кровавое жнивье.

Наконец Конан вырвался из свалки. Он не стал медлить и смотреть, как идут дела у его людей с теми, кто избежал его клинка. На стороне Свободного Отряда в любом случае был численный перевес, а ему

нужно было отыскать Ариану. Гариан его вовсе не заботил.

Киммериец побежал напрямик в тронный зал. Около огромных дверей не было обычной стражи. Увлеченные общей дракой, шум которой доносился теперь со всех сторон, они покинули пост. Обычно дверь открывали три человека. Варвару помощи не потребовалось.

Огромный тронный зал был пуст. Только Дракон охранял трон, злобно глядя в пустоту.

Личные покои короля! — осенило Конана. Скорее туда! И тот, кто пытался его остановить, умирал на месте. Киммерийцу было не до ритуальных кличей и вызовов на бой. Все, кто носил золотой плащ и не разбежался от него, был врагом. Бежали, впрочем, немногие. Конан сожалел, что приходится убивать, но лишь потому, что короткие схватки задерживали его, Ариана!.. Они были помехой на пути к Ариане.

Карела кралась по дворцовым залам, как пантера.

Сейчас она была одна. После первой стычки рыжая красавица искала Конана среди груды тел, сама не понимая, хочется ей найти его или нет. Особенно долго разглядывать трупы не пришлось. Снова подоспели солдаты, верные Ведженту. Последовала новая схватка, которая и отнесла всех, кто еще стоял на ногах, куда-то в другое место. Карела видела, как крушил налево и направо Гариан, как отчаянно пробивался к ней Ордо. Одноглазый был воплощением смерти, но Карела только порадовалась, что он не смог за нею последовать. Сейчас она собиралась сделать то, что ее верный пес наверняка бы не одобрил.

Неожиданно перед Карелой возник мужчина. Он был ранен в голову, и кровь тонкой струйкой текла на лицо, слишком красивое, чтобы быть мужественным. Меч в его руке также окрашивала кровь. И, судя по тому, как двигался этот юноша, он умело обращался с оружием.

— Во дела! Девка с мечом! — засмеялся женоподобный красавец. — Бросай-ка скорее клинок на пол

да беги себе, а то я подумаю, что ты сейчас еще и махать им начнешь...

Карела узнала юношу.

— Беги сам, Деметр! У меня нет желания пачкать меч твоей кровью!

С ним ей делить было нечего, вот только стоял красавец не на месте — у нее на пути.

Его смех перешел в рычание:

— Сука!

Деметр сделал выпад, ожидая легкой победы. Но Рыжий Ястреб с легкостью отбила его самонадеянную атаку и ответным ударом полоснула мечом по груди юноши. Ошеломленный Деметр отскочил назад. Карела наседала, не давая ни возможности, ни места для атаки. Их клинки, непрестанно звеня, стремительно ткали в воздухе замысловатую серебряную паутину. Да, он неплохо дерется, призналась себе Карела. Но я дерусь лучше. Деметр умер, все еще не осознав, что его может убить женщина. На лице застыли ужас и недоверие.

Перешагнув через тело, Карела поспешила вперед. И вот наконец комнаты, которые она искала. Острием меча она осторожно открыла дверь...

Сулария, одетая, как знатная дама, в синий бархат, нахмурилась, увидев разбойницу.

— Кто ты? — сурово спросила блондинка. — Наверное, чья-нибудь наложница? Неужели ты не знаешь, что ко мне нельзя входить без разрешения? Ну ладно, раз уж ты здесь, скажи, что там за резня? — Тут Сулария увидела в руках Карелы окровавленный клинок, и у нее перехватило дыхание.

— Ты послала мою подругу в самую гадкую преисподню Зандры, — зловеще, тихо начала Карела. Размеренными шагами она вошла в комнату. Блондинка попятилась прочь...

— Кто ты? Я не знаюсь с подругами таких, как ты... Убирайся! Вон отсюда немедленно, или я прикажу тебя выпороть!

Карела недобро засмеялась:

— Джеланна тоже не знается с такими, как ты. Надеюсь, ее-то ты помнишь? Что до меня, то вряд ли ты способна признать госпожу Тиану без покрывала...

— Ты с ума сошла! — с дрожью в голосе проговорила Сулария. Она почти уперлась спиной в стену.

Рыжая красавица приближалась к блондинке. По пути она бросила меч на пол и тихо произнесла:

— Я с тобой и без меча разделаюсь. Меч, он для равных...

Сулария выхватила откуда-то из складок одежды кинжальчик. Клинок был всего в мизинец длиной.

— Дура! — засмеялась новоиспеченная знатная дама. — Если ты и вправду Тиана, то скоро тебе и в самом деле потребуется покрывало! — И с этими словами блондинка взмахнула кинжалом, метя Кареле по глазам.

Рыжеволосая женщина не двинулась с места. Лишь рука стремительно взвилась и перехватила запястье Суларии. Голубые глаза изумленно округлились: хватка у Карелы, привыкшей к сражениям и мечу, была железная. Другой рукой Карела вцепилась в длинные светлые пряди волос и, заставив блондинку повернуть голову, вперила в ее зрачки изумрудный взгляд. Медленно, но неуклонно рыжеволосая красавица выворачивала руку Суларии, заставляя кинжал поворачиваться в обратную сторону...

— И все-таки, — прошептала она Суларии, — ты еще могла бы сохранить себе жизнь. Если бы ты не ласкала его своими грязными лапами! — И Карела с силой направила кинжал в сердце Суларии.

Мертвая женщина упала на пол. Карела подобрала меч и с презрением вытерла клинок о стенную шпалеру. Оставался еще киммериец.

Рыжий Ястреб осторожно вышла из комнаты. В голове роились тысячи способов расправы над киммерийцем. Дай только найти его. Она уже почти решилась оставить варвара в живых, но от встречи с Суларией чувства нахлынули вновь. Карела с новой силой переживала бездны унижений, в которые втравил ее Конан.

И худшим унижением было то, что он развлекался с такой, как Сулария!.. Хотя ум Карелы всячески избегал прямого ответа на вопрос, почему это так...

Проходя по колоннаде, она увидела внизу, во дворе, Конана. Он стоял задумавшись. Ну конечно! Голова его по-прежнему забита мыслями о том, как отыскать эту драгоценную Ариану. Лицо рыжей красавицы искажил свирепый оскал. Краем глаза она заметила внизу какое-то движение... И у нее невольно перехватило дыхание. Во дворик вошел Веджент, а Конан даже не пошевелился. Медленно и осторожно, как ночной убийца, солдат, такой же могучий и рослый, как сам Конан, подкрадывался к варвару сзади. Окровавленный меч был уже занесен для удара... Шлем Веджента с красным гребнем и кольчуга казались нетронутыми, и только залитый кровью клинок свидетельствовал, что он в самом деле сражался. Вот сейчас он ударит, и она увидит, как умрет Конан. По лицу Карелы покатались слезы. Она сказала себе, что это слезы радости. Ей доставит несказанное удовольствие посмотреть, как умирает негодяй киммериец. Да... большое удовольствие...

— Конан! — завопила Карела. — Сзади!

Конан отлично слышал приближавшиеся шаги. С каждой секундой шаги эти становились все менее осторожными. Рука киммерийца уже лежала на рукояти меча. Он не знал, кто там, сзади. Но так подкрадывается только враг. Ну да кто бы там ни был, еще несколько шагов, и желавший напасть неожиданно сам будет неприятно удивлен. Пожалуй, еще один шаг...

— Конан! — зазвенел чей-то крик. — Сзади!

Теперь Конан уже не мог поразить противника неожиданно. Проклиная все на свете, киммериец прыгнул вперед; падая на плитки двора, подвел под себя плечо; перекатившись по земле, вытащил кривую саблю и вскочил на ноги. Перед варваром стоял ошеломленный Веджент.

Конан успел бросить короткий взгляд вверх. Кто же кричал оттуда? На втором этаже галереи через каменные перила опасно перегнулась Карела. Не может быть, сказал он себе. Ну и привидится же иногда! Однако варвар мог бы поклясться в реальности увиденного — даже мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: Карела плачет! Только ему было пока не до этого. Перед ним стоял заклятый враг.

Веджент ухмылялся, как будто всю жизнь только и мечтал о встрече с киммерийцем.

— Давно я хотел померяться с тобой силой на мечах, варвар, — сказал полководец. Между прочим, на лице его все еще желтели следы их предыдущей стычки.

— Так вот почему ты подкрадывался сзади? — язвительно заметил Конан.

— Умри, варвар! — прогремел солдат, нанося страшный удар мечом сверху вниз.

Клинок Конана звякнул о меч противника и отбил удар. И тут же киммериец перешел от защиты к наступлению. Противники наносили друг другу удары, почти не двигаясь с места. Мечи звенели, как молот о наковальню. Но молотом всегда был меч Конана, атаковал только он, а Ведженту приходилось лишь отражать удары, и притом все более беспорядочно. Пора кончать, подумал Конан. Широко размахнувшись, он нанес решительный удар. Кровь фонтаном забила из обезглавленного тела бывшего командира Золотых Леопардов. Труп еще не упал на землю, а Конан уже повернулся туда, где только что стояла Карела. Но галерея была уже пуста...

Все-таки он не сдержал самодовольной улыбки, помышляя о том, что она, видно, вовсе не так ненавидит его, как хочет показать. Иначе зачем бы ей плакать?

Киммериец обернулся и увидел Ордо, входившего в садик.

— Веджент? — спросил одноглазый, мотнув головой в сторону обезглавленного тела. — А я видел Ал-

бануса, — продолжал он, когда Конан кивнул. — И Ариану, и двойника. Но, когда я подбежал, они уже скрылись. Я думаю, они направлялись в старую часть Дворца. — Поколебавшись, Ордо спросил: — Не видел Карелу, киммериец? Никак не могу найти ее! А мне бы так не хотелось снова потерять ее...

Конан указал на галерею, где стояла Карела:

— Найди ее, если сможешь, Ордо. Мне надо отыскать другую женщину.

Ордо кивнул, и двое мужчин разошлись в разные стороны.

Конан пожелал удачи бородачу, однако подозревал, что Карела вновь исчезла надолго. Но сейчас его забота — Ариана. Киммерийцу оставалось только гадать, чего ради Албанусу потребовалось тащиться в древнюю часть Дворца. Может, он собирался убежать через тайные ходы? Если Джеланна знает их, почему бы и этому хищнолицему не знать. Впрочем, варвар понимал, что вряд ли сможет найти даже тот ход, по которому его вывели. Там такая путаница коридоров, да и темно, хоть глаз выколи. Оставалось надеяться только на волчью яму. Слабая надежда, но другой не было. И Конан в который раз помчался бегом...

На бегу Конан благодарил всех Богов, каких только мог припомнить, за то, что ему больше не встречались Золотые Леопарды. Если он хочет застать Албануса у волчьей ямы, нельзя терять ни секунды. Если только Албанус пошел именно туда. И если Ариана была до сих пор жива. Он отмахнулся от всех этих «если». Они там. Должны быть там. Вот и коридор из грубого камня... Это местечко Конан помнил прекрасно.

Почти добравшись до зала с ямой, варвар услышал, как отдается под сводчатым потолком голос Албануса. Киммериец позволил себе только один краткий вздох облегчения. И вошел в зал. Глаза его были как синяя сталь.

— Сим я их истреблю, — говорил между тем Албанус, лаская в руках синий шарик из прозрачного

хрустала. Рядом с Албанусом стояли подставной король и Ариана. Девушка неестественно застывшим взглядом смотрела в никуда. Но злобный вельможа явно разговаривал сам с собой:

— Сейчас я высвобожу отсюда такую мощь...

Колдовство, понял Конан. Но его было уже ничем не остановить. Черные глаза Албануса вперились в варвара. Киммериец вызвал у вельможи лишь досаду и раздражение. Он по-прежнему отказывался считать его опасной помехой.

— Убей его, Гариан, — сказал Албанус и вновь сосредоточился на синей сфере. Ариана не пошевелилась и не изменила выражения лица.

Неужели Албанус считает поддельного Гариана настоящим? Ой, навряд ли, — думал Конан, глядя на приближающегося двойника. Самозванец держал меч. Э, да при нем тот самый волнистый клинок, что он продал Деметру! Когда это было? Сто лет назад. Теперь варвар не сомневался, что меч заколдован. И тут же получил подтверждение. Двойник поднял меч, и прозвучал тонкий металлический вой, в котором слышался голод. Конан слышал уже этот звук. При встрече с Мелиусом. Тогда он решил, что ему померещилось...

Деваться некуда! И Конан приготовился к бою. От смерти не убежишь. И ни один человек не избежит назначенного ему часа. Меч лже-Гариана блеснул в движении, и Конан замахнулся, чтобы ответить. Удар мечей друг о друга был так силен, что почти вырвал оружие из рук варвара. В ударах Мелиуса не было такой мощи. И силу эту давал не колдовской меч — она принадлежала тому, кто им орудовал. Однако Конан отказывался верить, что на свете найдется человек, обладающий такой силой. Волосы на затылке варвара встали дыбом... Перед ним был не человек. Но кто же тогда? Конан осторожно стал пятиться...

Албанус держал синий кристалл в ладонях, как в чашечке. Он совершенно не обращал внимания на сражение, происходившее в двух шагах от него. Он начал нараспев:

— *Аф-фар, мироф, омини деас каан...*

Конану послышался глухой рокот, исходивший из недр земли. Задуматься о его природе не было времени. Непонятное создание с лицом Гариана наступало на него. Волнистый клинок мелькал со сверхчеловеческой быстротой. Варвар уже не пытался блокировать удары, только отводил их. Но даже быстрые скользящие соприкосновения клинков потрясли его закаленное тело до самых пят. Вот кончик заколдованного меча коснулся его щеки... Кровь тоненькой струйкой побежала по лицу. И снова раздался металлический вой, да такой громкий, что почти перекрыл голос Албануса, продолжавшего свои заклинания.

Двойник замахнулся снова. Удар, попади он в цель, мог снести голову, но Конан вовремя отпрыгнул, и клинок угодил в железную подставку одного из огромных треножников. Подставку рассекло пополам, горящий светильник медленно опрокинулся, и тут варвар впервые увидел на лице странного создания отражение каких-то чувств. При виде огня на лице двойника изобразился неподдельный ужас.

Лже-Гариан отлетел назад так, как если бы огонь грозил ему смертью. Албанус запнулся на полуслове, но тотчас возобновил заклинания. Подрубленная лампа громыхнула о перила, окружавшие волчью яму, и горящее масло вылилось вниз. Сухая солома на дне с треском вспыхнула.

Конан отважился бросить взгляд на черного мага. Над головой Албануса мало-помалу возникало что-то необычное. Какая-то овеянная темнота, сгущение воздуха или?.. Камни под ногами киммерийца заходили ходуном, и ему послышались отдаленные раскаты грома.

Однако присматриваться к Албанусу не было времени: двойник схватил тяжеленный обрубок лампы и швырнул ее в яму, полную огня. И сделал это с такой легкостью, точно в руках у него было не железо, а тоненькая лучинка. Теперь земля дрожала непрерывно и с каждым мгновением все сильнее. Уголкем глаза

Конан заметил, что бесформенная тень над головой Албануса знает себе разрасталась, делаясь плотнее и поднимаясь под самый купол. Заклинания вельможи стали настойчивее и громче. А Лже-Гариан продолжал наступать...

— Беги, Ариана! — закричал Конан, пытаясь не потерять равновесия на качающемся полу. Ни один человек не убежит от собственной смерти. — Беги!

Она не пошевелилась. Двойник же подходил все ближе, поднимая меч для последнего удара, который наверняка переломит клинок и надвое разрубит самого киммерийца...

Конан сделал отчаянный прыжок в сторону. Страшный удар высек искры из пола, как раз там, где он только что стоял. Двойник слегка качнулся вперед, увлекаемый силой собственного удара, да и земля под ногами так и ходила. Конан улучил мгновение и обрушил свой меч на ребра создания. Он вложил в удар всю силу. Ему показалось, что он пытался рубить гранит. Однако, поскольку в тот момент двойник и так неуверенно стоял на ногах, отчаянное усилие Конана оказало свое действие. Лже-Гариан упал.

Конан знал уже, с какой быстротой способен двигаться это непонятное создание, и не собирался давать ему возможности встать на ноги. Варвар бросил меч на пол и схватил двойника за перевязь меча и за одежду. Напряжением всех мускулов могучий киммериец поднял двойника в воздух...

— Ступай в огонь, которого ты так боишься! — прокричал варвар и швырнул свою ношу через перила.

Из глотки падающего вырвался чудовищный вопль. Падая вниз, он отшвырнул волнистый клинок прочь и извернулся как мог, пытаясь найти спасение от огня. Когда он упал в горящую солому, пламя с ревом взвилось, как будто в него плеснули масла. Клубящийся огонь поглотил двойника, но страшные крики еще долго не прекращались...

Когда Конан оторвал взгляд от ужасного зрелища, он сразу встретился глазами с Албанусом. Из груди

черного мага торчал тот самый волнистый клинок: вот куда он, оказывается, угодил, когда двойник в падении отшвырнул его. Сраженный Албанус все еще шевелил губами, пытаясь продолжить заклинание. Ариана, стоявшая рядом, наконец зашевелилась — чары всякого колдуна умирают вместе с ним, Албанус же умирал.

Конан поспешил к девушке. Он взял ее за руку, и она изумленно уставилась на него. Албанус из последних сил пытался говорить, но горлом уже хлестала кровь.

Киммериец повернулся, чтобы скорее увести отсюда Ариану, но взгляд его привлекло то, что почти возникло под куполом. Он увидел нечто, не поддававшееся описанию. Какие-то бесчисленные глаза и щупальца. Человеческое зрение отказывалось воспринимать, а ум — осмысливать: что-то слишком ужасное парило там, в вышине. Вдруг оттуда ударил яркий луч света, он упал на синий кристалл и разбил его в пыль. Синие осколки посыпались на пол из рук Албануса, и одновременно с этим глаза черного мага подернула смертная пелена.

В зале загремел гром, и на сей раз Конан понял, что это было такое: это смеялся демон. А может, Бог. Тень под куполом стусилась, стала еще плотнее, и стусок тьмы, вдребезги разнеся крышу, рванулся наружу. Конан вовремя успел подхватить Ариану на руки и во всю прыть кинулся вон. Вокруг все рушилось: растрескивались потолки, падали стены. Из разбитого купола шел каменный дождь, постепенно заполнявший обломками волчью яму. В воздухе носились тучи пыли... По счастью, варвара с Арианой там уже не было. Они не видели, как падавшие стены увлекали за собой тех, кто все еще сражался. По древней части Дворца прошла волна разрушения, кругами расходившаяся от волчьей ямы. Она оставила после себя только развалины.

Конан уже некоторое время мчался по отшлифованному мраморному полу, когда до него наконец дошло,

что этот пол больше не качался, как корабль в бурю, а падающие камни уже не барабанили его по спине.

Он остановился и посмотрел назад сквозь медленно оседавшую пыль. Коридор за ним от пола до потолка был забит каменными обломками. Через дыру в потолке третьего этажа был виден полыхающий закат. Однако в новой части Дворца разрушений оказалось удивительно мало. Только несколько треснувших стен...

Ариана пошевелилась у варвара на руках. Он неохотно опустил ее на пол. Приятная ноша, что говорить! Даже покрытая пылью и осыпанная мусором, она была привлекательна. Ариана кашляла, изумленно оглядываясь.

— Конан?.. Откуда ты взялся? Это что, Королевский Дворец? Что случилось?..

— Потом объясню, — ответил киммериец. Бросив еще один взгляд назад, на опустошение, случившееся так неожиданно, он подумал, что подробности можно будет опустить. — Надо отыскать короля, Ариана. Мне причитается награда.

Глава 25

Конан неторопливо шел по залам бывшего дворца Албануса. Этот дворец вот уже два дня как принадлежал киммерийцу. Король Гариан подписал об этом специальный указ.

Внимание Конана привлекла статуэтка из слоновой кости. Варвар взвесил ее на руке: она была легкой и к тому же мастерски вырезана. В любом большом городе за нее дадут хорошую цену. Конан положил статуэтку в мешок, который держал в руках, и пошел дальше.

Так киммериец добрался до колонного зала, служившего прихожей. Почти одновременно с ним туда вошли Ордо и Ариана. Благо двери во дворец теперь не запирались.

— Вовремя же вы вернулись, — сказал киммериец. — Как там в городе?

Ордо пожал плечами:

— Городская стража и то, что осталось от Золотых Леопардов, ловят на улицах грабителей. Правду сказать, жулья делается все меньше. Похоже, они думают, что землетрясение было послано Богами в наказание за их грязные дела. Да, вот еще! Кое-кто утверждает, будто видели демона, зависшего над Королевским Дворцом в самый разгар землетрясения... — Ордо скептически хмыкнул. — И чего только людям не примечается, а?

— Да, весьма странно, — ответил Конан, надеясь про себя, что говорит достаточно уверенным тоном. Даже если он сумеет убедительно рассказать Ордо, что на самом деле произошло около волчьей ямы, одноглазый опять начнет причитать, что-де уже слишком стар для всякого такого. — Что «Феста»? — спросил Конан Ариану.

Девушка тяжело вздохнула, стараясь не смотреть на него:

— С «Фестой» покончено. Слишком многие из нас поняли, до чего может довести прекраснодушная болтовня вроде нашей. Гариан как раз вызывает Гракуса и остальных из рудников, но, я думаю, пройдет еще немало времени, пока мы сможем спокойно смотреть в глаза друг другу. А я... Я собираюсь уехать из Немедии.

— Поехали со мной в Офир, — сразу предложил Конан.

— Я еду с Ордо в Аквилонию, — был ответ.

Конан уставился на Ариану, не в силах вымолвить ни слова. Не то чтобы ему было жаль уступать ее Ордо — хотя, вообще-то, отчасти и жаль, неохотно признался он сам себе, пусть одноглазый и верный друг. Так или иначе, он все же спас ей жизнь! Где благодарность?

Под пристальным взглядом варвара Ариана приняла независимый вид и приобняла бородачу.

— У Ордо — верное сердце. Чего отнюдь не скажешь о некоторых других. Может быть, его верность

принадлежит и не мне, но все-таки это верность. А кроме того, уже давным-давно я говорила тебе, что сама решаю, с кем мне быть.

В голосе Арианы слышались оправдательные нотки. Плотные сжатые губы свидетельствовали: она сама чувствовала это, однако не собиралась признавать, что ей было в чем оправдываться.

Конан с отвращением покачал головой и вспомнил старую поговорку: у женщин и кошек хозяев нет, они приходят лишь на время. Сейчас киммериец спрашивал себя, а не лучше ли обзавестись кошкой?..

Потом до варвара дошло, куда они уезжают.

— Почему Аквилония? — спросил их Конан.

Одноглазый передал ему сложенный пергамент и сказал:

— Я слышал, она подалась на восток. Там и для тебя кое-что есть, в этом послании.

Конан развернул пергамент и прочитал:

Ордо, мой самый преданный пес!

Когда ты получишь это, меня в Немедии уже не будет. Я уезжаю со всеми вещами и слугами. Не следуй за мной. Мне не доставит удовольствия снова встретить тебя на своем пути. Однако я желаю тебе всего наилучшего. Киммерийцу скажи, что я с ним еще не разобралась.

Карела.

Под подписью, сделанной красными чернилами, был нарисован силуэт ястреба.

— Тем не менее ты идешь следом, — сказал Конан, возвращая пергамент.

— Конечно, — ответил Ордо. Он тщательно спрята- л письмо в мешок. — Но что это за разговоры насчет того, чтобы уехать в Офир? Гариан со дня на день сделает тебя знатным господином...

— Я припомнил слепого предсказателя из «Заре- занного Быка», — ответил киммериец.

— Того старого дурака? Говорил я тебе, встретиться лучше с моим знакомым астрологом!

— Все, что он говорил, оказалось правдой, — спо- койно возразил Конан. — Женщина сапфиров и золо- та — Сулария. Женщина изумрудов и рубинов — Ка- рела. Они обе были готовы посмотреть, как я умру. И причины-то у каждой как раз такие, что он называл. Да и все остальное старик не наврал... А помнишь, как он закончил?

— Ну и как? — спросил Ордо.

— Спаси трон, спаси короля, убей короля — или погибнешь. Что бы ни случилось сейчас, что бы ни случилось потом, сумей угадать, когда настанет время исчезнуть. Он также предупреждал, чтобы я опасался благодарности королей. Немного поздновато, но теперь я принимаю все это близко к сердцу.

Оглядываясь по сторонам на мраморные колонны и алебастровые стены, одноглазый фыркнул.

— А что плохого в такой благодарности? Чего тут опасаться?

— Короли — единоличные правители, — объяснил ему Конан. — Чувство благодарности лишает их пол- новластия. Ставлю сколько угодно, это воистину так! Какой лучший способ избавиться от благодарности? Избавиться от человека, которому обязан. Теперь по- нимаешь?

— Ты рассуждаешь, как философ, — проворчал Ордо.

Конан откинул голову и расхохотался:

— Боже упаси!

— Командир, — подходя сзади, сказал Махаон, — все люди на конях. У каждого при седле — мешок награбленного. Только до сих пор мне не приходи- лось слышать, чтобы кто-нибудь приказывал разгра- бить свой собственный дворец...

Конан встретился взглядом с Ордо без лишних эмоций.

— Возьми здесь все, что тебе понравится, старина, только не мешкай.

Варвар протянул руку, и одноглазый пожал ее. Этот обычай они переняли на востоке.

— Прощай, Конан из Киммерии, — хрипловато сказал Ордо. — Выпей в преисподней за меня, если попадешь туда первым.

— Прощай, Ордо из Заморы. И ты тоже выпей, если окажешься первым.

Большими шагами киммериец вышел из дворца, даже не взглянув на Ариану. Что ж! Она сделала выбор.

За дворцом варвара ждал Свободный Отряд. Оставшиеся в живых двадцать человек. Все вооружены и на конях. Конан вскочил в седло.

Странный финал, думал киммериец. Убегать таким образом от предложенного богатства. А две женщины? Он был бы рад, если бы хоть одна, хоть другая скакала бы сейчас рядом с ним. Но ни одна из них не пожелала. Само по себе это было для Конана очень странно. Однако, напомнил он себе, в Офире достаточно женщин. И, по слухам, там тоже неспокойно. Значит, его отряд не останется без работы.

— Мы отправляемся в Офир, — скомандовал Конан и быстро поскакал через ворота впереди Свободного Отряда. Он не оглянулся...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОНА

Роман

Перевод А. Вейцкина

7

ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА

Роман

Перевод Н. Ладиловой

269

*Литературно-художественное
издание*

Роберт Джордан
ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректор
Елена Шнитникова

Верстка
Андрей Белокрылов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 08.08.96.

Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 40000 экз. Усл. печ. л. 26,8.

Изд. № 108. Заказ № 1984.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС В ДАЛЕКОЕ СТРАНСТВИЕ!

Издательство «Азбука» представляет новый издательский проект – ретроспективу лучших произведений зарубежных фантастов под общим названием

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Внимание, все истинные поклонники фэнтези! Вам будут предложены самые лучшие романы, написанные за последнее десятилетие и прочно занявшие лидирующие места во всех хит-парадах фантастической литературы. Вас ждет грандиозное путешествие в десятки удивительных, неповторимых миров, созданных безудержной фантазией знаменитых фантастов. Каждый роман – своеобразная панорама загадочных, лежащих за пределами нашей привычной реальности, неведомых земель. Земель, где разворачивается невиданная по своему размаху битва между силами Добра и Зла, между воинами Света и отвратительными порождениями Тьмы.

Открыв любую книгу из серии «САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ», вы позабудете, что такое скука. Вы сами не заметите, как очутитесь в прекрасном, чарующем мире оживших легенд и преданий седой древности. Рядом с вами, плечом к плечу встанут закованные в броню бесстрашные витязи. Вы услышите, как звенят, скрещиваясь в смертоносном единоборстве, сверкающие клинки. Вы увидите таинственное свечение невесомой паутины колдовских заклятий. Вы почувствуете холодное дуновение ветра, что поднимают огромные крылья взмывающего к небесам дракона.

**МЫ СТАНЕМ ВАШИМ ПРОВОДНИКОМ
ПО НЕВЕДОМЫМ ЗЕМЛЯМ!**

Не пропустите ни одной книги!

196105, Санкт-Петербург, а/я 192
Издательство «Азбука». Редакция фантастики.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Один из тех, кого по праву считают преемником
славы Дж. Р. Р. Толкина –

ТЭД УИЛЬЯМС

Издательство «Азбука» начинает публикацию
его всемирно известной фэнтези-эпопеи

ОРДЕН МАНУСКРИПТА

Это великолепное повествование о путешествии юноши Саймона по загадочному миру, который называется Светлый Ард. Простоватого, добродушного паренька Саймона ожидают невероятные приключения, ибо волею всемогущих богов он оказывается вовлеченным в чудовищную борьбу сил Света и Тьмы. Десятки раз Саймон балансирует на краю черной бездны небытия, благодаря смекалке и отваге выходит невредимым из кровавых боищ, самым хитроумным образом ускользает от лап свирепых монстров, остается жив даже после встречи с изрыгающими пламя драконами.

Выходят в свет шесть книг
великолепной фэнтези-эпопеи

«ОРДЕН МАНУСКРИПТА»:

1. *Трон из костей дракона.*
2. *Глаз бури*
3. *Скала прощания.*
4. *Дорога ветров.*
5. *Поворот колеса.*
6. *Башня Зеленого Ангела.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Всем любителям фэнтези – знаменитая тетралогия

МЭГАН ЛИНДХОЛЬМ

ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ

(в двух томах)

Это великолепная фэнтези-эпопея повествует о странствиях двух отчаянных искателей приключений – девушке по имени Ки и ее друга, неустрашимого воина Вандиена. Судьба распорядилась так, что оба героя столкнулись с загадочными обитателями неприступных скал – Заклинательницами Ветров. Ки и Вандиен узнали, что на далеком побережье, под толщей темных вод, скрывается древний храм. Там спрятан магический талисман, способный открыть великое множество тайн, в том числе и происхождение всемогущих Заклинательниц. Друзья решают во что бы то ни стало добраться до запретного храма и найти могущественный талисман.

О путешествии к далеким берегам, о сражениях с порождениями Мрака, о пламенной любви, бескорыстной дружбе и самопожертвовании во имя Добра и Света расскажет блистательная сказка Судьбы и Дороги

«ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ».

Напоминаем, что тетралогия (четыре романа)
выйдет в двух томах!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Множество раз изданный в Америке, переведенный
на все европейские языки, знаменитый сериал –
наконец-то в России!

ДЭВИД ЭДДИНГС

БЕЛГАРИАД

Грандиозная фэнтези-эпопея в 5 томах!

Романы Дэвида Эддингса перенесут вас в волшебный мир Белгариада, мир Семи богов. Здесь, бок о бок с людьми, обитают всевозможные сказочные существа и правит магия. Здесь в тайных храмах собираются жрецы Безымянных божеств, а по дорогам разъезжают отважные воители.

Случилось так, что один из богов этого странного мира создал «живую драгоценность», магический артефакт, способный преобразить реальность. Однако магическое сокровище было похищено, и это послужило началом Великой Войны, расколовшей на два лагеря не только обитель богов, но племена простых смертных...

Найдутся ли герои, которые мечом и колдовством смогут проложить путь к драгоценному амулету? Сумеют ли предотвратить гибель мироздания и остановить приближение Вечной Тьмы?

Об этом вы узнаете в замечательной
фэнтези-эпопее Дэвида Эддингса

«БЕЛГАРИАД»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Великолепный цикл романов

ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ

под общим названием

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ

(в семи томах)

Это удивительные истории о затерянном где-то на краю обитаемого мира континенте Скарпсей. Суровая северная земля, созданная причудливой фантазией автора, очень сильно напоминающая древнюю Скандинавию. На страницах книг оживают скандинавские боги и герои, таинственные персонажи из мифов и сказаний северных народов. Уходят в дальний поход викинги, куют несокрушимые клинки хмурые гномы, стерегут свои неприступные твердыни гордые альфары, ведут нескончаемую битву Огненные и Ледяные маги... это все сказочная реальность Скарпсея. Каждый роман цикла – отдельная, законченная история о героях, ставших живой легендой для всех обитателей Скарпсея.

Вышли в свет первые два тома цикла:

1. Ученик ведьмы. 2. Воин и чародей.

Готовятся к выпуску:

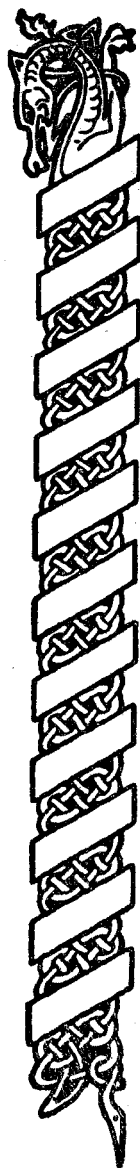
3. Заветный клинок.

4. Сердце дракона.

5. Точильный камень тролля.

6. Лед и пламя.

7. Последняя битва.

ВРАТА МИРОВ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВАС!

В 1996 году в издательстве
„Азбука„ вышли в свет следующие
книги о Героях Копья:

- „Трилогия Легенд„
Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
1. ЧАС БЛИЗНЕЦОВ
 2. БИТВА БЛИЗНЕЦОВ
 3. ИСПЫТАНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

- „Трилогия Героев„
4. Ричард Кнэйк. ХОЗЯИН КОПЬЯ

- Готовятся к выходу:
5. Нэнси Верайн. МЕЧ БУРИ
 6. Майкл Уильямс. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

7. Том первый
8. Том второй

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн

9. КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

Второе Поколение

Девять книг, девять
замечательных историй о подвигах
бесстрашных Героев, девять
заветных врат в сказочный край
по имени Кринн, девять дорог,
пройти по которым
ДОЛЖЕН КАЖДЫЙ!

ОН ЖДЕТ
ТВОИХ
ПИСЕМ

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Книга Роберта Джордана
«Конан. Тень Властелина»
продолжает серию о странствиях
благородного варвара.

Удивительные приключения
ждут непобедимого киммерийца.
Древние таинственные храмы,
сокрытые в темных уголках джунглей,
коварные придворные интриганы,
черные маги и доисторические чудовища —
ничто не может устоять
перед непобедимым воином,
искателем приключений,
отважным героем по имени
КОНАН